

А.М. МАЛОЛЕТКО

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.М. МАЛОЛЕТКО

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

Том II

К Е Т Ы

2-е издание, исправленное и дополненное

Издательство Томского университета
2002

УДК: 413.11+9(571.1/5)+905.7(571.1/5)
ББК: Т52(2РОС5)+Т3(2РОС5)+Ш103.14(2РОС5)
М 197

Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 2: Кеты. 2-е изд., испр. и доп. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. - 286 с.

ISBN 5-7511-1290-3

Во втором томе рассмотрены вопросы современного и исторически недавнего расселения кетов в Сибири, их самоназвания, имена и топонимы. Изложена версия автора о древней истории предков кетов, исходе их из Передней Азии на Северный Кавказ, Урал и далее в Сибирь до Байкала. В Сибири предки кетов были носителями андроновской культуры и её производных. Предложены варианты миграций кетов в Сибири, отмечены следы кетов в языке и культуре другого населения Сибири.

Для широкого круга читателей – историков, географов, археологов, антропологов и всех кто интересуется происхождением и историей сибирских народов.

УДК: 413.11+9(571.1/5)+905.7(571.1/5)
ББК: Т52(2РОС5)+Т3(2РОС5)+Ш103.14(2РОС5)

Рецензенты:

доктор географических наук Г.Я. Барышников,
доктор исторических наук Ю.Ф. Кирюшин,
доктор филологических наук Е.Г. Которова

ISBN 5-7511-1290-3

© А.М.Малолетко, 2002
© В.И.Романов, обложка

КАК РОЖДАЛАСЬ ИДЕЯ (вместо предисловия)

В середине 70-х годов на шикарном дизельэлектроходе я шёл, как говорят водники, в качестве пассажира из Красноярска до Дудинки. Ясным летним днем прогуливался на верхней палубе вместе с жиденкой толпой других пассажиров. Енисей набрал уже ширину, слева проплывали многочисленные острова, справа на более гористом берегу около устья небольшой речушки виднелся посёлок из десятка изб. Наш корабль вдруг застопорил ход и перешёл в дрейф. От посёлка оторвалась моторка и, задрав нос, пошла прямым курсом к нам. Описав полукруг, лодка пристроилась к нашему правому борту и с заглушенным мотором стала дрейфовать с нами.

В лодке были двое. Один, помоложе, держась за какие-то выступы на теле нашего судна, удерживал в лодку в дрейфе. Другой ловко перекинул на нижнюю палубу мокрый мешок с чем-то длинным и скользким, затем передал кому-то из команды трёхлитровую банку с чем-то чёрным. "Варенье" – прокомментировала соседка по палубе. Стоявший рядом неказистый мужичок почему-то смешливо фыркнул. Я с любопытством всматривался в лица щуплых молодых парней в лодке. Через некоторое время в лодку с нашего "парохода" передали ящик пива, несколько блоков сигарет и порядочно бутылок водки. Перебросившись короткими фразами с командой, парень оттолкнулся от борта дизельэлектрохода, дёрнул шнур "Вихря", и моторка, резко набрав скорость, ушла к посёлку. В памяти остались смуглые, немного скуластые лица и длинные чёрные волосы, небрежно закинутае назад. Позже я видел таких же щуплых черноволосых парней на пристани у Верещагино и ниже по Енисею. Это были кеты - представители малочисленного народа, история которого теряется во мгле далекого прошлого.

Немало копий сломали ученые – этнографы, лингвисты, историки, пытаясь найти их родственников – прошлых или настоящих. Считали их предками североамериканских индейцев, потомками тибетцев, басков Испании и кавказцев. И было принято соломоново решение: кеты народ ничейный, который живет сам по себе. Для удобства классификации

включили их в сводную палеоазиатскую семью наравне с эскимосами, чукчами, ительменами, нивхами и другими народами Дальнего Востока и Чукотки.

Мне и в голову не приходило, что я подключусь к проблеме происхождения этого маленького народа и у меня появится свое видение её решения. А началось это ещё раньше...

В августе 1974 г. лесная противопожарная охрана Среднего Васюгана забросила меня на вертолете на северный берег большого озера Тух-Эмтор. Здесь, на окраине опустевшего поселка Озерное, археолог из Томска Юрий Кирюшин проводил раскопки поселения эпохи бронзы. В мою задачу входило выяснение палеогеографических условий Васюганья в те далекие времена, когда на берегах Тух-Эмтора жили люди, оставившие этот памятник. В основном я занимался рыбалкой с "губернатором" заброшенного посёлка хантом Петром, сыном последнего васюганского шамана Михаила Афанасьевича Милимова. В перерывах между рыбалками я с интересом рассматривал, через согбенные фигуры студентов, дно большой ямы, которая называлась раскопом. Студенты с разной степенью рвения отработывали учебную практику, но яма постепенно увеличивалась и вглубь и вширь, обнажая культурные слои. Эти слои выдавали обильные артефакты – обломки битых глиняных сосудов, дробленые и целые кости зверей, косточки рыб, крылышки стрекоз, грузила из обожжённых кусков глины, обломки камней и каменные орудия (наконечники стрел, точильные бруски, скребки и пр.), синевато-чёрные кусочки шлаков от бронзолитейного производства и очень редко позеленевшие "бронзашки". Все это тщательно отмывалось от грязи, шифровалось, упаковывались в бумагу. Росли горы ящиков, в которые буквально набивались эти пакеты.

Вечерами к костру в лагере археологов приходили ханты. Постоянными жителями посёлка в летнее время были Петр Милимов и его двоюродный брат Сидор. Остальные несколько человек приходили на Тух-Эмтор, томимые ностальгией по малой родине, рыбалке и охоте, а иногда и скрываясь от дотошной милиции Нового Васюгана, которая заставляла вольных детей природы устраиваться на работу. Забрёл на берега Тух-Эмтора и тунгус по имени Николай. Через пару лет мы узнали, что он действительно тунгус, но не Николай, и был этот не-Николай сбежавшим из заключения преступником. Вот такой славный коллектив собирался у костра.

Через год мне снова удалось посетить Тух-Эмтор. Понемногу я стал вникать в археологию Тух-Эмтора, в чём мне помогал Ю.Ф.Кирюшин. Древнее поселение Тух-Эмтор IV на северном берегу одноименного озера стало опорным объектом в моих кетских изысканиях. Этот археологический памятник был уникальным. И уникальность

его заключалась в том, что он содержал три чётко дифференцированных слоя, хронологически надёжно определённых. Вернее, слой был один: люди здесь жили непрерывно в течение нескольких тысяч лет, но археологический материал позволял в нём увидеть три события.

Однажды в древности на землю традиционных охотников, рыболовов и собирателей пришли со стороны чужеземцы, совсем не похожие на них ни внешним видом, ни образом жизни. Это были европеоиды-скотоводы, хорошо владевшие бронзолитейным делом и совершенно по-иному украшавшие свои горшки, которые они также выделывали с большим мастерством. Наверное, тогда аборигены впервые увидели странных зверей – коров и лошадей. В течение трехсот лет пришельцы жили на берегу большого, 10 км в длину, озера, пасли скот на тучных лугах между рощами из елей, отливали из бронзы ножи, наконечники стрел и топоры, обжигали на кольцевом костре глиняную посуду, возможно, занимались земледелием. Но климат изменился, стал более холодным и влажным. На пастбища стали надвигаться болота и лесные массивы. Местные жители пытались отвоевать от болот свои угодья, выжигая леса, но победить стихию не могли. На месте богатых лугов возникло самое большое в мире болото – Васюганское. Скотоводство захирело, часть скотоводов, возможно, ушла на Иртыш, где ещё можно было заниматься скотоводством, часть была ассимилирована аборигенами, которые вернулись к прежнему образу жизни. Вновь главным занятием населения стали охота, рыболовство и собирательство. Вернулся и полузабытый способ изготовления посуды, и свой стиль её орнаментации. Вот такая история приключилась с населением Васюганья. Историю эту мы научно изложили с Ю.Ф.Кирюшиным в книге "Бронзовый век Васюганья" (Томск, 1979).

М.Ф.Косарев (1981, с. 245) по нашим материалам так описал чередование культурных слоёв на поселении Тух-Эмтор (снизу): местная гребенчато-ямочная керамика → посуда с орнаментацией, в которой сочетались гребенчато-ямочные мотивы и андроновские геометрические узоры Эпоха бронзы) → керамика раннего железного века с традиционным гребенчато-ямочным орнаментом. Хронологические рамки слоёв следующие: 1) нижний слой – первая четверть II тыс. до н.э., 2) средний слой (с андроновским материалом) указывает на две волны пришельцев (середина – третья четверть II тыс. до н.э. - тух-эмторский этап и последняя четверть этого тысячелетия - тух-сигатский этап), 3) верхний слой, фиксирующий возврат к старым традициям хозяйствования и орнаментации керамики, датируется началом I тыс. до н.э.

На моё счастье к хантам я поехал совершенно теоретически неподготовленным. И мне, впервые столкнувшемуся с новой реальией, всё было интересно. Я старательно записывал в дневник расспросные данные

о быте, недавней истории хантов, о хантыйских названиях предметов, окружающих нас. В то время я уже занимался топонимикой, и поэтому расспрашивал хантов о смысле речных и озерных названий. Много названий мои информанты легко перевели на русский язык, некоторые вызвали затруднения с переводом, а перед третьими они встали в тупик и заявили, что это не их названия. Работая с лингвистической литературой и словарями, я неожиданно для себя обнаружил, что в языке хантов, и не только васюганских, имеются термины, выпадающие из круга финно-угорских языков и которые не могут быть выведены из последних. Вот некоторые примеры:

хант. *инк* "вода" – венг. *víz*, манси *вит*, коми *ва*, удм. *ву*, мар. *вуд*, морд. *вядь*, карел. *vezi*, фин., эст. *wesi*, саам. *чадзы/чацц*. Б.А.Серебренников (1966) писал, что сохранившееся у хантов слово *инк* "вода" не имеет убедительных финно-угорских аналогий;

хант. *вох-сар* (и *вокай*), манси *ох-сар* "лиса" – венг. *гока*, удм. *зичи*, морд. *ревезь*, карел. *rebo*, фин. *repo*, *kettu*, эст. *риемнь*, *римн*;

хант. *юх* "дерево" – венг. *фа*, манс. *йив*, коми *пу*, удм. *писпу* мар. *пушенге*, морд. *чувто*, карел. *ри*, *рив*, фин. *рии*, эст. *ри*, саам. *мырр*;

хант. (васюг. диал.) *коги* "камень" – венг. *ко*, манси *ахвтаc*, коми, удм. *из*, мар. *кү*, морд. *кявь*, фин., эст. *kivi*, саам. *кедьь*, *кедьк*;

хант. *изгай* – "река" (средних размеров) – венг. *folyo*, манси *я*, коми *ю*, удм. *шур*, мар. *энгэр*, морд. *ляй*, *лей*, фин. *joki*, *kimä*, эст. *jogi*, саам. *йок*;

хант. (васюг. диал.) *рев* "гора" – венг. *hegi*, манси *нэра*, коми *гора*, удм. *гурезь*, морд. *пандо*, карел., эст. *mägi*, фин. *vuori*, саам. *выд*;

хант. *пеля*, *pelä* "гора, увал, холм" – финно-угорские соответствия см. выше.

хант. (васюг. диал.) *янг* "десять" – венг. *tíz*, манси *лов*, коми, удм. *дас*, мар. *лу*, морд. *кямень*, карел. *kümmer*, фин. *kummenen*, эст. *kümme*, саам. *логк*;

хант., манси *амп* "собака" – венг. *kutya*, удм. *пуны*, морд. *киска*, фин. *koira*, эст. *коег*, *репи*, саам. *пёенне*.

Приведенные хантыйские слова явно не вписываются в систему финно-угорских терминов и понятий, что позволяет считать их заимствованиями. Соответствия им обнаружены в горско-дагестанских языках. Сопоставим приведенные выше хантыйские слова с соответствующими словами из этих языков:

хант. *инк* "вода" – ахв. *инхе*, гунз. *энху*;

хант. *вох-сар* "лиса" – багв. *сар*, карат. *саре*, беж. *соре*, анд. *сор*, авар. *цер*, цез. *зиру*, гинух. *зеру*, хварш. *зор*, *зару* ;

хант. *юх* "дерево" – рут. *йух* "береза", гунз. *рыху* "тополь", анд. *беху* "береза", авар. *рох* "роща" (начальный согласный в горско-дагестанских примерах является классным показателем);

хант. *игай* "река" (средних размеров) – цез. *игъу*, хварш. *еху*, гунз. *эху*, гинух. *иху*, *ехе*;

хант. (васюг. диал.) *рев* "гора" – общедагестанская реконструируемая основа **ре-къвам* "вершина горы", "голова" (исчезновение фарингализованного *къ* могло привести к возникновению стяженного *рев*);

хант. *неля*, *реlä* "гора, увал, холм" – годобер. *беел*, ботл. *беял*, чам., крыз. *бел*, анд. *бил*.

хант (васюг. диал.) *янг* "десять" – фонетически близко к авар. *анцго*, *анчго*, хотя здесь историческим корнем является *ц*, отсутствующий в хантыйском варианте;

хант. *амп* "собака" – лезг. *ампа*.

хант. *нех* "речка" – лак. *нех* "река";

хант. *муч* "изгиб (реки)" – табас. *муччь*, *мурчь*, арч. *меце*, лак. *муриу* "угол" (ср. тюрк. *култук* – "угол", "подмышка", "залив");

хант. *вала* "место" (васюг. диал. *вач-вала* "города место") – лак. *валу* – словообразовательный суффикс (?), участвующий в образовании термина *шаравалу* "село".

Необычайно интересна параллель ахв. *эква*, тинд., чамал., багул., анд. *гьэква*, цез. *жеку*, гунз. *сику*, гинух. *рекве* при общедагестанской основе **гекв* "человек" с угорским фольклорным героем Эква-Пыриш. В хантыйском фольклоре известен герой Эква-Пыриш, который при помощи волшебной шапки мог превращаться в невидимку (Чернецов В.Н., 1947). В языке восточных хантов *пыр* означает "задний", "наоборот", "обратный" (Терешкин, Н.И., 1981, с. 365). Судя по сказкам, герой, превратившись в невидимку, мог вновь ("обратно") принимать облик человека. В фольклоре манси словом *эква* обозначают женщину, жену мифического персонажа, божка.

Дальнейшие изыскания вывели на Переднюю Азию, как возможную изначальную языковую территорию предков дагестанцев.

Итак, в древней истории Васюганья наметилась в эпоху развитой бронзы аномалия – приход чужаков-скотоводов с каким-то своим языком. Эти чужаки, судя по археологическим данным, были выходцами из среды андроновцев, оставивших неизгладимые следы в истории Сибири. Андроновская культура эпохи бронзы дала немало дочерних и внучатых культур, которые прослеживаются по крайней мере до середины I тыс. до н.э.

Таким образом, для истории манси-хантыйского Зауралья отмечаются аномалии – археологическая (приход андроновцев-скотоводов) и лингвистическая (появление в языке хантов и манси слов не финно-

угорского круга). Именно эти аномалии были связаны нами воедино: нефинно-угорские слова предки манси и хантов заимствовали от андроновцев. Поскольку эти чужие для угров слова имели горско-дагестанское и адыго-абхазское происхождение, то и андроновцев можно было генетически связать с предками этих северокавказских племён, которые, в свою очередь, в эпохи энеолита и ранней бронзы формировались за счёт переднеазиатских пришельцев из среды неиндоевропейцев (алародийцев). Вот такая цепочка связей логически выстраивалась. Далее пришлось полностью довериться лингвистам, которые убеждены в родстве языков северокавказских и кетских. А поскольку выходцами с Северного Кавказа были, по нашему мнению, андроновцы (их фёдоровский вариант), то это автоматически связывало с ними и известных истории кетов.

Как оказалось, идея о переднеазиатском происхождении кетов была высказана ранее Н.Л.Членовой. Ею в 1969 г. были опубликованы тезисы доклада к конференции "Происхождение аборигенов Сибири и их языков" (Томск, 11-13 мая 1969 г.). Доклад касался соотношения ареалов кетских топонимов и карасукской культуры (эпоха поздней бронзы). По мнению докладчика, кеты вышли из среды карасукцев. Как писала Наталья Львовна, *"...ареал культур, родственных и близких карасукской, отнюдь не ограничивается Сибирью; он охватывает также Казахстан, часть Средней Азии, Северный Кавказ (и частично Закавказье) и уходит далеко на запад. Глубокие корни этих культур – на Среднем Востоке, в районах к СЗ, С. и В. от Двуречья, точнее - в культурах Северного и Западного Ирана и Миттани. Носители культуры Миттани были хурритами по языку. Таким образом, ареал культур карасукского типа допустимо рассматривать как звено, соединяющее хурритские элементы в кетском языке и древневосточный пласт в кетской мифологии с их родиной – Ближним и Средним Востоком"*.

С этой работой автор ознакомился, когда предлагаемая читателю книга была уже почти написана. Знакомление с докладом Н.Л.Членовой вызвало чувство досады. Нет, не потому, что терялся приоритет в формулировании идеи о переднеазиатском происхождении кетов. Я сожалел, что раньше не обратил внимания на работу Н.Л.Членовой, тем более что сборник с тезисами докладов свыше десятка лет стоял на полке моей библиотеки. С другой стороны, знакомство с этой работой вызвало чувство удовлетворения: если два исследователя независимо друг от друга пришли к сходным результатам, то достоверность "идей" усиливается.

Нельзя сказать, что исторические кеты, особенно те, которые еще недавно назывались енисейскими осяками, обойдены вниманием исследователей. Не будем приводить обширный список фамилий этих

учёных. Отметим только двоих, оставивших монографии с кратким названием "Кеты" - Бориса Осиповича Долгих и Евгении Алексеевны Алексеенко. В первой монографии много было сказано об успехах строительства новой жизни этой малой народности, которой прежним режимом было уготовано полное вымирание. Монография Е.А. Алексеенко была сугубо этнографической. Мы не будем конкурировать с этими маститыми учёными. Автор поставил перед собой две задачи: 1) собрать воедино известный материал по истории раннего знакомства русских с енисейцами (кетами в широком понимании этнонима) и 2) изложить свою версию происхождения кетов, начиная с очень давних времён. Автор осознает не только сложность этой работы, но и спорность предложенных решений. Особенно это касается версии кетоязычности андроновцев, в которых большинство ученых видит ранних иранцев. Версия автора о кетоязычности части андроновской общности родилась из комплекса известных фактов, имеющих разную степень достоверности. Если данная версия будет воспринята не как претензия на оригинальность, а вызовет интерес читателя к истории этого ныне малочисленного народа, то автор сочтёт свою задачу выполненной.

КЕТЫ НЫНЕ И В НЕДАЛЁКОМ ПРОШЛОМ

В этой главе обобщён материал по расселению, ономастике кетов, их топонимии и языкам. Автор не претендует на исчерпывающее изложение материалов по затронутым вопросам, но считает полезной подобного рода сводку, особенно для читателя не специалиста в области кетологии.

РАССЕЛЕНИЕ КЕТОВ (по историческим данным)

Е.А.Алексеевко (1976) считает самой ранней достоверной датой известности расселения кетоязычных народов рубеж эр, когда они проживали в горно-таёжных районах Южной Сибири и Северо-Восточного Сибиряна. В первой половине I тыс. н. э., по её мнению, отдельные кетоязычные группы проникли в Среднее Васюганье, где обнаруживается плотный ареал кетской топонимии, предшествующей селькупской. Оставляя в стороне спорный вопрос о Сибиряне и южных горах Сибири как исходной территории обитания кетов, обратимся к более позднему времени.

Неизвестно, когда русские впервые встретились с кетами и определили их как самостоятельный народ. В русских документах под 1607 г. отмечены *зешаки*, которые наряду с имбаками, богденцами платили ясак в Инбацкое зимовье на Енисее (Миллер Г.Ф., 1941, с. 23). В исторических документах, хранящихся в различных архивах страны (Архив Академии наук, Госархив Красноярского края и др.), частично опубликованных или использованных исследователями (Г.Ф.Миллер, И.Г.Георги, А.П.Дульзон, Б.О.Долгих, В.А.Туголуков, Е.А.Алексеевко), имеются сведения о былом обитании народов кетской группы. В основном эти документы относятся к XVII в., когда волна русской колонизации достигла Восточной Сибири.

В хронике "О Сибирском царстве и о народах того великого царства" писано: "В том же Сибирском царстве живут люди разноязычны. Первые Татарове, тоже Вогуличи, Остяки, Самоядь, Лопане, Тунгусы,

Киргизы, Калмаки, Якуты, Мундуки, Твиляги, Тарагали, **Имбаты, Зеншаки, Сымцы, Аринцы, Моторцы, Тогинцы, Сиянцы, Чаландасцы, Камасирцы**, и иных много разноязычных людей" (цит.: Долгих Б.О., 1934, с. 40). В цитате выделены кетские группы. Следовательно, имбаты (инбаки) и сымцы ранними авторами различались. Кроме того, фигурировали и земшаки. А.П.Дульзон (1962) считал земшаков сымскими кетами (сымцами). По-видимому, в разных русских документах одна и та же группа кетов рассматривалась по-разному - и как сымцы, и как зе(м)шаки.

Кеты (енисейские остяки). В "Описании всех в Российском государстве обитающих народов" енисейцы уже упомянуты: "...жили *Отяки Енисейские* в нынешних своих пустынях по обеим сторонам Енисея и вышедших из него рек, от вышней Тунгузки (Ангары. – А.М.) в низ за Мангазею (Туруханское зимовье. – А.М.) или Нижнюю Тунгузку" (цит.: Анучин В.И., Синельников Н.А., 1911, с. 1).

В XVII в. по Енисею ниже устья р. Кас жили родственные племена, которые у русских получили обобщающее название енисейские остяки. По-видимому, автором этнонима является И.Георги (1799, с. 21), назвав их *енисейские отяки* (так! – А.М.). Но уже тогда эти остяки отчетливо делились на группы: инбаки, земшаки, богденцы и юги. А.П. Дульзон (1962) считал земшаков сымскими кетами (сымцами). По-видимому, в разных русских документах одна и та же группа кетов рассматривалась по-разному - и как сымцы, и как зе(м)шаки.

Б.О. Долгих (1934) выделил среди кетов (енисейских остяков) две группы:

1. северную - *инбаки (инбаты)*. Миддендорф приводит другое их название – Тугубанljäng (правильно: Тугубанgdjäng? - А.М.) "низовой земли люди";

2. южную - *дугунь (дыгонь дюгунь, югунь)*, она же *тымдыгет* "с реки Тым¹ человек"). Современное название – *юги*.

Инбаки были самым северным остяцким (кетским) племенем. На их земле были построены два зимовья - Инбатское Верхнее (1607 г.) и Инбатское Нижнее. Кеты, обитающие ныне в левобережье Енисея и известные как сургутихинские и елогуйские, являются потомками имбаков XVII в.

Земшаки жили по левому притоку Енисея – р. Сым, по имени которой они и получили название. Подкаменнотунгусские (суломайские) кеты, известные ныне под таким же именем, являются потомками земшаков.

¹ Современное название этой реки – Кеть.

Богденцы обычно в документах упоминаются рядом с земшаками, что, очевидно, предопределено и действительным их соседством. По сообщению Р.В. Николаева (1986, с. 114), земшаки и богденцы образовали фратриальное объединение *богденг* (*богдерё, богдей*), что позволяет предполагать и их соседствующую локализацию.

А.Кастрен в правобережье Енисея севернее Тубы встретил племенное койбальское (самодийская группа) объединение под названием Кайденг, "*корень которого, очевидно, остяцкий*" (с. 411). Это, пожалуй, единственное упоминание о столь южном проживании енисейских остяков (собственно кетов).

Юги. Кеты-юги в недавнем прошлом обитали по рр. Сым, Кас, Пит, Енисей в районе Ярцево, Ворогово. Ныне это семьи Латиковых и Савенковых. В прошлом они составляли население Сымской волости, поэтому их называют сымские кеты. Неизвестно, почему за сымскими кетами утвердилось название *юги* (*жугын*) (Алексеевко Е.А., 1973). Но ссылаются эта исследовательница на дневниковые записи В.И.Анучина (1905) "*О происхождении жухан*": "*Часть остяков (Верхне-Имбатского участка) переселилась вверх на р. Сым. Там жили люди (не остяки) под именем жух (мн. ч. жухан). Этот народ жил главным образом по Ангаре и левым её притокам, но и внизу до реки Сыма была его земля. Поселившись у жух, остяки научились их языку...Мы всё смеемся, зачем свой язык потеряли и зовём их за это жух. Настоящие же жух давно все померли..., давно никого нету*" (цит. по: Алексеевко Е.А., 1973, 162). Е.А.Алексеевко высказала предположение, что юги – это какое-то доенисейское (докетское) аборигенное население, занимавшееся рыболовством и охотой, и что имя р. Сым создано югами. Судя по кетским легендам, в прошлом между "настоящими" (аборигенными) югами и кетами существовали враждебные отношения. Это свидетельствует о их изначальной неродственности. Однако какая-то часть остяков была ассимилирована югами. Эту смешанную группу другие остяки и тунгусы продолжали называть югами (звенк. *дюкул*). Это же название перешло на переселившихся на Сым из более северных и северо-западных районов кетов Латиковых и ассимилированных кетами селькупов. Кем были аборигены – остается неясным до сих пор. Е.А.Алексеевко (1975) отмечает сходство этнонима юги (*жухан*) с эскимосским самоназванием *юк* "человек". В кетском фольклоре упоминаются жилища-землянки с входом через крышу, что сближает их, с одной стороны, с древним населением севера Западной Сибири, а с другой с ительменами Камчатки. Самоназвание сымских кетов (по отличительному признаку) - *кьньс'кет* "светлый человек" позволяет видеть в них какой-то иной компонент сибирского населения (европеоиды или светлые монголоиды).

Язык сымских кетов-югов и кетов-имбаков образует одну группу. Однако он имеет некоторые особенности как в лексике, так и в фонетике.

В фонетическом отношении отметим кетские и сымские (югские) чередования *с/ш* и *т/ч*:

Кетский	Югский	
<i>с'уол</i>	<i>ш'уол</i>	"нарта"
<i>с'и</i>	<i>ш'и</i>	"ночь"
<i>с'уй</i>	<i>ш'уй</i>	"комар"
<i>тий</i>	<i>ч'ий</i>	"черпать"
<i>ти?п</i>	<i>ч'и?п</i>	"собака".

В связи с этим возникает вопрос: не являются ли гидронимы в бассейне р. Сым с компонентами *чум* и *тум* (Кольчум – правый приток и Шехтум – левый приток) югскими по происхождению?

В начале XVII в. енисейских остяков насчитывалось несколько тысяч (Анучин В.И., Синельников Н.А., 1911, с. 3). Однако данные Б.О.Долгих (1982) позволяют считать эти цифры преувеличенными. По данным ясачных книг, инбатских кетов (сымско-касские кеты не учтены) было: 1610 г. – 650, 1620 г. – 730, 1631 г. – 600, 1645 г. – 370, 1662 г. – 400, 1677 г. – 420, 1693 г. – 470, 1700 г. – 480, 1728 г. – 520, 1730 г. – 600 чел. В 1731 г. их постигла сильная эпидемия оспы, после которой осталось несколько семей. В.И.Анучин явно преувеличил потери кетского населения от эпидемии, так как в 1838 г. кетов уже числилось (по документам) 1415 душ обоего пола. За сто лет от нескольких семей племя не могло восстановиться до такой численности. Очевидно, автор оперировал материалами по какой-то определённой местности, хотя оспа действительно опустошала некоторые кетские стойбища. Некогда енисейские остяки обитали в верховьях р. Худосей, правого притока р. Таз. Во время одной из эпидемий оспы здесь вымерло все население (из селькупов и кетов). *"Трупы умерших лежали грудями, превышающими отвесно воткнутый хорей"* (Прокофьев Г.Н., 1928, с. 98). И ныне это место селькупы называют Польшекты "древесное кладбище".

М.Ф.Кривошапкин (1865) приводит сведения, полученные от туруханского отдельного заседателя, о численности кетов (енисейских остяков) на 1860 г.:

	Мужчины	Женщины
Подкаменнотунгусские	51	26
Верхнеимбатские	305	246
Нижнеимбатские	137	146
Всего	493	418
Итого		911

По данным С. Патканова (1912, с. 167), переписью 1897 г. было охвачено енисейских остяков 988, из них 535 мужчин и 453 женщины. Остяцким языком владели 525 мужчин и 427 женщин.

Во времена исследований В.И. Анучина (1905-1906 гг.) кетов по документам было 892 человека (467 мужчин и 425 женщин).

По переписи 1959 г. кетов, владеющих родным языком, было 786 человек, по переписи 1979 г. – 684.

В.П.Кривоногов (1995) в 1991 г. обследовал сургутихинских (пос. Сургутиха и Канготово) и пакулихинских или черноостровных (пос. Верещагино и Бакланиха) кетов. Первых зафиксировано 112 чел., вторых – 48. Степень языкового обрусения у этих групп выражается следующими цифрами (%):

	Кетский язык	Русский язык
Владеют:		
свободно	30,1	96,8
с некоторыми затруднениями	9	7,6
со значительными затруднениями	17	0,6
Понимают, но не говорят	23	0,0
Не владеют	20,5	0,0

Различные группы кетов (чистокровные кеты, метисы с европеоидной примесью и метисы с монголоидной примесью) в разной степени владеют кетским языком (Кривоногов В.П., 1998):

	Свободно	Частично	Не владеют
"Чистокровные" кеты	34,0	48,7	17,3
Монголоидные метисы	33,3	44,3	22,4
Европеоидные метисы	4,6	37,6	57,8

Котты (по старым документам – котовцы, котовы) стали известны русским после знакомства с аринами. Для объяснения "канских людей" казаком Ермолаем (Ермаком) Остафьевым было построено в конце 1628 г. зимовье на р. Кан у большого порога. Пленив по случаю двух канских "мужиков", Пыркея и Печенека, Остафьев отпустил одного из них с двумя служилыми и переводчиком-арином в стойбище коттов, которое находилось на р. Кан у большого озера. Посланцы должны были передать князькам приглашение Остафьева прибыть в лагерь русских для принятия шерти (присяги на верность русскому царю) и уплаты ясака. Через пять дней посланцы вернулись, сообщив, что князец Тесеник (по некоторым документам Тесемник) обещал доставить ясак, как только добудет соболей. И действительно, 22 ноября Тесеник принёс в зимовье 57 соболей. С ним пришёл и князец Тымак. Тесеник был оставлен в зимовье как аманат (заложник). Дважды после этого ходили русские в стойбище коттов за ясаком, но всё безрезультатно: возмущен-

ные задержанием Тесеника котты отказывались платить ясак. Котты даже задержали четырех русских до тех пор, пока не будет отпущен Тесеник. Остафьев был вынужден согласиться. Тесеник был освобождён, котты сдержали своё слово – передали русским 34 соболя (Миллер Г.Ф., 1941, с. 53-54).

Котты были миролюбивы и по этой причине страдали от бурят, тюрков и русских. Еще при первой встрече с князьями коттов Остафьев узнал о нередких набегах бурят. Позднее, в 1640 г., на земле коттов был построен у братского (бурятского) перевоза Канский острог, довольно сильно укрепленный, и в него были "прибраны люди на житьё". Острог был предназначен для держания в повиновении коттов и камасинцев и охраны левобережья Кана от набегов бурят (Миллер Г.Ф., 1941). В 1629г. тубинский князец Каян с большим числом людей появился на Кане в сопровождении монголов (алтыновых ясатчиков), калмыков и самодийцев (упоминается маторский князец Шижеляк) для сбора ясака для себя и для монголов и калмыков. Каян основательно пограбил коттов: он взял не только мягкую рухлядь, но и домашнюю, кухонную утварь, промысловое снаряжение, луки и стрелы, железные копалки, которыми котты добывали коренья. В феврале 1630 г. атаман Злобин выступил против Каяна, хитростью отделил Каяна и нескольких лучших людей его, а также брата и сына маторского князька Шижеляка от их основных сил и после короткого боя пленил маторских князюков. Каян бежал.

Вскоре после этого на коттов свалилась ещё одна напасть. Власти Енисейска вспомнили, что некогда канские люди платили ясак им, и решили продолжить эту практику, хотя вряд ли им не были ведомы притязания красноярцев на коттов. В 1630 г. из Енисейска на Кан пришёл атаман Иван Галкин с множеством людей, и ночью побили двадцать ясачных людей до смерти и многих переранили, а Темсеникову жену и детей в полон взяли и прихватили пять сороков недобранного ясака.

В 1635 г. в Котовскую (Канскую) землицу пришли "тубинские татарова", побили многих коттов, жён и детей их многих увели в полон. Кроме того, по словам коттовских князюков, тубинцы убили девятерых русских служивых, посланных в Канскую землицу для сбора ясака. Красноярский воевода Никита Карамышев, не разобравшись в сути дела ("*не проведав про то, что государевых красноярских служивых людей 9 человек побили тубинские люди*"), послал служивых для должного наказания виновных. Как всегда, это задание было выполнено по полной программе. Сохранился документ о попытке бывшего красноярского воеводы Никиты Карамышева взять с собой на Русь двух коттовских жён и детей. В челобитной коттовских князюков Пеянко и Куганея вы-

сказывалась просьба *"Баганчюеву жену Кинику и малóго взять и при-слать в красный яр и отдать им котовским татарам, чтоб де им в том разореньи без жен и детей вконец не погинуть"* и *"чтоб тем котовских татар не ожесточить и ис под государевой царской высокой руки не отогнати"* (Миллер Г.Ф., 1941, с. 432-433).

С середины XVII в. "канские татаровя" упорно хлопотали о заселении их края служилыми людьми в целях обороны от нападения тубинцев и киргизов (Бахрушин С.В., 1959, с. 81). В конце века русская администрация пыталась поселить на Канской земле человек 20-30 беломестных казаков из числа гулящих людей, чтобы те завели там пашню. Но охотников не нашлось, колонизация Канской земли задержалась, что, несомненно, оттянуло время полной ассимиляции коттов.

Котты в XVII в. разделялись на 12 улусов: Тымаков (после смерти Тымака назван Пантыковым по имени его сына), Багин, Темсеников (Курчеков), Араксеев, Торсуков, Шалашкин, Початский, Таганеков, Именеков (Аршин), Пеленгутская волость, Агашская волость, Инголецкая волость (Вернер Г.К., 1990).

В начале XVII в. по р. Кан жили несколько десятков ясакоплательщиков, что позволяет ориентировочно определить численность коттов в 200 чел. Правда, Б.О. Долгих (1949) определяет их численность в 860 чел.

В XVII в. котты обитали в Вост. Саяне, так как на карте Ремезова (1701 г.) между истоками рр. Бирюса и Кутар (ныне Гутара) показаны юрты с надписью *кутовцы*.

В начале XVII в. коттов вытеснили с Бирюсы сильные тогда камасинцы и карагасы, которые считали земли по Бирюсе своими. Возможно, котты ушли, чтобы избавиться от русского давления. Котты выселились в Западный Саян и Шорию - в район истоков Абакана, Мрассы и Кондомы. По мнению Л.П. Потапова (1957), это были бирюсинские (коттские) поколения Кобынское, Каргинское и Каинское. П.С.Паллас (1772) писал, что Кобынское поколение в то время жило в долине Абакана и Тёи и *"разбогатело скотом"*. Около Таштыпа обитали "татары" Каинского и Кобынского поколений (Костров Н.А., 1863).

Ещё до прихода русских на Енисей котты (байкотовский род) обитали по р. Туба в Койбальской земле. По данным 1735 г. (Миллер Г.Ф., 1996), в первой половине XVIII в. коттами по языку были жители улусов (число ясакоплательщиков): Аршукова (10), Урчина (5), Ингара (7), Коль (7), Сысского по р. Сыде (8). На карте Б.О. Долгих (1949) Байкотовская волость (землица) зажата между Енисеем на западе, кашинцами на севере, камасинцами на востоке и маторами на юге.

М.А. Кастрен в середине XIX в. встретил коттов на р. Агул (правый приток р. Кан), где они создали Агульский улус с целью сохранения

своей народности, так как аборигены Сибири платили дани меньше, чем русское население. Коттов было 76 душ, из которых плательщиками подати было 20. Родным (коттским) языком владели только пять человек (Кастрен А., 1860, с. 424).

Правда, А.Кастрен в правобережье Тубы по р. Салбе встретил несколько человек племени *бай*, которые ещё помнили кое-какие слова своего прежнего языка. И "все эти слова были чисто *остякскими*" (с. 411).

К началу XIX в. котты (байкотовцы) передвинулись в Койбальскую степь. Но были они в это время уже тюркоязычными и сёок их именовался *пайгуду*. Второй компонент (*гуду*), по мнению В.Я.Бутанаева (1994), является кетским термином *денг* "люди", что представляется сомнительным.

Приведённые данные показывают, что котты были важным компонентом в формировании хакасского и шорского этносов. Лингвистические данные свидетельствуют о том, что в формировании тюркоязычных тофаларов Восточных Саян принимали участие котты (Рассадин В.И., 1969).

Часть байкотовцев с Тубы через Саяны перешли в Туву и в составе тувинцев образовали сёок *ходьг*. Тувинцы-тоджинцы также некогда были коттами. С.В.Бахрушин (1959, с. 29) упоминает племя коетов, которое обитало в Саянах. Не были ли они коттами?

Таким образом, исторические сведения указывают на проживание коттов по Кану и Бирюсе, в Восточных Саянах и Шории, в верховьях Абакана и в Туве. Но эти сведения отражают позднее расселение коттов (второе тысячелетие новой эры). Где котты жили в более раннее время — остается загадкой.

Ассаны (асаны, васаны, азаны) русским стали известны, очевидно, ранее 1619 г. В отписке, которая может быть датирована не ранее 6 июня 1619 г. (Миллер Г.Ф., 1941, с.250), упоминаются ассаны, которых киргизы пытались привлечь к походу под Томский город и Кузнецкий острог. Ассаны в то время расселялись по р. Мал. Манзя, которая после открытия на ней в 1641 г. солёных ключей стала называться Усолкой (Андриевич В.К., 1889). Восточной границей расселения ассанов, судя по чертежу Енисейского уезда С. Ремезова (1701 г.), являлась р. Она, левый приток р. Чона (Уда). По данным ясачных книг, ассаны жили и на р. Кан.

В "Книге приходной ясашной мягкой рухляди" Енисейского острога за 7129-й год (1620-1621 гг.) впервые (?) упоминается новая Васанская земляца, от имени которой тюлькинский князец Татуш принёс в Енисейск государю *ясыак* — "3 соболишка да 7 недособолишек с пупки и с хвосты" (Миллер Г.Ф., 1941, с. 260). Тюлькина (аринская) земляца на-

ходила к северо-западу от р. Кача, в истоках р. Кеть. Очевидно, по соседству проживали и ассаны новой (ранее неизвестной) Васанской земли. Судя по скудному ясаку, численность ассанов была невелика, возможно, ассаны здесь не имели своего князца, так как ясак принёс аринский князец. Очевидно, это были ассаны, переселившиеся в левобережье Енисея с Усолки. Повторный взнос ясака новая Васанская земля сделала лишь в 1622-1623 гг.: *"20 соболой с тупки и с хвосты взято"*.

Г.К.Вернер (1990, с. 10) ассанов помещает между Енисеем и Оной по Усолке и Чёрному Курышу, где они разделялись на улусы Жабардамов (Барданаков), Алышпаев, Тупораков и Ассанская волость.

О пребывании ассанов на Ангаре свидетельствует имя Асанова ручья, впадающего в Ангару ниже устья Каты и известного с первой половины XVIII в. (Туголуков В.А., 1985, с. 63). Имя р. Чадобчет (система р. Камо, левого притока Подкаменной Тунгуски) также имеет явно коттское (ассанское?) происхождение. Известны легенды и рассказы первых русских поселенцев Приангарья и местных эвенков о чангитах и чулугдеях (см. об этом: Туголуков В.А., 1985, с. 65-68). В.А. Туголуков видел в них ассанов и коттов Приангарья. Сведения о чулугдеях проникли и в официальные русские документы XVII в. Наравне с явными домыслами (однорукость, одноногость и одноглазость этих лесных людей, боязнь солнечного света) в них отмечались и несомненно достоверные этнографические данные (охота с луком на мелкого зверя, одежда из шкур, железные пилы и посуда). Чулюгдеи умели говорить по-эвенкийски, некоторые носили эвенкийскую одежду. Локализуются эти чулугдеи и чангиты по Ангаре между Илимом и Кежмой. Именно здесь протекает Асанов ручей – небольшой правый приток в "локте" Ангары (ниже р. Ката). Г.М. Василевич (1947) сообщала, что еще в 30-х годах XX в. на Подкаменной Тунгуске и в верховьях Нижней были жи-вы тунгусы, которые встречали бродячих охотников - чангитов, говоривших на другом языке.

Среди хакасов имеется сёок чонгмай – остаток одного из древнейших, вероятно кетоязычных лесных племён (Бутанаев В.Я., 1970). Из преданий хакасов известно, что чонгмай не занимались скотоводством: *"Колено чонгмай в древности, боясь мычания коров, забирались на макушки берёз"*, – приводит В.Я.Бутанаев фразу Катанова. Возможно, это котты, на базе которых в ходе южносамодийской ассимиляции возникла группа койбал(ов).

Численность ассанов в XVII в. была невелика. Ясашных ассанов на Кане в 1629-1630 гг. было 21 чел., в 1638-1639 гг. – 15 чел. В 1640-1641 гг. ассаны в Красноярском уезде делились на две волости – Асанскую – 12 чел. и *"тое ж Асанской волости Тупораков улус"* из 13 чел. Г.Ф. Миллер и Гмелин-старший *"... в бытность свою в тамошних мес-*

тах между 1735 и 1740 годами нашли только двух или трёх человек, которые могли говорить Азанским языком; ныне же он и вовсе перевелся" (Георги И.Г., 1797, с. 26). Котты, близкие родичи ассанов, во времена А.Кастрена (середина XIX в.) уже не слышали об ассанах (Кастрен А., 1860, с. 426).

Арины. С аринскими "татарами" русские впервые встретились при выборе места под Красноярскую крепость (Кызыл-яр-тура). Очевидно, первое упоминание об аринах зафиксировано в 1607 г., когда Владимир Молчанов послал из Кетского острога служилых людей для объяснения жителей Тюлькиной земли (названа по имени князя) по р. Бузим. В следующем году сын Тюльки, князец Кобыта, уже принес русским два сорока соболей, чем и было положено начало платежу ясака (Миллер Г.Ф., 1941, с. 40-41). В документе от 1622 г. (не ранее 5 ноября) Осташко Харламов сообщил томским воеводам о намерении бурят (брацких людей) "*воевать... аринцев и качинцев и басагар и керексусов и мелецких людей*" (Миллер Г.Ф., 1941, с. 289).

В 1608 г. из Кетского острога (основан в 1596 г.) были посланы люди для объяснения аринов. Позже в документах всплывает имя аринского князька Татуша, который исправно вносил ясак за своих соплеменников в Енисейск (основан в 1619 г.) или, как писал И.Е. Фишер (1774, с.478), "*... показал россиянам многие знаки своей верности и ясак свой всегда посылал в Енисейск*".

Арины, будучи подчинены киргизам, платили им дань и надеялись на защиту. Поэтому аринов (и качинских татар) не удалось сразу поставить под власть белого царя. Вместе с качинцами, киргизами арины не раз выходили на тропу войны с русскими, терпели поражения, расселились, приближая свой конец.

Наиболее полные сведения о расселении аринцев или аринских татар (ара) имеются в документах Сибирского приказа. Они использованы С.В. Бахрушиным при составлении комментариев к книге Г.Ф.Миллера (1941). По этим данным, аринцы в XVII в. занимали территорию в левобережье Енисея ниже Айкановой речки (ныне название утеряно), впадающей слева в Енисей выше р. Бузим. Их угодья были также в вершине Кети и по р. Уксат. Вглубь страны от Енисея они жили "*...на речке Бузуме с усть речки. Колы, по речке Бузуме по обе стороны до Лиственного броду, а в гору от той речки Бузума по нижнюю сторону до вершины Колы речки и на вершину аринского Нижнего Мымъюлю, вверх по Мымъюлю до устья верхнего Исылюша, а с верхнего Исылюша до левые Тустинские вершины*" (с. 563).

В.Н. Топоров (1968, с. 281) приводит следующие границы ареала арин. Это была территория по обоим берегам Енисея от устья Качи на юге до устья р. Сплошной (примерно на границе бывш. Енисейского

уезда). В неё входили бассейны Бузима, Подъемной и, вероятно, верховья Кеми, Кети, Малого Кемчуга.

Для покорения сильных тогда арин и качинцев, в 1628 г. дворянином Андреем Дубенским был построен на левом берегу Енисея около устья р. Кача острог Красный Яр. В том же году арины и качинские татары по наущению киргизов пытались разорить острог, но попытка эта закончилась лишь убийством нескольких казаков в поле. Арины и качинцы ушли к киргизам. Воевода Дубенский вдогонку послал атамана Кольцова со 140 служивыми. Бунтовщики были жестоко наказаны. Многие киргизы, качинцы и арины были побиты, а жёны их и дети взяты в плен и отведены в Красноярск. В 1634 г. арины начали уходить из района Красноярского острога (из своего отечества, как писал И.Е. Фишер) вверх по Енисею, и к 1639 г. у Красноярска ни одного из них уже не осталось. После жестокого подавления бунта коттов в 1640 г. сто аринских семей добровольно пришли в Красноярск *"...и учинили вновь присягу верности"*.

От великих притеснений или от буйного своего характера арины нередко вступали в конфликты с соседями или принимали участие в чужих воинских стычках, например, оказывая помощь качинским татарам. Да и русское начальство жёстко относилось к аринам, хотя выступало в защиту их от нападения, например, кызыльцев. В 1634 г. *"...приходили изгоном те же кызыльцы мужики вниз по Енисею реке, и у государевых ясачных аринских людей стада конские отогнали и ясачных людей побили, а иных поимали живых з жёнами и з детьми"* (Миллер Г.Ф., 1941, с. 414). В 1635 г. красноярские казаки предприняли поход против кызыльцев, чтобы наказать их за разбойное нападение на арин. Особенно разорительным был набег енисейских киргизов в 1678 г. Численность аринов постепенно уменьшается, о чём можно судить по сокращению числа ясачных людей: 1679 г. – 95, 1689 г. – 70, 1712 г. – 48, 1735 г. – 44. В 1735 г. Г.Ф.Миллеру (1996, с. 66) удалось установить места жительства только десяти арин: четверо жили по р. Июс (исток Чулыма), двое по р. Кача, трое на речке Барга и один на р. Минзюль, впадающей в р. Бузим. В окрестностях Красноярска жил последний аринец Арзамас Лоскутов, знавший родной язык (Хелимский Е.А., 1986). Конный казак Иван Ковригин 27 ноября 1735 г. записал от него аринский словарь, а Г.Ф. Миллеру Арзамас Лоскутов рассказал предание о трагической гибели своего народа от змей. В 1740 г. его уже не было в живых.

В состав Аринской земли входило пять улусов, названных по их князьям: Татушев, Абатаев, Канбирев, Тетюгин (Тютюгин), Щербаков. Численность улусов была невелика. В 1638-1639 гг. в Аринской волости было всего 49 ясачных. Позже численность ясачных аринцев иногда достигала 70-80 чел. за счёт объясачивания вновь выявленных групп.

В.А. Туголуков (1985) допускал широкое обитание кетоязычных групп в бассейне среднего и нижнего течения Ангары, которые были ассимилированы эвенками – более поздними пришельцами. Об этом свидетельствует и топонимия, в частности В.А. Туголуков эвенкийско-аринские связи видит в именах аринского князька Тульки и тунгусского Тулкинея.

Большая группа арин (яренцев), спасаясь от произвола русских властей, после строительства Красноярского острога и бесплодных попыток отстоять свои земли, ушла на юг, в Хакасию.

В начале XIX в. население яринской землицы, по-видимому, полностью ассимилированное тюрками-качинцами, ушло в левобережье Енисея на рр. Тесь, Кокса, Толчя (Бутанаев В.Я., 1994)..

С.А. Токарев (1952) допускает пребывание аринов в Хакасии, ссылаясь на хакасский сеок *ара* (ары). В.Я. Бутанаев (1994, с. 7) также считает аринским по происхождению хакасский сеок *аара*, насчитывающий 22 фамилии. По мнению исследователя, арины после ухода из района Красноярска осели по Чулыму и при устье Абакана. М.А.Кастрен (1860, с. 331) среди качинских татар выделял роды Тин и Джастег (остяк? – А.М.), которые, несомненно, происходят от остяков (кетов). Арины Абалакова улуса частично также вошли в состав хакасов. Позднее они были известны как хакасский сеок *аара* (ара) Абалтаева улуса (административного рода). Арины Абалтаева (Абатаева) улуса были предками части хакасов сеока *аара*. Среди них известна фамилия Торгошины. Эта фамилия "привязывает" их предков к территории правобережного Красноярска, где еще недавно была дер. Торгашина, ныне вошедшая в черту города. А эта территория была исконно аринской. В системе р. Казыр недалеко от Артемовска имеется р. Чибижек, имя которой положено в основу фамилии Чибижековы, выходцев из сеока тиин.

В результате джунгарского угона в 1703 г. часть арин ушла на Алтай, где вошла в состав южных алтайцев, образовав сеок *аара*.

Имеются не очень ясные свидетельства о проживании арин в среде хантыйского населения. По сообщению В.М.Кулемзина (1984, с. 50) термином *ар* ханты называют своих далеких предков (*ар ях* "древний народ"). В слове *ар* можно увидеть русифицированный этноним *арин*, *аринец*. Подтверждение этого могут служить аринские гидронимы на *зет* (Ингузет и пр.) по лево- и правобережью Оби у впадения Васюгана, а также гидронимы на *лат* в бассейне Васюгана (Оглат, Салат, Самлат и др.). К этому можно добавить гидронимы на *игай* (Кулун-игай и др.), образующие компактный ареал в бассейне Васюгана и более нигде не встречающиеся. В изначальном списке аринских слов (запись 1735 г.) имеется гидронимический термин *икаи* "река" (Хелимский Е.А., 1986), который фонетически и по смыслу близок термину *игай*, употребляемо-

му ныне хантами - и только в гидронимии Васюганья и ближайших левобережных притоков Оби. Нам представляется вполне вероятным проживание группы арин в бассейне верхнего Васюгана незадолго до прихода русских в Сибирь. Это подтверждают и гидронимы Ар-игол – небольшой правый приток р. Вах в её низовье, и р. Панур – небольшой левый приток Оби, впадающий в неё немного ниже р. Кульеган и выше р. Мал. Юган. В первом гидрониме можно усмотреть этноним *ар* "аринец", во втором – общекетский географический термин *ур* "вода".

Пумпоколы. До сих пор неизвестно самоназвание людей, в XVII - XVIII вв. населявших Пумпокольскую (Пунпокольскую) волость. Пумпокольская волость находилась в верховьях Кети в соседстве с Нацкой волостью, которая была, по мнению А.П.Дульзона (1952), также остяцкой (кетской). Жители её получили от русских название пумпоколы или пумпокольцы. И неизвестно, все ли носители пумпокольского языка жили на территории волости или же обитали и в других местах. По крайней мере, очень свежие и многочисленные пумпокольские топонимы в несравненно большем количестве сохранились в бассейне верхней половины течения Чулыма, хотя создатели этих топонимов там неизвестны. Не исключено, что жители соседней Кадышской (Кадижской, Нацкой) волости, во главе которой в то время стоял князец Намак, также говорили на пумпокольском языке. Число ясачных за период упоминания волости (первая четверть XVII в.) было невелико и стабильно – 34 – 35 человек.

Предположительно кетские волости и землицы. По русским историческим документам (ясачные книги, переписка воевод, донесения казаков и пр.) можно предполагать, что немало кетоязычных групп были русскими зафиксированы под общим именем *татары* с привязкой к рекам, по которым они проживали, либо по именам князцов, которые ими управляли и платили дань. Вот некоторые из наиболее вероятных кетских волостей (в основном по материалам Г.Ф. Миллера, 1941).

Кузнецкая волость находилась в левобережье Енисея против нынешнего Енисейска. Названа по великому мастерству местных жителей – кузнечному делу. Известно, что в первой четверти XVII в. княжил в волости Туметка. Несомненно, это были арины, так как Богдашко Тюметков, сын князьца, был переводчиком у русских, когда те ходили к аринам. Но волость существовала недолго. С основанием Енисейска (1619 г.) коренные жители уступили место русским. Кузнецкие остяки вымерли или были приписаны к другим волостям.

Намацкая (Макуцкая) волость находилась по р. Ломоватке (современное русское название), правому притоку Кети. Правил ею князец Намак, от имени которого волость и получила название. Оно, будучи

искажённым, стало именем и Маковского (Макоцкого, Макуцкого, Макуцкого, Намацкого) острога (1619 г.).

Кадышская (Кадысская Намакова, Кадыжская) волость. Место нахождения волости неизвестно. В документах антропоним Кадыш (Кадыж) ни разу не упоминается. Возможно, Кадыш – это дорусское название реки (именование волостей по рекам было не редко в то время: Кетская, Кемская Кипанская, Чулымская и др.) волости. Возможно, так в те годы именовалась р. Ломоватка.

Упоминаются остяки Епей (Епея) Койбинцын сын, Идюк, Концель Идюков зять. По-видимому, это были арины, так как в 1610 г. при нападении тунгусов на кадыские земли жители этой волости победили в Тюлькину землю, населённые аринами (Миллер Г.Ф., 1941, с. 219).

Именование волости **Кадысская Намакова** указывает на слияние волостей Кадышской и Маковской. Волость была малолюдной: в 1620-х гг. в ней было объясачено всего 8 чел.

Веслова волость упоминается Г.Ф.Миллером один раз, но князец Весла "со товарищи" (3 чел. ясачных) - дважды (с. 260 и 274) как "с волости Макуцкие", то есть с Маковской. В документе от 1620-1621 гг. написано: "*Маия в 30 день с волости Макуцкие с Весла с товарищи с 3 человек государевых поминков...взято*" (Миллер Г.Ф., 1941, с. 260). Следовательно, весловцы входили в состав Маковской (Макуцкой, Намацкой) волости. Несколько выше в том же документе написано: "*...да они же (весловцы – А.М.) принесли государеву ясаку с волости Кемских вершин с Атанжа Чагаева с 7 человек...*" По-видимому, в верховьях Кеми жили их соплеменники, которые доверяли весловцам передачу ясака в государеву казну. Очевидно, волость Кемских вершин и волость Кемская русских документов – это одно и то же.

Следовательно, весловские люди жили у истоков р. Мал. Кемь². Кемь является левым притоком Енисея (впадает немного – примерно 10 км - ниже Енисейска). Неизвестно, какой из истоков Кеми в то время назывался Малая Кемь. Возможно, что это была нынешняя р. Белая, впадающая слева в р. Кемь, или же один из небольших истоков р. Кемь, ныне безымянный. Но в любом случае, это очень близко к истокам р. Кеть (рр. Кельтом, Чита, Тургун). По-видимому, Весла был главой небольшого рода (четверо ясачных) и самостоятельно платил яsak в Енисейский острог, но административно входил в состав Маковской волости. Упомянувшийся в документах ясачный той же (Весловской) волости Урбек Уркачаков имеет явно тюркское имя. И.Г.Георги (1799, с. 24), похоже, предполагал их остяцкое происхождение: он сообщал, что в

² Г.Ф. Миллер (1996, с. 66) в 1735 г. упомянул Аринско-Весловскую волость, не указав её местоположение.

1730 г. аринцы соединились с волостью **енисейских отяков** (остяков, - А.М.) **Весловской** (по имени князька Веслы). Следовательно, весловцы были одной из групп "енисейских отяков" и жили где-то около арин у истоков р. Мал. Кемь. Объединились с аринами "...и предались потом киргизцам". Имеется мнение (Кошуба Д.В., Николаев Р.В., 1994) о том, что весловцы были аринами, влились в состав русского населения окрестностей Красноярского острога. Ныне их далёкие потомки известны под фамилией Василевские и живут в Емельяновском районе Красноярского края.

Онпальская землица в документах упоминается только один раз. Возглавлявший её князец Байтерек известен по ясачным книгам начала 20-х гг. XVII в. Если судить по размерам ясака, "землица" была невелика, примерно 15 чел. ясачных: один раз князец принёс "10 соболей, 5 соболей с пупки и с хвосты, а 4 соболя с хвосты, а без пупков, а один соболь без пупка и без хвоста". Положение волости достоверно неизвестно. Тюркоязычность (или двуязычие) населения Весловской и Онпальской волостей вполне допустима, так как к западу от них всего лишь в нескольких десятках километров жили мелессцы – чулымские тюрки.

Кипанская волость находилась на стрелке Енисея и Ангары, где протекала р. Кипан (ныне название утеряно). Возглавлялась волость князьком по имени Илти. "Подданных" у князька было немного - 45-50, если судить о том, что ясак платили 6 – 9 чел. Нет сомнения, что волость заселяли кеты, вероятно, арины. Такое мнение было высказано ещё Б.О.Долгих (1960). Он считал, что кипанцы между 1623 и 1628 гг. слились с "остяками" Кузнецкой (на Енисее) волости. В.А.Туголуков (1985, с. 59) предполагал, что кипанцы в то время представляли собой смешанную арино-эвенкийскую группу и говорили уже по-эвенкийски.

Ямышская волость была расположена по левому берегу Енисея против Кипанской. В 1618 г. в ней было всего два ясачных человека. Происхождение названия волости неизвестно, как и имя её князька или "лучшего мужаика".

Нацкая волость находилась у устья р. Кельджига (ныне Кельма), правого притока Кети (Дульзон А.П., 1959). Правил ею князец Ипей (Ипея). В начале 20-х гг. XVII в. в волости был 21 ясачный, среди которых в русских документах упоминаются, кроме Ипея, новики³ Микитка Аньлбаев (от имени Аньлбай), Барат Катасов (от имени Катас).

Яринская землица, по данным Л.П.Потапова (1957), включала улусы Абалаков, Хайтонов, Тубачаков, Ебыгатов и волости Тинскую и Бахтинскую (Бохтинскую). Упомянутые волости в 1619 г. соседствовали с

³ Новик – повобранец на русской службе.

ассанами. В XVIII в. они расселились на правобережье Енисея по рр. Дербина, Кома, Сисим. В частности, *ясаина тимска* волость на карте Ремезова (1701 г.) показана по р. Сисим, правому притоку Енисея. Тинцы и кайдынцы – это родственные аринам группы. И.Г.Георги видел в яринцах, буктинцах и кайдынцах группы, близкие к аринам и считал их "...произошедшими от одного с ними племени". Несомненно, основная часть яринцев была кетоязычной. Однако Г.Ф.Миллер (1996) считал (1735 г.), что яринцы, кайдыны и бохтинцы были уже татарами.

Бирюсинцы. По р. Пойма - приток Бирюсы или Оны (более раннее название – Поем; Ремезов, 1701 г.) в XVII в. жили коттовские племена, родственные тинцам-буктинцам. Они были объединены русской администрацией в улусы Початский, Таганаков, Именек и Аршин. В XVIII в. выселились в подтаёжные местности Кузнецкого Алатау, где и были оторчены. Но, даже перейдя на тюркский язык, бирюсинцы не восприняли главный хакасский праздник – тигир тайи – небесное жертвоприношение, испрашивание дождя для степных пастбищ (Бутанаев В.Я., 1994). Это свидетельствует о том, что бирюсинцы долго сохраняли свое самосознание и придерживались кетских религиозных обрядов.

Тубинская земляца. Низменную часть долины Тубы (в пределах Минусинской котловины) занимали кетоязычные улусы Байкотовский, Барсандаев, Шараданов и Кольский. В конце XVII в. киргизами были уведены кетоязычные бахтинцы из Яринской земли на Тубу, где численность кетоязычных групп резко увеличилась. После увода джунгарами киргизов (XVIII в.) в правобережье Енисея выше Красноярска остались кетоязычные улусы: Байкотовский, Аршунов, Урчин, Сыский (по р. Сы, ныне Сыда), Ингара (Потапов Л.П., 1957).

Кайдынцы. Кайдынов или Хайтонов улус находился в правобережье Енисея, в Восточных Саянах. Впервые он отмечен в ясачных книгах за 1639 г. в составе Канской коттовской земли (Боргояков М.И., 1981). С 1658 г. кайдынцы зафиксированы ясачными книгами уже среди яринцев, в 1664-1669 они были в составе Тубинской земли, затем вновь отмечены среди яринцев. В 1704-1712 гг. кайдынцы числились в составе Койбальской (Тубинской) земли. Около 1735 г. под названием Кайдынова улуса они вновь вернулись в состав Яринской (Долгих Б.О., 1963, с. 133).

В этнониме *кайдын* можно видеть кетское самоназвание *кайденг*, в котором второй компонент (*денг*) означает "люди". Но известно, что с 1639 г. Хайтонов улус возглавлял князец Хайтон или Хайтын. Не исключено, что название свое улус получил от имени этого князька. И.Г.Георги допускал известную этническую близость кайдынцев и арин. А.Кастрен также считал вероятным кетское происхождение рода Кайденг, зафиксированного в XIX вв. среди тюркоязычных койбалов.

На тюркский язык кайдынцы перешли уже в XVIII в. Любопытно, что в тюркском языке кайдынцев отмечены явления ротацизма – произношение *p* вместо обычных в хакасском языке *z*: "длина" *урун* вместо *узун*, "долина" *урун* вместо *узун*, "высота, высокий" *берюк* вместо *безюк* и др. Возможно, в тюркизации кетоязычных кайдынцев приняли участие какие-то древнетюркские группы, сохранившиеся в Восточных Саянах. Отмечено также использование кайдынцами нетипичного для тюркских языков *ж* в начале слова, в то время как кызыльцы употребляют *й*, качинцы *дж* или *зж*, сагайцы и бельтиры *ч*: кайд. *журек*, кач. *джурек*, кыз. *юрек*, саг. и бельт. *чурек* "сердце" (Боргояков М.И., 1981).

Хакасско-Минусинский край. Эта территория издавна, до прихода тюрков была заселена кетоязычными группами, которых можно считать носителями андроновской и карасукской культур. Позже ираноязычные группы и тюрки потеснили в этом районе предков кетов, однако не вытеснили их навсегда. В начале русской колонизации Приенисейского края здесь обрели пристанище значительные группы беглецов из-под Красноярска. Многие племена, в том числе и кетские, спасаясь от ясачных поборов, государевой службы и притеснений со стороны казаков, уходили на юг, в хакасские степи, в Саянские горы и в Туву. Давняя зависимость кетских племён от тюркоязычного населения этих территорий, в первую очередь от кыргызов, позволяла беженцам надеяться на их защиту. Названия родов среди хакасского населения позволяют говорить о приходе в Хакасию аринцев, коттов. Постепенно беженцы слились с тюрками, потеряли свой язык, но сохранили свои этнонимы и оставили немало гидронимов.

ИМЕНА КЕТОВ НА КАРТАХ СИБИРИ

На картографических материалах разного времени нашло отражение расселение различных народов Сибири. В одних случаях это было сделано на основании первых источников, в других – на основе обработки давних исторических документов. Такого рода картографические материалы неодинаковы по своей исторической ценности. Наиболее ранние карты и чертежи ценны своей близостью к документируемым событиям. Однако недостатком их является неточная рисовка географической ситуации, а отсюда и весьма приблизительная привязка ареалов расселения. Карты позднего времени имеют достоверную топооснову, но специальная нагрузка их (ареалы расселения) в основном носила компилятивный характер и грешит неточностями. Тем не менее нельзя пренебрегать такой исторической информацией. Она может быть полезной, особенно при критическом подходе к ней.

Рис. 1. Фрагмент карты Джакомо Кантели
(Рим, 1683 г.)

Ранние западноевропейские карты. Западноевропейские картографы XVI-XVII вв. нередко показывали на своих картах этнонимы. Информация исходила как от московских должностных лиц, так, по видимому, и от мусульманских купцов. На картах С.Герберштейна (1549, 1556 гг.) показаны JUGRA UNDE HUNGARI, а также таинственные грустинцы. Г. Меркатор (1595 г.) поместил в бассейне Оби народы и страны Molgomzaia (энцы), Baida (баи-самоеды), Samogedi (самоеды), Jougoria и Scythicum pro. montorium. На карте И. Гондиуса (1606 г.) восточнее Оби показаны Лукомория (LUCOMORRE), JUGHORIA, а за горами Imaus mons – Scythia. Дж. Кантелли (1683 г.) на карте Тартарии за Енисеем отметил тунгусов (Tingoesi), Lopia (лопари.). Севернее Телецкого озера (Izejera Slotte) отмечены таинственные Samaricqui, около оз. Зайсан (Lago di Carintia forsan Kisilbas) – Kaimani, по Иртышу – Karakatau. На этой карте Иртыш показан вытекающим из оз. Зайсан и впадающим в Телецкое озеро. Но из Телецкого озера река вытекает уже под именем Обь. Более никто из картографов прошлого так гидросеть не изображал. На карте Г.Сансона, изданной также в Риме всего лишь пятью годами позже, Иртыш показан правильно – правым притоком Оби, хотя Телецкое озеро названо также по-польски.

Севернее оз. Зайсан в правобережье Иртыша на карте Дж. Кантелли показано озеро Lago Theama (третья буква плохо читается, возможно, Thsama), идентифицировать которое с современным водоемом затруднительно (рис. 1). Судя по положению относительно Зайсана, это могло быть оз. Чаны в Барабе. Подтверждается это и более поздней (1730 г.) картой Ф.Страленберга, на которой это озеро показано более точно – между Обью и Иртышом, подписаны реки, втекающие в озеро (Karasan, Vagan, Tzulum). В названии озера на карте чётко просматривается буква «п» (Thape). На карте Г.Сансона (1688 г.) оз. Чаны нет.

На карте Дж. Кантелли к изображению озера Theama (Thsama) примыкает надпись "Terra di ChanaaKet" (последнее слово дано в слитном написании). Этот итальянский текст может быть переведен как "земля ханаакетов". Судя по второй прописной, этноним можно расчленить на два, Chanaa и Ket. В современном итальянском языке сочетание ch произносится как "ч". Судя по сочетанию фонем в начале имени оз. Чаны (ths на карте Дж. Кантелли и th на карте Ф.Страленберга), сочетание ch в то время не могло произноситься как ч. Оно могло произноситься, например, как H, h (hu) в раннем латинском (ср. совр. нем. ch, русск. х). В связи с этим слово ChanaaKet (Chanaa Ket) могло произноситься как ханаакет (ханаа кет). Возможно, итальянские картографы перенесли на карту написание ChanaaKet и Theama (Thsama) из источника другой языковой группы (германской?).

Известно (Дульзон А.П., 1961), что котты называли арин(ов) *ханначечен*. В этом этнониме второй компонент *чечен* может быть сопоставлен с коттским *чеанг* "люди, народ" (Тимонина Л.Г., 1978). Подтверждается это и именованим коттами койбал(ов) – *конгроичечен*, татар – *кангачен*. Сами себя котты называли *чанг*, *чеанг* "люди, народ" при общекетском *кит*, *кет* "человек". В этнониме на карте Дж. Кантелли произошла замена *чеанг* на *кет* ("люди" на "человек"). Это не противоречит практике образования этнонимов: оба способа используются достаточно широко (Крюков М.В., 1984). У нас нет сомнения в том, что на карте Дж. Кантелли действительно отражен кетский этноним, известный и по записям (Дульзон А.П., 1961) в форме *hapaа*. На этой же карте Дж. Кантелли южнее оз. Чаны в правобережье Иртыша показан населенный пункт, сопровождаемый надписью *Шапауса*. Нет ли связи этого ойконима с древним восточносредиземноморским этнонимом *ханаа*?

Нельзя категорически отметить саму возможность пребывания кетов-хана в Барабе (восточнее оз. Чаны) в историческом прошлом. Отсутствие здесь кетских топонимов (за исключением условно кетского Каргат) еще не может свидетельствовать в пользу такого отрицания. Известно проживание арин(ов) в районе Красноярска, где, однако, нет ни одного аринского топонима. Правда, здесь имеется с. Арейское, но название оно получило от русских в память о коренных жителях. Попутно отметим, что недалеко от с. Арейское протекает р. Калат (приток р. Кача), имя которой мы условно включаем в группу аринских. Возникает крамольный вопрос: не являются ли *ханаа* самостоятельной группой кетов (енисейцев), ускользнувшей в свое время от внимания академиков, но закрепившейся случайно на географической карте.

И ещё один нерешённый вопрос. *Ханначаен* не было самоназванием арин. Так их называли котты. Самоназванием арин было *ар*, *ара*. Следовательно, сведения об аринах могли быть получены только от коттов или других групп енисейцев. Это наводит на мысль о том, что информаторы (котты) жили по соседству с *ханаа*. Е.А.Алексеев (1967, с. 30) сопоставляет этноним *ханначечен* с *Кап-деап* (мн. ч.), *Kapas-ket* (ед.ч.), значащими "енисейские остяки", по М.А.Кастрену. Не являются ли предполагаемый этноним *ханаачечен* и кетское (енисейскоостяцкое) родовое название *хонын* генетически сопоставимыми?

Карта Дж. Кантелли - важный исторический документ, содержащий первое картографическое свидетельство о кетском населении Сибири. У нас нет сомнения, что под этнонимом *ханаакет* (*ханаа кет*) действительно скрывается какая-то группа кетов (*ханаан*). Нами уже высказывалось мнение о том, что кетский этноним *ханаачечен* может быть сопос-

тавлен с древним палестинским этнонимом *ханаан* (Малолетко А.М., 1995).

Чертежная книга С.У.Ремезова (1701 г.). На карте С.У.Ремезова (1701 г., л. 17) *яренцы* (аринцы) показаны по р. Бузим, левому притоку р. Енисей (между р. Бузим и Бол. Поемной). Рядом – *тимцы ясашные* (тинцы?), принадлежность которых к енисейской (кетской) группе предполагается. В верховьях рр. Дербина и Сисим показана дер. Яренска, название которой, несомненно, связано с аринами. По-видимому, под названием *кутовцы* (междуречье верховий Гутары и Бол. Бирюсы) в Восточном Саяне скрываются котты. На межречном узле рр. Усолка, Почет и Абан (привязка по современной топооснове), в самых их истоках, показаны юрты, рядом с которыми сделана надпись "Асанския". Да и р. Усолка здесь сопровождается подписью, правда, неразборчивой, - R: (?)asan.

Карта И.Е. Фишера (1774). На карте, приложенной к труду И.Е.Фишера (1774), *арины* показаны в левобережье Енисея севернее Красноярска. На противоположном берегу Енисея и до р. Усолка (на карте ошибочная надпись Асселка) отмечены *ассаны*. В междуречье Кана и Маны, судя по карте, проживали *котовы* (котты, - А.М.). В левобережье Енисея ниже Енисейска на карте сделана надпись *остяки*. Это, несомненно, енисейские остяки или, как принято их ныне называть, кеты.

Карта Сибири первой половины XVII в. (составила Н.К. Сербина). На карте немало надписей, показывающих расселение различных племён в первой половине XVII в. Особенно обильны они в Красноярской округе, а также на междуречье Оби и Енисея к югу от линии Тым – Сым.

Ассаны показаны между верховьями р. Усолка и Енисеем. В левобережье Енисея на этой же широте имеется надпись "Васанская земля". Тюлькина земля и качинцы показаны севернее р. Кача, к северо-западу от Красноярска, который почему-то показан на правом берегу Енисея.

Аринцы неправильно показаны на правом берегу Енисея на стрелке Кана и Енисея. Ошибка объясняется тем, что правый приток Енисея Базаиха подписан был как Бузим, а по историческим документам арины обитали именно по этой реке (Бузим).

Кеты-пумпокольцы "привязаны" к левобережью Енисея у Енисейска, где с удалением от реки показаны волости Кузнецкая, Пумпокольская и ещё западнее, в среднем течении Кети между рр. Сочур и Кельма, – Урнукова-Пумпокольская.

Котовская земля показана в левобережье Кана выше Канского острога.

От устья р. Кас (левый приток Енисея) и до устья Подкаменной Тунгуски сделана надпись *остяки (кеты)*, которая повторена и по ниж-

нему течению Подкаменной Тунгуски. На правом берегу Енисея против устья р. Елогуй показано зимовье Имбатское Верхнее (1607) и несколько севернее – зимовье Инбатское Нижнее.

Сведения В.А. Туголукова. В книге В.А.Туголукова (1985, с. 63) имеется ссылка на исторический документ первой половины XVIII в. (ЦГДА. Ф. 199. Оп. 1. Д. 517. Ч. 1. № 26. Л. 21об.), в котором упоминается Асанов ручей – первый приток Ангары, впадающий в неё ниже устья р. Ката. Последняя впадает справа в Ангару в "локте", где Ангара меняет меридиональное направление на широтное. А слева в Ангару выше устья Каты впадает р. Кеуль, имеющая несомненно ассанское имя.

Карта второй половины XIX в. В библиотеке Томского государственного университета хранится многолистная карта десятивёрстного масштаба по территории от Семиречья до Карского моря. На одном из листов этой карты показан правый приток Томи – р. Остякова, берущая начало на склоне Салтымакова хребта. Название это ныне забыто. Но, судя по карте, река с таким именем находится ниже устья р. Ниж. Терсь после небольших правых притоков Томи – рр. Отук-таш (тюрк. "огненный камень"; ныне Тукташ), Пегас, Панаиха (ныне Апанаиха). Река Остякова находится в окружении рек с остяцкими (кетскими) именами: Арзес (ныне Арзас), Баензас (ныне Баянзас), Камзас, Кымзас, Пезас, Саензас, Талзас. Остяками в давние времена называли хантов, селькупов и кетов-имбаков. Неизвестно, кто из этих остяков жил здесь уже на русских землях. Судя по соседним рекам с именами на *-зес/-зас*, это могли быть родственники кетов-имбаков.

Современные карты. Былое обитание кетов зафиксировано на современных картах в форме ойконимов – названий населённых пунктов. Нам известно три ойконима: 1) с. Арей (Арейское) в Емельяновском районе Красноярского края; названо по аринам; 2) пос. Асанск – в правобережье р. Абан (25 км от впадения в р. Усолка), 3) пос. Тинской в Нижнеингашском районе Красноярского края, железнодорожная станция Тинская на р. Тина (приток р. Пойма). Топоним образован от этнонима *тиин* (изначально *тимцы*?) – названия одного из родов арин (?). Или этноним образован от гидронима?

Еще пример. С формальной стороны имя р. Кеть (на чертежах С.Ремезова дается и в форме Кет), правого притока Оби, можно было бы связать с самоназванием кетских, сымских, енисейских остяков (кетов) *кет* "человек". Но кетское название Кети – Тым. Поэтому кеты, живущие на Кети, называются иноплеменниками – *тымдыгет* "человек с Тыма" (Долгих Б.О., 1934, с. 39). А р. Тым, впадающая справа же в Обь ниже Кети (см. современные карты) кетами называется Кеанг. Но в документах нередко упоминался Кетск, Кетский острог в форме – Комговск, Комгофский, Кунгопский, и, как производное, - комговские слу-

жилье. Г.Ф.Миллер (1941, с. 38) писал: "Откуда произошло название Конгопский, с достоверностью сказать нельзя". Можно высказать предположение, что *кеанг* – это географический термин со значением "река", перешедший в имя собственное реки. В таком случае этот термин мог закрепиться и за рекой, на которой был построен Кетский острог. Но прямых доказательств этому нет. Можно только отметить р. Тёнга/Кёнга, одну из составляющих р. Парбиг (левый приток Оби в пределах Томской области).

В связи с этим всплывает версия – не является ли имя правого притока Енисея - р. Кан (Каң) - кетским по происхождению. В первом томе монографии автор допускал самодийское происхождение гидронима, но не более доказательно, нежели кетское. Давно предполагалось изначальное кетское происхождение этнонима *койбал*, перешедшего на самодийцев (Ивановский А.А., 1907; Копкоев К.Г., 1969; Николаев Р.В., 1969). К.Г.Копкоев предполагал, что это была группа байкотовцев, зафиксированных в Киргизской земле.

В р. Дубчес (приток Енисея) справа в 13 км от устья впадает река с именем Хойба. Этот гидроним копирует этноним *койба*, который являлся самоназванием группы самодийцев Хакасско-Минусинских котловин (Пестов И., 1833).

ЭТНОНИМЫ

Вопрос об этнонимах кетов решается нами на основе разрабатываемой (Малолетко А.М., 1989, 1993) версии о кетах как потомках андроновцев-фёдоровцев, которые, в свою очередь, являются выходцами из Передней Азии, мигрировавшими в Сибирь через Кавказ, и гипотезы родства кетских языков с алародийскими (хаттский, хурритский, урарту, адыго-абхазские и нахско-дагестанские; см. Дульзон А.П., 1968; Росс Ф.С., 1981; Старостин С.А., 1982; Иванов Вс. Вяч., 1983; др.).

Самоназвание. Исторические кеты, как и многие другие народы, использовали в качестве обобщающего самоназвания термин "человек"; пумпок., арин. *кит*, ассан. *гит*, имб. *кет* (Дульзон А.П., 1961). Если исходить из переднеазиатско-кавказской версии происхождения предков кетов, то здесь можно найти следующие соответствия:

- в XVII в. у кавказских "абассинцев" (ныне абазины) зафиксирован термин *кит* "люди". Ныне заменён дагестанским заимствованием – *уагва*, *уаагаква* (ср. в цезских языках *жеква*, *жиква*, *гьико*, *рекве*, андийских *гьеква*, *еква*);

- *хедив* - в цезском языке "человек";

- *кыт* – это этнические соседи нартов, героев северокавказского эпоса. М.А. Кумахов (1987) сопоставляет этот эпический этнос с хаттами;

- *кеда* – так "...кваршинцы (*хваршинцы*) называют своё сельское общество" (Гулия И., 1909, с. 24);
- *кетти* – самоназвание ханалугцев (лезгинская группа);
- *хитты* – семитская традиция наименования хеттов;
- *хеты* (*хетты*, *хеттеяне*) – народ, упоминавшийся в Библии, обитал между Ливаном и Евфратом, вне пределов Хеттского царства. Возможно, это были не пришельцы-индоевропейцы, взявшие имя у покорённых хаттов, а часть алародийцев, обитавших издревле в Палестине и сохранивших самоназвание;
- *керкеты* – античные предки адыгов;
- *кутии* (*гутии*, *гутеи*) – обитатели бассейна верхнего течения рр. Верхний Заб и Нижний Заб, к юго-западу от оз. Урмия. Их потомками были утии – жители Кавказской Албании (восточной части современного Азербайджана), сохранившиеся в составе лезгин под именем удии (удины).

Итак, переднеазиатско-кавказский обобщающий этноним с корнем КТ (*кит*, *кыт*, *кет*, *хед*, *хет* и др.), связанный с алародийской средой, буквально всплыл на берегах Енисея как самоназвание кетов, коттов и понятия *человек* в языках пумпокольцев (самоназвание неизвестно), аринов и ассанов (вассанов). Связующим звеном этих разобщённых регионов (Передняя Азия и Кавказ, с одной стороны, и Приенисейский край – с другой) являются фёдоровцы. Только они, изначально потомки жителей Передней Азии и Кавказа, могли принести в Сибирь этот термин- этноним. И это было возможно лишь потому, что андроновцы-фёдоровцы сами использовали его в качестве обобщающего самоназвания. Поэтому можно считать, что термин *кыт*, *гит*, *кет* и др. "человек" входил в качестве определяемого компонента в этнонимы, подобно тому, как были созданы кетские этнонимы *канас-кет* "светлый человек", *альгит* (*ульгит*) "водяной человек", *каскет*, возможно, "песчаный человек" или "касский человек" (где *кас* – древнейшее самоназвание самодейцев). Но если речь шла не об определённой этнической группе, о каком-то отдельном человеке (например, "человек ловит рыбу"), то употреблялось слово *кет* (звательное, при обращении, *кетó*).

Русские первопроходцы познакомились с кетами в 1608 г. Судя по первой известной отписке (Миллер Г.Ф., 1940, с. 208), они уже осознали их этническую обособленность от известных ранее групп, но ещё не определились с этой обособленностью. Поэтому называли их индифферентно ясашными людьми, различая только по местам проживания, занятиям или именам князьков ("лучших людей") – кецкие (по р. Кеть) ясашные люди, ясашные люди Кузнецкой волости князьца Туметки. Но в этой же отписке имеется фраза: "*Тюлькин сын и с своими остяками*". В отписке от 1609 г. аборигенное население по Енисею вполне определён-

но называется остяками. По-видимому, русские, не озаботя себя тонкостями этнической дифференциации коренного населения Сибири, огульно отнесли и аборигенов по Кети и Енисею к остякам (хантам), как они это сделали и с селькупам.

Но уже в первой половине XVIII в. из среды остяков были выделены группы коттов, арин(цев), ассан (вазан, вассан), и пумпокольцев. И.Г.Гмелин (1799) назвал кочующих по Нижнему Енисею от Верхней Тунгуски отяками (вотьяками), хотя в то время такое название имели предки современных удмуртов.

Со временем в составе енисейских аборигенов стали различать енисейских остяков инбаков, сымцев, земшаков, югов, коттов, ассан, арин и пумпокольцев. Ю.В.Клапрот объединял енисейских остяков (кетов и югов), коттов, аринов, ассанов под общим названием "енисейцы".

Енисейские остяки. Самоназвание енисейских остяков (кетов в узком понимании этого этнонима) *кееть* "человек" (звательная форма *ке-то*) или *дин* "люди". Последний этноним позволил некоторым авторам (Деникер) идентифицировать с кетами динлинов китайских летописей. По-видимому, под русским влиянием среди енисейских остяков утвердился этноним *остык* "кет, остяк", который ныне воспринимается как самоназвание. П.Н. Третьяков (1869, с. 383) сообщал, что остяки себя называют *тундыгет*. Не является ли этот этноним искажённой формой пумпокольского тымдыгет? (см. ниже).

А.П. Дульзон (1961) приводит название кетов *кённијинг*, записанное в свое время Г.Ф.Миллером. Юги, близкие родственники северных кетов, называют их *тыпáгин* (Сегал Д.М., 1968).

Юги. Название это группа сымских кетов получила в наследство от какого-то аборигенного доенисейского (докетского) населения. Очевидно, оно было передано через иноплеменников (тунгусов?) в форме *дю-кул*. Е.А.Алексеев (1975, с. 219) пишет, что А.Кастрен зафиксировал самоназвание сымских кетов *кьньс кет* "светлый человек". (Вернер Г.К., 1990, с. 266, предлагает написание кЛ?η, где Л произвольный гласный). Не были ли аборигены (сымцы, см. ниже) светловолосыми европеоидами, от которых и их смешанные потомки унаследовали этот признак?

Самоназвание Латиковых, представителей сымских остяков-югов, было *кас'дег* "песчаные люди" (ед. ч. *кас'кет*). С использованием этого самоназвания формировались неофициальные фамилии Латиковых для употребления в своей среде: Копсыл Кас'кет – Пётр Латилов, Мита Кас'кет – Дмитрий Латилов, Енсал Кас'кет – Николай Латилов.

Пумпоколы – это искусственное название дано по Пумпокольской волости, расположенной по Енисею, от представителя которой был записан "язык пумпокольских остяков на р. Кеть" (Хелимский Е.А., 1986).

Однако этот исследователь, рассуждая о причине смешанности словаря жителей Натско-Пумпокольской волости, записанного при анкетировании в 1785 г., приводит этноним *gebéng* (гебэнг) для пумпокольцев. Он пишет: "Языковая принадлежность информантов оказалась иной, нежели у тех лиц, от которых полувеком раньше записал свой пумпокольский словарь Г.Ф.Миллер: это были юги (сымские кеты), а не пумпокольцы (*gebéng*)". Название это было записано и в XIX в. А.Кастреном (1860) и А.П.Степановым (1835, с. 7). В этом веке были зафиксированы следующие подразделения сымских кетов: 1) Тшипканы, 2) Тындыгеты (Тымдыгеты), 3) Имляк, 4) *Chaibang*, 5) *Kanasket*, 6) *Ulj-get*. Под номером четыре фигурирует упоминавшаяся Е.А.Хелимским группа *gebéng* (гебенг). Попытаемся методом исключения определить происхождение этих названий.

Этноним *тшипкан* произошёл от фамилии тазовских селькупов Чипкановых (ныне Калины).

Тымдыгеты (*Тымдегеты*) – это переселенцы с р. Кеть, которая у кетов носила имя Тым.

Имляк – группа селькупского происхождения (Алексеенко Е.А., 1975).

Канас-кет (*Канденг*) – это не родовое название, а самоназвание сымских кетов: *кънъс-кет* "светлый человек" (мн. ч. *къденг*).

Ulj-get (*Ольгет*) – родовое название подразделения кетов *кънтæв* (*кэнтав*).

И, наконец, *Chaibang*. По мнению Е.А. Алексеенко (1975), это территориальное название, которое кеты дали селькупам Савинковым и Имляковым, расселившимся по р. Дубчес. О проживании здесь группы *Chaibang* свидетельствуют топонимы Хайба (Хойба) – приток Дубчес, Хайбовский бор (Алексеенко Е.А., 1975).

Таким образом, явно не являются самоназванием пумпоколов этнонимы, принадлежащие селькупам (Имляк, Тшипкан, *Chaibang*) и кетам (Ольгет, Канас-кет). Остаётся этноним Тымдегет "(с реки) Тым человек". Пумпоколы называли речку, по которой селились, Тым "река". По нашему мнению, этнонимом пумпоколов было Тымдегет "тымский человек", имя, данное со стороны, скорее всего, кетами-инбаками. Еще раньше к такому выводу пришла Е.А. Алексенко (1975), которая допускала, что *тымдегеты* (фам. Кетских) это переселенцы с р. Кеть, возможно выходцы из расселившихся там енисейцев-пумпоколов. Нам представляется, что пора расплывчатый этноним *пумпоколы/пумпокольцы* (Пумпокольская волость была полиэтничной) заменить этнонимом *тымдегет*, а язык пумпокольский именовать тымдегетским. Было бы привлекательным возродить и идею о том, что *гебенг* – это са-

моназвание пумпоколов, но решение этого вопроса требует дополнительных исследований.

Ныне р. Тым именуется Кеть. Является ли переименование Тым → → Кет (русифицированная форма - Кеть) селькупским? Не спрятан ли в этом гидрониме этноним *кет*, которым, возможно, пользовались селькупы применительно к пумпоколам? В таком случае селькупский гидроним "кетская река" бытовал бы в форме Кетьль-кы или Кетулькы, где *кет* – этноним, *уль/ыль* - аффикс для образования прилагательных, а *кы* – апеллятив "река". Однако, в реалиях такого названия нет. Поэтому предложенная версия о том, что селькупы называли пумпоколов *кет*, очевидно, должна быть оставлена.

Арины (аринцы). По поводу происхождения этнонима *ар* предложено пять версий.

Первая версия. Ф. Страленберг впервые привёл это качинско-татарское их название, выводя из тюрк. *ары* "шершень" (Георги И.Г., 1799). И.Г.Георги писал также, что собственного "коренного" названия арины лишились в военные времена. Но Е.А.Хелимский (1986) указал на аринское слово *шушенкуча* "оса" (в записи Мессершмидта – *sussaj* "шершень"). В связи с этим возникает версия: не является ли тюркское *ара* – калькой с этого аринского слова? Не являлся ли *шушенкуча* (или близкий вариант с основой *шуш*) самоназванием аринцев? И далее, развивая версию, нет ли связи *шушенкуча* с этнонимом *шёшь-куп* у селькупов левобережья Оби в пределах Томской области? Ведь селькупский язык не терпит шипящих (Бубрих Д.В., 1948)! Очевидно, левобережные самодийцы имеют несколько иные корни, нежели их сородичи из правобережья. Не являются ли эти корни аринскими, которые называли себя *шуш* или близко к этому?

Вторая версия. В.М.Кулемзин (1984, с. 50) отметил, что ханты "*термином ар называют своих древних предков (ар ях древний народ)*". В языке хантов имеются слова и выражения *агец* "чужой, иной", *агец қәсі* "чужой человек" (Терёшкин Н.И., 1981), *арац* "чужой, другой", *арац ку* "чужой человек", *арац мяхни ку* "чужеземец" (Могутаев М.К., 1996). Если опираться на эту версию, то *ар* – это исконное самоназвание аринов, сохранившееся в памяти восточных хантов. В системе Васюгана имеется значительное число рек, в названиях которых апеллятив *игай* хантами осмысливается как "речка", хотя и не выводится из их языка⁴. В языке арин по записи 1735 г. (Хелимский Е.А., 1986) имеется термин *икаи* "река", который можно увязать с *игай*. Ареал аринских топонимов на *-зат* и сопряжённых с ними топонимов с апеллятивом *лат* находится на территории восточных хантов.

⁴ А.П. Дудьзон считал этот термин тюркским заимствованием *илау*.

Третья версия. Имя казака, переводчика с русского на аринский (Хелимский Е.А., 1986), Арзамас полностью соответствует названию города Арзамас на Волге. Город Арск в Татарстане, по преданиям (Семёнов П.П., 1863, с. 135), получил название от финского племени *ара* или *арины*, занимавшего местность между Вяткой и Казанью и вышедшего в начале XIII в. из пределов Енисейской губернии. Действительно, в Предуралье были известны племена ар (арины), ныне это удмурты. В самоназвании удмуртов *ар* заложено понятие "люди". Русскому населению ары-удмурты были известны как вотяки, отяки, отины (кстати, И.Г.Георги называл енисейских кетов отяками и вотяками). По нашему мнению, эти параллели являются результатом домыслов и совпадений. Мнение о тождестве европейских арин (удмуртов) и сибирских арин основано на случайном сходстве: трудно предположить, что ары (арины) было самоназванием предуральских черкакульцев-межовцев эпохи бронзы, которое заимствовали позднее предки ныне финноязычных удмуртов.

Четвёртая версия. С.А.Старостин (1995), ссылаясь на северокавказские соответствия, считает что этноним *ар*, *ара* имеет семантику "воин": абх. а-г "войско", хурр. хūr-ado "воин". Кроме того, в коттском языке зафиксированы слова, в которых имеется корень, созвучный с *арин*: котт. аруп-гит "раб", haṅangat (Г.Ф. Миллер), haṅanget (Ю.В. Клапрот), ассан. хаṅanget (Ю.В. Клапрот) "слуга".

Пятая версия. Нами найдены некоторые кето-семитские (в основном западносемитские) соответствия (Малолетко А.М., 1995), что позволило подкрепить нашу версию об исходе предков кетов из Малой Азии. Нами было высказано предположение о том, что ары (арины, аринцы) Енисейского края – это, возможно, потомки арамеев Палестины. Этноним *арамеи* создан от имени племенного предка – Араам, по другой версии – агатти "кочевник" (отсюда и *арабы*). Потомки древних арамеев сейчас себя называют айсорами или ассирийцами (не путать с древними ассирийцами Двуречья, которые говорили на аккадском языке семитской группы). Арины назывались коттами *ханачеен* (Дульзон А.П., 1961). В этнониме второй компонент *чеен* имеет значение "племя, народ". Первый компонент фонетически близок древнему палестинскому этнониму *ханаан* (по региону Ханаан, то есть Палестина и Финикия). Хананеи (арамеи), говорили на языке, близком к еврейско-библейскому, а из современных – к ивриту⁵.

Нам более импонирует версия, согласно которой этноним *ар* является самоназванием группы енисейцев, а не тюркской калькой слова "шершень"

⁵ Не является остяцкий род Хонигетский (Долгих Б.О., 1982) потомком рода Ханаанет?

Ассаны/Асаны (вассаны, вазаны – по первым русским документам) в качестве самоназвания употребляли *коттуен* (Дульзон А.П., 1961), что подчёркивает этническую близость этих групп. Этимология этнонима неизвестна. Ф.Страленберг сообщал, что асаны – это тунгусское название коттов – из котт. *аса* "злой дух" (см.: Потапов Л.П., 1957, с. 136). Это прозвище тунгусы дали той части коттов, которая соседствовала с ними и находилась в недружественных отношениях. Нами высказывалось предположение о переднеазиатском происхождении этой группы кетов. Ассаны – это слово созвучно названию библейского Вассанского царства, которое находилось, согласно Книги Чисел, в юго-западной части Сирии, в районе современного города Эль-Кунейтра. Судя по библейскому тексту, вассаны и их царь Ог не были соплеменниками евреев и относились к последним враждебно, за что поплатились своей независимостью.

Котты. В качестве самоназвания были использованы *коттуен* (Дульзон А.П., 1961), в русской адаптации – *кхотовичи* (Хелимский Е.А., 1986), *котовцы* (Георги И.Г., 1799). Арины называли их *ассан* (А.П.Дульзон, 1961), по-видимому, в связи с упоминавшейся уже этнической близостью этих групп. Самоназвание является фонетическим вариантом общекетского понятия *кет* "человек".

Возможно кетские этнонимы. На карте С.У. Ремезова (1701 г., л. 17) в верховьях рр. Дербина и Сисим (правые притоки Енисея) показана дер. Яренска. Рядом сделана надпись *тимцы ясашины*. Не от имени ли р. Тим (позднее – Тым) образовано это название? Или же это иное написание родового названия *тинцы* (*тиинцы*), сохранившегося в среде хакасов?

Кайдынцы, обитавшие в верховьях Тубы, также предполагаются изначально кетоязычными (Бутанаев В.Я., 1994), точнее – коттоязычными, перешедшими в первой половине XVIII в. на тюркский язык (основа *кайденг*).

Бирюсинцы это искусственный этноним, созданный для обозначения кетоязычных групп (в основном коттов), переселившихся в таежное предгорье Кузнецкого Алатау и Шорию.

В разделе "Расселение..." сообщалось, что в Приангарье некогда жили бродячие охотники – чангиты и чулугдеи, которые, возможно, были частью коттов или ассан.

Этноним (*чагит*) был создан тунгусами и имеет значение "бродяга" (Ср. сл. тунг.-маньчж. яз., т. 2). Г.М.Василевич сопоставляла этот этноним с чукотско-корякским *таньгит* "враги", с коттским *чангхит* "гость" и с селькупским *чанг* "враг".

Этноним *чулугдеи* образован от эвенк. *чулугди* – "скакать" (прыгать на одной ноге). Это же слово (*чулугди*) в эвенкийском фольклоре имеет

явно негативные значения: 1) злое, одноглазое, одноногое, однорукое существо, 2) племя врагов-людоедов, 3) злой дух, 4) племя западных звенков-металлургов. Из этих значений последнее явно настораживает: рассказы о чулугдеях всегда сопровождаются сведениями о ямах, из которых смрадный дух выходит, "...невозможно человеку терпеть, а тот-де дух таков, как железо горит..." (цит. по: Туголуков В.А., 1985, с. 67). Да и наличие железных пил и посуды позволяет предполагать, что чулугдеи – это группа тунгусов-металлургов с иным укладом жизни. При всём негативном отношении к чулугдеям звенки заключали с ними брачные отношения. Знание чулугдеями звенкийского языка облегчало общение с звенками. Хотя необходимо отметить, что кузнечным делом славились и кетские (в широком понимании) племена. Всё-таки присутствие кетских (ассанских) гидронимов как в "локте" Ангары, так и в её левобережье позволяет положительно оценить версию В.А.Туголукова о кетской (коттско-ассанской) принадлежности чулугдеев/чангитов.

Не менее таинственно происхождение койбальского сеока *чонгмай* в составе хакасов. В.Я.Бутанаев (1970) считает его осколком одного из древнейших, по-видимому, кетоязычных лесных племён Алтае-Саян и сопоставляет с племенем яньмо древних (VII-VIII вв.) китайских источников.

РОДОВЫЕ ИМЕНА

Кеты ("енисейские остяки"). К приходу русских кеты имели несколько кровных родов. Г.Н.Прокофьев (1928) насчитывал два рода: *bóg dodeg* ("огня люди") и *ked táán* ("лыжного) посоха кольца люди". В 1681 г. кеты делились на шесть родов (Долгих Б.О, 1982):

богденцы (по русским документам - бокдейской, богденской, божденской, боньденской, болденской) – 65 чел.,
инбаки (инбацкой, инбатцкой, имбацкой) – 50 чел.,
хонигетский – 30 чел.,
булванский (булданской) – 40 чел.,
хентянский – 80 чел.,
земшаки (зешацкой, зешадцкой, зешвацкой, зашацкой, зешавцкой) – 120 чел.

Б.О.Долгих (1934) насчитывал четыре кровных рода: Хант'а⁶ (Кхан-та) "кольцо на лыжном посохе", Богдэй (Богдей) "огненный" или Богдейгет "огненно-рыжий человек", Хонын (Конын) "хвоя", Ольгыт "воляной".

В работе Б.О. Долгих, опубликованной в 1982 г., среди кетов выделены группы (фратрии):

⁶ Не происходит ли этноним *ханты* от этого родового имени кетов?

кэнтанг (фамилии Тыганов, Балнин, Бердииков, Латиков, Сименков, Пеклишкин, Парной, Толстых, Баглич),

богдэнг (Коротких, Лямич, Халевин, Кукушкин, Севнев, Мосейкин, Попов),

конэнг (Дибиков, Муксунов, Пескин, Липаткин, Пехачев, Давыдов),
шимденг или *сымденг* (Сутлин, Котосов, Тапков, Немчин, Катыргин, Каганов, Артюгин, Ириков, Мальцев).

Представители родов имели свои, "туземные" фамилии, которые в ряде случаев были русифицированы. Род Ханта имел фамилию Бальбя. Бальбя - это обоюдоострая рогатина с ручкой из черёмухи, которой был вооружен отличавшийся своей храбростью главный персонаж исторического эпоса кетов, предок Бальбиных. Кеты Бальбя получили русские или русифицированные фамилии Бальбины, Толстых, Тыгановы, Бердииковы. Род Богдэй имел четыре фамилии: Шимдя (название дано по р. Сым), Немчи (происхождение неизвестно, но среди хантов Васюганья имеется фамилия Немчиновы), Халивэй (похоже, что это ненецкая фамилия, для кетов нетипична), Ляма. Туземные фамилии ныне объединяют кетов: Шимдя - с фамилиями Буняев, Мосейкин, Каменский; Немчи - Синяев, Немчин; Халивэй - Халявин, Кукушкин, Коротких; Ляма - Лямин. Все эти группы живут в районе Черного острова на Енисее. Кеты рода Хонын ныне имеют фамилии Сутлины, Топковы. Живут они по р. Дубчес и от кетов-сородичей получили название Хайбанг-дьян "люди с крутого берега".

Коттские родовые названия. В записях русских служилых людей и ученых-путешественников XVIII-XIX вв. сохранилось немало названий родов (улусов). Эти названия имеют в качестве последнего компонента термин *kat/gat* со значением "дети". Родовые названия типа Камартагат, Теширкат, Хелапсыркат восходят к личным именам: и означают "дети Камарта, Тешира, Хелапсыра" (Вернер Г.К., 1985).

Родовое название Урчин улус (без родового термина *kat*) может восходить к форме мн. ч. *uršän* от ед. ч. *urša* "бобр" (т.е. "бобры"), Тиннаган улус "люди елового леса" (котт. *tini* "еловый лес"), Имменок улус "люди ореховой дороги" (котт. мн. ч. *itan* "орех" + *ax/ag* "дорога"), улус Пенананакат, возможно, означает "утиные люди" (котт. от формы мн. ч. **repän//*ripan* "утки"). По данным Г.Ф.Миллера (1941), коттскими являлись улусы *Pentikajmak* (Пантыков), *Kemirtagat* (Багин), *Teschirkat* (Шалашкин), *Torschuk* (Торсуков), *Tinnagan* (Таганакон), *Immenek* (Именекон), *Pelengut* (Пеленгутская волость), *Aigasch* (Агашская волость), *Jingolarkat* (Инголецкий улус).

Ассанские родовые группы. В XVII в. разделялись на 12 улусов: Тыманов (Пантыков), Багин, Темсеников (Курчечков), Араксеев, Торсуков, Шалашкин, Початский, Таганакон, Именекон (Аршин) и волости

Пеленгутскую, Агашскую и Инголецкую. Початская и Агашская волости получили от русских своё название по рекам. Некоторые улусы (Багин, Шалашкин, Торсуков, Пантыков, Таганоков, Пеленгутская волость) известны и как коттские. По-видимому, близкородственные группы коттов и ассан проживали попеременно.

По данным Миллера (1941), в конце XVIII в. среди ассан были известны улусы (родовые группы): Helapsytkat (Алашаев), Penanankat (Тупораков), Schibardam (Шибарданов), Tahubremkat (Ассанская волость).

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА

Собственные имена кетов (антропонимы) изучены неравномерно. Имена коттов, ассанов, аринов и пумпокольцев изучены слабо. Лишь в исторических документах имеются упоминания имён "енисейцев", и то только тех, кто был по каким-то делам (военным, яшашным и др.) связан с русским начальством.

Гораздо лучше изучена антропонимия "остяко-самоедов" или енисейских остяков, известных по первым письменным источникам как имбаки и земшаки. Их потомки и ныне живут по Енисею и сведения об их именах достаточно подробны. В частности, этому вопросу посвящено исследование Т.И.Поротовой (1977).

Аринские имена. Кроме имени главного (?) князька Тюльки (Тулки) в исторических документах упомянуты князьки Татуш (Татыш, Та-тауш) и его сын Бабук, Абатаев (Абатай), Канбирев (Канбирь?), Тетюгин (Тетюга) и Щербак (?!), и аринский татарин Акшитарк. Последнее имя, судя по его структуре, является тюркским по происхождению. Это весьма вероятно, так как аринцы тесно контактировали с качинскими татарами. В документе (зима 1621/22 гг.) были упомянуты вместе с Татушем князцы Тулькиной земли Небытай и Базрак. В другом документе (1621/22 гг.) в компании с Базраком упоминается яшашный Ивага. В этом же документе упоминаются "тюлькинские мужики" Тумей, Капчик, Тап (Миллер Г.Ф., 1941, с. 273). У князька Тульки был сын Кобытя, второе написание - Кобыта (Там же, с. 211). Г.Ф. Миллером дважды упоминается Богдашко (Богдан) Туметков сын (с. 273 и 356) – новик (принятый на службу абориген-новобранец) Кузнецкой волости. Это, несомненно, сын князька Туметки, главы Кузнецкой волости. Второй раз Богдашко фигурирует как толмач (переводчик), сопровождавший енисейца Василия Аргамакова для повторного сбора ясака с аринских людей. По-видимому, жители Кузнецкого уезда на Енисее были аринцами по языку. Если это так, то к числу аринских можно отнести и имя Белка Тюменкова

Ассанские имена. Нам известно только одно достоверно ассанское имя - Тупорак, которое носил князец улуса в составе Ассанской волости Красноярского уезда. Улус состоял из 13 чел. (Миллер Г.Ф., 1941, с.363).

Коттские имена. С 1628 г. русские стали проникать на р. Кан, в бассейне которой проживали "котовские люди". Первые контакты с коттами были сложными, что повлекло переписку красноярских служивых с Москвой и Енисейском. В этих документах, собранных Г.Ф. Миллером, упоминаются имена рядовых котовцев: Пыркей Хунгураков, Печенек Интоков и князьки Тесеник (Темсеник), Тымак и его сын Пантык, Магай, Куганей, Пеянок (возможно, русифицированная форма). В 1636г. красноярский воевода Фёдор Мякинин отписывал енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о попытке бывшего красноярского воеводы Никиты Карамышева увезти на Русь некрещёный котовский полон – князька Баганчя, его жену Кинику и малго (ребёнка). Из переписки явствует, что у Баганчя был брат Улангей. Названия коттовских родов (улусов) содержат в финальной части компонент *кат* "дети" (<* "люди"). Исходя из этого по названиям улусов реконструируются личные имена: улус Камартагат "дети Камарты", улус Теширкат "дети Тешира", улус Пананкат – "дети Пананаса", улус Хелапсыркат "дети Хелапсыра".

По мнению Г.К.Вернера (1990), личные имена коттов образованы от нарицательных имён – названий животных, представителей растительного мира и др.: имя Урчин восходит к игъа "бобр", Именек "ореховая дорога", Торсук "табак".

Пумпокольские имена. Известны только имена князька волости – Урнук и новика (новобранца) - Супиндейт Кейпетов. Можно добавить имена Союр и его сына Кокдет. Возможно, имена пумпоколов в документах имеются, но идентифицировать их с носителями пумпокольского языка затруднительно, так как неизвестно их самоназвание и места проживания. Не исключено, что пумпокольцы жили и в иных волостях, "маскируясь" этим.

Енисейские кеты. С этой группой "енисейцев" русские познакомились в начале XVII в., встретив их на левобережных притоках Енисея – по рр. Кас, Дубчес, Елогуй и в среднем течении р. Кеть. В ранних источниках они известны как инбаки (название дано по зимовью), сымские, касовские и енисейские остяки. В ранних документах мелькнул этноним *земшаки* (у Г.Ф. Миллера – *зешаки*). Этноним образован от имени р. Сым.

В ранних документах (первая половина XVII в.), собранных Г.Ф.Миллером зафиксированы следующие имена енисейских (инбатских, сымских, касовских) остяков Сымской волости: князец Кайгет (Каягет, Кайгетко), "коволдынский мужик" Чичигит и брат его Коргетко

(возможно, Кайгет и Коргетко – одно лицо), князец с р. Кас Окдон Кымзин (Акдон Кымцын), Елифатко, Килгот, Кинза, Тымка, Кемса, Онекса, Дюка Новародов, Кичетко, князец с р. Сым Албепет, новики (новобранцы) с Сыма Томгич Албепетов, Емскиг Колгитов, Тангулет Келгатов, Хатак, Каля Нагатебетов, Зоень Теберов, Оппаска Пуркетов, Микетька Хальянов, Олка Оксенов.

В сымской области был князец Колкал Иликов. Любопытно, что в некоторых именах присутствует компонент *гет*, который можно сопоставить с общекетским словом *кет* "человек" (ср. *казет* "старец"): Кайгет, Килгот, Коргетко, Чичигит, Пуркетов. Его можно усмотреть и в имени новика Микетька (если только это не искаженное русское имя Микитка). Формант *гит* в фамилии Чичигит, возможно, является уменьшительным аффиксом (ср. *с'ль* "карась", *с'льгит* "карасик").

И ещё одно наблюдение. Все новики, как в те времена называли новобранцев, имеют русифицированные или русские фамилии: Нагатебетов, Теберов, Пуркетов, Хальянов, Оксенов. Очевидно, это крещёные кеты, принятые на русскую службу без освобождения от ясака. Имя Албепет содержит компонент *алб*, который, возможно, восходит к имени кетского героя Альба. Финальная часть *пет* у фамилий Алгепет (Алгепетов), Нагатебетов (из Нагатебет), возможно, является каким-то значимым формантом.

Б.О. Долгих (1934, с. 10) приводит имена и русифицированные фамилии (образованы от имен отцов) кетов Тымской волости – Когота Сюксин, Келдеяр Ерганов, Каракольской волости – Чомка Молгетов, Кирка (Кирьян? – А.М.) Дедегитов, Тоглемко (Тоглем) Сайгодин. В списке плательщиков ясака наряду имеются как селькупские, так и енисейско-остяцкие (инбатские) имена: Каня Агомесов, Тыня Сулев, Доня Тынев, Хойсень Донин (отец, сын и внук), Латик Десяянов, Кыл Ямбиев, Алерин Холзиев, Вунюгин Аскитов, Хакей Чунгитов.

По спискам 1629 и 1632 гг. в Имбатском зимовье жили кеты Каня Агомесов, Тыня Сулев, Латик Десяянов, Хоткит, Хахтокет и Игук Латиковы, Тютя Хахтыгитов, Кояд Елтиев, Итля Елкитов, Етбет Елтитов, Леок Тыгындев, Талхак (Таляк) Тыгыдев, Иоскин Фолтев, Ичигет Холтин, Филкет Фолтин, Кодивал Тугулимов, Угелес Хонегитов, Данша (Х)Апегитов, Кытван Космак Табылев, Ибкет Дурного, Сяга сын Ехтунина. А списках богденского рода за эти же годы числились Сеневы – Тябко, Букляхта, Дурас, Дебляс, а в списках земшатского рода – Оконса Хынулев, Нехет Ингатов, Даймгол (Догмокет) Кангатов.

В работе В.И. Анучина и Н.А. Синельникова (1911) упоминаются имена кетов Туруханского края (исследования 1905-1906 гг.): Оон, Худай, Сэсла, Кáнгль, Кась Ломá, Док, Дун, Ямуль (ударение на первом гласном).

Антропонимам современных кетов посвящены статьи И.Г.Вернер (1976) и Т.И. Поротовой (1977). Ныне кеты имеют русскую тройственную номинацию – фамилию, имя и отчество. До 1917 г. широко употреблялись самобытные имена, которые в качестве прозваний сохранились до наших дней наряду с официальными именами. Имена такие, как правило, хорошо раскрываются из языка кетов и могут иметь сходные апеллятивы, которые представляют собой родовые названия животных, растений, явлений природы: *кул'еп* "горностай", *с'а?л'* "карась", *китн* "крапива", *болба* "гриб", *кумл'ей* "бабочка", *быс'тин* "оса", *ул'гит* "вихрь". В прозвании отражаться какие-либо специфические свойства человека – характер или темперамент, физический недостаток или ярко выраженную внешнюю особенность, черту поведения и другие мотивации. Так как кетский язык обладает именной классификацией и грамматическими различиями по роду, женские и мужские собственные имена, образованные от одного и того нарицательного имени, имеют различное оформление. Так, от нарицательного слова *карась*, имеющего в языке кетов женский род, образовано женское имя *С'ал'а* и мужское *С'а?л'*. Личные имена людей не употребляются во множественном числе.

Встречаются имена, не этимологизированные: Курсубал, Талболанг, Тута, Ильга, Усека. Эти имена могут восходить к нарицательным, которые ныне уже неупотребительны в языке кетов, либо заимствованы (с искажением) от селькупов, эвенков, северных самодийцев, с которыми у кетов формируются смешанные браки.

Как сообщает Е.А.Алексеев (1967), фамилии кетов образованы от имён (прозвищ) предков (Лама – Лямич, Имля – Имляковы, Бална – Балнины), от топонимов (Кетских – Тымдеп "люди с Кети"), от родового самоназвания (Ул'гыт//Ол'гыт – Уленевы, Олоновы). И.Г. Вернер дополнительно приводит фамилии Дибиков – от клички Дийк, Коротких – от Колет, Коганов – от Когын, Латиков – от Латик. Обычно эти фамилии в прошлом давались русскими миссионерами-священниками при крещении (Вернер И.Г., 1976). Латиковы имели самоназвание Кась'деп (приблизительное чтение Касьденг; мн. ч., букв. "песчаные люди"). Поэтому у Латиковых были двойные имена: Копсал Кас'кет – Пётр Латиков, Мита Кас'кет – Дмитрий Латиков, Енсал Кас'кет – Никита Латиков (Алексеев Е. А., 1975).

АНТРОПОЛОГИЯ

Как ни удивительно, но антропология современных и исторически известных кетов (енисейцев) изучена очень слабо.

Котгы. Имеется единственное описание внешнего вида коттов, сделанное в 1737 г.: "*Оной народ состоит ростом средним, лицом смуглые,*

глаза узкие, чёрные и карие, волосы чёрные и русые" (цит.: Вернер Г.К., 1990, с. 6).

Кеты (енисейские остяки). Наиболее полное соматологическое описание (антропология живых людей) кетов Туруханского края сделано В.И. Анучиным по исследованиям 1905-1906 гг. и обработано Н.А. Синельниковым (Анучин В.И., Синельников Н.А., 1911). Хотя современными археологами это описание квалифицируется как не очень профессиональное, мы не имеем лучшего, по крайней мере в публикациях. Однако это описание ценно тем, что сделано оно почти 100 лет назад, когда физические типы кетов были представлены в более чистом виде, чем ныне. Они слабее были затронуты процессами метисации с русскими, селькупам и тунгусами..

Внешний вид кетов охарактеризован так: *"все отличаются крайней сухощавостью, много худых. Стуловаты, узкоплечие, с впалой грудью и животом. Все оставляют впечатление забитых, измождённых, преждевременно одряхлевших"* (с. 3). Кеты отличаются низкорослостью. Средний рост мужчин 1587, максимальный 1690, минимальный 1469 мм. У женщин средний рост 1437, максимальный 1557, минимальный 1357 мм.

Далее дневники В.И. Анучина содержат обобщённые описания антропологических "элементов".

Волосы на голове у преобладающего большинства очень густые и жесткие. Курчавых (как папуасы) В.И. Анучин видел только трёх. Лиц с волнистыми волосами встречал много. Лысые очень редки. Седина появляется поздно. Борода только на подбородке. Брови густые, широкие, прямые. Волосатость тела очень скудная, только на руках и ногах.

Кожа в большинстве случаев смуглая, встречается белая и желтоватая.

Складка глаз (монголоидный признак) крайне редка. Всего не более как у 10 человек. У женщин чаще бывает. У женщин косо поставленные глаза также чаще встречаются.

Нос прямой, не редко горбатый, очень не редко тонкий и резко ограниченный. Вздёрнутый, широкий и плоский нос встречается не более как у 20 % всего населения.

Губы крупные, характерна отвислость нижней губы.

Уши не очень оттопырены.

Зубы широкие и плотные.

Лоб закругленный, покатый, низкий, морщинистый.

Дуги надбровные сильно развиты, глазницы впалые, глаза расставлены несколько широко.

Рис. 2. Бал(ь)дин 1967.

Кет из пос. Келлог (из архива О.А. Осиповой)

Лицо в общем короткое (низкое – А.М.) и широкое. Полная длина лица (с мягкими тканями) у мужчин от 130 (опечатка?) до 240 мм, в основном 174-203 мм, средняя 191 мм. У женщин в пределах 162 – 198 мм, средняя 178 мм. Ширина лица мужчин изменяется от 140 до 162 мм, средняя 149 мм, у женщин от 130 до 155 мм, средняя 140 мм. Енисейцы, мужчины и женщины, могут быть отнесены к народностям "среднелицым с наклоном к широколицести" (Анучин В.И., Синельников Н.А., 1911, с. 14).

По головному указателю кеты брахицефалы (круглоголовые; 86,5%). Долихоцефалы (длинноголовые) встречаются только среди женщин (3,3 %).

В.И. Анучин среди енисейцев выделил два типа.

Тюркоподобный (монголоидный. – А.М.) – напоминает качинца, якута, киргиза, монгола, и много похожих на тунгуса. Прямые, всегда чёрные волосы; заметная скуластость и косоглазие, глаза карие; прогнатность и, хоть и очень редко, монгольская складка. Более темная (в сравнении со вторым типом) окраска кожи, меньшая волосатость, черты лица резкие. Рост маленький. Тюркоподобность ярче выражена у женщин. Но глазные впадины, выдающийся нос, прямой и неширокий, делают этот тип мало сравнимый (с монголоидами. – А.М.). Главным образом, это представители рода Хан'та.

Арийцеподобный (европеоидный. – А.М.) – волосы прямые и волнистые, и шерстистые (? – А.М.), темнорусые-рыжие; малая скуластость и очень частое отсутствие её, нет косоглазия и монголоидной складки. Белая кожа⁷. Обильная волосатость тела, чаще борода и усы. Цвет радужной оболочки серый, светло-голубой. Румянец, веснушчатость. У детей волосы цвета льна. В общем это тип русского крестьянина и часть похожа на финляндцев. Это главным образом представители рода бодгейгет "огненнорыжий человек".

И.И. Гохман (1963, 1982) по краниологическим характеристикам выделяет две группы кетов (енисейских остяков) - елогуйскую (левобережье Енисея) и подкаменнотунгусскую.

Елогуйские черепа имеют крупные поперечный и продольный, но небольшой высотный диаметры мозговой коробки. Черепа брахикранные (круглые), долихокранные отсутствуют, лоб относительно широкий, наклонный, надбровье развито сильно. Лицо широкое, высота его средняя в мужской серии и очень малая в женской. Лицо ортогнатное, альвеолярный прогнатизм отмечается только на женских черепах, орбиты широкие, средней высоты. Переносье довольно широкое, невысокое. Встречается выпуклый профиль спинки носа.

На Подкаменной Тунгуске (кладбища пос. Суломай) изучены два черепа, сходные по строению. Они имеют небольшие продольные и поперечные диаметры, черепная коробка низкая, узкая, лоб узкий, плоский. Лицо широкое и низкое, среднеуплощенное, ортогнатное у одного черепа и мезогнатное у другого. Переносье высокое или средней высо-

⁷ Б.О. Долгих (1934, с. 12) также отмечал светлый цвет кожи у кетов: "Между прочим, когда для операции прививки оспы смывалась спиртом грязь, кожа кетов оказывалась не менее белой, чем кожа европеоидов, хотя лица их смуглы от постоянного пребывания на открытом воздухе".

ты, но выступание носовых костей к линии профиля у одного черепа сильное, у другого очень слабое.

Череп из Туруханска значительно отличается от подкаменнотунгусских. Он массивный, с сильно развитым надбровьем, довольно крупными продольным и поперечными диаметрами. Черепная коробка высокая, лоб широкий неплоский, умеренно наклонный, лицо очень широкое (скуловой диаметр 149 мм), высокое, прогнатное, но не плоское. Носовые кости крайне низкие, однако выступание их к линии профиля не очень малое. Кетский череп из Туруханска, по нашему мнению, характеризует антропологический тип, близкий к кавказцам, в частности к аварцам. Для последних также характерна резко выраженная круглоголовость, широкое лицо, сильный наклон лба и сильно развитое надбровье. Нос имеет значительную высоту и небольшую ширину.

Череп с Курейки выделяется крайне малыми размерами. Лоб узкий, плоский, прямой, лицо узкое, очень низкое, а выступание носовых костей очень малое.

Таким образом, антропологический тип исторических кетов-инбаков очень неоднороден. И.И. Гохман отмечает, что левобережные кеты близки к западносибирским группам населения, подкаменнотунгусские – к южносибирским, особенно к шорцам. Дальше отстоят бельтиры, сагайцы, койбалы, качинцы, манси, чулымцы XVIII в. Такая неоднородность физического типа кетов объясняется сложной и длительной их историей, многократной метисацией. Каковы были исходные типы у предков кетов и какие смещения были у них на ранних этапах истории? Можно согласиться с И.И. Гохманом, что предки кетов обладали иными комплексами признаков и приобрели черты уральского типа в последние два-три столетия в процессе смешения с самодийскими народами.

В.П. Алексеев (1974, с. 89) отмечал, что антропологический тип кетов местный – западносибирский, поскольку пришлая группа их была малочисленной и растворилась в среде аборигенов, но сохранила свой язык и фольклор. Полностью с таким мнением В.П. Алексеева трудно согласиться. Вряд ли пришлая группа предков была малочисленной. По крайней мере, в течение нескольких сот лет волны пришельцев шли одна за другой. К тому же освоить огромную территорию Сибири и создать столь многочисленные топонимы по силам было только крупной популяции человека. Однако, не исключено, что по периферии ареала не было физической ассимиляции аборигенов. Здесь аборигенам могли быть переданы лишь материальная культура и язык, физический же тип сохранялся. История знает немало примеров тому. В частности, жители Малой Азии, обладатели признаками восточносредиземноморского ва-

рианта большой европеоидной расы, переняли тюркский язык, но сохранили свой антропологический тип.

ЯЗЫКИ

Нет общепринятого обобщающего названия языка аринцев, ассанов, коттов, пумпокольцев и "отяков" (енисейских остяков). Наиболее распространенное название "кетские языки" оценивается как неудачное, так как кетами ныне признаются только те племена, которые ранее назывались енисейскими остяками. Следовательно, именем части населения называется языковая группа. Используется еще понятие "енисейские языки", которое следует считать еще менее удачным потому, что помимо Енисея их носители жили и на Иртыше, и на Оби, и на Каме (приток Волги), и недалеко от Байкала. Нами было предложено название "сибирские алародийцы" (Малолетко А.М., 1995), исходя из предполагаемой генетической связи их с языками околосредиземноморскими (хаттским, каскским, хурритским и др.).

В лингвистической литературе со ссылкой на первоисточники XVIII в. имеются следующие названия кетских языков – камасинский и койбальский. И койбалы, и камасинцы в XVIII в. были безусловно самодийскоязычными, поэтому такое определение их как "коттские", на первый взгляд несколько странно и непонятно. Произошло это в ранние годы изучения языков приенисейских народов, когда языковая картина была недостаточно ясна. Коттские словарики были записаны от коттов, но проживавших в окружении самодийцев – койбалов или камасинцев. Исследователи по этой причине отнесли их соответственно к койбальскому или камасинскому.

Словарные сборы Г.Ф. Миллера обычно фигурируют как документы остяцкого языка.

Филипп Иоганн Табберт, пленный шведский офицер, который по возвращении в Швецию получил дворянский титул и фамилию Страленберг, участник экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1721-1722 гг.), среди камасинцев по р. Мана записал 31 слово, которые позднее были квалифицированы как коттские. Даже более чем столетие спустя А. Кастрен, называя жителей Агульского улуса камасинцами, признал, что в действительности они *"не только не Русские, но и не Самоеды и не Татары, а остаток древних Коттов"* (Кастрен А., 1860, с. 424). Такая же ситуация возникла с "койбальским". И.Е. Фишер (1774, с. 75) привёл таблицу числительных, в которой одна графа называется *"кутовы (котты – А.М.) и койбалы"*. Числительные эти близки к таковым остяков у Енисея, аринским и ассанским. В принципе в лингвистической и этнографической литературе неоднократно поднимался вопрос о изначаль-

ной "кетской" природе койбалов. Но в XVIII в. койбалы были уже самодийскоязычными. Трудно представить, что среди койбалов в это время нашёлся хотя бы один человек, который сохранил язык коттского типа. Здесь, очевидно, повторилась ситуация с "камасинским" языком, по Ф.Страленбергу. Среди койбальского населения были котты, которые ещё сохранили родной язык. Исследователь, очевидно, счёл и коттов, и койбал единоязычными группами. При ссылке на источники (работы Страленберга и Фишера) названия языков камасинского и койбальского следует брать в кавычки, чтобы отграничить их от действительно самодийских. Большая заслуга в фиксации и изучении языка коттов, в том числе и их лексики, принадлежит А. Кастрену. Е.А. Хелимским (1986) был найден в архиве (ЦГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 516, №2) словарь "канского" языка, который (язык) оказался коттским.

Аринский, ассанский, коттский и пумпокольский языки изучены несравненно слабее, нежели язык отяков (енисейских остяков). По этой причине членение этих языков на диалекты очень затруднительно. Для коттского это сделано Г.К.Вернером (1990). Сравнение материалов XVIII в. и материалов, записанных в середине XIX в. М.А.Кастреном, позволили исследователю прийти к заключению, что в коттском языке было несколько диалектов. Диалектные различия проявляются даже в материалах Кастрена, записанных от пяти стариков в с. Агульское. Кастрен выделил эти говоры на основании различий в вокализме (по долготе гласных), консонантизме (закономерные соответствия согласных), места словесного ударения, различий в словообразовании, в образовании множественного числа и др. Сравнение материалов XVII и XVIII вв. также свидетельствует об их различии. Эти различия достаточно многочисленны, и вряд ли их следует сводить к эволюционному развитию языка.

В кетском языке (языке современных кетов) А.П. Дульзон (1968) выделяет два главных диалекта – сымский (югский или, по Г.Ф. Миллеру, остяцкий) и инбатский. Г.К.Вернер (1973) сымский (югский) диалект выводит на другой уровень – в ранг самостоятельного языка. *"Значительные различия между этими языками (имбатским и югским. – А.М.), существенно затрудняющие взаимопонимание их носителей, а также ряд причин культурно-исторического порядка делают целесообразным рассмотрение югского в качестве особого языка"* (Кет. сб., 1968, Предисловие, с. 5).

Кетский (имбатский) язык имеет говоры: курейский, бакланихинский, сургутихинский, елогуйский и подкаменнотунгусский, которые объединяются в три диалектные группы – курейскую, бакланихинско-сургутскую и елогуйско-подкаменнотунгусскую (Вернер Г.К., 1973).

Иногда кетов делят по местам их проживания, отмечая своеобразие их языков, - елогуйские, суломайские, пакулихинские кеты и др.

Мессершмидт записал слова у кетов с р. Эедт-Шеш, которая впадает в Енисей слева ниже устья Елогуя. Этот языковый материал рассматривается иногда как диалект эд (э-диалект) или *денка*⁸.

Г.К. Вернер (1973), рассмотрев лексический материал енисейцев, объединил их в три группы: 1) ассано-коттский, 2) арино-пумпокольский, 3) кетско-югский.

М.М. Костяков (1976) следующим образом группировал енисейские языки: *северная (префигирующая)* – пумпокольский, сымский (югский), кетский, *южная (суффицирующая)* – аринский, ассанский, коттский.

Однако Г.К. Вернер (1979) проанализировал известный лексический материал по пумпоколам и пришёл к выводу, что в XVIII в. Пумпокольская волость была неоднородной по населению: наряду с пумпоколами там жили и юги (сымские кеты). Русские должностные лица, заполнявшие лингвистические анкеты Палласа, не различали эти группы енисейцев и подали весь лексический материал как пумпокольский (он был собран от жителей Пумпокольской волости!). При этом он отметил, что глагольные формы, которые являются действительно пумпокольскими, свидетельствуют о суффиксальном типе глагольного формообразования. Югские (сымско-кетские) и кетские глагольные формы имеют префиксальный способ формообразования, то есть язык югов (и кетов) – является префигирующим. Имеются и некоторые лексические несоответствия (см. ниже).

В 1973 г. Г.К. Вернер писал, что язык сымских кетов (югский) находится на грани исчезновения. Тогда было 3-4 пожилых югов, которые еще в совершенстве владели своим языком. Прошло более четверти века, и эти носители югского языка, несомненно, ушли из жизни. Так на наших глазах исчезли последние носители этого древнего сибирского языка.

Некоторые особенности кетского языка. Уровень изученности енисейских языков различен, и об их типологии можно говорить только применительно к кетскому (имбатскому) языку. Приведем лишь несколько особенностей этого языка, по работе А.П. Дульзона "Кетский язык" (Томск, 1968).

Язык богат гласными (11 фонем). Гласный ь - это краткий негубного образования звук, который встречается только в неударном положении. Произносится неясно, при небрежном или быстром произношении может заменять гласные *e, a, y*.

⁸ А.П. Дульзон (1961) писал, что эд-диалект (103 слово) записан неизвестным исследователем.

Согласных в кетском языке 38. Многие имеют себе параллели в виде палатальных (мягких) вариантов: *н', л', н', д', т', с', ш', ж', дз, дж', ч'* (знаком ' показана мягкость звука). Характерно наличие гортанной смычки (типа русского кряхтения или конечной согласной в слове *нек* "нет"; в примерах обозначается значком ?). Этот согласный употребляется до или после гласного в любом положении в словах: *ду?* "дым", *?е?* "да", *ты?с* "камень", *и?* "солнце" (диалекты не указаны). Гортанный *h* соответствует немецкому. В югском в начале и середине слова представлен согласный губно-зубного образования *ɸ*, в русском языке присутствующий только в заимствованных словах. Имеется три варианта согласного *л*: 1) *л* по артикуляции похож на русский твердый *л* в слове *лампа*, 2) *л'* соответствует русскому мягкому *ль* в слове *моль*, 3) *l* произносится как немецкий соответствующий согласный (немного мягче, чем русский *ль*). Согласный *p* раскатистый, то есть со многими вибрациями. В некоторых имбатских говорах вообще не встречается (Сургутиха, Пакулиха), в других – только в середине или конце слова. Близкий ему *R* представляет собой дрожащий, раскатистый, со многими вибрациями звук. Встречается во всех говорах, но редко и только в середине слова.

Типология кетского языка. Язык номинативного строя – структурные компоненты ориентированы на семантическое (смысловое) противопоставление субъекта и объекта, что на лексическом уровне нашло отражение в распределении глаголов на переходные и непереходные. Первые имеют направленность на объекты, вторые – на субъекты. Синтаксис имеет номинативную конструкцию предложения. Однако В.Б.Шабаев (1986) нашел в кетском немало типологических примеров языков активного и эргативного строя. Г.К. Вернер (1999) отметил в кетском языке ряд черт, напоминающих языки активного и эргативного строя. В языке сохраняются многочисленные следы именных классов. В структуре кетского языка различаются два грамматических класса по признаку одушевленности и неодушевленности, причем первый делится по полу – на мужской и женский.

В общем кетский сохранил многие архаичные черты, однако он является более продвинутым в своем развитии, нежели северокавказские. Он перестроил свою древнюю систему, правда, не в такой степени как индоевропейские.

Язык сымских кетов-югов и кетов-имбаков образует одну группу. Однако он имеет некоторые особенности как в лексике, так и в фонетике. Лексические различия отмечены Е.А.Алексеевко (1975, с. 214):

Югский	Кетский	
<i>нэ́</i>	<i>н'ан'</i>	"хлеб"
<i>јер'</i>	<i>ул'</i>	"вино"
<i>сыре́</i> (< зырян)	<i>кысн'</i>	"русский"
<i>фуш</i>	<i>кус'</i>	"лошадь".

В фонетическом отношении отметим кетские и сымские (югские) чередования *с/ш ~ т/ч*:

Кетский	Югский	
<i>с'уол</i>	<i>ш'уол</i>	"нарта"
<i>с'и</i>	<i>ш'и</i>	"ночь"
<i>с'уй</i>	<i>ш'уй</i>	"комар"
<i>тий</i>	<i>ч'ий</i>	"черпать"
<i>ти?п</i>	<i>ч'и?п</i>	"собака".
<i>ток</i>	<i>чук</i>	"топор"

Отмечены и чередования *х ~ ф*:

<i>хиу</i>	<i>фиу</i>	"мужчина"
<i>хун'</i>	<i>фун'</i>	"дочь"

В связи с этим возникает вопрос: не является ли гидроним в бассейне р. Сым с компонентами *чум* (Кольчум – правый приток) югским по происхождению. Возможно, ему соответствует имбакский гидроним Шехтум, левый приток Сыма, с компонентом *тум*. Не является ли гидронимы Шиш (правый приток Иртыша), Вашиш (приток р. Белая в системе Камы) шекающими вариантами гидронимов со свистящими спирантами в анлауте: Васис (приток р. Шиш), Полсис (река в верховьях Васюгана), Уксис (приток р. Курейка)?

Типология и особенности коттского языка. Судя по словарным материалам XVIII-XIX вв., язык коттов имел восемь гласных и 30 согласных звуков. М.А.Кастрен, работая лишь с пятью носителями языка, отметил наличие в коттском языке два говора, различающиеся в основном чередованием согласных: *g/k, x/q, x/g, g/j, l/r, t/t^h, f/p^p*.

Исконное же типологическое состояние енисейских языков на общеенисейском уровне, характеризовалось вероятнее всего активным строем (Вернер Г.К, 1999, с. 35). Хотя в нём имеются признаки эргативного и номинативного строя.

Числительные. Количественные числительные от 1 до 10 обладают обычно (но не всегда) большой устойчивостью, что используется для определения степени близости языков.

Для пяти языков кетской (енисейской) группы имеются записи числительных в "Словаре Палласа" (табл. 1).

Таблица 1

Числительные енисейцев, по Словарию Палласа

	Арины	Котты	Ассаны	Инбаки	Пумпоколы
1	кгузей	гуча, huča	гауту	хузам	хута
2	кина	инья, in'a	инез	ынам	нинеанг
3	тьюнга	тонга, toŋa	тонгья	донгам	донга
4	шага	чега, ŋega	шеггианг	сиам	цианг
5	кала	кега, hega	гейгьянг	кагьам	хеиданг
6	эгга	келуча, xeluča	гейлуджианг	агам	аггьянг
7	ынья	келина, xelina	гейлинианг	энгам	онгьянг
10	кгоа	хага, haga	гачианг	когом	хайянг

Примечания: 1) по-латыни указаны числительные, по А. Кастрену; 2) в числительных кгузей, гуча, гауту согласный г произносится фрикативно.

И.Е. Фишер (1774) приводит числительные в следующем написании (табл. 2)

Таблица 2

Числительные енисейцев, по И.Е. Фишеру, 1774

	Арины	Котты	Ассаны	Остатки у Енисея
1	кгузем	гуча	г аушу	хузем/кус', кок, кузем
2	кина	инья	инье	унем/ын, ыням
3	тьюнга	тонга	тонгья	донгем/донг, доонгым
4	шая	чега	шег-янг	сьем/сик, сигым
5	кгага	кега	гейгьянг	чагем/как, кагым
6	огга	келуча	гейлуч-янг	агез/а, ась
7	юнья	келина	гейлин-янг	онзе/он, оан, ончь
10	хогем	кгоа	гат	гатианг/когем, коусь

Примечание. В последней графе после косой линии указаны современные числительные кетов (Дульзон А.П., 1965), а прямым шрифтом – по записи П.Третьякова (1869).

Числительные до 5 совпадают во всех языках. Это свидетельствует о том, что пятеричная система развивалась в условиях единства всех исторически известных кетских языков. Совпадение числительного 10 указывает на то, что десятиричная система счисления стала оформляться также в общенисейское время. Где в это время были кетоязычные группы? Остаётся только гадать. Г.К. Вернер (1980) на материалах енисейских языков высказал предположения и о бытовании у их носителей и семирочной системы счисления.

Числительные от 1 до 5, а также 10 и 100 являются простыми, остальные производными или составными. Например, в коттском языке числительное 8 "xaltõja" образовано из xal<хега "пять" и тоja "три", то есть 5+3. В коттском же числительное 9 "хучабунага" образовано из huça топ haга "один нет десяти". да и число 7 "келина" в языке коттов является составным. Оно состоит из 5+2: *кега*<*кела + *инья*. О том, что число 5 в прошлом имело форму *кела свидетельствует аринское кала "5". А число 6 "келуча" в коттском языке образовано из сочетания 5 (*кега*<*кела) и 1 (*гуча*). Очевидно, изначально предки коттов пользовались пятеричным счётом. Это же относится и к предкам ассан. Языки коттов и ассан, судя по числительным, несомненно, находятся в близком родстве. Тем не менее их числительные различаются. В первую очередь это относится к финальной части *янг/анг* в ассанских числительных от 4 до 10, такой же компонент отмечается у пумпоколов в числительных, начиная с 2.

Анализ числительных всех енисейских групп позволяет высказаться в пользу родства их языков, хотя имеются и некоторые особенности у каждого из них. Числительные в ассанском (после 2) и пумпокольском (после 1) в финальной части имеют компонент *анг/янг* (ан). Это суффикс 3-го лица множественного числа, используемый при пересчёте одушевлённых предметов. Такое явление отмечается в языке абхазов, в котором при счёте в категории вещей к корню числительного (от 2 до 10) присоединяется суффикс *-ба/-па*, а в категории человека - суффикс *-ш^оы*.

Ассанские и коттские числительные имеют пятиричную основу, остальные десятиричную. Фонетически наибольший разницей наблюдается в названии 1: арин. *кгузей*, котт. *гуча*, ассан. *гауту*, инбаки *хузам*, пумпоколы *хута*. Фонетически выделяются две группы: 1) арин. *кгузей* и инб. *хузам*, 2) котт. *гуча*, ассан. *гауту*, пумпок. *хута*.

Нельзя ли найти похожие числительные в других языках. В первую очередь обратимся к языкам нахско-дагестанским и адыго-абхазским, родство которых с кетскими мы пытаемся доказать.

Сопоставление числительных до 10 в горских языках Дагестана и Северного Кавказа показывает беспримерный разницей количественных числительных в этих несомненно родственных языках. И найти какую-либо связь между ними сейчас невозможно. Только тонкий лингвистический анализ позволил найти их далекие общие корни, потерявшиеся ныне в сложном словообразовании нахско-дагестанских и адыго-абхазских языков (Сравн.-истор. лекс. даг. яз, 1971; Шагиров А.К., 1982; Ибер.-кав. яз., 1967).

Что даёт нам сравнение числительных енисейских и горско-кавказских языков?

Один. Арин. *кгузей* и инбакский *хузам* фонетически слегка напоминают абх. *зақы* (ныне *акы*), адыг. *зақы*, адыг., кабард. *зы*.

Два. Арин. *кина*, котт. *инья*, ассан. *инез*, инбак. *ынам*, пумп. *нинеанг* имеют некоторые соответствия в дагестанских: бежт., гинух. *кьоно*, хварш. *кьуни*, цез. *кьано*.

Три. Не имеет соответствий.

Четыре. Абх., абаз. *шь* имеет начальный согласный *п*, который является омертвелым классным показателем. Корнем служит *шь*. В енисейских этот корень имеется в числительных: арин. *шага*, котт. *чега*, асс. *шеггуанг*, пумп. *цианг*. Г.К.Вернер (1980) высказал две версии относительно происхождения числительного "4":

1) оно является древним сино-тибетским заимствованием (ср. др.-кит. зы "4");

2) числительное "4" исходит из представления древних как о четвероногом животном: то есть в основе лежит слово, означающее животное. В раннюю пору человечества не было общего понятия "животное", были конкретные понятия "олень", "собака" и пр. Принимая это, енисейское слово *четыре* можно сопоставить с с юг. сз^р, кет. с'ел' "олень".

Из других языков наше внимание привлекли семито-кетские соответствия числительного "1": евр. *эхат*, сир. *хад* – пумпок. *хута*, асс. *гаута*.

Из приведённых сходжений наиболее показательны семито-кетские, а из кето-кавказских - для числительного "2".

КЕТСКИЕ СЛОВАРИ

Очевидно, ранним исследователем кетских языков был участник первой правительственной экспедиции в Сибирь Даниил Готлиб Мессершмидт, который в 1721-1723 гг. изучал бассейн Енисея от р. Абакан до Туруханска. Коттско-ассанские слова записаны Д.Г.Мессершмидтом ошибочно как койбальские и Ф. Страленбергом, помощником Мессершмидта, ошибочно как камасинские. Кроме того, Мессершмидт записал слова аринов и кетов с рр. Эдт-Шеш (правда, А.П.Дульзон оспаривает приоритет Мессершмидта в этом деле) и Бахта.

Участники Академического отряда Великой Северной Экспедиции (1730-1740-е гг.) собрали оригинальные словарики языков многих народов Сибири, в том числе и кетских. Г.Ф.Миллер в 1731 г. записал 298 латинских слов с переводом на язык енисейских остяков, ассанов, коттов, аринов. Миллер указывал, что сам записал слова от местных жителей (Дульзон А.П., 1961). Он также собрал материал по языку аринов у Красноярска в 1735 г. (Хелимский Е.А., 1984 г.). И.Е.Фишер привёл две

таблицы из 24 слов енисейско-остяцкого, коттского, аринского и ассанского наречий.

В.Н.Татищев, будучи начальником Сибирских заводов (1734-1737гг.), разослал анкеты "слов с небольшим 200 написав от всех подвластных России языков, требовал переводу". Именно В.Н.Татищеву лингвистическая наука обязана словарями пумпокольского и канского (коттского) языков

П.С. Паллас, более известный как составитель нескольких томов Сравнительных словарей (два варианта), сам записал язык киштымских татар в койбальских юртах (Паллас, т. III, первая половина, с. 523). Кроме того, ему принадлежит инициатива рассылки "на места" анкет с перечнем слов, которые должны были быть переведены на языки инородцев Сибири.

А.М.Кастрен в 1847 г. изучал языки коттов с р. Агул и кетов низовий Енисея, и представил наиболее полный их словарь.

Следует отметить, что язык пумпоколов ни разу не был исследован учёными. Словарный материал от них был записан служилыми людьми.

Исходными для изучения кетских языков являются записи, сделанные в XVIII в. различными исследователями. Наиболее ранним и надёжным является "Словарь 5 аринских наречий" (в оригинале назван "Лексикон аринский на пяти диалектах"; Вдовин И.С., 1954, с. 42), представляющий кабинетную обработку полевого материала, записанного Г.Ф.Миллером в ходе Первой академической экспедиции в Сибирь (1733-1735 гг.). Лингвистические материалы, полученные экспедицией, были включены П.С. Палласом в "Сравнительный словарь языков и наречий...", изданный в двух вариантах (тематическом и алфавитном) в конце XVIII в. Хотя в словаре и были неточности, отмечавшиеся неоднократно (Г.К. Вернер, Е.А. Хелимский), он до сих пор является основным источником по языкам народов России того времени.

Аринский язык. Первые записи были сделаны Ф. Страленбергом (55 слов) и Г.Ф. Миллером (около 250 слов).

Е.А. Хелимскому (1986) недавно удалось обнаружить в ЦГАДА (Ф.199. Оп. 2. Портф. 516. № 2) неизвестный ранее список примерно из 470 аринских слов. Это были ответы на анкеты, рассылавшиеся "на места" по заданию Татищева, о чём красноречиво говорит название документа: "Известие о Красноярске и живущих тамо народов на вопросы г. Татищева 1735 и 1738 гг.". Сообщалось также, что словарь "Аринской земли перевозжен с русского на аринский через иноземца Арзамаса Лоскутова толмачил конной казак Иван Ковригин". Документ датирован 27 ноябрём 1735 г. Е.А. Хелимский допускает, что этот Арзамас Лоскутов был информатором Г.Ф. Миллера, записавшего свой словарь в том же 1735 г. Словарь Миллера был в два раза меньше найденного, но го-

раздо лучшего качества. По сообщению И.Г. Георги этот аринец был единственным носителем языка. В 1740 г. информанта уже не застали в живых. Справедливости ради нужно отметить, что сочинение "Известие о Красноярске..." и ряд словарей при нём были известны и ранее (Вдовин И.С., 1954, с. 33), но в научный оборот впервые введены Е.А. Хелимским.

Помимо Словаря Палласа лексика арин(ов) обработана и издана В.Н.Топоровым (1968). Имеются словарные материалы в работах А.П.Дульзона (1961), В.Н.Топорова (1967), С.А.Старостина (1985).

Язык коттов. Коттско-ассанские языковые материалы впервые были записаны Д.Г.Мессершмидтом под названием "койбальского" языка и Ф.Страленбергом под названием "камасинского". Более глубоко изучал язык коттов А.Кастрен в октябре-ноябре 1847 г. Кастрену посчастливилось застать в живых коттов в количестве 20 податных душ, которые жили на р. Агул среди самодийскоязычных камасинцев. Котты еще помнили о своём приходе с Енисея и называли себя *канас-кет* "канские люди" (Кастрен А, 1860).

В том же архиве Е.А.Хелимский обнаружил список слов "канского" языка, который оказался на поверку коттским. Имеется запись, что в *"1735 году декабря 4 дня перевод с канского иноземческого языка чрез толмача Канского острогу беломесного казака Якова Семёнова сына Кокоулина перевежено"*. Возможно, что казак Кокоулин был коттом. Известно, что русские воеводы принимали на казацкую службу представителей местного населения при условии принятия ими христианства. Судя по имени переводчика и его отца, оба они были крещены. В рукописи В.Н.Татищева "Записки о живущих в Сибири народах" отмечается, что канские татары себя зовут *кхотовичи* (Хелимский Е.А., 1986).

П. Третьяков (1869) привёл несколько десятков слов кетского языка и список числительных.

Помимо словаря Палласа и сборов А.М.Кастрена в недавнее время изданы работы Г.К.Вернера "Словарь коттско-русский и русско-коттский. Учебное пособие для начальных школ" (1993) и "Коттский язык" (1999 г.) Последняя работа содержит русско-коттский словарь (с. 281-394). Кроме того, словарный материал коттов можно извлечь из работ А.П.Дульзона (1961), В.Н.Топорова (1967), В.А.Старостина (1982)

Язык ассанов. Он был столь близок к языку коттов, что исследователи не могли вычленить его из своих сборов, хотя, несомненно, контактировали с носителями этого языка. Помимо малодоступных словарных материалов А.Кастрена, опубликованных давно и на немецком языке (Kastren A.M., 1858), и Сравнительных словарей Палласа ассанские слова можно извлечь из работ А.П.Дульзона (1961), В.Н.Топорова (1967), Г.К.Вернера (1990).

Язык пумпоколов. Единственный источник по языку пумпоколов – это записи Г.Ф.Миллера, использованные для "Словаря 5 аринских наречий". Эти же записи были повторены в Словаре Палласа. Однако в Словаре Палласа с пометой "пумпокольские" фигурировали также слова сымских кетов. Дело в том, что помимо записей Г.Ф.Миллера (1735 г.) были использованы и ответы на анкеты, рассылавшиеся в 1785 г. Анкета заполнена была со слов жителей Натско-Пумпокольской волости в верховьях Кети, которая была заселена в то время уже кетами-югами. Е.А.Хелимскому удалось разыскать первоисточник: "Язык пумпокольских остяков на р. Кеть", написанный рукой Г.Ф. Миллера. Рукопись содержит около 230 слов, из которых 18 ранее не были включены в "Словарь 5 наречий" и, следовательно, в Словарь Палласа. Е.А. Хелимским (1986) опубликован полный список слов пумпоколов, составленный Миллером. Это самый достоверный, полный и доступный источник по языку пумпоколовцев. Словарный материал пумпоколов можно извлечь также из работ А.П. Дульзона (1965), В.Н. Топорова (1967), Г.К. Вернера (1976).

Язык енисейских остяков (кетов). Помимо Словаря Палласа, некоторый кетский словарный материал имеется в работе Н.К.Каргера (1934). Н.К.Каргер известен также как автор первого кетского букваря, положившего начало кетской письменности.

Особо важную роль сыграли экспедиции основателя томской школы лингвистов А.П.Дульзона и его учеников к енисейским кетам. С 1955 г. сотрудники кафедры немецкого языка и общего языкознания Томского педагогического института под руководством А.П.Дульзона выезжали в экспедиции. Участниками экспедиций были А.П.Дульзон (опубликовано 66 работ по кетской тематике), М.А.Абдрахманов, Г.К.Вернер, Л.Е.Виноградова (14), Р.С.Гайер (13), Н.М.Гришина (9), Р.Ф.Деннинг (14), А.И. Кузьмина, С.П. Ламова, Т.И. Поротова (21), В.Т. Пузанкова, Б.Б.Феер (7). Кетский язык изучали и в других городах: В.С. Бибилов (Кемерово), И.Г. Вернер (Таганрог), Т.А. Кабанова (Красноярск), М.М.Костяков, (Новосибирск). Выдающийся вклад в изучение кетских языков внёс А.П. Дульзон, удостоенный за книгу "Кетский язык" Государственной премии СССР (Поротова Т.И. и др., 1986; Галкина Т.В., Осипова О.А., 1995). Можно сделать словарную выборку и из работы Е.А.Крейновича (1968).

Небольшой словарный материал сымского языка (диалекта) имеется в работе Г.К.Вернера (1968). Этим же лингвистом-кетологом в 1993 г. издан "Словарь кетско-русский и русско-кетский. Учебное пособие для учащихся начальной школы".

После ухода из жизни А.П. Дульзона изучение кетского заметно сбавило темпы. Однако в последние годы вновь оживился интерес к

кетскому языку, что особенно ярко проявилось на международном лингвистическом симпозиуме в Томске, посвященном 100-летию со дня рождения А.П.Дульзона (Томск, 19-21 июня).

Ниже приводится список наиболее известных нам словарей.

Архивные материалы

1. Около трехсот слов латинских слов, переведённых на разные языки, в том числе и на аринский. Записаны Г.Ф.Миллером в 1731 г. и включены в латино-татарский словарь. ЦГАДА, Ф. 199. Портфели Миллера, 529. Ч. 2.

2. Словарь пяти аринских наречий на латинском языке. ЦГАДА, ф. 1999, портфели Миллера, 513, № 12; Копия: Архив Академии Наук (Ленинград), ф. 94, оп. 2, № 7.

3. Известия о Красноярске и живущих тамо народах на вопросы г. Татищева 1735 и 1738 годов. ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, портфель 516, № 2.

Ранние публикации (XVIII в.)

1. *Strahlenberg P.J.* Das nord- und östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

2. *Fischer J.E.* Sibirische Geschichte, SPb., 1768, Bd 1, S. 139, 170

3. *Фишер И.Е.* Сибирская история. СПб., 1774. 631 с.

4. *Паллас П.-С.* Сравнительные словари всех языков и наречий СПб., Ч. 1. 1789; Ч. 2. 1789.

5. *Паллас П.-С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. Ч. I. 1790. 341 с.; Ч. II. 1790. 499 с.; Ч. III. 1791. 518 с.; Ч. IV. 1791. 618 с.

6. *Pallas P.-S.* Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, SPb., 1786, 1789.

Публикации XIX в.

1. *Klaproth J.* Asia poliglotta. Paris, 1823.

2. *Middendorf A.Th.* Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. Bd 1-4, SPb., 1847-1875.

3. *Kastren A.M.* Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre, SPb., 1858.

Публикации XX в.

1. *Вернер Г.К.* Пумпокольско-енисейские звуковые соответствия // Вопр. строя енис. языков. Новосибирск, 1979. С. 3-48 (с. 7 словарь пумпокольского языка и соответствий его другим енисейским языкам).

2. *Вернер Г.К.* Коттский язык. Ростов-н/Дону: Изд-во Рост.-н-Дону ун-та, 1990. 411 с. (словари на с. 284-394).

3. *Вернер Г.К.* Кетско-русский и русско-кетский словарь: учебное пособие для начальных школ. СПб.: Просвещение, 1993. 319 с.

4. Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Ученые зап. Том. гос. пед. ин-та. 1961. Т. 19. Вып. 2. С. 152-189.
5. Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) // Этимология 1965. М.: Наука, Ленингр. отделение, 1967. С. 321-373.
6. Каргер Н.К. Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. М.: Учпедгиз, 1934. С. 223-238.
7. Крейнович Е.А. Кетский язык // Языки народов СССР. Т. 5. Монгольские, гунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1968. С. 453-473.
8. Поротова Т.И. Кетско-коттские параллели в области числа существительных // Происх. абор. Сиб. и их языков. Томск, 1973. С. 26-28 (имеются примеры коттских и кетских слов).
9. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков. Опыт реконструкции праенисейской звуковой системы // Кетский сб. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1982. С. 144-237 (133 примера на с. 199-226).
10. Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сб., Лингвистика. М.: Вост. л-ра, 1995. С. 176-315.
11. Топоров В.Н. Из этимологии енисейских языков (К вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому *t*) // Этимология 1965. М.: Наука, 1967. С. 311-320.
12. Топоров В.Н. Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков 1. Аринско-енисейские соответствия (часть первая) // Кетский сб. М.: Наука, 1968. С. 277-330 (с. 286-292 аринский словарь).
13. Хелимский Е.А. Keto-uralica // Кетский сб. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1982. С. 238-251 (на с. 238-249 приведено 72 соответствия).
14. Хелимский Е.А. Архивные материалы XVIII в. по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1986. С. 179-213 (словари канского или коттского, аринского и пумпокольского языков).
15. Donner K. Ketica. Materialien aus dem Kettischen oder Jenissei-Ostjakischen. В. I-II. Helsinki, 1955-1958.

ЯЗЫКОВЫЕ СХОЖДЕНИЯ

Известный словарный материал по кетским (енисейским) языкам позволяет выявить фонетические и смысловые соответствия в языках самых различных групп. Эти схождения можно толковать по-разному – как свидетельства родства, результат заимствования или случайного

совпадения. Не всегда удается предложить доказательное объяснение таким схождениям.

Шумерский язык. Кето-шумерские схождения немногочисленны и давно известны. К их числу можно отнести: шумер. *ур* - сым. *ур* "вода". Н.Я.Март (1926) приводит соответствия шумер. *гете, гет* "женщина, служанка, жена" – кет. *kim, xim, хет* "женщина, жена". Шумеро-кетское соответствие *ур* "вода", не столь показательно, так как известны индоевропейская праформа **ур* "вода, дождь", др.-анг. *eaг*, тохар. *waг, waг*, др.-инд. *waг*, брет. *dur*, баск. *ur* "вода". Однако в сочетании с шумер. *хим* "женщина" шумерско-кетская параллель в значении "вода" заслуживает внимания.

Недавно В.М.Филимонов (1999) привел более ста шумеро-протоенисейских схождения. На основе их анализа автор предполагает, что протоенисейцы на прародине (Средний Восток) занимались металлургией, скотоводством, ирригацией, ткачеством, керамическим производством, имели колесный транспорт, владели зачатками письменности и познаниями в математике. Предки енисейцев, по мнению исследователя, занимали окраину эламо-шумерского культурного региона. Такая локализация прародины кетов (енисейцев) не укладывается в нашу парадигму – исход кетов из Малой Азии и непосредственно из Закавказья.

Хаттский язык. Коренные жители Малой Азии хатты (не индоевропейцы-хетты!) употребляли слово *alip* (*aler*) "язык" (Иванов В.В., 1983а, с. 134), что близко к котт. асс. *alup*, арин. *al'ar* с тем же значением. Нам представляется это схождение весьма примечательным.

Хурритский и урарту языки. Б.О. Долгих (1934) привел список лексических соответствий в кетских и халдских (урарту) языках (табл. 3).

Таблица 3
Кетско-халдские соответствия (Долгих Б.О., 1934)

Кетские слова	Халдские слова	Значение
hu	dy	сердце, центр
ban	i-ban-i	земля, страна
uli	uri	вода
ty	te//ti	голова
ös	as-i	дом
u-sin	zin	ложиться
kay	har	гора*
kim	hie	жена

*Ср. арм. *кар* "камень", баск. *кай-а* "скала".

Кушитские языки. Насколько нам известно, вопрос схождения кушитских и енисейских языков в лингвистической литературе не рассматривался. Сделаем это на основе материалов А.Б. Долгопольского (1973) по кушитским языкам и известным словарным материалам по енисейским. Схождения столь немногочисленны, что их можно считать случайными:

Кушитские	Кетские
кимант <i>kuḡaa</i> "река, ручей",	арин. <i>kuḷ</i> "вода", сым. <i>uḡ</i> "вода".

Эти лексемы имеют соответствия в дагестанских: цез. *керу*, хварш. *кула*, гунз. *куро* "ручей", крыз., будух, *кур* "река".

Семитские языки. Кетско-семитские соответствия очень малочисленны и ненадёжны.

Кетские

пумп. *hi'e* "рыба"
котт. *tig, teg, tex* "рыба"
арин. *бикъял* "мальчик"
(*бик* – это классный показатель терминов родства и общественно-го положения. Ср.: *бикhey* "господин", *бикгамаль* "жена", *бикьяля* "дева", *бикарат* "муж")
пумп. *аб* "отец"
пумп. *хута*, ассан. *гаута* "1"
ассан. *шетагай* "река"
кет. *алэл* "дух-покровитель"
арин. *кусь-още* "дерево"

Семитские

араб. *хут* "рыбы"
ивр. *dag* "рыба"
ассир. *яла* "мальчик"
евр. *аб* "отец"
евр. *эхат*, сир. *хад* "1"
ивр. *gai* "река"
сир. *иль* "бог"
ассир. *кейса* "дерево".

Примечание. Последний пример представляется наименее достоверным.

В аринском языке зафиксировано слово *роž* (*нош*) "penis" (Топоров В.Н., 1968). Ныне у евреев этот мужской орган называется *ноу*, что фонетически очень близко к аринскому. Однако нам пока не удалось выяснить, исходит ли это еврейское слово из иврита или идиша. Переднеазиатское происхождение предков кетов делает вполне возможным заимствование из западно-семитских языков.

Баскский язык. А.П. Дульзон (1968) приводит полные баскско-кетские аналогии:

баск. *uḡ-az* - кет. *ур-ас* "водой (приехал)", где *az* – *ас* является орудийным падежом;

баск. *ур* – сым. *ур* "вода".

Особенно поразителен первый пример.

Бурушаски (буришский). Бурушаски - генетически изолированный язык малочисленных племён в отрогах Каракорума - обнаруживает

более очевидные, чем енисейские языки, параллели с некоторыми кавказскими языками, но можно утверждать, что на евразийском континенте нет ни одного современного языка, который был бы ближе енисейским языкам, чем бурушаски, в отношении морфологического устройства имени и глагола (типология грамматики). В структуре имени имеются две системы бинарных оппозиций (разумный – неразумный, активный – неактивный), которые образуют четыре именных класса: 1) разумный активный (мужской), 2) разумный неактивный (женский), 3) неразумный активный (обозначение животных и активных вещей), 4) неразумный неактивный (вещи). В глаголе сходства выражаются наличием префиксов и суффиксов, связанных с выражением лица, числа или именного класса объекта и субъекта (распределяются в зависимости от переходности и непереходности глагола), существованием двух исходных основ – настоящего и прошедшего времени и пр. (Топоров В.Н., 1969, с. 217).

Вершикский язык (вершиквар). Иногда рассматривается как диалект бурушаски. А.П. Дульзон (1968, с. 582) приводит следующие соответствия этого языка с кетскими. Общим для обоих языков является построение притяжательных форм существительных посредством префиксации:

верш. *а-ренг* "мои реки" – кет. *абланг* "моя рука",

верш. *гу-ренг* "твои руки" – кет. *уг-ланг* "твоя рука".

Индийские языки. Словарных общностей выявлено мало. Общим с индийскими языками является наличие посессивных префиксов, префиксация показателя субъекта, вынесение объекта за рамку глагольной основы, для указания на который в основе глагола имеется специальный формант (Там же, с. 583).

Индоевропейские языки. По мнению Е.А. Хелимского (1982), индоевропейские элементы в кетских языках не обнаружены (русизмы не принимаются в расчёт). Однако А.П. Дульзон (1971) нашёл ряд совпадений грамматических показателей в области склонения енисейских и некоторых индоевропейских языков. Он, пожалуй, единственный из лингвистов обратил внимание на некоторые грамматические сходства тохарских и енисейских языков. В тохарских имеется стройно разработанная система каузатива (переходные глаголы, имеющие значение причины для совершения действия), как и в енисейских языках. Одинаковыми для них являются классы имён существительных: 1) разумные, 2) неразумные существа и предметы. Имеются определенные окончания множественного числа, присоединяющиеся исключительно к существительным второго класса. Общим является наличие суффиксированных объектных местоимений, наличие ряда послеслогов, которые превращаются в падежные окончания, образуя "вторичные" падежи. Различ-

ние форм мужского и женского рода в личном местоимении 1-го лица также имеет своё соответствие в сравниваемых языках. И происходило это, по мнению А.П. Дульзона, на территории Северного Казахстана, где имеются гидронимы Теке, разъясняющиеся из западнотохарского языка, в котором *take* означает "река".

А.П. Дульзон (1961) в словарных материалах XVII в. привел пумпокольское *rota* "телега", которое фонетически и по смыслу близко индоевропейским: лат. *rota*, др.ирл. *roth*, др.-в.-нем. *rad*, литов. *ratas* "колесо", санск. *gathah* "повозка". Однако проверкой оригинала (Хелимский Е.А., 1986) установлено, что А.П. Дульзон ошибочно (описка) принял латинское слово за пумпокольское. В оригинале слова были написаны в такой последовательности: латинское/русское – пумпокольское, а именно: - *gota/колесо, повозка* - *zell*.

Довольно представительны германские параллели лексике кетов: лат.

1) имб. *kolen*, котт, *halan*, сым. *xolen* "половина, сторона" – герм. *halb*, нем. диал. *haleb*;

2) кур. *куол'*, сург. *ку?л'* "горящий уголь" – др.-нем. *kol*;

3) кур. *ыкс'*, елог. *ъ'окс* (в имб. XVIII в. *икус*, кур. *ы'Уус'*, *ыккус'*) "бык-производитель" – др.-нем. *охсо*, англо-сакс. – *окса*, инд. *уксан* "бык". В енисейских языках есть дублетные слова: котт. *thиg*, "бык", асс. *тыг, тьк*, арин. *т'һыја* "корова";

4) арин. *хус*, асс. *һуш* "лошадь" – нем. диал. *һуч*;

5) имб. *лобет*, сым. *робет'* (из русск.?) – нем. *Arbeit* "работа";

6) кет. *ла-* "отрывать, откусить, отпустить" – нем. *lassen*;

7) кет. ол', *һол'* "оболочка, облачение" – др.-нем. *hulla*, гот. *hilja*;

8) кет. *кол, ка'Уал*, сым. *хъ'хъл* "желчь, желтый" – др.-нем. *galla, gall* "желчь";

9) кет. аффикс *нг* выражает длительность или многократность – др.-герм. *ga, ганг* "идти";

10) кет. *сага-бет* "рассказывать" с основой *сак* – нем. *sagen* "говорить", др.-сев.-герм. *сага*, др.-фриз., англосакс. *sagu* "рассказ, высказывание".

В германских и кетских языках А.П. Дульзон отметил множество совершенно одинаково построенных слов:

1) кет. *оба-банг* – нем. *Vaterland* "родина";

2) кет. *олынды-кук* – нем. *Nasenloch*;

3) кет. *иденг-ай* – нем. *Briefsack* "конверт".

Кетское выражение "ему запало в нос", то есть "он вспомнил" аналогично немецкому диалектному *es steckt ihm in Nase* "он думает об этом".

По мнению А.П. Дульзона (1971, с.175), эти грамматические и лексические сходжения являются результатом длительного и тесного кон-

такта, связанного, возможно, с ассимиляцией доиндоевропейского населения (гуннов) индоевропейцами. И этот контакт происходил на Дунае. На основе этих схождений А.П. Дульзон даже высказал предположение о возможном происхождении индоевропейских языков из языка енисейского типа.

Очень древний контакт протоиранцев или протоиндийцев с кетскими народами предполагал Й. Харматта (Harmatta J., 1981).

В лексике енисейских языков имеется немало иранских слов, большинство которых, по нашему мнению, заимствовано через тюркские языки:

1. котт., асс. *шут* "молоко" – тюрк. *сют* – пушту *шуду*, *шуда*, афг. *šide* < авест. *xšvifta*;

2. кет. *икыс* "бык" – тюрк. *окус*, *öğöz* – англ *ox*, тохар. В *okso*, авест. *uhšap* (есть и другие точки зрения об изначальной языковой принадлежности слова; обзор: Севортян Э.В., 1974). В.Н. Топоров (1970, 1981) по мифологическим сюжетам определил время передачи кетам элементов иранского мировоззрения – не ранее среднеиранского (III в. до н.э. – VII в. н.э. – А.М.). При этом главную роль посредника в передаче иранизмов в языке и мировоззрении В.Н.Топоров отводил тюркам. Однако кеты могли испытать иранское влияние и непосредственно от иранцев. Это подтверждается сведениями о длительном и давнем проживании иранцев в Алтае-Саянах и прямыми лексическими заимствованиями из иранских языков.

С использованием иранских слов созданы гибридные термины:

1. асс. *ул'ватан*, *ул'фотон*, котт. *ул'фатан* "источник" < кет. *ул'* "вода", ир. *ватан* "родина";

2. имб., ост. *банган* "источник" < кет. *банг* "земля", ир. *ап* "вода" (аналогично тюрк. *кара-су*, *карасук*). Присутствие в кетских дублетного термина (имб. *тайлһон*, пумп. '*тайал*, ар. *а'текул* "источник") подтверждает использование иранского термина *ап* "вода" в создании нового, гибридного термина.

Прямым иранским заимствованием в кетских является, возможно, кет. *ugdij*– пушту *уэд* "длинный".

Кетско-иранские контакты были длительными и давними, что подтверждается фольклором кетов. Под влиянием древних иранцев у кетов сформировались фольклорные образы Альба, Дох и Кальмесэм (Кальбесем), которые близки к образам Ахурамазды и Дахаки восточных иранцев середины I тыс. до н. э. – середины I тыс. н.э. (Яйленко В.П., 1990).

Несомненно, контакты иранцев и ранних енисейцев были и в более раннее время – в эпоху бронзы, судя по немалому числу памятников андроновцев-фёдоровцев в Центральном Казахстане и Киргизии (Кузьмина Е.Е., 1986), заселённых в то время иранскими племенами, носите-

лями алакульской культуры. Несомненно, в результате этих контактов в языке енисейцев были древнейшие иранские заимствования. Однако кеты-енисейцы в Средней Азии и Казахстане растворились в иранской среде и следы их затерялись. Никто из этих енисейцев не вернулся к сородичам в более северные районы и не принёс туда какие-то элементы южных культур или древнего иранского языка. Поэтому можно утверждать, что в языке исторически известных енисейцев Сибири древнейшие заимствования отсутствуют.

Дравидийские языки. Вопрос о схождении енисейских и дравидских (дравидийских) рассмотрел Г.К.Вернер (1973, с. 28). Сходство между указанными языками в области рода имеет лексико-грамматический характер. Имена во всех дравидийских языках подразделяются на класс имён, обозначающих людей, и класс имён, обозначающих животных и неодушевлённые предметы. Имена первого класса в свою очередь подразделяются на имена мужского и среднего родов.

Тибетские языки. Известны попытки поиска схождений между кетскими и тибетскими языками. С.И. Ванштейн (1951) приводит некоторые лексические параллели:

Тибетские	Кетские	Значение
<i>де</i>	<i>денг (де-нг)</i>	"племя"
<i>лагна</i>	<i>ланга</i>	"рука"
<i>каво</i>	<i>ко</i>	"рот"
<i>когту</i>	<i>кохты</i>	"туес"

А. П. Дульзон (1962) отмечал, что кетский язык содержит в своей лексике много тибето-китайских элементов и связан с аборигенами Дальнего Востока.

В.Н. Топоров и Т.В. Цивьян (1968, с. 231) не увидели полного сходства сравниваемых языков в части классных показателей. Если в кетском они тесно связаны с самим словом (boat "старик" - boam "старуха", qip "дядя" - qim "тётка"), то в тибетском для обозначения женского и мужского пола используются самостоятельные слова rho "самец", то "самка": bya-pho "петух" - bya-mo "курица", или совр. тиб. rgyal-po "царь" - rgyal-mo "царица".

Вскоре идея кето-тибетского языкового родства подверглась критике: "Ряд исследователей, включая Доннера, Ливи, Боуду, Финдензейна, попытались соединить остяко-енисейский (кетский) язык с сино-тибетскими, и этот взгляд встретил некоторое одобрение (Шмидт, Тромбетти), но всё же критическое исследование фактов чётко указывает на то, что эти две группы языков не имеют ничего общего. Отдельные попытки соединить сино-тибетские языки с кавказскими (Ходжсон, Боуда), мон-кхмерскими (Конради) или другими семьями языков были

также безуспешными [Benedict, 2-3]" (Цитирую по: Крюков М.В. и др., 1978, с. 69). Антропологические сходство кетов и тибетцев также оказалось преувеличенным (выступление Н.Н.Чебоксарова на совещании по этногенезу народов Севера 28-29 мая 1940 г.).

Однако в последние десятилетия отношение к родству языков енисейских и сино-тибетских вновь изменилось в пользу более ранней точки зрения. В 70-е годы тогда молодые лингвисты С.Старостин и И.Пейрос выявили удивительные схождения в лексике сино-тибетских и кавказских, что позволило трансформировать сино-тибетскую мегасемью в сино-кавказскую. Идея эта популярно изложена А. Милитарёвым (1985). Нашла она поддержку и за рубежом (Росс Филип С., 1991).

Северокавказские языки. Енисейские языки как-то неравно относятся к этой группе неиндоевропейских языков. По одним показателям они близки к восточнокавказским (нахско-дагестанским), по другим – к западнокавказским (адыго-абхазским). С дагестанскими они сближаются по общности классовых показателей (Дульзон А.П., 1968), правда, в нахских отмечается тенденция к их утрате. Наибольшее типологическое сближение глагольной словоформы енисейских языков отмечено с таковой языков адыго-абхазской группы (Поленова Г.Т., 1995, с. 69). С этими же языками енисейские сближаются по наличию местоименных притяжательных приставок. С.А.Старостин (1982) обнаружил довольно большое число общих корней с базисной семантикой в енисейских и северокавказских языках. Не будем более привлекать примеры разнообразных схождений енисейских и северокавказских языков, имеющиеся в многочисленных работах лингвистов. Ограничимся заключительной выдержкой из статьи Г.Т. Поленовой (1965, с. 76) "*...о большой типологической близости енисейских и привлечённых к сравнению кавказских языков в области местоимённых показателей притяжения, субъектно-объектных аффиксов глагола, в способах выражения класса субъекта и объекта в глаголе в диахронической связи показателей класса с местоимениями, наконец, в бинарном противопоставлении падежных основ склоняемых частей речи и местоимённом происхождении показателей род[ительного] n[адежа] resp. эргатива*".

М.В.Филимонов (1995) подметил в кетских языках суффикс диминутивности *ба* с исходным значением "плод, зерно, семя, потомство, младшее поколение". Суффикс участвует в образовании слов, обозначающих такие понятия: арин. *шульбе* "рябина-ягода", котт. *покиулбе*, асс. *пакшулби* "земляника", арин. *шулл'а* "земляника", арин. *чарба* "жито" (из тюрк.? – А.М.). Этот суффикс прослеживается во многих этнонимах Центральной Азии, так как люди осмысливаются как чье-то потомство, чьи-то дети. В нашем исследовании следует обратить внима-

ние на абх. *ба* "дитя", которое участвует в образовании фамилий – Ардзинба, Бгажба, Эмба.

Можно отметить несколько лексических сходжений, ранее не отмеченных лингвистами. Все они касаются понятия "большой"

В асс., котт. *пачага* "большой" (Дульзон А.П., 1961) очень хорошо коррелируется с дагестанскими: *ботл.*, *годоб.*, *анд. бечуха* "большой", *чечен. докхъа*. Начальный *бе* (< *ба*)⁹ является окаменевшим классным показателем, корневым являются *чух*, *чех*, *х/чх*, *ах*. Если учесть, что классный показатель был изначально *ба*, то реконструируется прадагестанская форма **бачага*, очень близкая к коттско-ассанской форме *пачага*. После утери классного показателя корень сохранился в лезг. *чехи*, *хинал. чхи*, *дарг. халал*, *цах. хаърна* "большой" (Хайдаков С.М., 1973). В котт. *пача* сохранились классный показатель и часть корня (в словосочетании *пача-ул* "большая вода", "Енисей", в арин. *пача-ул* "море"). В кетском изначальный классный показатель *ба* можно усмотреть в слове *бачка* со значением "начальник (большой человек)" (Кривошапкин М.Ф., 1865, с. 140).

И второе слово со значением "большой" скрывается в аринском словосочетании *Jikhuj* "Енисей". Первый компонент (*jik*) удовлетворительно раскрывается из сложного слова *хиул* "Бирюса" (буквально "широкая вода"), где *хи* "широкая", то есть, большая, а *ул* "вода". Второй компонент (*huj*) не раскрывается из известных материалов по кетским (енисейским) языкам. Первый же компонент *jik* (*йик*) можно сопоставить с *hika* (*хика*) "большой" багулальского языка (андо-цзеская группа дагестанских языков).

В записях Г.Ф.Миллера (1739 г.) имеется запись кетского (остяцкого) слова *chaimse* "большая" (Миллер Г.Ф., 1996, с. 108), которое близко по смыслу и звучанию лакским словам: *хъунмасса*, *хъуннаса* (Хайдаков С.М., 1973, с. 105).

Юагирские языки. Из енисейских изученных языков наибольшее количество юагирских соответствий, как лексических, так и грамматических, имеет коттский. Е.А.Крейнович (1958, с. 227) отмечает, что юагирский и коттский – это совершенно разные языки. Тем не менее, учитывая черты их языковой общности, особенно в системе спряжений глаголов, трудно представить, что развивались они независимо друг от друга. И далее: "Юагирско-коттские языковые связи позволяют выдвинуть предположение о том, что юагиры пришли на крайний север ... с юга, вернее всего со стороны Саяно-Алтайского нагорья". Е.А. Крейнович приводит несколько удивительно близких лексических сходже-

⁹ В чеч. *до*.

ний юкагирского и коттского языков, которые не позволяют усомниться в правдивости предположения автора:

Юкагирский язык

ai "ещё"
ал "низ"
ачэ "олень"
вал', ал' "езде"
варда "стадо"
ирэ(л) "связать"
појуон' "много"
пугу "тепло"
т'ақа(нил) "мерзлый"
т'иҗ "люди"
эру-, эрче- "плохой"
эд'и (л) "жизнь", "живой"
ама "хороший"

Примечание. *т'* читается как *ч*, *а* *җ* как *нг*.

Коттский язык

ai "ещё"
итал "низ"
ачанс'е "лось"
ул'аи "возле"
ор "табун"
ири, ирэ "нить, завязка"
пајаҗ "много"
пал, фал "тепло"
чал "холод"
т'эаҗ "люди"
ару "коварный"
эти "живой"
һама "хороший"

Юкаги́ро-кетские схождения не столь показательны и не столь многочисленны. В тундровом диалекте юкагирского Е.А. Крейнович нашёл лишь несколько соответствий: *кодеҗ* "человек", которое может быть сопоставимо с кет. *кэт* "человек", а *т'иҗ* (приблизительное чтение *чюнг*) "люди" с кетским *дэаҗ*.

Тунгусские языки. По-видимому, враждебные отношения, существовавшие между кетами и тунгусами, отразились в слабом заимствовании тунгусских слов в кетском языке. Нами установлено единственное достоверное заимствование – *һыте* "низ" (ср. эвенк *хити*, эвен. *хит*, нан. *хэти* "двигаться вниз по реке"; р. Хитакит – приток Хантайского озера). По тунгусской модели котты сформировали понятие "ручей": к термину *šet* "река" они присоединили тунгусский аффикс уменьшительности *кап*, в результате чего получился гибридный термин *šetokap* "ручей" при исконно коттских *imgarašatok*, *šetokı́*.

Тюркские языки. К приходу русских на Енисей различные группы енисейцев уже имели давние и тесные контакты с тюрками. Особенно тесными они были у южных групп (котты, ассаны) и у аринцев. "Дружба" последних с качинцами закончилась полной их ассимиляцией буквально на глазах русских.

З.П. Демьяненко (1973) сделала попытку определить время контактов кетских и тюркских языков на основе ареального метода. Суть метода заключается в следующем. Присутствие слов кетского типа в территориально отдалённых тюркских языках (азербайджанский, чувашский, узбекский, туркменский) свидетельствует о большой древности

таких лексических общностей. И наоборот, наличие соответствующих фонетических и семантических параллелей в кетском и соседних тюркских языках (шорский, хакасский и др.) и отсутствие таковых в языках отдаленных свидетельствуют о недавнем времени таких контактов. На наш взгляд, первая часть проблемы этим методом не решается, так как неизвестно направление заимствования – кеты у тюрков или наоборот. Если заимствование шло по первой линии, то кеты могли заполучить слово из общетюркского фонда от своих ближних соседей и в недавнее время.

В качестве древних заимствований З.П.Демьяненко приводит следующие:

1. кет. *fałg*, *hał'e hał'k* "ёрш" – долг., якут., тув., алт., казах., башк., тур., уйг. *балык*, хак. *палых*. чаг. *балик* "рыба";

2. кет. *иен*, котт. *ин* – долг. *ингнә*, якут. *инјә*, чул.-тюрк. *ин'га*, шор., саг., койб. *ингә*, алт., тел., кирг., казах. *инә*, узб. *игна*, балк., карач. *ийне*, лебед. сойот. *иннә*, чаг. *игнә*, туркм. *игне*, башк. *енә*, осм. *ийнә* "игла".

Вторую группу (поздние заимствования) характеризуют следующие примеры:

1. кет. *сак*, котт. *шага* – шор., туб. *сакыл* "белка";

2. кет. *дик*, *д'ик*, котт. *чик* "смола" – чул.-тюрк., тув., саг., шор. *чук*, хак. *чух*, кыз. *шух*, койб. *дјук* "смола (на деревьях)";

3. кет. *ку*, *куУ*, *хук*, *ху?* "тихо, безветренно" – шор. *кук* "хорошая погода".

Л.Г. Тимонина (1986, с. 70) на основе лексического анализа сравниваемых языков пришла к выводу, что енисейцы находились в длительном контакте с тюрками Алтае-Саян и прилегающих к ним районов. При этом у северных енисейцев (кеты, юги) эти контакты были более слабыми, нежели у южных. Заимствование тюркской лексики шло из языков алтайского, хакасского, тувинского и, по мнению Л.Г. Тимониной, киргизского. Нам представляется мало вероятным прямое контактирование енисейцев с киргизами. Возможно, тяньшанские киргизы сохранили часть лексики своих предков – кыргызов Енисея, которая и сблизила киргизский и енисейские языки.

Л.Г. Тимонина приводит следующие примеры схождения:

1) котт. *хер*, *кер*, асс. *хайп*, *хаип*, *кеп* – алт., хак., тув. *кеме*, куманд. *кебе* "лодка". Можно продлить это ряд, включив в него манс. *хап*, хант. *хаб* (приблизительное чтение) "лодка", а также некоторые северокавказские лексемы: протосеверокавказские *q_wap'a "сосуд", "лодка", *geba "лодка" (Хелимский Е.А., 1982);

2) кет. *угор* "суп" – койб. *үгүга* "суп", др.-тюрк. *үгүг* "просо", *үггә* "мучное блюдо". В алтайском сходный термин обозначает кашу из толчёной крупы, в якутском – похлебку из молока, на одну треть раз-

бавленного водой, и сосновой заболони, в уйгурском – мелко нарезанной лапши. В основе тюркских слов лежит понятие "молоть, раздроблять". Основным компонентом супа было что-то размолотое, то есть мука или толчёная крупа.

Приведённые примеры второй группы свидетельствуют, очевидно, о передаче лексем побеждённым языком языку-победителю: известно, что в состав хакасов, шорцев, тувинцев, тубалар вошли в не столь отдалённое время кетские группы. К примеру, иранцы "подарили" ассимилировавшим их тюркским группам слово *песня*: хак., нижн.-бийск. (куманд.), сиб. татары Лайтамака *сарын*, бачатские телеуты *сагьп*. В верхнекондомском диалекте черневых татар (шорцев) известны производные: *сарначи*, *сарынчи* "певец", в хак. *сарны* "петь".

Приведём ещё несколько примеров енисейско-тюркских (и более широких) схождений.

Обычное для тюрков слово тув., тоф., хак., кирг. *ыр*, якут. *ырыга*, тур., др.-тюрк. *иг*, бышк. *йир*, тат., каз. *жыр* "песня" имеет параллели в кетских языках: кет. *ир*, сым. *ир*, *и?р*, имб. *ил* "песня", пумп. *ичир*, кур. *?ил'*, имб. *иль* "петь". И более того, сходное слово имеется в мансийском: *эрыг*, ег' "песня". Если далее идти, то можно увидеть соответствия и в адыго-абхазских (Климов Г.А., 1967): абх. *уарада*, убых. *warada*, адыг. кабард. *уард* "песня", абаз. *уарад* "песенный рефрен". Этот пример дополняет список угорско-северокавказских соответствий (см. выше, во введении). Вместе с тем он автоматически удлиняет это цепочку, делая её четырёхзвенной: адыго-абхазские – угорские – кетские – тюркские.

О давних енисейско-тюркских связях свидетельствуют енисейские реликты(?) в тюркских. Речь пойдёт о термине "дождь".

В енисейских языках дождь выражается понятиями "вода" или "вода неба (бога)": арин. кур. *кул*, ассан. *ул*, уг. *ыр*, котт. *йг*, букв. "вода", пумп. *ugait*, *ures*, имбат. *ulles*, эд. *ül ette*, сым. *ures*, кет. *uly*, *ulis*, букв. "вода Еся (бога)". В тюркском термине "дождь" содержит компонент *ур*, *ыр*, что сближает его с енисейскими вариантами и заставляет предполагать бытование в прошлом у тюрков термина *ур*, *ыр* "вода". Определяющая часть тюркских терминов прозрачна и раскрывается как "новая" или "падающая":

Язык	"Дождь"	"Новый"
Караимский	<i>йагьмур</i>	<i>йангы</i>
Кумыкский	<i>янгур</i>	<i>янгы</i>
Алтайский	<i>янгмыр</i>	<i>янгы</i>
Шорский	<i>нангмур</i>	<i>наа</i>
Хакасский	<i>нангмыр</i>	<i>наа</i>
Казанско-татарский	<i>янгыр</i>	<i>янга</i>

		“Падать, ийти”
Древнетюркский	<i>ягмур</i>	<i>яг-</i>
Турецкий	<i>ягмур</i>	<i>яг-</i>
Гагаузский	<i>йаамур</i>	<i>йаамаа-</i>
Кумандинский	<i>чанъмыр</i>	<i>чанъы-</i>
Якутский	<i>самыр</i>	<i>сам-</i>
Чувашский	<i>сумар</i>	<i>су</i>

У тюрков Средней Азии и сейчас бытует понятие *янги-сув* "новая вода" для талых вод.

Элементарные наблюдения могли привести в древности предков тюрков к восприятию этого природного явления как новая или падающая вода.

Тюрками глагол *йаг* и др., "идти" в слове "дождь" не воспринимается как таковой. Для них это неотъемлемый компонент термина "дождь". Поэтому в выражении "дождь идёт" он воспроизводится еще раз: тур. *йагмур йагайыр*, букв. "падающая вода падает". В енисейских языках такой тавтологии нет. Выражение "дождь идёт" здесь формируется (говор келлогских кетов) с использованием глагола *оуоть* ("он-идёт"): *уль-ась оуоть*, буквально "вода небесная (божья) идет".

Можно привести пример из санскрита, в котором *jalagama* (читается *джалагама*) "дождь" имеет аналогичную с тюрками конструкцию: *jala* "вода", *ga* "идуший".

Приведённые примеры (термины *лодка, песня, дождь*) выводят нас на проблему возможного родства языков енисейских и тюркских.

Идею родства этих языков горячо пропагандировал А.П.Дульзон (1971, 1876). Им рассмотрены кетско-тюркские параллели в области склонения, выявлены пратюркские форманты глагольного лица. Не будем вдаваться в пересказ лингвистических тонкостей проблемы, приведём лишь заключительный абзац одной из его работ (Дульзон А.П., 1971, с. 26): "Как видно из изложенного, предположение, что система склонений тюркских языков восходит к системе склонений языков енисейского типа, даёт возможность удовлетворительно объяснить происхождение всех тюркских падежных аффиксов. Установление других общностей на грамматическом уровне, а также выявление исконно общего словарного материала позволит выдвинуть гипотезу о возникновении тюркских языков на основе древнего языка енисейского типа".

Явными тюркскими заимствованиями в аринском являются слова *tus* (пумп. *tuss*) "соль", *tebe* "верблюду", *arba* (асс. *агра*) "ячмень", *kuburuŋ* "уголь", *dalaj* "море", *askыг* "жеребец", *aragá* "вино", кетском *калэн* "мука" из др.-тюрк. *talqaŋ* "дроблёное зерно", "поджаренная мука".

Самодийские языки. Историческое проживание кетов и самодийцев по соседству, несомненно" оставило след в их языках. Эти языки имеют типологическое сходство в системе имени, совпадение целых лексических групп слов, имеющих общее происхождение, названий животных, растений, предметов домашнего обихода, утвари, одежды, предметов шаманского культа (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1964). Из числа лексических сходжений авторы предлагают:

кет. <i>ваҕ</i> "земля"	нен. <i>ваҕк</i> "яма, могила"
кет. <i>ваҕус</i> "землянка"	сельк. <i>bagga</i> "яма"
котт. <i>панг</i> "земля"	нганас. <i>banka</i> "яма", "гнездо"
арин. <i>пенг</i> "земля"	
кет. <i>қы</i> , котт. <i>hi</i> ,	нен. <i>ho</i> , нганас. <i>kua</i> , сельк.
арин. <i>кусс</i> ассан.	<i>kua</i> , камас. <i>küjü</i> "берёза"
<i>уча</i> , пумпок. <i>ута</i>	
"берёза"	
нен. <i>пирця</i>	пумп. <i>барчой</i> "высокий"

Эти соответствия они объясняют вхождением этносов в единый культурно-лингвистический союз.

По мнению А.П. Дульзона (1970), к енисейским языкам наиболее близки селькупский и нганасанский и более удалены ненецкий и энецкий. Камасинский занимает между ними промежуточное положение. Ненецкий ареал наиболее удален от кетского, а селькупский в восточной своей части перекрывает кетский, поэтому с такой оценкой А.П. Дульзона можно безоговорочно согласиться. Неясны причины близости нганасанского и кетского, ныне пространственно разделённых. Возможно, кеты имели контакт с предками нганасан ещё до выхода их на Таймыр где-то в верховьях Таза?

Угорские языки. Пространственная разобщенность кетского и обскоугорского ареалов предопределила слабое взаимовлияние этих групп населения. Как сообщает Е.А. Алексеенко (1986, с. 111), "на прямой вопрос об известности им хантов кеты отвечают отрицательно". Однако кеты, потомки имбаков XVII в., ещё полсотни лет назад помнили, что с верховьев Елогуя они когда-то ходили на землю светловолосого обского народа *лан'а*, женщины которых имели обычай закрывать лицо платком. Этноним *лангай*, *ланай-кум* известен как селькупское название хантов. Слабое знакомство кетов с хантами объясняется и давней взаимной враждебностью, так как *лана* прогоняли их со своих угодий. Е.А. Алексеенко приводит лишь несколько лексических сходжений:

1) кет. *хоен* "ставная сеть" – угро-самод. *foп/һоп* "плести";

2) кет *л'от* "деревянные поплавки к ставным сетям" - сельк. *lum*, хант. *lomp* (возможно хантыйское заимствование через селькупов);

3) сым. *хан/хон* "лодка-берестянка" – хант. *хаб*.

В.В. Иванов (1975) приводит еще несколько соответствий:

4) арин. *kus* "берёза" – хант. *хиӥ* "березовая часть лѹка";

5) юг. ек-п "громы" - хант. *дѹ* "гром и молния".

Северокавказско-угро-кетские соответствия. К их числу можно отнести следующие:

1) котт. *хер, кер*, асс. *хайп, хаип, кеп* - манс, хар, хант. *хаб* - протосеверокавказские *q̄ar'a* "сосуд", "лодка", *geba* "лодка" (Хелимский Е.А., 1982);

2) имб. *'оксе, окса, оксь*, котт. *атчи, ач*, пумп. *оксы*, эд. *окше*, арин. *кус-очше* (берёзовый лес), асс. *ачи, ач* "дерево", кет.-ост. *а'q* "дрова, деревья" - хант. *юх* "дерево" – рут. *йух* "береза", гунз. *рыху* "тополь", анд. *беху* "береза", авар. *рох* "роща" (начальный согласный в горско-дагестанских примерах является классным показателем).

Е.А. Хелимский (1882) приводит значительное число (72 примера) кетско-уральских схождений.

Самое удивительное заключается в том, что в лексике хантов сохранилось больше близких кавказских схождений (см. "Предисловие"), чем в лексике кетов-остяков, арин, коттов и других потомков выходцев с Кавказа. Это можно объяснить невольной консервацией иноязычной лексики в словарном фонде аборигенов. К примеру, в русском языке сохранилось и широко используется слово *парикмахер* "парик + делатель", немецкое по происхождению. Однако в самой Германии это слово давно утеряно и заменено французским *Friseur* "причёсыватель". Само-развитие кетских языков в Сибири и контакты с иноязычным населением выработали те лингвистические особенности, которые отличают исторически известные языки кетской группы от языка прародителей.

Чукотско-камчатские и кетские схождения. А.П.Дульзон (1969) увидел целый ряд типологических черт, которые объединяют эти языки. Исследователь объяснял это длительными контактами носителей этих языков в давние времена. По его мнению, Сибирь в древности (до появления здесь уральцев) населяли далёкие предки чукчей и коряков. Из "Словаря Палласа" выбраны следующие схождения в языках пумпокольском и камчадалском:

Пумпокольский	Камчадалский	Значение
<i>чега, цианг</i>	<i>чаак, чаака</i>	"4"
<i>кега, кегъам</i>	<i>кугумнук</i>	"5"
<i>келуча</i>	<i>келгук</i>	"6"
<i>тон</i>	<i>тоно</i>	"рука"

По нашему мнению, общность типологических черт этих языков и лексические схождения требуют иного объяснения. Очевидно, они мо-

гут быть объяснены вмешательством посредника. Прямого заимствования не было.

Блуждающие термины. В языке кетов имеются слова, которые встречаются в ряде не родственных языков и являются давним общим достоянием.

В.В.Иванов предполагает, что некоторые общие обскоугорские и кетские схождения не являются прямыми заимствованиями, а принадлежат к кругу древнейших миграционных терминов. К числу их он относит название березы: ар. *кусь*, асс. 'уча, *ыча*, имб. 'уусе, котт. 'уча, пумп. *ута*, кур. 'уос'е "береза", эд. *куй* "береста"...(см. выше).

Кетское (аринское) слово *кар* "гора" фонетически близко словам с этим значением в языках различных семей:

Кушитские	Семитские
сомали <i>кар</i>	иврит <i>хар</i>
квара <i>гарра</i>	араб. <i>кар, кара</i>
анфилла <i>гура</i>	Индоевропейские
талама <i>гуараа</i>	санскр. <i>гири</i>
оромо <i>гааро</i>	др.-инд. <i>гирис</i>
бворо <i>гууроо</i>	авест. <i>гири</i>
Финно-угорские	язгул. <i>гар</i> "скальная вершина"
саам. <i>кар</i>	тадж., афг. <i>гар</i>
коми <i>гера</i>	слав. <i>гора</i>
Кетские	груз. <i>гори</i>
арин. <i>кар</i>	арм. <i>кар</i> "камень"
Тюркские	Сахара (язык неизвестен)
казах. <i>кара</i> "каменистая сопка"	<i>гара</i> "скалистый останец"

Не исключено, что *кар* в аринском является давним (в Передней Азии) заимствованием из семитских (?).

* * *

Приведённые лексические схождения кетских языков и языков, как соседствующих, так и пространственно весьма отдаленных имеют различное происхождение. Здесь можно увидеть схождения случайные, а также схождения, связанные с давними или не очень давними заимствованиями либо обусловленные древним родством, как явным, так и завуалированным. В каждом отдельном случае требуется специальное исследование. Но в основе интерпретации причин того или иного лексического схождения должны лежать те или иные представления о ранней истории кетов, в широком понимании этого этнонима. Думается, что в языках сибирских и восточноевропейских народов можно разыскать еще немало слов, подаренных некогда им давними предками кетов.

КЕТСКАЯ ТОПОНИМИЯ

Ниже кетская топонимия рассмотрена в историко-сравнительном аспекте, что делает топонимический материал более информативным в этногенетическом разрезе.

КЕТСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

Кетской географической терминологии посвящена только одна статья – статья М.М.Костякова (1985).

Наиболее известны географические термины, участвующие в образовании гидронимов – названий рек. Они многочисленны, разнообразны и надёжны в отношении этнической (языковой) привязки гидронимов. В связи с бродячим образом жизни кеты, очевидно, не имели постоянных селений. Поэтому для обозначения населённых пунктов они использовали термины либо русский *колат* "город", либо тюркский *тура* "селение", но насколько мне известно, своих ойконимов с этими терминами они не создали. В 1739 г. Г.Ф.Миллер зафиксировал и исконно кетские термины, обозначающие населённые пункты: *ijus* "дом или зимовьё" и *éango* "поселение" (Миллер Г.Ф., 1996, с. 107, 113).

Среди географических терминов, участвующих в образовании речных имён, наиболее широко были представлены термины, обозначающие небольшие реки. Для обозначения магистральных рек использовался термин *ульч* (*ulč*). Так, Енисей кетами (Алексеев Е.А., 1976) назывался Кзульч "Большой ульч". В этом термине сохранилось практически общекетское название воды - *уль*, к которому был присоединён аффикс *ч* неясного происхождения.

Обычно в топонимической литературе устоялось мнение о строгой и довольно простой схеме терминов в различных фонетических вариантах, участвующих в образовании гидронимов: *дат* – пумпокольские, *зас* – собственно кетские, *шет* – коттские, *уль* – ассанские, *зет* – аринские. Однако, судя по лучше изученным языкам, нередко формируются сложные топонимические системы, включающие несколько терминов для разграничения однотипных географических объектов, различаю-

щихся по каким-либо признакам. У хантов, в частности, разработана сложная система разграничения рек по размерам: *ас* – очень крупная река, *Обь*, *йоган* – крупная река, *игай* – речка, *сигат* – речка, вытекающая из озера, *пёх* (*пих*) – речка, протекающая по открытым участкам в таёжной местности, *пох* (*пёх*) – речка, ручей с родниковой водой, *сайм* – речка, меньшая, чем *пёх*, *сан* (*сэв*) – речка, речушка, *урий* – старое русло реки. Да и в относительно хорошо изученном собственно кетском ("остячком") языке помимо *сес* и его фонетических вариантов имеются термины, *дылжес*, *дугално*, *дюево*, *докс*, *тайлоп*, *кокс* (см. ниже). В пумпюльском зафиксированы два термина – *том* и *дет*. Не исключено, что и в других кетских языках могли быть географические термины со значением "вода", "река", которые ныне мы видим в топонимах, но не можем решить вопрос об их языковой принадлежности. Например, не дошёл бы до наших дней список аринских слов, составленный в 1735 г. казаком Иваном Ковригиным от последнего аринца Лоскутова, и для нас так и остались загадкой топонимы с компонентом *игай*. Несомненно, не попали в поле зрения русских и другие кетоязычные группы, язык которых, в лучшем случае, сохранился в виде топонимов.

Наиболее обычными терминами, использованными для образования гидронимов, были следующие (включая их различные фонетические варианты).

Зес (зас, *сес*, *сис*, *цис*, *шиш*, *сесь*, *жес*, *чес*, *шöш*) – эти термины использовали предки имбаков и других родственных им групп, не известных нам. Такие термины неизвестны в гидронимии за пределами сибирских и предуральских регионов. Нет их и в Передней Азии, откуда предполагается исход далеких предков кетов. Поэтому увязка их с древними языковыми группами крайне затруднительна. Единственная лексема *ажес* "река" с пометой "кельт.". Можно предположить, что имбатские термины (*зес* и другие фонетические варианты) образованы от этого термина. Реликтами этого фонетического варианта являются имб. *düldžes* (*дыльжес*, *дыльтсес*, *düldžes*) "маленькая река" (Топоров В.Н., 1968, с. 295). В следующих гидронимах этот формант сохранился в более ранней (кельтской?) форме: *Жемжес* – река в Шории, *Вижас* – река в Предуралье, вытекающая из Вижасских озёр и впадающая в Чёшскую губу). В.Я.Бутанаев (1995, с. 56) упоминает местность *Куджес* в Хакасии. Возможно, *жес* является наиболее ранней формой. Исходя из предположения о переходе *жес* в известные нам производные формы этого апеллятива, можно предполагать, что более ранней трансформацией является *зес*. Гидронимы с этим термином присутствуют в бассейне Камы (Казеска), многочисленны в Шории, встречаются даже в верховьях Тыма (Когузес, Когозес, Толзес), восточнее которых господ-

ствуют гидронимы с финальной частью *сес/сесь/сис*. Все формы на начальное *с* являются поздними. Таким образом, нам представляется эволюция апеллятива в следующем виде: **жес* → *зес* → *сес* → *с'ес'* (*сесь*). Форма *чес* возникла в бассейне р. Сым на базе немного шепелявого говора местных жителей, а в других случаях – после согласного *т*: Тотчес (<тотс'ес при *тот* из *то?т* "таймень"). Если определяющая часть оканчивается на *л*, *м* или *н*, то между этим окончанием и последующим апеллятивом возникает эпентеза (вставка) *т*, которая в сочетании со следующим *с* апеллятива дает *чес*. Так из кет. лун "хариус" при образовании имени реки получается схема: лун+т+с'ес'= Лунчес.

Рассмотренные термины употреблялись в отношении к небольшим рекам, притокам основных, магистральных рек.

Ул'э (Ульч) – этот термин использовался кетами для обозначения крупных рек – Енисея (Қәул'э, букв. "большой ульч"),

Қо'ль (q'æl) - "залив, заводь" (Вернер Г.К., 1993), но и Подкаменная Тунгуска (қәқол', букв. "большая коль"). Термин имеет общий корень со словом *қольтаңай* "подмышка" (ср. тюрк. *култук* "залив", "заводь", "подмышка").

Кокс' (читается *коксь*) - "ручей, родник" и зафиксирован в пакулихинском говоре кетского языка. Образован в результате субстантивации глагольной формы: *к-ок-с'* "вверх выходящее" (Виноградова Л.Е., 1969). В составе топонимов системы р. Пакулиха, где живут носители говора, термин неизвестен. Он зафиксирован в системе Елогуя в составе гидронимов: Айдекокс, Колеткокс "вороний ручей", Теймекокс, Сайгеткокс, Кыкса с притоком Усканкокс, Кокса (впадает в протоку Быструю).¹ В системе Подкаменной Тунгуски известен гидроним Тайгвкокс – правый приток р. Апрелки (Опрелковой), впадающей в Подкаменную Тунгуску в 153 км от её устья.

Докс' (читается *доксь*) - "река" – термин этот в языке современных кетов не выявлен. Но р. Таз кетами называлась Докс², что позволяет видеть в этом гидрониме термин "река", перешедший в имя собственное. Подтверждается терминологическая природа этого слова и участием его в форме *докс* или *токс* в образовании гидронимов. В системе Елогуя это рр. Атокс, Бентокс, Мал. Тольдокс и Бол. Тольдокс, в системе Подкаменной Тунгуски – Токс, Тоюктокс (притоки Шумихи). В языке кетов-пумпокольцев известен термин *док* "вода" (Дульзон А.П., 1961), но в пумпокольском ареале топонимы с таким термином отсутствуют. Возможно, что отнесение этого термина к пумпокольскому дос-

¹ На Алтае известно несколько рек с именем Кокса, но эти имена являются русифицированной формой монгольского (джунгарского) гидронима Кок-усун или тюркского Коксу "голубая вода".

² Г.Ф.Миллер в 1739 г. отметил кетское название р. Таз в форме *Dodse*.

тоянию ошибочно: записи конца XVIII в., положенные в основу "Словаря Палласа" и сделанные от жителя Пумпокольской волости, фактически представляют собой смесь пумпокольских и кетских слов (см. об этом: Хелимский Е.А., 1986).

Шёш. Д.Г.Мессершмидтом было записано 103 слова у кетов, обитавших по р. Эедт-Шеш, расположенной ниже впадения Елогуя. В записях фигурировал термин *шеш* "маленькая речка" (в поздней транслитерации средствами латинского алфавита *šeš*; см.: Топоров В.Н., 1968, с. 295). В той же записи приведён и упоминавшийся гидроним - Эедт-Шеш. Фонетически близкие топонимы, которые можно считать произведёнными от термина, известны на юге Красноярского края. Это – рр. Шуш: 1) река в системе р. Оя (система Енисея), 2) правый приток Тубы, 3) и 4) – две небольшие речки в бассейне Белого озера (система Чулыма). Во времена Г.Ф. Миллера ещё было известно кетское имя р. Есаулка, притока Енисея (впадает справа у Красноярска), - Schesch (принимает р. Тершеш). Несомненно, рассматриваемый термин является фонетическим вариантом кетского (остяцкого) *cecl/cecy*. Неясно только, является ли эта форма показателем диалекта "дёнка" с р. Эедт или же дефектом речи (шепелявость) информатора. По крайней мере, в упомянутой шепелявой форме термин более нигде не был зафиксирован. Вряд ли следует связывать рассматриваемый термин с фонетически сходным *шииш* (бассейн Иртыша и нижней Оби). Они имеют самостоятельное происхождение.

Ур. В сымском языке (диалекте) известен термин *ур* "вода". Термин "вода" в топонимике нередко используется при образовании собственных имён рек (тюрк. Кара-су, монг. Хара-усун, самод. Буй-бу и др.). Односложность термина *ур* делает его уязвимым с позиций языковой диагностики. Возможность случайного совпадения звучания и значения слова весьма велика, что подтверждается необычно широким его распространением. Реки с именем Ур известны не только на Салаире, но и в Монголии (р. Ур впадает в р. Селенга выше Орхона), в бассейне Оки (Волжской), в бассейне р. Амур (р. Ур - ныне Уркан, приток р. Зея). Названия рек с компонентом *ур* встречаются в Турции (Савур), великое множество их на Дальнем Востоке (Укур, Кур, Дитур, Аур, Гур, Кульдур, Заур, Будур, Тудур, Тур, Уктур, Токур и просто р. Ток), в бассейне Оки (Волжской) - Вишнур, Синур, Нинур, Винчур, Дардур, а также рр. Ужур - в Хакасии и Восточном Саяне, Солур - на Таймыре. Выделение гидронимов на *ур* кетского происхождения возможно только на основе сочетания их с кетскими гидронимами, оформленными другими безусловно кетскими аффиксами.

Урай. Этот термин со значением "старица", "озеро" ныне широко используется манси. В хантыйском языке он имеет близкое звучание –

урий. Некоторые соответствия этот термин имеет и в адыгском (*псыхъурай*) и кабардино-черкесском (*шадхурей*). В этих языках второй компонент (*хъурай*, *хурей*) имеет значение "круглый" и отражает замкнутость, непроточность водоёма (см. след. абзац). Можно предположить, что термин был заимствован из северокавказских, но сохранил лишь финальную часть. Использование уграми северо-кавказских терминов проиллюстрировано выше термином *игай*. Из финских языков, насколько нам известно, термин в форме *урай* "старичное озеро" используется только в мордовском, который занимает промежуточное положение между финскими и угорскими.

Шет, чет, четь, шат, чат – этот термин со значением "река" зафиксирован во многих топонимах, но в первых записях в языке коттов только в форме *шет* и *шето* (последняя форма только у Клапрота, который пользовался материалами "Словаря пяти аринских наречий", записями Мессершмидта). Несомненно, этими терминами пользовались и ассаны, родственные коттам: по записям XVIII в. известно, что в географической номенклатуре ассанов был термин *шет* "река" (Дульзон А.П., 1961). С разной степенью достоверности с этими терминами можно соотнести агул., табас. *шед* "река", кабард. *шед/шэд* "озеро" (Мурзаев Э.М., 1984 с. 602). Но в кабардинском зафиксирован термин *шадхурай* "озеро" (буквально "озеро круглое"). В адыгском ему соответствует *псыхъурай* "вода круглая" (Коков Дж. Н., 1974). Эти термины сформированы по одной модели: в основе их лежит представление о замкнутом непроточном водоёме. Поэтому можно предположить, что некогда в северо-западных языках Кавказа изначально бытовало слово *шад* со значением "вода", впоследствии оно приобрело второе значение "река". Примером может служить тюрк. *су*, которое имеет такое же двойное значение. В языке урарту *šedu* "вытекающий", араб. *шет* "большая река, берег, водное место" (Шатт-эль-Араб; Савина В.И., 1967). В литературе появилось замечание, что перевод имени р. Шатт-эль-Араб означает "берег арабов", очевидно, правомочно только частично. В Словаре Палласа (Ср. сл., 1789) даётся однозначный перевод - "река". По характеру апеллятивов можно сблизить сибирские гидронимы (см. выше) и кавказские названия: табас. Рабхрушад "бурчащий источник". Языковая принадлежность гидронимов Арючат, Бугайчат, Джугутурлючат, Джамачат, упоминаемых А.В.Суперанской (1969), нами не выяснена. Очевидно, и у кетов когда-то функционировал термин *шет* в иной огласовке – *шат*. Об этом свидетельствуют гидронимы Шат – приток Верх. Терси (система Томи), Бачат (две реки).

По-видимому, территорией формирования термина *шет* и др. является Передняя Азия, Закавказье.

Нам думается, лишь недостаток информации о соотношении ассанского и коттского языков заставляет четко разграничивать их топонимические гидроформанты: *чет* и *шет* считать коттскими, *ул* и *уль* – ассанскими. Трудно представить, что котты использовали в номинации рек только термин "река", имея и термин "вода", а их близкие родственники, если не соплеменники – термин "вода", не имея термина "река". Кстати, в записях Г. Миллера, в "Словаре пяти аринских наречий" термин *шет* записан как ассанский.

Кем – термин этот со значением "река" записан у коттов Г.Ф.Миллером и составителями "Словаря пяти аринских наречий" (Дульзон А.П., 1961). Можно было просто сослаться на заимствование этого термина из тюркских (тув. *хем*, канг. *кем*) или иранских. В языке тюркоязычных кангатов, в прошлом самодийцев, было зафиксировано слово *ыскем* "дождь". Учитывая кет. *ыс* (<есь "небо, бог"), семантика термина раскрывается как "небесная вода" ("небесная река" – менее предпочтительно). Это, пожалуй, единственный пример, раскрывающий суть давно интригующего термина *кем/хем*. Пример показывает, что термин имел значение "вода". Но было ли это значение изначальным? И какова его изначальная языковая принадлежность?

И без комментариев добавим, что в языке дидойцев Дагестана был зафиксирован термин *кема* "дождь" (Ср.сл., 1790).

Зет, зат, сет, сат – эти термины связываются с языком арин (аринов). В XVIII в. он записан у аринцев в форме *сам, сатинг* которую и следовало бы считать исходной. Наиболее близкие параллели можно усмотреть в языке абазинцев. Язык этот, родственник абхазскому, имеет два диалекта: тапантский (*тапанта* "плоскостники", или в XVIII в. алтыкесек-абаза) и ашхарский (*ашхарауа* "горцы", или в XVIII в. куш-хасиб-абаза). В Словаре Палласа для первого диалекта приведена лексема *зеду*, для второго – *дзеду* со значением "река". Река Кова, левый приток Ангары, принимает справа р. Дзёда. А р. Ангара принимает в верховьях шесть рек с именем Зёда. Ныне в языке абазинцев "вода" обозначается словом *дзы*, абхазцев – *а-дзы*. Более ранняя лексема *зеду* (*зёду?*), закреплённая в словарных материалах XVIII в., фонетически ближе к аринскому апеллятиву *зет* и оставленным в прошлом топонимам (Зёда, Дзёда). Если это не случайное совпадение (в топонимике всё возможно), то прародину термина *зет*, бытовавшего у аринцев, следует искать на Северо-Западном Кавказе.

Игай – аринская принадлежность этого термина, ныне употребляемого хантами Васюганья со значением "река", основывается на следующих материалах. В записях 1735 г. (см.: Хелимский Е.А., 1986) в аринском языке отмечен термин *икаи* "река". Мы этот термин связываем с хант. *игай* "река (меньшая, чем *йоган*)". В записях Г.Ф. Миллера

(1740г.) этот термин записан в форме *ige* (Миллер Г.Ф., 1966). Этот термин фонетически и по содержанию близок горско-дагестанским: цез. *игъу*, хварш. *еху*, гунз. *эху*, гинух. *иху*, *ехе*. Большинство известных нам гидронимов с термином *игай* сосредоточены в бассейне верхнего течения Васюгана: Алтым-игай, Варе-игай и др. Два гидронима принадлежат бассейну Мал. Югана, левому притоку Оби. Бассейн Мал. Югана непосредственно (с севера) соседствует с бассейном Васюгана. Очевидно, термин этот является общекетским, так как коттские термины *егих*, *егиг* "протока" (Костяков М.М., 1985) фонетически близки к васюганским (аринским) и дагестанским.

Изыр. Обычно этот термин воспринимается как тюркский. Однако В.Н.Топоров (1968), ссылаясь на записи Г.Ф.Миллера в 1731 г., приводит в аринском словаре термин-топоним *isig* "Кача", "реки". В более поздней записи (1739 г.) Г.Ф.Миллер это слово даёт как второе название р. Базаиха. В кетской топонимике, насколько нам известно, эта тема не разрабатывалась. И аринское происхождение термины *изыр* воспринимается нами осторожно, но без негатива. Дело в том, что записи были сделаны в смешанном аринско-тюркском языковом ареале, причём, более никаких доказательств о языковой принадлежности термина-топонима нет. Да и сама рр. Кача и Базаиха также находятся в этом ареале. Происхождение термина *изыр* "река" или "реки" неизвестно, близких аналогий в других языках не найдены. Можно высказать предположение, что термин *изыр* является тюркской адаптацией аринского термина *зир* "река": начальный гласный *и* – это протеза, которая прикрывает начальный *з*, не свойственный тюркскими языками (ср., Зас > >Изас/Ызас в Шории). Нам известно немало рек с финальной частью на *-зир/-зыр*: Мокзыр – правый приток р. Кеть, Кузыр – правый приток Васюгана, Кумзыр – приток Телецкого озера, Базыр (ныне Пасур "карашь" – тюркская адаптация) – левый приток р. Береж в верховьях Чулыма, Кизер и Козер притоки р. Алаш в Туве, Казыр и Кизир – притоки р. Туба (Саяны). К этому же типу топонимов можно отнести названия рек с компонентом *жир* в финальной части: Кинжир – правый приток р. Дудет (система Чулыма). Все эти реки текут в пределах ареала кетских топонимов и имеют по соседству реки с безупречно кетскими (в широком понимании этнонима). Гидронимы Казыр-Су и Казыр-Юль и др. являются тюркскими. Тюркская этимология их прозрачна ("река с бурным течением и опасными переправами) и подтверждается фонетическими соответствиями: хак, шор. *казыр*, тув. *кадыр*, алт. *кайыр*.

Далее тема нами не разрабатывается, так как материал исчерпан.

Куль – это аринский термин "вода", нередко используется в образовании имён как речных, так и озёрных. Он имеет немало параллелей в других языках, что затрудняет языковую привязку гидронимов с этим

апеллятивом. В дагестанских языках известно хварш. *кул* "река", в семи-то-кушитских *кул* "водоём", "река", в тюркских языках различные вариации этого термина означают "озеро", *kula* – "озеро" в чадских языках (Центральная Африка), чук. *куул* "маленькая глубокая речка". Возможно, все эти варианты восходят к древнейшему околосредиземноморскому термину с корнем R (см. *ур*), различными "модификациями" которого они являются.

Дет, дат, тат, тет – эти пумпокольские гидронимические форманты являются фонетическими вариантами, исходная форма которого неизвестна. Да и форманты эти, "изъятые" из топонимов, не соответствуют записям первых письменных источников. По записям XVIII в. эти термины имеют оформление *тананг*, из которого можно вывести изначальный вариант *там*. Иная огласовка в термине *тем/дет*, возможно, является адаптационной либо диалектной. Происхождение форманта (географического термина) не ясно. Можно предположить, что пумпокольский термин возник из ар. *сам*: В.Н. Топоров (1967) определил, что пумпокольскому начальному *t* соответствует арин. *s*, асс. и котт. §³. Гидронимы, образованные с использованием термина *тем/дет/там/дат* "река", за пределами Западной Сибири практически не встречаются. Лишь в Восточной Сибири известны рр. Курдат (система Алдана) и Чардат (система р. Зeya). Оторванность восточносибирских гидронимов предостерегает от поспешного отнесения их к числу пумпокольских. Этимология имени населённого пункта в Турции – Дадат – неизвестна; возможно, там нет р. Дадат.

Том – как термин "река" эта лексема отмечена в рукописи "Язык пумпокольских остояков на р. Кеть", использованной при составлении "Словаря пяти аринских наречий". Первичный источник написан рукой Г.Ф.Миллера, поэтому материал лингвистически достоверный. Термин дан в написании Thom (Хелимский Е.А., 1986).

Гет, гат – гидронимы с таким формантом имеют широкое и вполне определенное пространственное положение и языковую привязку. Нам известны следующие термины, которые в какой-то мере близки фонетически и по смыслу к рассматриваемому предположительно кетскому апеллятиву *гет/хет/кет/гат*:

гет – арм. "река", *гетик* "речка" (Джаукян Г.Б., 1978);

сигат – хант. "река, вытекающая из озера" (Терешкин Н.И., 1981, с.248);

цюгат – сиб.-тат. "озерко";

кита – тинд. "речка" (Дирр А.М., 1909);

³ Отметим близкое звучание пумпокольского термина *тананг* и санскр. *tatini* "река".

хъад – будух., крызск., *хъед* – агульск. "вода" (Сравн.-историч. лексика даг. языков, 1971, с. 181).

Основная масса топонимов тяготеет к Кавказу. В арм. *гет* "река" (параллельное значение "вода"; ср. тюрк. *су/сук/суг* "вода" и "река"), *гетик* "речка" (Касах-гет – с арм. "уксусная река", Севгет "черная река", Гетик "речка" – правый приток р. Акстафа, система р. Кура, Дзорагет "ущелистая река", арм. *дзора* "ущелье"; любопытно, что в Туве есть ущелье Дзора-хыт). В Словаре Палласа (XVIII в.) армянский термин со значением "река" дан в написании *кет*. Любопытно, что в те же времена нынешняя р. Кеть (приток Оби) была известна под именем Кет. В некоторых языках Дагестана (рутульский, агульский) имеется термин *хъед/хъед* "река", "вода": Сикидехед "теплая вода", Хъедлачадагъар "водопад" из агул. *хъед* "вода", *лайча* "падать", *дагъар* "скала" (Ханмагомедов Х.Л., 1990, с. 18-19). В крыз. *хъ'ад*, будух. *хъад* является вариантами агульского и рутульского терминов.

Лат – у ряда народов Передней Азии является географическим термином со значением "вода" или иными объектами водного типа. В современном арабском языке *оглат/углат* "ключ на песке, источник, колодец, сточная канава" (Словарь..., 1973). Праосновой для термина "вода" всех горско-дагестанских языков является **лъ'ад* (**лъад*). Закономерные изменения в фонетике общедагестанского языка привели к значительным расхождениям в звуковом оформлении этого слова: кроме указанных выше вариантов известны дарг. *шин*, лак. *щин*, лезг. *йад* (Сравн.-историч. лексика дагест. языков, 1971; Хайдаков С.М., 1973). Именно эта связь с языками Кавказа позволила нам считать создателей гидронимов на -лат в Западной Сибири (Салат, Оглат и др.; см. выше) выходцами с Кавказа и включить их в число ранних енисейцев, предков кетов. Возможным подтверждением этой догадки является присутствие в лексике сургутихинских кетов слова *кальт* "водяной" (Дульзон А.П., 1968), в финальной часть которого при желании можно усмотреть термин *лат* в иной огласовке. В XVIII в. у берёзовских вогулов (манси) был записан термин *латень* "река". В гидрониме Латка (левый приток Усолки, примерно 40 км. севернее Канска) имеется русское окончание *ка*, которое даётя иноязычному топониму для придания женского рода. Если это так, то мы имеем случай, обычный в топонимике, перехода имени нарицательного (*лат* "вода" или "река") в имя собственное – Лат.

Поиск в лингвистической литературе и двуязычных словарях близких значений компонента *лат* дал следующие результаты:

лат (хант.) – "яма, глубокое место на реке" (Терешкин Н.И., 1961);

латка, латко, лотка (морд.) – "яма", иногда "овраг" (Серебрянников Б.А., 1974);

лъльд/лъад – общедагестанская основа "вода" (Сравн.-истор. лексика. дагест. языков, 1971);

лат (лезг.) – "водопойный жёлоб";

лъат (арч.) – "море";

ралъад (бежт., цез., гинух., гунз.) – "море";

илат – "дождь" (и божество) в Кении (Новое время. 1974, № 15);

оглат (араб.) – "ключ на песке, источник", "колодец", "сточная канава" (в Сахаре; Словарь... 1973);

кылат (сымск. диалект кетского языка) – "горло",

латень (берёзовские вогулы) – "река" (Ср. Сл., ч. 2, 1790).

Нас более привлекают дагестанские лексемы, особенно общедагестанская форма термина "вода". В них можно видеть апеллятив, вошедший в гидронимы типа Салат, Вылат и др. Сохранившийся в XVIII в. в языке берёзовских манси термин *латень* "река" лишь дополняет список угро-дагестанских параллелей в области базовой лексики (Малолетко А.М. 1999, с. 172).

В статье Г.К.Вернера (1968, с.21) приведено кетско-сымское слово *лыт* "гора". В письме из Таганрога от 31 мая 1991 г. Г.К.Вернер писал автору: *"Очень интересны Ваши наблюдения в области гидронимии, особенно, что касается топонимов на -лат. Я ведь сам когда-то (1963 г.) по заданию проф. А.П. Дульзона собирал топонимы на Васюгане (поселки Чижанка и Салат), как-то особого внимания не уделял топонимам на -лат. Вы осветили их в очень любопытном контексте. Читая Вашу статью (Опыт реконструкции языковой принадлежности носителей культур эпохи бронзы Западной Сибири/Методич. проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск, 1989. С. 191-206. – А.М.), я вспомнил о загадочном кетско-югском слове лы?т'/л'ы?т, которое обычно (и мной тоже) переводилось как "гора", "гора, поросшая лесом". Поскольку оно очень созвучно Вашему -лат, хочу обратить Ваше внимание на следующее. В 1987-1990 гг. я ежегодно работал с кетами-учителями в Келлоге и Верецагине. И вот, когда дело коснулось слова л'ы?т "гора" (оно приведено у меня в экспериментальном кетском букваре), то я почувствовал, что учителя встретили мой перевод "гора" без энтузиазма. Почувствовав это, я, разумеется, стал искать причины. Беседовал с пожилыми кетами. В итоге пришёл к выводу, что перевод "гора" некорректен. Как я понял, этим словом обозначалось у кетов скорее плато, или место у реки (за рекой), где уже шёл "черный лес" (не прибрежный тальник)... Словом, кет. л'ы?т, югск. (сымское) лы?т' - это не гора, а нечто такое, что могло легко лечь в основу топонимов, может быть не у всех енисейцев, а только у определённой их части (ведь при коттских названиях на -шет ассаны*

имели гидронимы на *-ул*, хотя это два очень близких друг к другу енисейских народа).

Если мое предположение верно, то Ваше *-лат* может быть увязано с кет. *л'ы?т*, югск. *лы?т'* ".

Если письмо видного лингвиста Г.К.Вернера и не прояснило вопрос о происхождении и значении компонента *лат* в приведённых выше сибирских гидронимах, то показало великую сложность такого рода изысканий.

Сым, сим – этот формант, используемый в качестве имени собственного рек и участвующий в образовании гидронимов, несомненно является апеллятивом со значением "река" или "вода". Правда, есть предположение, что форма *сым* объясняется адаптацией аринцами пумпокольского слова *тым* (Вернер Г.К., 1978) либо влиянием доенисейского субстрата (Костяков М.М., 1976).

Нами термин *сим* "река" выявлен только у дагестанцев – в кукурском говоре аварского языка. В первых русских записях левый приток Енисея Сым назывался обычно Сим. С формальных позиций термин *сим* "вода" дагестанцев можно увидеть в названиях рр. Сим в Предуралье и притока Енисея и предположить, что форма *сым* в названиях рек Сым (бассейн Камы и приток Енисея) является более поздней.

Тайлоп - "родник". Термин этот среди топонимов, закреплённых на картах и в специальной топонимической литературе, как будто, не обнаружен. По-видимому, это сложное слово, состоящее из определяющей части *тай* "мороз" и *лоп*. Этимология второго компонента (*лоп*) из кетских языков не раскрывается. Но, исходя из реалий, можно предполагать, что он имел значение "вода". В таком случае термин осмысливается как "морозная (холодная) вода". Представление об источнике (роднике) как о холодной воде имеют носители языков адыго-абхазской группы. По данным А.К.Шагирова (1982, с. 147), убых. *бзыч*, абх. *а-дзыхъ*, абаз. *дзыхъ* "родник" является двухсоставным термином и осмысливается как "холодная вода": *ч*, *хъ* "холодная" и *бзы*, *а-дзы*, *дзы* "вода".

Фонема *л* в начале кетских слов практически не встречается, поэтому можно предположить некетское происхождение второго компонента рассматриваемого термина. Известно в иранских языках слово *леб/лен/лаб*, основное значение которого "губа" (*lān*). В топонимах оно обычно осмысливается как берег, край, сторона (ср. перс. *леби-ап* "берег реки"). Известны топонимы с компонентом *лаб/лав*: Лаби-Дарья – название набережной в Кабуле, Далап и Налап – в Афганистане, Лебап (перс. *Леби-ап* "берег реки") – одно из названий Амударьи, Тереклав в Крыму и др. По топонимическим данным можно проследить семантический сдвиг термина *лаб*: "губа" → "берег (или край) реки"; набережная

Лаби-Дарья" → "река" (рр. Далаб в Афганистане, Джолап в Турции, Лаба на Северном Кавказе, Хирлеп в Чувашии, Тереклав в Крыму) → → "озеро" (оз. Донузлав "кабанье озеро" в Крыму) и, очевидно, вообще "вода".

Фонема *л* в иранских возникла поздно – в среднеперсидское время (IV в. до н.э. - VII – VIII вв. н. э.) из раннеиранских *g, gz, gd*. Если допустить, что кеты заимствовали *лоп* (<лаб) со значением "вода" из иранского, то это могло произойти лишь в Сибири и не ранее скифского времени. И вряд ли сами кеты трансформировали *лаб* в *лоп*. Вероятно, иранская группа, которая "подарила" кетам *лоп*, уже имела это слово в таком фонетическом оформлении. Возможно, это были пуштуны, в языке которых фонема *о* регулярно восходит к **a* (Основы ир. языкозн. Новоир. яз., 1987, с.21). Знакомство предков кетов с предками пуштунов (афганцев) могло произойти в Сибири. Гидронимы с финальным компонентами *лап, леп, лоп* и их озвонченными вариантами *рап, реп, роп* образуют плотный ареал в бассейне Чумыша, Кондомы и верхней Бии (Салаирский кряж, Шория, Кузбасс): Аллап, Излап, Шалап, Кандалеп, Сегалеп, Шарап, Ангуреп, Антроп и др. Ареал этих топонимов вплотную прилегает к кетскому ареалу с гидронимами на *-зас/-зес* (Анзас, Тозас, Кызас, Мизес, Арзес и др.) по верхней Томи, Мрассу, Кондоме. Если допустить, что гидронимы на *леп, лап* и пр. здесь создали ираноязычные племена, то заимствовали и использовали его для создания термина *тайлоп* кетские группы, которые позднее ушли по Енисею на север.

О том, что второй компонент термина *тайлоп* имеет значение "вода", свидетельствует и пумпокольская параллель. У пумпокольников термин *taial* (Хелимский Е.А., 1986; ошибка писца, следует *taial*) раскрывается из кет.-имб. *тай* "холод" и *ал* (*ул*) "вода". В оригинале слово "холод" не отмечено; реконструируется по "остяцкому" (имбатскому). Такая же параллель отмечается и в аринском: *шилкул* "родник": при *шилту* "стужа", *кул* "вода". Тайлоп как гибридный кето-иранский термин не одинок. В асс. *ульватан* "источник" также является, по нашему мнению, кето-иранским термином: кет. *уль* "вода", ир. *ватан* "родина" (букв. "воды родина"; ср. русск. "родник"). В имбатском (енисейско-остяцком) *бангап* "источник" также является гибридным термином: ост. *банг* "земля", ир. *ап* "вода" (букв. "земляная вода").

Тас/тес/тис. М.Н.Мельхеев (1986, с. 119), правда, без должной лингвистической проработки, предполагал, что элемент *тес* (*тесь, тис, тез, теш, тас*) является кетско-имбатским термином со значением "вода, река". Эту точку зрения подтверждает пример, приведенный А.П.Дульзоном (1959, с. 97): один из притоков Курейки имеет два фонетически близких названия: Лунс'ес' (Лунсьесь) и Лун'т'ес' (Лунтьесь).

В статье А.П.Дульзона (1963) упоминаются также сибирские реки Артас, Бактас, Килтас, Кутас, Пактас. Автор допускал кетскую (возможно, только по употреблению) принадлежность форманта *тас*. В экающем имбатском диалекте звук *а* является передним (по способу образования) и приближается к *æ*. В результате *тас* трансформируется в *тес* (Кайтес, Кантес и др.). Звукам *ä* и *e* имбатского диалекта в икающем (сымском) диалекте соответствует *и*; возникает форма *тис* (Тис, Тентис, Кутис и др.).

Не исключено, что не все рассматриваемые термины являются производными от *тас*. Возможно, что некоторые из них образованы в результате использования кетскими группами с иными фонетическими особенностями или же в ходе иноязычной адаптации. Так, для термина *тис* в топониме Кутис исходной основой мог быть термин *сис* (<*сес*), как и при образовании терминов *сис* (гидроним Васис) и *шиш* (гидроним Шиш). Огласовка (*и*) могла возникнуть по единой причине (икающий говор создателей гидронимов).

Если же допустить родство всех гидронимических формантов (образование их от одной основы), то все разнообразие терминов можно объяснить просто комбинациями согласных, которые (комбинации) с формальной стороны будут убедительны: кет. *сес*, арин. *сет*, котт. *шет*, пумпок. *тет*, неясной принадлежности *тес*. В работах лингвистов такие соответствия подтверждены многими примерами.

Звукосоответствия. Лингвистами изучены звукосоответствия, которые позволяют, с одной стороны, объяснить различное звучание терминов, а с другой - привести всё их многообразие к единой праформе. Рассмотренный пример с пумп. **ц'ул* можно сопоставить с другими кетскими языками. Пумпокольское *ц'* соответствует в аринском и ассанском *ш*, в коттском *ч*, *ш*, в имбатском *с*, *с'*. Это позволяет отождествить чулымо-тюркские и русские имена рек Шулдат и Чулдат с аринским Сулзат и енисейско-кетским Сульцыс. В последнем слово *суль* имеет значение "нельма". Исходя из приведенных соответствий, А.П. Дульзон предлагал считать и имя р. Четь, притока р. Чулым, не коттским (Чет, Шет), а пумпокольским Ц'ет, Т'ет, хотя это фактически не засвидетельствовано. В таком случае и известное название Чулыма ниже устья Кии - Цём (<*том*), возможно, является пумпокольским (селькупы называют её Чулыми-кы "мутная, землистая река"; другое селькупское (?) название Чулыма - Урупа). В.Н.Топоров (1968) видит закономерное чередование аринского *т* с енисейско-кетскими *с'*, *с*, *ш*: арин. *сам*, *сет* - кет. *сес*, кур., елог. *с'ес'*, эд. *шöш*, а арин. *с* с ассанским *ш* (термины *сет* - *шет* "река"). В другой работе В.Н.Топоров (1967) приводит соответствия пумпокольскому *т* кетских *с*, *с'*, аринского *с*, ассанского и коттско-

го *ш* (*тет* – *сес/с'есь* – *шет*). Второму *т* в пумпокольских соответствуют кетские *с/с'*, аринское, коттское *т* (*тет* – *сес/с'ес'* – *сет* – *шет*).

Топонимы из терминов. Отмечены случаи перехода имени нарицательного (апеллятива) в имя собственное. Это является надёжным подтверждением действительного бытования в прошлом таких географических терминов, а не произвольным вычленением части топонима и придания ей статуса апеллятива. Такие случаи отмечены почти во всех группах топонимов:

зас – 1) р. Зас, две реки в верховьях Томи (ныне названия утеряны), 2) Зас, река в верховьях Камы;

кет – 1) Кет, правый приток Оби (ныне в русифицированной форме Кеть), 2) Кет – приток р. Балей в верховьях Ангары;

куль – Куль – левый приток р. Яя;

лат – р. Латка, левый приток р. Усолка (русифицированная форма);

сат – р. Сатка на Урале (русифицированная форма);

сес – Сес, правый приток р. Сым (система Енисея);

сим – 1) Сим, река в системе Камы (Волжской), 2) раннее название р. Сым, левого притока Енисея;

сым – 1) Сым, река в системе Камы (Волжской), 2) Сым, позднее название р. Сим, левого притока Енисея;

тет – Тет – один из верхних притоков Кети (ныне Бол. Еловая);

том – 1) Том – правый приток Оби (ныне Томь), 2) три речки в Северной Монголии (бассейн Селенги), 3) Томка, река на Салаирском кряже (русифицированная форма);

тым – Тым – правый приток Оби;

ур – Ур, река на Салаирском кряже, система Ини (Кузбасской);

чет – р. Четь, левый приток Чулыма (русифицированная форма);

шет – Шет, одно из ранних названий р. Четь, левого притока Чулыма;

шиш – Шиш, правый приток Иртыша в Омской области.

Возможно, от кетских терминов образованы тюркизированные формы (с протезой) гидронимов Исеть, Ызас, Алат,

Версии о происхождении терминов. По поводу происхождения кетских терминов имеется несколько версий.

Версия первая. Точка зрения А.П. Дульзона (1961, с.369) и В.Н. Топорова (1967, с. 314) заключается в том, что все эти термины едины в своём происхождении и их варианты (*сес*, *сет*, *тет*, *шет*) восходят к одному и тому же слову *тет*, а фонетические их различия объясняются закономерными звуковыми соответствиями, имеющимися между кетскими наречиями. М.М.Костяков (1985) возводит все термины со значением "река" к одной протоенисейской форме *sēs.

По мнению В.Н.Топорова, из общеенисейской формы **тет* или близкой к ней можно вывести и все остальные, считая их производными. Такая универсальность в образовании географических терминов и приведении их к одной исходной форме нам представляется преувеличенной, хотя подобного рода трансформации имели место. Это можно подтвердить следующими примерами: котт. и ассан. *шет/чет*. арин. *сам/зат*, пумпок. *дет/тет*. Но здесь трансформирована только одна или две фонемы. Более показательны вариации термина *вода* в дагестанских, в которых из общедагестанской формы **лад* выработаны следующие основные варианты (в упрощённом написании): *лъльин, лъан, лъе, ххе, шин, щин, хад, йад, шад/шед/шар*. Не зная закономерностей в изменении звуков в дагестанских языках, вряд ли кто взялся бы утверждать родственность этих терминов. Из этих форм могут быть сопоставимы с кетскими только:

табас. *шад/шед* - ср. котт. и ассан. *шам* (в топонимах) *шет, чет*, рут. *хъед* – предположительно кетские *гет/кет/зат*,

общедагестанская форма *лад* – предположительно кетская форма (аринская?) *лат*.

Версия вторая. Нами предлагается версия о гетерогенности кетских географических терминов. Каждый из них имеет свое место и время возникновения, и свою языковую исходную среду.

Термин *зес* (<**жес*) "река" предки кетов заимствовали на Северном Кавказе у аборигенов, кельтов по языку. В Словаре Палласа указано, что *ажес* - это кельтское (без более точной привязки) "река".

Формально можно свести арин. *сам* "река" к форме **хам/хад*, учитывая закономерность в замене фонемы *х* фонемой *с* (см. ниже анализ соответствий гидронимов Халат и Салат). В таком случае реконструируемое **хам* может найти соответствия в горско-дагестанских: агул. *хъед*, крыз. *хъад*, будух. *хъад* (приблизительное чтение *хед* и *хад*). Ниже (см. *лат*) отмечена возможная связь терминов **хам* и *лат*.

Аринский термин *зет* зафиксирован в топонимах как производная от изначального *сам* в первых словариках. Фонетически близок к нему адыго-абхазский термин *дзе* и гидронимы Дзёда, Зёда (притоки Ангары в её верхнем, меридиональном течении). Поскольку в Приобье соседствуют гидронимы с различными апеллятивами (рр. Тамырсаг, Ингузет, Сульзат, Алсет), то все эти апеллятивы следует считать адаптационными вариантами одного термина. Формально изначальным и наиболее достоверным термином является *сам*, как записанный (в форме *саминг*) со слов носителя языка. Однако неизвестно, был ли термин в таком звучании общепринятым ("официальным") или же диалектным. Нет гарантии, что другой информатор дал бы иную форму этого термина. В качестве примера можно привести аринский термин "озеро" в языке арин: по

записи Ф.Страленберга – это *бирка-куль* (букв. "большая вода") и более поздняя запись от Арзамаса Лоскутова – *куртюк*. В последнем термине можно усмотреть слово *кур* "вода".

Коттский термин *шет* зародился в Передней Азии (ар. *шат/шамт*) и перенесен на Северный Кавказ предками горцев-дагестанцев. Можно вывести коттско-ассанское *шет* "река" из аринского *сам*, если допустить, что изначально этот термин звучал как *шат* (ср. араб. *шамт* "река", р. Шавшат в Турции, гидронимы типа Бачат в Сибири и Джаловчат, Оручат на Кавказе). Или же, наоборот, вывести арин. *сам* из *шат*. Следовательно, можно наметить следующую последовательность трансформации некоторых терминов: *хад/хат* → *сам* → *шат*, либо *хад/хат* → *шат* → *сам*. Формы с гласным *е* в таком случае являются более поздними, возможно, даже адаптационными.

Пумпокольский термин *тет/дет* "река" не ясен по происхождению. Фонетически близкие термины в других языках или в топонимах нами не найдены. В.Н.Топоров и А.П.Дульзон считали апеллятив *тет* изначально енисейским, остальные, по их мнению, являются вариантами, образованными от него. Если и исходить из версии о происхождении кетских терминов со значением "река" от одной формы, то таковой *тет/дет*⁴ не может быть: термин не имеет исторически известных аналогий и этническая привязка его невозможна. Однако можно обратить внимание на следующий единичный факт. С востока в Красноярское водохранилище между рр. Дербина и Сисим впадает небольшая речка Талгат. Справа в неё впадает р. Жулгет, которая имеет второе имя Жугдат. Нет ли родственной связи между этими топонимами – Жулгет и Жугдат? Например, в одном и том же языке *гет* означало "вода" (ср. арм. *гет* "вода"), а *тет/дет* "река"? Это, в частности, отмечается в других кетских языках (асс. *уль* "вода" и *шет* "река", арин. *куль* "вода", *сам* "река").

Пумпокольский термин *том* "вода", как и *тет/дет*, не имеет корней. Обращает на себя внимание обилие топонимов с компонентом *том* в восточных районах Северной Азии (см. ниже раздел "Топонимы").

Если и пытаться возродить идею о едином исходном термине *сес/сет/шет/тет* "река" в енисейских языках, то предпочтение, вслед за М.М. Костяковым, автор отдал бы форме **sēs*, памятуя о её фонетической близости к кельтскому термину *ажес*.

Термин *ур/ул/ул'* "вода" в языках кетов является ностратическим, точнее – более древним околосредиземноморским достоянием. Этот термин в близких значениях и звучании известен в языках самых раз-

⁴ Заметим, что в ранних рукописных источниках термин "рска" у пумпоколов был записан в форме *татаг* (Дульзон А.П., 1961).

личных семей: индо-евр. **ur*, **uer* "вода, дождь", алт. *урар* "лить", *ур* "лить", эвенк. *уру* "вытекать", баск. *ур* "вода", дагест. *вир, гур, кур, гер, ор* "река", кельт. (брет.) *дур* "вода", тохар. *waq, wāq* "вода", др.-инд. *wāq* "вода". Возможно, более ранней формой термина "вода" у кетов было **ур*, представленной в сымском языке. Термины кет., котт., ассан. *уль*, арин. *кул* образовались от термина *ур* (ср. производное в ассан., котт. *ура* "мокрый"). В аринском языке термин *куртек* "озеро" также содержит *р*-форму, хотя в употреблении было *куль* "вода". Об этом же, в частности, свидетельствует и давнее кетское заимствование в языке шорцев *урь-тек* "утка" (при тюркском *су-гуш*).

По нашему мнению, формант *ул/уль* в гидронимах не является диагностирующим: им пользовались при именовании водных объектов все енисейские (кетские в широком понимании этнонима) племена и, не менее широко, - тюркские народы Южной Сибири.

Условно кетскими (енисейскими) можно считать термины:

1) *гет* (>*гат*) – известен в Закавказье в языке армян. Но это не значит, что термин является по природе армянским. Армянский язык, имея фрако-фригийское ядро, вобрал в себя немало разноязычных элементов – хеттских, урарту, парфянских и других иранских элементов (Дьяконов И.М., 1961). Кто из них породил и подарил армянам термин *гет*? К тому же неясен возраст самого термина. В древней топонимии Малой Азии он не встречается (Арутюнян Н.В., 1985). Любопытно, что в системе р. Сосьва (левый приток Оби в Зауралье) одна из небольших речек носила название *Saregat*, для которой дан перевод "Глубокий ручей". Логично предположить, что компонент *gat* является географическим термином со значением "ручей", но уже в сибирских языках (манси);

2) *лат* – связан с Передней Азией и дальним Закавказьем (до р. Нил в Африке?). Любопытно, что в арчинской группе дагестанских языков отмечена перебивка *х* и *л*. С.М.Хайдаков (1969) упоминает гидроним Лъатга-Хатра "у аула Хатта река" (*хатра* "река"). Возможно, форма *хатта* является производной от *латта*. Если это так, то родственность дагестанских терминов *лат* и *хад/хат* получает дополнительное доказательство;

3) *сим* (*сым*) – это, возможно, восточнокавказский (горско-дагестанский) термин, так как в одном из говоров аварского языка (у жителей пос. Кусур Рутульского района) имеется термин *сим* "вода";

4) *тым* и его возможный вариант *чим* не имеют себе близких соответствий в других известных языках. Пространственно топонимы с формантом *тым* образуют довольно выдержанную полосу от верховий Камы до р. Кайтым, левого притока Бирюсы в низовье Ангары и, возможно, до р. Котыма в Прибайкалье. На западе эта полоса совмещается с камским ареалом топонимов на *-сым*. Выше уже отмечалась возмож-

ная связь форманта *сым/сим* и *тым*. Быть может, уже в Сибири под влиянием субстрата изначальный формант *сим* приобрел иные фонетические варианты. В частности, в Прикамье имеются гидронимы Лектым и Локтым с несвойственной кетским языкам начальной согласной *л*, но обычной для финно-угорских. Это предполагает две версии: 1) гидронимы на *-тым* являются финно-угорскими по происхождению и 2) *тым* – это трансформированный термин, образованный от исходной формы *сим*. Мы придерживаемся второй версии;

5) *ик* в топонимической литературе никогда не рассматривался в роли кетского апеллятива со значением "река" или "вода". Но в Северной Евразии немало рек и озёр с таким именем. Односложность таких имен собственных наталкивает на мысль о том, что они ранее были именами нарицательными. В бассейне р. Кама имеется шесть рек с именем Ик (Рагозин В., 1881). В системах рр. Урал и Белая также имеется несколько рек с таким названием. Река Черный Ик впадает слева в р.Тобол (Курганская область). Пять рек Ик известны в системах Вагая и Ишима – левых притоков Иртыша. Самая восточная р. Ик (правый приток Берди) находится на Салаирском кряже. Озеро Ик известно в Омской области между городами Ишим и Омск. Гидронимы сосредоточены в пределах ареала кетских топонимов и ареала андроновской (Фёдоровской) культуры и её дочерних культур. Это даёт возможность отнести гидронимы к кругу кетских. Река Ик на территории Башкирии носит название Эйик или Ыйик (р. Кесе Ыйик "мал. ик"). В башк. известен термин *ык* "река средней величины" (Камалов А.А., 1969). Н.Я. Лойфман и С.А. Попов (1962) считали, что *ик* – это древнефинно-угорский *хиг* (? – А.М.) термин "река". Реки с таким названием встречаются в лесной полосе (р. Ик – левый приток Туртаса, Мал. Ик – притоки Ишима в его нижнем течении, Бол. Ик – приток второго порядка р. Вагай и др.), в прошлом интенсивно освоенной кетами. Но здесь же обитали и тюрки, о чём свидетельствуют многочисленные тюркские топонимы. У кетской версии есть серьезный конкурент – тюркская версия. Поэтому здесь кетская версия нами предлагается в качестве рабочей, и далее эта тема не разрабатывается.

Заканчивая рассмотрение кетских терминов, необходимо обратить внимание на некоторые материалы, позволяющие высказать предположение о том, что речные термины некогда использовались и в значении "вода".

В имбатском (собственно кетском или остячком) языке в XVIII в. был зафиксирован термин *хозеде* "море" (Ср.Сл., 1787), в котором можно усмотреть аринское слово *зед(е)* с известным значением "река". Обычно термин *море* раскрывается как "много воды": ассан. *пача-ул* "большая вода", малагас. *гапотасина* "воды много", цыг. *баропан* "много

воды", др.-инд. *уданвант* "водой изобилующий", юкаг. *ертень-оуше* "большая вода" и др. Следовательно, *хозеде* также является сложным словом и осмысливается как "обилие воды" (возможный вариант – "большая река"). Подтверждением может служить раскрытие анлаутного *хо* в слове *хозеде*. Для этого привлечём два объяснения.

1. В современном кетском языке имеется словообразовательный аффикс *-ко* (*к* соответствует лат. *q*), который придает существительному понятие полноты, наполненности: *айко* "ведро полное", *тылко* "мешок полный" (Вернер Г.К., 1993). Второй компонент *зеде* автоматически раскрывает свое значение как "вода". Следовательно, *хозеде* раскрывается как "изобилие воды".

2. В кетском языке имеется прилагательное *хе, хей* "большой" (Бибикова В.С., 1973), в другом написании – пакулих. *qæ*, кур. *qə* (Сегал Д.М., 1968). Если учесть несовершенство ранних записей и свести эти разночтения к первому компоненту слова *хозеде*, то сформируется традиционное определение моря как "большая вода". В этом случае второй компонент *зеде* следует воспринимать как географический термин со значением "вода", соответствующий аринскому термину *зет*. Попутно отметим большое фонетическое сходство компонента *зеде* в термине *хозеде* "море" с именами ангарских притоков Дзёда и Зёда.

Любопытно, что в языке курейских кетов зафиксировано слово *дутет* "мочить", в котором явно просматривается пумпокольский термин *тет*. Естественно, что понятие *мочить* связано с водой любого происхождения (дождевая, снеговая, речная, озёрная), а не с рекой.

Два примера (*хозеде* и *дутет*) позволяют высказать следующие предположения: 1) собственно кетский язык использует слова других кетоязычных групп, что подтверждает их языковое родство, 2) термины, которые употреблялись историческими кетоязычными группами в значении "река" (*дет, зет*), в прошлом воспринимались и как "вода". Подтверждением этого служат и названия озер (не рек!): Чадат в Ишимской лесостепи (ср. р. Шадат – приток Амыла в Восточном Саяне), Тет в Янковском районе Тюменской области, Конгузат по р. Чае в Томской области.

Забывшие термины. Приведённые выше материалы (гидронимические форманты) далеко не исчерпывают арсенал зафиксированных у кетов географических терминов. Словарные материалы XVIII в., обобщённые А.П.Дульзоном (1961), содержат несколько гидронимических формантов со значением "река", не зафиксированных в топонимах. Это котт. *шетгай*, кет.-нимб. *дйево* (*дьюево, д'уево*), *дугално* (*дьюгално, дийһалн*). Однако Г.Ф.Миллер в 1739 г. (Миллер Г.Ф., 1996) зафиксировал несколько гидронимов с указанными формантами. Это курья Китендуо, в дельте Елогуя, речка *Techmet-djuewo*, правый приток Енисея, Байкалова виска (протока Енисея) *Vugnei-duewo*. По его же данным, имя

многих речек *Ui-ses* – это не что иное как термин со значением "курья", "залив". Пожалуй, Г.Ф.Миллер (с. 114) впервые и единственный раз указал на кетский термин *togdang* "протока" (ср. в других записях пумп. *tatang* "река"). Однако, структура и происхождение элементов термина для нас остались неясными. Для обозначения населённых пунктов ныне кеты используют заимствованные термины: тюрк. *тура* и русск. *калат*. Г.Ф.Миллер (1996, с. 106) приводит ойконим *Chäneng-Ėango* "большое поселение", в котором вычленяется второй компонент со значением "поселение".

По-видимому, термином *bangas* кеты обозначали пороги на реках (Миллер Г.Ф., 1996, с.111).

* * *

Следует остановиться и на вопросе возможного родства топонимов Северной Америки и Сибири, имеющих формант *зас*.

В частности, на Сахалине и в Северной Америке имеются реки с именем Арканзас. Великое множество топонимов такого рода топонимов в Шории (Канзас и др.). Нам не известно происхождение этого топонима: является ли он народным, или же придуман топографами. Однако имеются попытки (Гурулёв С.А., 1996) увязать кетские гидронимы Сибири на *зас* с североамериканским гидронимом Арканзас. Даже предложена семантика последнего: "Люди, живущие вниз по ручью" (газ. Комсомольская правда, 1997 г., июль, кроссворд). Но этот перевод, если допустить его достоверность, является этнонимом, а не гидронимом. К тому же форма *зас* в Сибири, является вторичной. По мнению А.П.Дульзона (1962), формант *зас* восходит к изначальному енисейско-кетскому термину *сес* "река". Ранее такую же точку зрения высказал В.В.Радлов (см.: Костров Н.А., 1881). В соответствии с сингармонизмом, свойственным шорскому и другим тюркским языкам, адаптация тюрками термина *сес* привела к его трансформации в *зас*. Сохранение термина в ряде топонимов с ранней огласовкой (*зес*) свидетельствует о поздней адаптации кетских гидронимов (Абдрахманов М.А., Бонюхов А.А., 1966). Документально подтверждено использование гидронимов Шории с разной огласовкой (Арзес – Арзас) или в реликтовой форме *зес* (Сызес, Кизес). Если искать связь между сибирскими и североамериканскими гидронимами на *зас*, то нужно предположить не только пребывание в Северной Америке тюрков или иных любителей сингармонизма, но и первичность в Америке формы *зес*. Иначе трудно объяснить связь первичной в Сибири формы *сес(ь)*, *зес* с первичной североамериканской формой *зас*.

ТОПОНИМЫ

Кетские гидронимы по степени достоверности могут быть объединены в следующие группы:

Достоверно кетские – созданы исторически известными кетскими группами (енисейцы) и чётко различаются своими апеллятивами:

- собственно кетские (ныне елогуйские и сургутихинские кеты, в прошлом кеты-имбаки, земшаки и богденцы – выходцы с юга): *зес, сис, зас, сес(ь), чес* (Арзес, Барзас, Вассис, Бальне-Сесь, Дубчес),

- пумпокольские: *тет, дет, тат, дат* (Тет, Тегульдет, Алтат, Чиндат), *том* (Том, ныне Томь),

- коттские: *чет(ь), шет* (Туманчет, Тайшет),

- а́ссанские: *уль* (Мазуль, Косуль),

- аринские: *зат, зет, сат, сет, игай, изир* (Сульзат, Сумзет, иТамырса́т, Алсет, Камлин-игай, Изыр);

Предположительно кетские гидронимы с апеллятивами:

- *сым* (Сим, Сым, Оксым, Уге-Оксым, Альсым),

- *тым* (Тым, Кайтым, Тайтым, Катым),

- *чим* (Чим),

- *лат* (Самлат, Оглат, Салат, Кынглат),

- *гат, гет* (Саргат, Малгет),

- *тас, тес(ь)* (Тартас, Кайтес, Тесь),

- *ур* (Ур, Панур).

Кетские (имбатские, енисейских остяков). Собственно кеты, потомки кетов-инбаков, ныне обитают по притокам Енисея в его нижнем течении. Однако прежде, судя по топонимам, они были расселены гораздо шире (рис. 3). Возможно, были самой многочисленной группой среди древнего родственного населения. Топонимы представлены в основном названиями рек, в структуре которых обычно присутствует географический термин (апеллятив) *зас, зес, сас, сис, сес(ь)* и иные близкие фонетические варианты, отражающие иноязычную адаптацию кетских названий.

Бассейн Камы. Здесь имеются реки с удивительно сибирскими названиями: Зас, Мукзас, Казеска (русифицированная форма), в Удмуртии известны сёла Верхн. Казес, Мал. Казес, Нижн. Казес (Бушмакин С.К., 1982). Река Вилова (впадает в Камское водохранилище) принимает приток Ачес, имя которого имеет некоторое сходство с именами притоков рр. Сым и Елогуй (система Енисея) – Лунчес, Комчес, Энчес, Хынчес и др. Севернее бассейна Камы из Вижасских озёр вытекает и в Чёшскую губу впадает р. Вижас. Финальная часть этого гидронима (*жас*) фонетически близка к кетскому (имбакскому) *зас*. Более того, топонимы с такими фонетическими вариантами известны и в других районах бывшего

обитания кетов-имбаков: Жемжес – река в Шории, урочище Куджес в Хакасии (Ширинский район; Бутанаев В.Я., 1995, с. 56). Да и в кетском языке (Топоров В.Н., 1965, с. 295) имеется термин с этим компонентом - *düldžes* (приблизительное чтение *дыльджес*) букв. "маленькая речка, ручей" (кет., сургут. *дыл'* "маленький", **джес* "река").

Низовье Иртыша. В Зауралье р. Онзас впадает в р. Сосьву (бассейн Иртыша). Река имеет тезок в Шории: Бол. Онзас и Мал. Онзас – левые приток р. Мрассу, и близкие названия – Анзас (здесь же) и Анзас в бассейне Абакана.

Омское Прииртышье. В системе р. Тара имеются реки Майзас и Узас. Река Изес известна в системе р. Тартас, рр. Каинсас и Колонцас - в системе р. Уй, р. Тайсас - в системе р. Тартас, р. Кымсас - в системе Туй. Река Васюган, левый приток Оби, своими верховьями близко подходит к

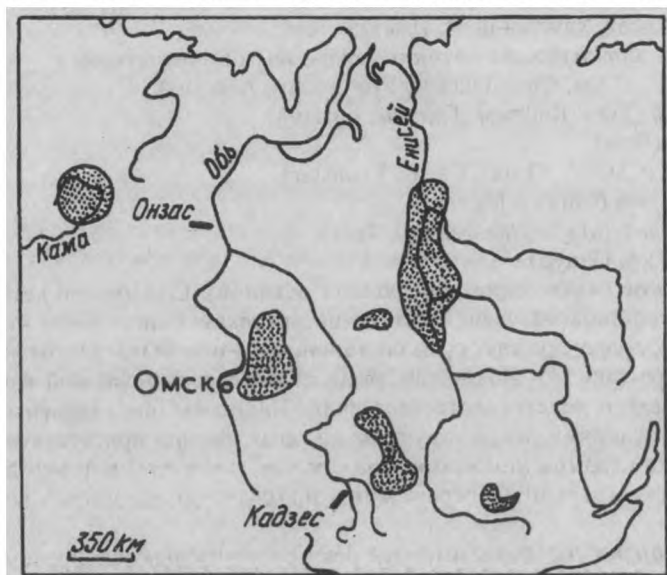

Рис. 3. Арёалы гидронимов на *-зас/зес/сес/сесь*

Омскому Прииртышью и принимает здесь приток с именем Айсас (Айзас). В устье левого притока р. Уй, которая впадает справа в Иртыш, стоял населенный пункт Кейзес, в имени которого усматривается кетский термин *зес* "река". Именование населённых пунктов по рекам - явление обычное в топонимике. Однако нам неизвестно, имеется (или имелся в прошлом) здесь такой гидроним. Кроме этих гидронимов, М.Н. Нечай (1993) указывает в правобережье Иртыша (от Тары до Омска) реки с возможно кетскими именами: луг Асыс и рр. Енцыс, Имсыс, Кыпцыс, Усыс

(река и озеро). Кетское происхождение этих топонимов вполне вероятно. К их числу можно добавить из списка автора имена речек Имис, Исыс, Кайчес, Качис, Мисс, Тайсас, Тентис, Тисс (см. ниже).

Из приведённых гидронимов Омского Прииртышья только несколько (Изес, Майзас, Узас) можно считать безусловно кетскими. Река Майзас имеется в Шории, этом классическом топонимическом микрорайоне с обилием кетских гидронимов. В именах Узас и Изес первый гласный является, очевидно, протезой, прикрывающей начальный з, недопустимый в тюркских языках. Достоверно известно, что при адаптации тюркама кетский топоним Зас, образованный от термина *зас* "река", получает звуковое "прикрытие" (протезу) в виде гласных *а, ы, и, у*. Так, на топокартах, изданных в XIX в., показаны рр. Зас, притоки Томи. Один из них, около прииска Балыксинского, ныне называется Изас, имя второго (в черте Новокузнецка) утеряно. У других топонимов Омского Прииртышья, условно относимых к числу кетских, явно просматривается тюркский термин *сас* "болото" и тюркская основа определяющей части: Каинсас "березовое болото". Гидроним Айсас формально можно считать гибридным – хантыйско-тюркским (хант. *ай* "маленький", тюрк. *сас* "болото"). Хотя А.П.Дульзон (1959) мог и с кетского "перевести" эти названия: Каинзас (Каинсас) "лосёвая река".

Правобережье Томи (ниже устья р. Мрассу). Река Тутуяс, впадающая справа в Томь примерно в десяти километрах ниже устья Мрассу, принимает рр. Кайзас и Баранзас. Река Арзас, ранее Арзес, впадает слева в р. Томь выше устья р. Бунгуреп. Река Тайдон, впадающая справа в Томь, принимает притоки Алзас, Баянзас, Саянзас. В р. Нижн. Терсь впадают рр. Б. и М. Пезас, Талзас, в Ср. Терсь – Изас, Б. и М. Камзас. Река Яя (система Чулыма, но вблизи Томи) имеет притоки Барзас и Кайзас, а р. Кия в верховьях принимает справа р. Узас.

Верховье Томи (выше устья р. Мрассу). Здесь наиболее многочисленны топонимы кетского типа с формантами *зас, зес*. Они отмечены в период исследований в XIX в. В ходе тюркской и русской адаптации многие из них изменились и не соответствуют изначальной форме.

В верховьях Томи известны притоки (перечисляются вниз по Томи): Багзас, Каинзас, Камзас, Сьянзас, Зас (ныне Изас), Кунзас (ранее Кунгзес), Назас, Амзас, Майзас, Кумзас, Казас, Кумзас, Назас;

Шория. В бассейне р. Мрассу (сверху вниз): Камзас, Сыкзас, Мазас, Айзас, Узас, Колзас, Кизас, Повзас (Поукзас), Солнзас, Сынзас, Анзас, Камзас-гол, Анзас, Сызес (Сизес), Сынзас, Рамзас (левый приток р. Сынзас), Анзас (по А.В.Адрианову, 1886, - Онзас), Пызас, Кезес, Азас, Кызас, Анзас, Азас, Базас, Сунзас, Сунзус, Кизес, Таснзас (Темза), Жемжес, Мзас, Узас, Чаузас, Кийзас, Казас, Тунзас-су, Аксас, Баранзас, Кайзас, Баланзас.

В бассейне Кондомы: Базас, Пазас, Амзас, Анзас (Гидрологическая изученность СССР).

А.В.Адрианов (1886) прошёл летом 1883 г. по Абакану, верховьям Томи и Мрассу. В своём отчете он подробно описал гидрографию. На этом пути он отметил следующие реки с интересующим нас топоформантом. Около Балыксинского прииска (современное название) он отметил притоки Томи: левый – Ымзас (Крестьянка) и Назас, справа – Кунгзес. Перейдя на Мрассу, путешественник отметил рр. Кызас, Анзас, Ымзас, Азас (последние две реки впадают справа в Мрассу). От Анзаса до Кобырсы встречены рр. Комзас (Комсыгол), Кичи-Онзас и Улу-Онзас. В р. Кобырсу впадают рр. Сизес и Кунзес. Далее в отчете упомянуты притоки Мрассы: Пуозас, Узас, Кызас.

В.А.Обручев (1911) упоминает в бассейне р. Мрассу (Мрасса) гидронимы с формантом *зас*: Айзас, Базас, Камзас, Канзас, Кумзас, Кынзас, Пызас, Сыгзас, Тазас (ныне Таз), Умзас, Узас. Некоторые из этих имен ныне забыты (Канзас, Кынзас, Умзас), другие несколько изменены, но узнаваемы (Сыгзас = Сыкзас). Как будто бы в специальной топонимической литературе не упоминалось вариантное название р. Таз – Тазас.

В Шории в окружении кетских топонимов встречаются оронимы – названия гор, устойчиво содержащие в финальной части компонент *зай/зей*: Анзай и Кизей в левобережье верховой р. Таз, Пазай в левобережье Мрассу между пос. Усть-Анзас и устьем р. Ортон, Кынзай и Анзай – вершины массива Патын (Падын) в левобережье р. Ортон между истоками рр. Кызас и Сынзас. На правом берегу р. Лебедь (приток Бии) выше р. Сюэ имеется г. Кезес. Частая повторяемость формантов на небольшой территории позволяет считать их географическими терминами со значением "гора". Определяющая часть оронимов повторяет названия некоторых здешних рек: Анзас, Кизас, Кынзас, Базас, Кезес, что позволяет включить оронимы в один круг с гидронимами на *зас/зес*. Среди кетских только в котском языке имеется фонетически близкий термин *джиш/джий* "гора" (ср.: арин. *кар*, ассан. *жи*, пумп. *коннонг*, *хай*, имб. *кай*, *тынгыляп*). Очевидно, изначальной формой было *зей* (по аналогии *зес>зас*). Но в имбатском имеется термин *с'эж* "место" (ср. *тунсей* "собачье место"). Не является ли этот формант *сей/зей/зай* географическим термином со значением "место", например родовой горой (местом охотничьего промысла), которая позже стала молебной горой отюреченных аборигенов? Но среди шорцев есть сёк *кызай* (Потапов Л.П., 1952, с.191). Это заставляет обратить внимание на индоиранскую терминологию, обозначающую принадлежность к какому-либо племени: пушту *зай* "потомство", "род, клан" (< санскр. *ksaya* "племя, род, местожительство"). Иранские, в том числе и пуштунского типа топонимы в Кузбассе

известны, однако нам более предпочтительным вариантом объяснения представляется кетский.

Алтай. С запада к шорскому микрорайону с топонимами на *зас/зес* примыкает алтайский, в котором имеется один явно кетско-имбакский топоним: Кадзес – имя притока р. Кустуканар в системе р. Черга. В прителецком районе известны р. Сортынзас – левый приток р. Байгол (Потапов Л.П., 1953, с. 319) и Сарызас – в бассейне р. Чульча.

Бассейн р. Абакан. Здесь топонимы рассматриваемого типа довольно многочисленны: Бол. Кизас и Мал. Кизас – правый приток Мал. Абакана в 5 км от слияния его с Бол. Абаканом, Калзас, Памзас, Кайзас (две реки), Казас, Кизас (Кизес) – в верховьях Абакана, Тайзас – левый приток Абакана в 251 км от устья, Айзас (по записи А.В.Адрианова, 1886, - Алзас) – левый приток р. Матур, Мал. Анзас и Бол. Анзас (с притоком р. Кайзас) – притоки р. Ана (ныне Она), Хабзас – приток р. Аскиз. На карте, изданной около 150 лет назад, в бассейне Абакана показаны рр. Кызас (три реки), Тозас, Арзас, Мал. Анзас и Бол. Анзас. Кроме р. Арзас все они могут быть идентифицированы с современными. В.Я.Бутанаев (1995) упоминает о местности Куджес (хак. Күчес) по р.Тогырджул.

Тува. Здесь только два гидронима имеют безусловно кетское происхождение: р. Азас, протекающая через оз. Азас (Тоджа) и впадающая справа в Бол. Енисей (Бий-Хем), и р. Казас, впадающая в р. Чаваш, правый приток Бол. Енисея. Обе реки находятся в исторической области Тоджа (северо-восточная часть Тувы).

Средняя Обь. Река Тым имеет имбатско-кетское название – Кеӓнгсес (Дульзон А.П., 1962а), селькупское Kas-ki, хантыйское (сургутских остяков) Тым-Ёган. В пределах Томской области она принимает притоки с безупречно кетскими именами. Недалеко от устья в неё справа впадают р. Сангилька с притоком Кисес (известно второе название – Пульсец) и р. Бол. Косес с притоком Мал. Косес. В среднем течении в Тым слева впадает р. Когузес. По Г.Ф.Миллеру (1996, запись 1740 г.), эта река дана в написании Kõga-ses. Рядом с ней зафиксирована и р. Kũba-Kõga-ses "Малая Куга-сес" (определение kũba "малая" является селькупским). Здесь же с севера в Тым впадает река с названием Egig-ses, ныне утерянным. В системе Тыма известны также рр.Лаксес "селькупская река" и Коенсес "медвежья река". В истоках Тым принимает рр. Лев. и Прав. Когозес и Толзес.

Вах. Километрах в пятидесяти от устья эта река принимает справа небольшой приток Пысесь-Ёган, в имени которой хорошо вычленяется кетский гидроним Пысесь и хантыйское приращение ёган "река". Один из истоков Ваха носит имя Сес-Ёган, образованное из кетского и хантыйского терминов со значением "река". Судя по топониму, хантыйское

приращение является более поздним. Изначально водоток назывался просто Сес или Сесь "река". Несколько ниже устья р. Сес-Ёган, примерно 50 км, на р. Вах стояло в 30-х годах поселение Кам-Сес-Пугол. Это тоже гибридный топоним, состоящий из кетского названия реки Кам-Сес и хантыйского приращения *пугол* "селение". Он также подтверждает проживание в прошлом здесь хантов. Оба ареала – Тымский (Косес, Кисес) и верхний Ваховский (Сес-Ёган) - находятся строго по меридиану и, очевидно, являют собой бывшие территориальные владения кетов. На современных топокартах р. Сес-Ёган называется Асес-Иган и имеет номинированные притоки Бол. Асес-Ёган и Сес.

Верховья Ваха близко подходят к истокам левых притоков Енисея – Дубчесу и Елогую, в системах которых также имеются реки с кетскими именами.

Енисей (кет. Кук, Пача-ул, Кэсес). Лево- и правобережье Енисея сравнительно недавно были заселены кетами. Известны их довольно многочисленные гидронимы.

Кас (кет. Cho-ses). По Касу ныне не сохранились кетские топонимы, но в 1739 г. Г.Ф.Миллер (1996, с. 105) по распросным данным зафиксировал следующие имена рек и озёр: pp. Utscha-sês, Sartscheng-ses, Awán-ses, Ine-ses, Tuu-ses, Eäwrol -ses, Cha-ses, Sigan-ses, Chü-ses и озёра Tschēnbül-de, Eäwrol-de.

Сым. Правый приток реки носит название Сес (Дульзон А.П., 1962а, с. 4). Здесь имя нарицательное (апеллятив) перешел в имя собственное. В бассейне Сыма реки: Лунчес (две), Хайчес, Энчес, Кыйчес, Палбумчес, Кенельчес, Черепчес, Комчес, Киденчес, Энгельчес. Г.Ф.Миллер значительно дополняет список кетских топонимов, в котором только один из современных (Лунчес) повторяется. Любопытно, что, судя по записям 1739 г., в то время все топонимы сопровождалась апеллятивом в форме *ses*: Boongdeng-ses, Ljun-ses (2), Köllem-ses, Dúundil-ses, Andjeses, Chaing-ses, Sírep-ses, Dööwak-ses, Chodjeng-ses, Tukban-ses, Usan-ses, Kas-ses, Öten-ses, Ööngsem-ses, Köten-ses, Pálgan-ses, Synde-ses, Éangmol-ses, To-ses, Ógon-ses, Egub-ses, Choо-ses и озеро Oten-do. Река Сым берет начала от слияния трёх речек (с севера): Kang-ses, Alschem-ses, Kogetsche-ses.

Дубчес (кет. адаптированное *Дунчес*, собственное Dúwen-ses). Формант *чес* является фонетическим вариантом термина *сес*. Часто он образуется при соседстве фонем *т* и *с*. Определяющая часть гидронима – *дуп* – в кетском означает "удочка". Бытует и иное кетское название Дубчеса – Югун-сес "югов река" (по этнониму *юги*). В бассейне Дубчеса вперемежку с гидронимами на *сес* имеются гидронимы: Дунчес, Тогульчес, Теульчес, Холемчес, Сандакчес, Сакчес, Точес. Распросные

данные Г.Ф.Миллера (1739 г.) дополняют это перечень: Chä-ses, To-ses (Точес), Bodejlgä-ses, Тумитсч-ses.

Среди множества гидронимов с формантом *чес* отмечены единичные названия с формантом *ses*: Кыкчес ("с дорогой река").

Подкаменная Тунгуска (кет. Kol). Усас, Прав. Усас – реки в системе Столбовой (Биробчана), Алексис – правый приток примерно в 95 км от устья. По расспросным данным Г.Ф.Миллера (1739 г.) в системе Подкаменной Тунгуски кетские названия носили следующие реки: Költeng-ses, Chol-ses, Delüng-ses, Eo-ses, Tüngaos-ses, Chalüng-ses, Chok-ses, Togs-ses или Tok-ses, Ogus-ses, Heseng-ses, Chonnin-ses, Bilbe-ses (Летняя), Tjähä⁵-ses (левый приток Летней в 60 верстах от устья), Chapad-ses, Iende-ses, Toja-ses, Mäida-ses,

Елогуй (кет. Елуҕ). В системе Елогуя, начиная с верховьев, преобладают гидронимы с формантом *чес*: Усканчес "березовая река", Бокленчес "огненная река", или от этнонима *боклен* "огненный человек", Далимчес, Деканчес, Кыйчес "охотничья река", Дельчес, Кокчес, Баатчес, Энчес, Кайчес, Айдчес (две реки), Сакчес, Энхойчес, Хынчес, Эльчес, Исельчес (Исел'с'ес') "дикооленная река", Сукдельчес, Сельчес, Сулемчес "красная или кровавая река", Больманчес, Тибичес, Таракчес, Бакленчес, Хайчес, Точес (*То? тс'ес'*) "тайменная река", Моньчес, Хонтенчес, Тулинчес, Хынчес, Аринчес "аринов (?) река". Гидронимы на *ses* малочисленны: Танкчес, Кепчес, Десес, Кукчес (она же Чировая, Междуозёрная).

Дульзон (1961а, с. 368) отметил, что у елогуйских кетов с икающим говором слово *sis* "река" в гидронимах сокращается до одного согласного. Топонимы Альбасис, Имлисис сокращаются до Албас, Имлис, Имлес, Большой Кык (*кэ ок с'ес'*) "большая стерляжья", Колдоба (*каҮдова-с'ес'*) "ельце-запорная", Алтус (*аҮьс'ес'*) "дровяная (заломная)".

Приустьевая часть Елогуя представляет собой сложнейшую сеть проток Енисея, в которой трудно уловить главное русло Елогуя. Г.Ф.Миллер по расспросным данным зафиксировал семь устьев на протяжении 84 вёрст: 1) Ellok, 2) Alis, 3) Öhölni, 4) Tatis, 5) Chiego (Пи́га), 6) Edige, 7) Chomi (Сунгутиха). Крайний западный рукав этой системы проток имеет собственное название Сургутиха, из которой возникают рукава Пи́га, Татис и Эдиге. В Сунгутиха впадают р. Куksing-ses, которая берёт начало в оз. Дун-де "еловое озеро". Где-то в верховьях Елогуй принимает приток Köl-Elluk.

Эдт-шеш – небольшой левый приток Енисея, впадает ниже Елогуя. *Дубчес* – небольшой левый приток Сургутихинской протоки Енисея.

⁵ Не является ли самодийским термином *тяха* "река"?

Фатьяниха. Кетские гидронимы здесь имеют формант *сесь*: Дать-Сесь ("травяная речка") и Сютне-Сесь ("средняя река"), Сютне-Кунде-Сесь ("средняя росомашья река").

Пакулиха (кет. Кӧтеҥ-сес). По современным данным в Пакулиху впадают рр. Хулун-Сесь с притоком Колбасым-Сесь (*Колбасым* – недобрый персонаж кетских сказок и мифов), Копкун-Де-Сесь (буквально "верховье-озеро-река"), Синту-Сесь "грязная река", Усе-Сесь "берёзовая река", Хене-Сесь "малая речка". По сведениям Г.Ф.Миллера, в системе Пакулихи в 1739 г. были известны речки Тог-ses, Вап-ses, озёра Сомо-де, Куг-де.

Хене-Исядаляг-Сесь – впадает непосредственно в протоку Енисея ниже Пакулихи.

Бакланиха. Принимает реки: Хинингда-Сесь (судя по суффиксу первого компонента, гидроним является гибридным - к тунгусскому названию добавлено позднее кетское приращение *сесь*), Садын-Сесь, Усан-Сесь ("березовая речка"), она же Расточная, Хене-Усан-Сесь ("малая берёзовая речка").

Турухан. Кетские гидронимы известны только по его притоку - р. Нижняя Баиха: Пыкейн-Сесь, Копкесесь-Сесь, Хене-Пирма-Сесь, Хынькойга-Сесь, Кук-Тумльдо-Сесь, Дисогд-Сесь, Кайде-Сесь, Бальне-Сесь, Хайды-Сесь.

В правобережье Енисея кетские гидронимы известны в следующих системах:

Эс-сес – букв. "божья река", р. Имбак.

Сухая Тунгуска. Принимает притоки Усан-Сесь, Дага-Сесь, Болно-Сесь, Тальда-Сесь, Койяго-Сесь.

Нижняя Тунгуска. В своём низовье эта река принимает реки с кетскими названиями: Детто-Сесь, Ульбагэ-Алес-Сесь, Тэнна-Сесь, Тоянь-Сесь.

Курейка. По этой реке кетские топонимы (названия притоков, остроров, яров) прослеживаются только до устья р. Мундуйка. Здесь известны гидронимы: Типдэсесь "собачья река", Касесь "песчаная река", Сесьтэдысесь "лиственничная река", Тансесь (Тангсесь) "каменистая река", Тактынсесь "чировая река", Луньсесь "хариусовая река", Ассесь "куропаточья река", Конесесь "саранок река", Дотэмсесь "дьявола река", Боклинсесь (Боклингсесь) "горелая река", Хагденсесь "пеляжья река" (Алексеенко Е.А., 1962). А.П.Дульзон (1959) даёт перечень следующих кетских топонимов по р. Курейка: Конисесь "саранковая", Кожейбатсесь "речка конца медвежьего острова", Усенгсесь "березовая", Тангсесь "каменная", Колтэксесь "с большим изгибом", Кайбангдисесь "с крутым берегом", Доласесь "талая (зимой)", Тон'токсесь "таганская речка" (т.е., где палки ставят, чтобы чай вскипятить), Колысесь – р. Шайтанка

(построено шаманское изображение человеческой фигуры из высохшей лиственницы).

Таз. В бассейне верхнего течения этой северной реки имеется приток с кетским именем Коссес. Г.Ф.Миллер зафиксировал по Тазу следующие кетские гидронимы: р. Charas-ses "волочанка" (другое кетское название Tiggitul) и озёра Sir-de и Yngdeng-de.

Курейка. В пределах проживания кетов они имеют в основном русское происхождение: Кулей-сес "курейка", Ермаково-сес "ермаковская речка", Денешкино-сес "денежкина река", Калинка-сес "калинкина река". А.П. Дульзон (1959) это объясняет тем, что кеты пришли в район Курейки после русского освоения территории.

Ниже в табл. приведено соответствие современных названий некоторых притоков Енисея с русскими и кетскими названиями по состоянию на 1739 г. (Миллер Г.Ф., 1996)

Таблица 4

Кетские топонимы, по Г.Ф.Миллеру (1739 г.)

	Современные	1739 г.	
		Русские	Остяцкие (кетские)
1	2	3	4
1	Девяшиха, лев.	Девяшина	Kallani-sês
2	?	Баранова	Chaintsching-sês
3	Борисиха, пр.	Борисова	Aspalda-sês
4	Светешникова, пр.	Светешников	Talak-sês
5	Гаревка, пр.	Гаревка	Chyn-sês
6	Половинная, лев.	Половинная	Chonuw-sês
7	Шадрина, лев.	Шадрина	Ui-sês
8	Гусянка, пр.	?	Ehatad-sês
9	Кас, лев.	Кас	Cho-sês.
10	?, лев.	Стенаниха	Kyn-sês
11	?, пр.	Сурниха	Chom-sês
12	Таловка, пр.	Таловая	Kyin-sês
13	Исаковка, пр.	Исакова	Ialang-sês
14	Галактиониha, лев.	Ярцева	Ultschem-sês
15	Сым, лев.	Сым	?
16	Верхняя, лев.	В. Кроминина	Chaimse-Engdeng-ses
17	?, лев.	Н. Кроминина	Dyingemse-Engdeng-ses
18	?, пр.	Баранова	Soomul-ses
19	Солоха, пр.	Солоха	Landschida-ses
20	Кутукас, пр.	Кутукас	Soloken-ses
21	Вороговка, пр.	Ворогова	Chaitscheng-ses
22	Дубчес, лев.	Дубчес	Duwen-ses

Продолжение табл. 4

1	2	3	4
23	Порожня, пр.	Порошиха	Sik-ses
24	Глотиха, пр.	Глотиха	Usaga-sês
25	Подкаменная Тунгуска, пр.	Подкаменная Тунгуска	Kol
26	Сумарочиха Верх., прав.	Сумарочиха Верхняя	Ui-ses
27	Сумарочиха Ниж., прав.	Сумарочиха Нижняя	Ui-ses
28	Комса, лев.	Комса	Kom-ses
29	Осиновая, пр.	Гноиха	Isend-ses
30	Нижняя Лебедянка, лев.	?	Ukndeng-ses
31	Бахта, пр.	Бахта	?
32	Сарчиха, лев.	Шаршиха	Tockpol-ses
33	?	Молочкова пр.	Bes-Togdang
34	Чулковка, пр.	Чулкова	Ui-ses
35	?	?	Techmet-djuewo
36	Имба, пр.	Инба	Ôs-ses
37	Елогуй, лев.	Елогуй	Ellok//Elluk, впадает семью устьями
38	Ниж. Имба, пр.	?	Ka-ses
39	Малая, прав.	?	Al-ses
40	Большая, пр.	?	Dank-ses
41	?, лев.	?	Tagub-ses
42	?, лев.	?	Chaidog-ses
43	Фатьяниха, пр.	Фатьяниха	Ui-ses
44	Бакланиха, пр.	Бакланиха	Ui-ses
45	Фарисеиха, лев.	?	Ui-ses
46	?, лев.	?	Ustendung-ses
47	?, пр.		Chomo-ses
48	?	Чёрная	Chi-ses
49	Сухая Тунгуска, пр.	Сухая Тунгуска	Djal-ses
50	Суклемиха, лев.	?	Dalim-ses
51	Байкалово	Байкалова виска	Bognei-ducwo
52	Мироедиха, пр.	Мироедиха	Ol-ses
53	?, лев.	?	Chudimnei-ses
54	Нижняя Тунгуска	Ниж. Тунгуска	Bognagol/Bognal

* * *

Возвращаясь к гидронимам Сибири и Предуралья, нельзя не отметить наличие тёзок как в одном, так и в разных топонимических микро-районах. В бассейне Ирассу имеется минимум четыре реки с названием Анзас, в бассейне Абакана - две, в Туве - одна. Гидронимы Майзас повторяются в Прииртыше и Шории, Казес (Казас) - в бассейнах Камы и Абакана, а также в Туве и Шории, Унзас - в Шории и в верховьях р. Кия, Азас - в Шории и Туве. Это свидетельствует о родстве былых групп кетского населения в описываемых районах.

Озёрные названия ныне сохранились в основном в системе Курейки. Повсеместно они оформляются апеллитивом *де* "озеро". Семантика озёрных названий аналогична: Халгенде "ершовое озеро", Тонде "окунёвое", Кудде "щучье", Касьеде "налимье", Хагденде "пеляжье", Тогойнде "сухое" (везде в конце топонима указан термин *де* "озеро"). Возможно, и само название мундуйского озера является кетским (Мунде), претерпевшим русскую адаптацию. Во времена Г.Ф.Миллера (его путешествие по Енисею в 1739 г.) ещё были известны озёрные имена: в бассейне Елогуя - Дун-де "еловое озеро", в бассейне Пакулихи Chom-de, Yngdeng-de, в бассейне Каса - Eäwrol-de, Chom-de, в бассейне Сыма - Oten-de.

Оронимы (названия форм рельефа) кетского происхождения многочисленны. Около Мундуйского озера имеются горы с такими названиями: Кудде то?сь (приблизительное чтение - *тогсь*) "щучий камень", С'янто?сь "олений камень", Кэ то?сь "большой камень", Кугангде то?сь "угольный камень". По данным Г.Ф.Миллера (1996, с.117), в начале XVIII в. горы в правобережье Енисея (бассейны рр.Фатъяниха и Сухая Тунгуска) назывались Ulba. Ныне это западные отроги хр. Хагды-Ихэ (тунгусский ороним).

В живой речи кетов используется лексема *ей* "остров", но в официальной топонимии практически не сохранились чисто кетские названия островов. Пожалуй, единственным источником, позволяющим реконструировать кетские названия островов, являются записи Г.Ф. Миллера 1739 г. Некоторые кетские названия островов переведены на русский язык: Дыне-ей "еловый остров", Kumng-ei "черемуховый остров", Dil-ei "ивовый остров".

Для обозначения населённых пунктов ныне кеты используют заимствованные термины: тюрк. *тура* и русск. *колат*. Г.Ф. Миллер (1996, с.106) приводит ойконим Chäneng-Ėango "большое поселение", в котором вычленяется второй компонент со значением "поселение". Термином *ijus* кеты называют отдельное жилище, зимовье.

Предположительно кетские топонимы. К ним относятся гидронимы с формантами *сис, шиш, цас, цис*.

Эти четыре варианта кетского термина со значением "вода" присутствуют в топонимах Прииртышья:

- Васис, правый приток р. Шиш (см. ниже), и р. Полсис, один из притоков р. Ягыл-ях (система Васюгана), в своих именах содержат термин *сис* "река", зафиксированный в документах прошлого века. Обе реки (Васис и Ягыл-ях) своими верховьями подходят близко друг к другу. Река *Atsis* (русское название Барбушина) зафиксирована Г.Ф.Миллером (1996, с. 91) как восточный приток Ирыша (впадает в Иртыш в 6 верстах выше г. тара). К.Доннером и П.И.Третьяковым вариант термина *сис* был зафиксирован в сымском языке (диалекте кетского языка; Дульзон А.П., 1962а). Река Алексис впадает справа в Подкаменную Тунгуску в 95 км от её устья. Курейка, правый приток Енисея и самое северное (и самое позднее) место расселения кетов, имеет приток Укис. Г.Щуровский (1846, с. 174) упоминает р. Терсис, правый приток Томи в Кузбассе, рядом с р. Ниж. Терсь (очевидно, Средняя Терсь, хотя нам представляется более вероятным тюркское происхождение гидронима Терс(ь) "неправильная");

- Шиш – правый приток Иртыша в Омской области. Именно в эту реку впадает р. Васис. В системе р. Бол. Салым р. Пыв-ях слева принимает рр. Ай-Шиш и Энтль-Шиш (с хант. Малый Шиш и Большой Шиш). Река Шиш-Ёга впадает в Обь ниже устья Иртыша. А.П.Дульзон считал, что форма *шиш* развилась из сильно палатализованного (до состояния шепелявости) *с'ес'* или *с'ес* (можно прочесть как *сьес* или *сьес*). Любопытно, что приток р. Белая в бассейне Камы (Волжской) имеет имя Вашиш (ср. Васис и Шиш). Причины появления шикающего варианта кетского термина *сес/сис* не ясны. Тюркское влияние здесь следует отрицать, так как для языка сибирских татар характерно цоканье. Шикающий говор имеется только у салымских и васюганских хантов. У салымских хантов имеется термин *шиш* "быстро текущая речка". Можно было бы признать хантов виновниками трансформации термина. Но р. Вашиш (приток р. Белая в системе р. Кама) на Южном Урале в таком случае ставит новые вопросы, которые пока трудно решить. Если на Белой действительно были кеты со своим термином *сис*, то кто сделал его (термин) шепелявым? Предки венгров? А они были склонны к шепелявости? Или *шиш* - это хантыйский термин? Но р. Шиш, приток Иртыша, нельзя назвать быстротекущей. Неясно происхождение гидронимов: Шишхид-гол, один из истоков Енисея, Кешиш – река в Турции;

- Арынцас, Минцас, Каинцасс. Предполагается тюркская адаптация кетского термина и использование его в тюркской топонимике. Река Каинцас (Каинка) протекает у г. Каинска, ныне г. Куйбышев Новоси-

бирской области. Гидроним может быть гибридным - кетско-татарским - "берёзовая река". Однако Л.В.Дмитриева (1979, с. 148) считает этот гидроним татарским и этимологизирует его как "березовое болото", предполагая, что *час* происходит из тюркского *саз* "болото";

- Сульцыс – правый приток р. Шиш, впадающей справа в Иртыш. Это третий вариант трансформации кетского термина *сис*, и все они имеются в системе этой реки: Шиш, Васис, Сульцыс;

Пумпокольские топонимы. Пумпокольские названия водных объектов вполне определённо выявляются по характерным формантам *дат*, *тат*, *дет*, *тет*, *том*. Первые (*дат*, *тат*, *дет*, *тет*) образуют довольно компактный ареал на Обь-Енисейском междуречье южнее широты Енисейска. Единично встречаются и на значительном удалении от пределов ареала (рис. 4).

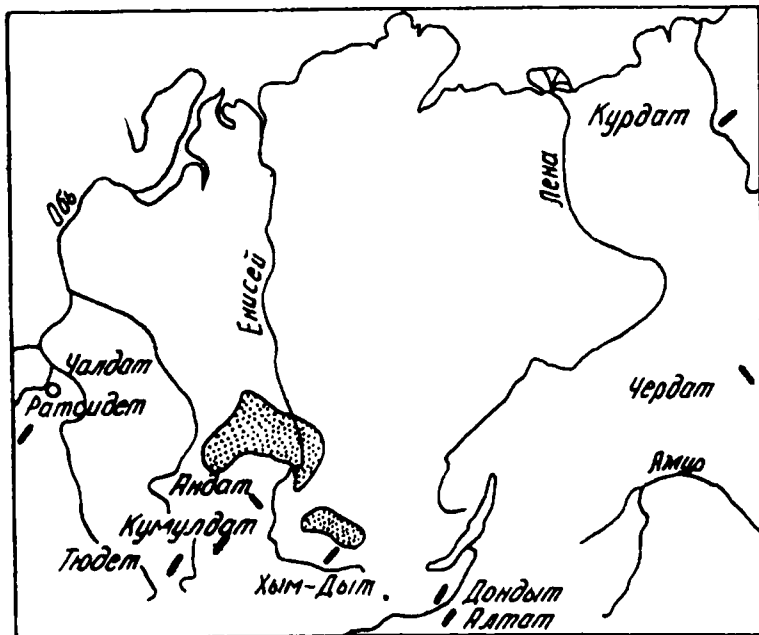

Рис. 4. Гидронимы с аффиксом *дет/дат/тет/тат*

Чулым. Первые (с верховий) пумпокольские топонимы появляются в системе Белого Юуса в самых его истоках. Здесь небольшой левый приток Белого Юуса, впадающий ниже р. Тюртек (Пихтерек), носит на-

звание Андат. Село Алтат, названное по одноименной реке, находится на левом берегу Чулыма километрах в 20 ниже г. Назарово. Село Новоалтатка в Шарыповском районе Красноярского края образовано в конце XIX в. в ходе переселения. Этот топоним является вторичным и не связан непосредственно с кетами-пумпокольцами. Далее пумпокольские топонимы появляются лишь в системе р. Урюп, левого притока р. Чулым. Река Урюп берет начало на Кузнецком Алатау (в 110 км к северо-западу от р. Андат), протекает по его осевой части и впадает в Чулым в нижнем конце его большой петли, огибающей хр. Арга. Один из истоков р. Урюп носит название Бол. Садат. Затем Чулым принимает рр. Кудудет, Едет, Дудет, Кадат. Ниже устья р. Урюп в Чулым впадают рр. Кубитат, Итатка, Битятка, Тептятка, Кочетат, Тюхтет. В пределах Томской области в Чулым впадают рр. Медодат и в г. Асино – Сургундат.

В системе притока Чулыма р. Кемчуг имеются реки Вильва, один из притоков которой называется Ачес. Другие имеют пумпокольское происхождение: Кайдат, Рибитат (Ирбитат), Кытат, Тюхтет. Ниже устья Кемчуга в Чулым впадают рр. Идет (Эдет, Чон-эзень), Чиндат с притоком Кильдет, Верх. Китат, Ниж. Китат. Населенные пункты на Чулыме Тегульдэт и Чердаты, очевидно, названы по рекам.

Левый приток Чулыма р. Кия принимает притоки (перечисляются водотоки с верховья): Кундат, Кайгадат (севернее Транссибирской магистрали), Алчедат, Барандатка, Албататка, Кайдатка, Комудат, Альбедет (Лебёдка), Чедат, Кубидат, Туендат. На карте Ремезова (1701 г.) ниже устья р. Чибыл (ныне Чебула) показаны реки с пумпокольскими названиями: Бериюль, Келдат, Чедат (ныне Чедат), Чиндат, Тебнидат (ныне Туендат)

В системе р. Четь, правого притока Ки, гидронимы пумпокольского происхождения: Айдат, Тюхтет, Шулдат, Аргутат, Чиндат, Аргудат, Кандат, Айдат, Майндат, Багайдат.

Река Яя, левый приток Чулыма, имеет притоки с пумпокольскими именами: Золотой Китат, Китат (две реки), Айгадат, Ургагат, Алчедат, Бол. Чиндат, Алчедат, Катат, Чедотат, Чендат, Латат (Улатат). Река Чичкаюл, правый приток Чулыма, в верховьях принимает р. Агуйдат. По данным С.Ремезова (1701 г.), справа в р. Яя справа впадали рр. Ачилат, Багиндат, Питит (Бекет?), Колююрук (ср. аринское название притока р. Васюган –Илькойрук-игай), Икунбетет.

В системе р. Кеть, правого притока Оби, некоторые реки носят пумпокольские имена: Тет (Бол. Еловая), Алтат, Туйдат, Тагылдат, Кидат, Бергидат (последние две реки являются левыми притоками р. Мендель в верхнем течении Кети)

В районе Красноярска, в левобережье Енисея известны притоки разного порядка с пумпокольскими именами: Тартат, Кантат (Контат) с притоком Калантат.

В системе р. Кан, правого притока Енисея, пумпокольскими являются имена рр. Мал. Итат, Бол. Итат. Левые притоки Енисея Верхн. Подъёмная принимает Итат и Бартат, Нижн. Подъёмная – Айтат и Кантат. В р. Мана впадает р. Удат. Г.Ф. Миллер в 1739 г. записал от местных жителей названия притоков Маны: *Negdet, Tustat, Uldat, Tübül*. Только последняя река сохранила до наших дней кетское (точнее – пумпокольское) имя. Река Базаиха принимает приток Калтат. Выше Красноярска справа в Енисей впадает р. Дербина с притоками Аштат, Нандат и Малтат.

С.В.Бахрушин (1959) упоминал р. Толдат, на которую ястынцы ходили (вверх по Енисею) для рыбного промысла. По-видимому, это р. *Taldat*, упомянутая Г.Ф.Миллером в 1739 г. (правый приток Енисея; впадает в 2 верстах выше р. Дербина или, по-татарски, *Art*).

Ниже устья р. Дербина в Енисей впадает р. Жулдет (второе название – Жулгет; в написании Г.К.Миллера – *Iukdet*, т.е. Юкдет).

В системе верховий Тубы, правого притока Енисея известны реки: Садтат, Китат, Мал. Китат, Верхн. Китат, Нижн. Китат, Тюддет, ныне Тюхтыгы (правые притоки Казыра), Китат (правый приток р. Кизир), Тюхтет, Сырой Богдат, Киндат, Кандат, Шадат (притоки Амыла).

Единичные гидронимы формально пумпокольского типа известны в следующих точках:

Тува. Имеется несколько гидронимов, которые с известной долей натяжки можно считать пумпокольскими: р. Хым-Дыт, которая, возможно, изначально имела имя Хем-Дат или Хем-Дет, р. Тодут (Додут, чаще Дотот), оз. Кадат-Хол. В верховьях р. Уда (система Ангары) известна р. Кол-Дыт, впадающая в р. Дургомжа, правый приток р. Кара-Бурень. Гидроним Кол-Дыт, очевидно, является гибридным (тувинско-пумпокольским) или аринским, адаптированным тувинцами. Б.Н. Татаринцев (1976) высказывал сомнение в возможном енисейском происхождении гидронима Кадат-Хол. В частности, он не исключал, что слово *кадат* является тюркским (тув. *каьдар*- "ждать, караулить, пасти").

Алтай. Река Башкаус (бассейн Телецкого озера) принимает приток Кумулдат (ныне Коволдут). А в верховьях Катуня ее приток Кокса (ранее Кокусун) принимает р. Тюддет. Здесь же, в системе Коксы, зафиксированы рр. Камдуг, Котет(а) (Отчёт..., 1844).

Монголия. С невысокого хребта, образующего стрелку между Орхоном и Селенгой, стекают реки. Среди других рек, стекающих в Орхон, имеется одна с именем Дондыт, возможно изначально Дондат или Дондет. С другого склона в Селенгу течет р. Алтат, которая слева принима-

ет "... соединенные воды двух речек Дондыт (вторая речка с таким названием. – А.М.) и Тому, из которых последняя есть левая ветвь, а первая – правая" (Потанин Г.Н., 1893, с. 532). Нам представляется, что эти гидронимы имеют пумпокольское происхождение. Во-первых, у р. Алтат имеются безусловно пумпокольские тезки: р. Алтат, приток в верховьях р. Кеть, и р. Алтат, левый приток Чулыма ниже г. Назарова. Во-вторых, имя р. Тому близко к имени известной р. Том(ь) и пумпокольскому термину *том* "река". Это подкрепляет предположение об изначальном пумпокольском происхождении гидронима Дондыт.

Обь-Иртышское междуречье. Г.Ф.Миллер (1941, с. 110), описывая события 1638 г., приводит документ, в котором упоминается р. Ратсидет в 12 днях пути от Тюмени "по ту сторону Ишима". Нам не удалось по современным материалам обнаружить речку с таким или фонетически близким названием, но сомневаться в достоверности сообщения не приходится. В принципе кетским языкам фонема *p* в начале слов не свойственна. Но почему-то в топонимике такие исключения имеются: Рибитат (см. выше). Достоверность сообщения Г.Ф.Миллера о пумпокольских топонимах в Ишимской степи подтверждается: примерно в 40 км к западу от г. Тюкалинска находится оз. Чалдат.

Притоболье. В Яковском районе Тюменской области известно озеро Тет около аула Кала (Тарханы). Не оставили ли это название пумпоколы?

Восточная Сибирь. С.А.Гурулёв (1992) приводит прозрачный пумпокольский гидроним Хулдат – правый приток р. Джиды. В бассейне Амура (система р. Зея) имеется р. Чардат, а в бассейне Алдана – р. Курдат. С формальной стороны эти гидронимы можно считать безупречно пумпокольскими, особенно если учесть, что в бассейне Чулыма имеется р. Чердаты (см. выше).

Казахстан. В бассейне Балхаша известна р. Кара-Китат. Возможно, название дано по этнониму кара-кытай.

Не исключено, что некоторые топонимы, с формальной стороны безупречно пумпокольские, могут иметь и иное происхождение. В тюркских языках, например в якутском, слово *чардат* означает надмогильное сооружение, ограду вокруг могилы (Антонов Н.К., 1971, с. 150). Тувинцы имеют термин, идеально сходный с пумпокольскими топонимами, – *кадат* (*каьдат*) "пастбище, выпас" из *каьдар*- "ждать, караулить, пасти" (Татаринцев Б.Н., 1976). Для полноты списка сообщим, что в Турции известен город с пумпокольским (!) именем Дадат. Упоминание этого топонима уместно - нами предполагается, что предки кетов (енисейцев) вышли из Малой Азии, которая ныне известна как Турция.

Заканчивая обзор пумпокольских топонимов, отметим наличие "тёзок" на территориях, значительно удаленных друг от друга. Вот несколько примеров:

1) *Алтат*: 1) приток р. Кеть, 2) левый приток Чулыма ниже г. Назарово, 3) река в системе Селенги (Монголия);

2) *Итат*: 1) левый приток р. Яя, 2) левый приток р. Чичкаюл, 3) левый приток р. Чулым, 4) приток р. Подъемной (впадает в Енисей в 58 км ниже устья р. Кан), 5 и 6) Мал. Итат и Бол. Итат – левые притоки р. Кан (бассейн Енисея);

3) *Тюхтет*: 1) приток Чулыма выше устья р. Кемчуг, 2) приток р. Кемчуг, 3) приток р. Четь, 4) река в бассейне Амыла, 5) Тюгдет (ныне Тюхтяты) - приток р. Казыр (Вост. Саяны);

4) *Китат*: 1 и 2) Верхн. Китат и Нижн. Китат - притоки р. Чулым, 3 и 4) Китат и Золотой Китат - притоки р. Яя, 5) Кидат – приток р. Кеть, 6 - 10) Китат (две реки), Мал. Китат, Верхн. Китат, Нижн. Китат – реки в системе р. Туба (правый приток Енисея); 11) Кидат – приток р. Кети, 12) Кытат – приток р. Кемчуг;

5) *Айтат*: 1) приток Нижн. Подъемной, 2-3) Айдат (две реки) – притоки р. Четь;

6) *Чиндат*: 1) приток р. Чулым, 2) приток р. Четь, 3) Бол. Чиндат – приток р. Яя;

7) *Кубидат*: 1) река в системе Кии, 2) Кубитат – приток Чулыма;

8) *Садат*: 1) Садтат в системе Тубы, 2) Садат – приток р. Урюп (система Чулыма).

Гидронимы с формантом *том* немногочисленны. Имя р. Томь (исходная форма Том) не одиноко. Известно ещё несколько рек, названных так же или же содержащих в своих именах этот компонент; некоторые имена известны в русифицированной форме:

1) *Томка* (русифицированная форма) – один из истоков р. Чижалка (река в левобережье Оби в пределах Томской области);

2) *Катама* – река в системе р. Яя;

3) *Кельтом* и *Горевой Кельтом* – в верховьях р. Кеть;

4) *Томь-Чумыш* - одна из составляющих р. Чумыш (Салаирский кряж);

5) *Томка* – левый приток Берди (Салаирский кряж);

6) *Том* – (три реки) небольшие правые притоки р. Бельтыс, которая впадает слева в р. Тэльгир-Морин, левый приток р. Селенга (Монголия; Потанин Г.Н., 1883, с. 226);

7) *Тому* – левый приток р. Алтат (!), впадающий в Селенгу. Гидроним Алтат позволяет предполагать пумпокольское происхождение и гидронимов Том, Тому.

Имеется ещё немало гидронимов рассматриваемого типа, однако, нет уверенности в их принадлежности пумпокольцам. Так, в Восточной Сибири известны рр. Том – левый приток р. Ыныкчан (система Алдана) и Томь – левый приток р. Зея. Однако, примечательно, что именно в этих системах известны и другие гидронимы пумпокольского типа – Чердат и Курдат (см. выше).

Неясно происхождение двух гидронимов Тома в бассейне Верхней Волги: притока р. Мара и притока р. Колокша (система Клязьмы).

До сих пор не решен, по нашему мнению, вопрос о происхождении этого топонима – его языковой привязки и значения. Единственный источник, зафиксировавший это слово в значении "река", - "Словарь пяти аринских наречий", хранящийся в портфелях Г.Ф.Миллера (Дульзон А.П., 1962; Хелимский Е.А., 1986).

А.П.Дульзон (1962а) подробно рассмотрел эту проблему. Первоначально термин был зафиксирован у пумпокольцев, проживавших на р.Кеть, которую они и называли Тым. А.П. Дульзон с топонимом Том связывает название р. Тым, считая, что трансформацию пумпокольского *том* в *тым* произвели их соплеменники с р. Сым (сымские кеты).

Г.К.Вернер (1978) придерживается версии о неродственности *том* и *тым* и о генетической связи последнего термина с *сым* (см. ниже).

Аринские топонимы. В качестве общего названия реки арины употребляли *сет* (Дульзон А.П., 1962б). В ходе иноязычной (селькупской; Дульзон А.П., 1962а) адаптации термин трансформировался в *зет*, *зат*, *сат*. Аринские топонимы довольно редки и представлены речными и реже озёрными названиями. Более или менее насыщенный ареал их имеется в низовье р. Кеть с неглубоким заходом в левобережье Оби (рис. 5).

В правобережье Оби, системах Кети и Чулыма, известны реки:

- 1) Унгузет (ныне Ингузет) – левый приток р. Елтырева (впадает справа в Кеть в ее низовье);
- 2) Кагызет (ныне Чачамга) – левый приток Кети;
- 3) Симузет – приток Кети в Белоярском леспромхозе;
- 4) Ингузет (Унгузет) – левый приток Чачамги, впадающей слева в Кеть;
- 5) Онгузет – правый приток Лисицы, впадающей справа в Кеть;
- 6) Чоу-зет – правый приток Лисицы;
- 7) Пельзат – левый приток Лисицы;
- 8) Маузет (Моузет, Могузет) – левый приток Лисицы;
- 9) Пельзатка (русифицированная форма) – впадает слева в Кеть ниже пос. Белый Яр;
- 10) Алсет – левый приток Кети;
- 11) Сумзет – правый приток второго порядка Кети;

- 12) Сульзат – правый приток Оби, впадает в протоку Оангу в 10 км ниже устья Чулыма;
- 13) Сулзат – правый приток Чулыма в 4 км от устья;
В левобережье Оби сохранились аринские имена водоёмов:
- 14) Тамырсат (Табырсат) – левый приток Чижапки (левый приток Оби);
- 15) Ижет (ныне Изеттино), оз. – в левобережье Оби, в 30 км западнее с. Инкино;
- 16) Тисат – впадает слева в р. Парабель (левый приток Оби) в 6 км ниже устья р. Карза;
- 17) Конгузат оз. – по р. Чае, левому притоку Оби.
- В районе Красноярска и выше его в системе Енисея имеются следующие аринские топонимы:
- 18) Уксат (Укшатка) – приток Енисея ниже Красноярска (Миллер Г.Ф., 1941, с. 535 и 563);
- 19) Tala-keisat - ныне Нижняя Подъёмная;
- 20) Keisat - ныне Верхняя или Большая Подъёмная;
- 21) Alkeilsat – в системе Верхней Подъёмной.

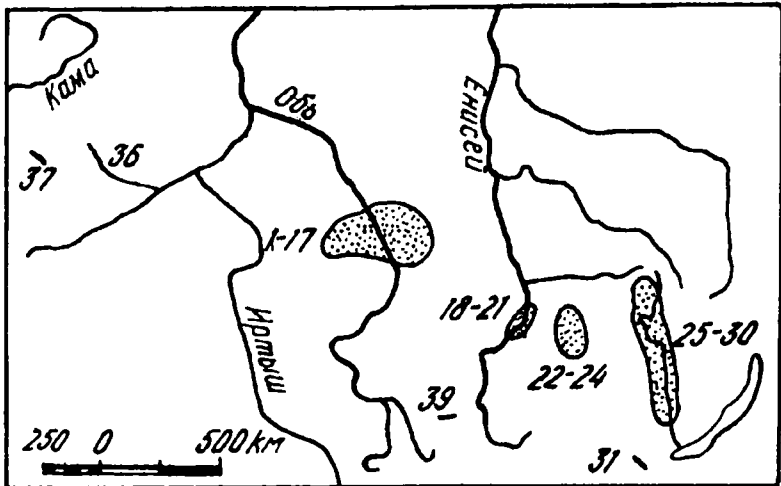

Рис. 5. Гидронимы с аффиксами *zet/zat/sem/sat*. Объяснение цифр в тексте

В бассейне Ангары среди моря котских гидронимов на *-шет*, *-чет* (*-четь*) встречены несколько аринских:

22) Колнасет – левый приток р. Колон, впадающий слева в р. Усолка в 157 км от её устья;

23) Колнасет – небольшой приток р. Ширгашет, впадающей в р. Абан (система р. Тасеевой на юге Красноярского края). Топоним находится в плотном окружении коттских гидронимов.

24) Калкасет – впадает справа в р. Мурма (левый приток р. Усолка) в 91 км от её устья, возможно, коттский топоним (Калкашет?);

25) Зёда – левый приток Ангары, впадает в 1061 км от её устья;

26) Зёда Бол. с притоком Мал. Зёда – впадает справа в р. Ангару в 950 км от её устья;

27) Зёда Нижн. с притоком Мал. Зёда – впадает справа в Ангару в 947 км от её устья;

28) Зёда – впадает справа в р. Кова в 219 км от её устья;

29) Дзёда – впадает справа в р. Кова в 166 км от её устья;

30) Зёда – такое имя носит правый приток р. Кова (впадает в Ангару слева). Фонетически гидроним близок аринскому термину *зет* "река" и очень привлекателен тем, что с этой рекой соседствуют ручей Ассанов (по имени асанов/вассанов) и р. Кеуль, в имени которой усматривается ассанский термин *уль* "вода".

31) Сат-Хем – правый приток р. Утхем (правый приток р. Ия). Второй компонент является тувинским термином "река";

32) Тяжет (возможно, котт. Тяшет/Ташет или арин. Тязет/Тазет) – левый приток р. Уда, впадает в 309 км от её устья;

33) Ужет (возможно, котт. Ушет или Шет) – левый приток р. Бирюса в её верховьях.

34) С.В.Бахрушин (1959, с. 29) упоминает р. Тумансет в Инголецком улусе. Но в бассейне Ангары известна р. Туманшет. Не одна ли это река?

Нам известно ещё несколько топонимов, которые с разной степенью достоверности могут быть признаны аринскими. Учитывая скудость аринского топонимического материала, считаю необходимым привести и эти сведения, не настаивая на их безусловно аринском происхождении:

36) Исеть – река в бассейне Тобола;

37) Сатка – река на Урале (система р. Уфа);

38) На карте С. Ремезова (1701 г.) южнее Сургута, между истоками рр. Большой Салым и Балык, показана дер. Тезлать, но по-латыни название дублировано как Telsat. Где правильно? Судя по тому, что невдалеке от этого района (в бассейне Васюгана) находится ареал стопонимов на *-лат*, предполагается правильным русское написание;

39) Правый приток Абакана р. Ана (другое название – Она) справа в верховьях принимает реку Муызат-кол. Первая часть гидронима безупречно аринская, вторая является тюркским приращением кол "река";

40) Сазат – река в верховьях Ишима;

41) Азахсет – нас. пункт в Хакасии, в долине р. Туим.

С.А.Гурулёв (1990, 1992) приводит несколько явно аринских гидронимов из Предбайкалья:

42) Исеть – а) левый приток Лены; б) Исеть Большая - падь побережье Братского водохранилища;

43) Улзет – населённый пункт (назван по гидрониму? – *Авт.*) в бассейне р. Алари (система Ангары);

44) Коксат – приток р. Чуна.

Любопытно, что одинаковые гидронимы Исеть известны как на западном фланге ареала кетских топонимов (Урал), так и на восточном (верховья Лены).

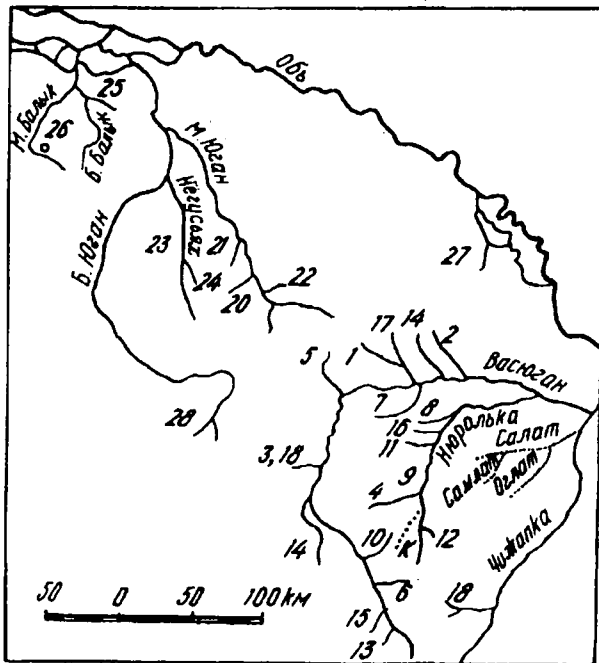

Рис. 6. Гидронимы левобережья Оби с апеллятивами *игай* и *лат*.
К – Кынгылат. Объяснение цифр в тексте

В записях 1735 г. (см.: Хелимский Е.А., 1986) в аринском языке отмечен термин *икаи* "река". Мы этот термин связываем с хант. *игай*⁶ (река меньшая, чем *йоган*). В бассейне верхнего течения Васюгана довольно многочисленны реки, в имени которых присутствует этот термин (рис. 6):

- 1) Алтым-игай (ныне Кедровка);
 - 2) Варен-игай (ныне Вавренг-ёган);
 - 3) Вилан-игай,
 - 4) Елле-Кулун-игай (ныне Элле-кагал);
 - 5) Ен-игай (ныне Элле-кулун-ях);
 - 6) Илькойрук-игай (ныне Петряк);
 - 7) Ипалы-игай (ныне Пёноровка);
 - 8) Кала-Игай;
 - 9) Томул-игай (в низовье именуется Томул-кыге; приток р. Нюролька, с сел. "болотистая");
 - 10) Камлин-игай;
 - 11) Кому-игай;
 - 12) Мон-игай;
 - 13) Нан-игай (ныне Лиственка);
 - 14) Памы-игай;
 - 15) Поощин-игай (ныне Коровья или Водопойная);
 - 16) Пуглалым-игай;
 - 17) Сыглын-игай,
 - 18) Халка-игай;
 - 19) Г.Ф.Миллер по распросным записям привёл гидронимы Mukpilige (Mukpil-ige? – А.М.), Welling-ige (ныне Вилан-игай);
- С Васюгана топонимы с апеллятивом *игай* "переброшены" севернее в верховья Мал. Югана, левого притока Оби. Здесь имеются гидронимы:
- 20) Куттылор-игай "межозёрная (или шестиозёрная) речка" (другое название Мытыслар-игай; возможно, это другая река);
 - 21) Вансор-игай "ближнего сора речка";
 - 22) Кутым-игай;
 - 23) На довоенных картах показан правый приток Бол. Васюгана Иго-пеу, ныне это р.Нёгусьях "соболиная речка" (хант.).
 - 24) Пасл-югый, приток р. Иго-пеу. Возможно, это искажённые топонимы с термином *игай*;
 - 25) Г.Ф.Миллер (1996, записи 1740 г.) упоминает приток р. Балык – р. Putschip-ige (топоним сохранился до наших дней - Пучип-игый; впадает в 30 км к ЮЮВ от г. Нефтеюганска). Последний пример под-

⁶ Правильное написание *йигай*, устные формы: *йсга*, *йсус*, *йигай* и др. (Дульзон А.П., 1961, с. 367).

тверждает идентичность миллеровского термина *ige* и современного *игай*;

26) На современных картах в истоках р. Малый Балык, левой составляющей р. Балык (левый приток Оби; впадает у Нефтеюганская), показан пос. Кетм-Игый, который основан, по всей вероятности, на одноименной реке.

27) Колко-ига – небольшая речка, впадающая слева в протоку Оби ниже устья р. Тым;

28) Тормыт-игай – один из истоков р. Бол. Юган;

29) Калман-игай – приток р. Салость, впадающей слева в р. Чижанка. Название утеряно, идентифицировать с современной рекой не удалось;

30) *Putschip-ige-jogan* – восточный приток р. Балык (приток р. Бол. Юган). Любопытно отметить, то гидроним Путчип-игай дополнен хантыйским термином *йоган* "река". Такое возможно лишь в том случае, если предыдущий термин (*игай*) воспринимается местным населением как чуждый, забывающийся.

Л.И.Калинина (1969) по бассейну Васюгана (?) привела следующие гидронимы на *-игай* без конкретной привязки:

31) Имлен-игай;

32) Паты-игай (< из хант. пачыгу жыуьй);

33) Памут-игай (< из хант. патынг-жыуьй);

34) Пыхты-мёгас-игай (из хант. пыхты-но'юс жыуьй);

35) Каласан-игай;

36) Яркутву-игай (< из хант. жаркетев жыуьй);

37) Нексёган-игай (< из хант. н'о'юс-жоуан-жыуьй "соболиная река-речка"). В этом гидрониме термин *игай* стоит после хантыйского же термина *йоган*;

38) Полну-игай (< из хант. полпънг-жыуьй);

39) Паран-игай (< из хант. паранг-жуьй);

40) Пункаунг-игай (< хант. пункоуьнг-жыуьй);

41) Тугут-ими-игай (< из хант. туут-име-жыуьй);

42) Кытлин-игай (<из хант. къчънг-жыуьй "моховая речка");

43) Сыкин-игай (< из хант. то же);

44) Яйманга-игай (< из хант. јајеменга-жыуьй);

45) Сыкан-ига (< из хант. ськкънг-жуьй).

Некоторые реки, в названиях которых присутствует термин *игай*, получили русские названия. В одних случаях – это калька с хантыйского:

46) Горелая – из хант. Туут-ими-игай "огнём съеденная речка";

47) Луговая – из хант. Ярънг-жыуьй "с лугом речка";

48) Белая – из хант. Нзуи-жьекъв "беловодная речка";

49) Дядина - - из хант. Рач-кулат-жыуьй "речка, где старик умер";

- 50) Заячья – из хант. Тõуерне-жыуый "заячья речка";
- 51) Моховая – из хант. Къчънг-жыуый";
- 52) Междуболотная – из хант. Кõркенкът-жыуый "междуболотная речка".

Некоторые русские гидронимы отражают ложную этимологию, основанную как на созвучии хантыйских гидронимов с русскими словами, так и на произвольном именовании:

- 53) Окунёвка – хант. Оккынг-жыуый "быстрая речка";
- 54) Еловая – хант. Оуър-пэлэ-жыуый "высокий-берег-речка";
- 55) Большая – хант. Пајънг-жыуый "осиновая речка".

В книге "Земля Каргасокская" (Томск, 1996, с.299 – 317) Я.А. Яковлев и З.С. Камалктдинова приводят следующие названия притоков Васюгана с рассматриваемым термином:

- 56) Вулынг-игай "оленья речка" – левый приток Васюгана;
- 57) Вэсык-игай "утиная речка" – правый приток Васюгана;
- 58) Иг-игай "окунёвая речка" - приток р. Кельват;
- 59) Йаглянг-игай "березняковая речка" – левый и правый притоки Васюгана;
- 60) Йомынг-игай "черёмуховая речка" – три левых притока Васюгана;
- 61) Кулкынта-игай "рыбальная речка" – левый приток Васюгана;
- 62) Кулынг-игай "рыбная речка" – правый приток Васюгана;
- 63) Кърмсанг-игай "тальниковая речка" – правый приток Нюрольки;
- 64) Лук-игай "глухарина речка" – правый приток Нюрольки;
- 65) Маккынг-игай "бобровая речка" – правый приток р. Айсаз;
- 66) Налкыс-игай "пихтовая речка" – левый приток р. Ягыл-ях;
- 67) Нох-пел-игай "лосиного уха речка" – левый приток Васюгана;
- 68) Нох-понёх-игай – "лосиной губы речка";
- 69) Онтши-юх-игай "сосновая речка" – правый приток Нюрольки;
- 70) Пай-юх-игай "осиновая речка" – правый приток Нюрольки;
- 71) Пыхты-нõгос-игай "чёрного соболя речка" – правый приток Васюгана;
- 72) Патшинг-игай "чебачья речка" – левый приток Васюгана;
- 73) Секкинг-игай "пескаринная речка" – правый приток Васюгана;
- 74) Тогрынг-игай "заячья речка" – правый приток Васюгана;
- 75) Ул-игай "голубичная речка" – правый приток Васюгана;

На старой (изданной примерно 150 лет назад) карте масштаба 1:420000 в бассейне Васюгана отмечены следующие реки с интересующим нас термином: Игиль-ны-игай (Запорная), Негосья-игай с притоком Тогур-игай, Юнтого-игай, Вирсынь-игай, Ярунгу-игай, Ига-игай, Юлтов Игай.

Ханты осознают смысл термина *игай*, и можно было бы признать гидронимы хантыйскими по происхождению. Однако гидронимы не раскрываются из их языка. В частности, ханты пос. Озёрного не могли раскрыть семантику гидронима Томул-игай. В известных словарях Н.И.Терёшкина и М.К.Могутаева мы также не могли найти слова, близкие к тем, которые образуют определяющую часть гидронимов. Раскрываются лишь слова *елле* "большая", *памы* из *пам* "трава", *варе* из *варе* "кедровка", *кому* из *комут* "широкая". В хантыйском вообще нет звука *х*, поэтому вряд ли гидроним Халка-игай является хантыйским по происхождению. Создается впечатление, что некоторые из приведённых выше гидронимов созданы не хантами. Но с другой стороны, в именах небольших речек определяющая часть хорошо раскрывается из хантыйского языка (см. выше).

Обилие топонимов на *-игай* свидетельствует о популярности термина в хантыйской топонимии Васюганья. Это может свидетельствовать о длительном проживании здесь исконных носителей – арин.

В Лену (на широте северной оконечности Байкала) справа впадает р. Ига, в имени которой можно увидеть аринский усечённый термин *игай* (ср. выше № 27). Это сопоставление могло бы показаться очень смелым, но в этом же месте слева в Лену впадают рр. Нижн. Кытыма и Верхн. Кытыма, в именах которых можно выделить термин *тым*. К тому же, р. Ия, впадающая слева в Ангару, принимает приток Икэй (Потанин Г.Н., 1893, т. 1, карта), а на меридиональном отрезке Ангары, известно немало гидронимов, которые также имеют, по нашему мнению, аринское происхождение (рр. Зёда, Дзёда, Бериккуль и др.). Таким образом, присутствие в верховьях Ангары гидронимов с аринскими и вероятно аринскими апеллятивами (*зет*, *игай*) и неясного по этнической привязке апеллятива *тым* делает весьма обоснованным предположение о приходе арин к Байкалу.

Подкрепляется это предположение и присутствием в Прибайкалье гидронимов с формантом *куль* (арин. *куль* "вода"; см. ниже № 8-10).

Правда, эти гидронимы отличить от тюркских, имеющих такой же формант со значением "озеро", можно только по географическим реалиями (*озеро* или *река*).

Третья группа аринских гидронимов образована с использованием термина *куль* "вода". Эти гидронимы трудно отличить от тюркских, имеющих такой же формант со значением "озеро". К аринским с большей или меньшей степенью достоверности можно отнести речные имена с этим формантом среди кетских или вблизи кетских топонимических ареалов:

- 1) Юнккуль – правый приток р. Ягыл-ях (система Васюгана);
- 2) Куль-че – приток Емельджы (система Васюгана);

- 3) Мекуль – левый приток р. Бол. Юган (в его верховьях; в окружении аринских топонимов на *-игай*);
- 4) Ачикуль – левый приток Чумыша, выше Бенжерепа;
- 5) Куль - левый приток р. Яя в Томской области (имя нарицательное перешло в имя собственное);
- 6) Берикуль – правый приток р. Кия (Кемеровская область);
- 7) Чиль-коль – приток Чулыма;
- 8) Куль-Хем – река в Туве; возможно позднее приращение *хем* к раннему *куль* "река";
- 9) В истоках Лены имеется оз. Берикуль;
- 10) Варнакуль – приток р.Каркадан (система Каменки в бассейне Ангары). Однако возможно членение – Варнак-уль (ср. русско-сиб. *варнак* "нехороший человек", "разбойник");
- 11) Кармакул – приток Ангары.

Коттские топонимы. Наиболее активно участвуют в образовании топонимов географические термины *шет* и *чет/четь*. Они входят в состав многих гидронимов юга Красноярского края и восточной части Иркутской области. Единичные гидронимы такого типа известны в других районах Сибири (рис. 7).

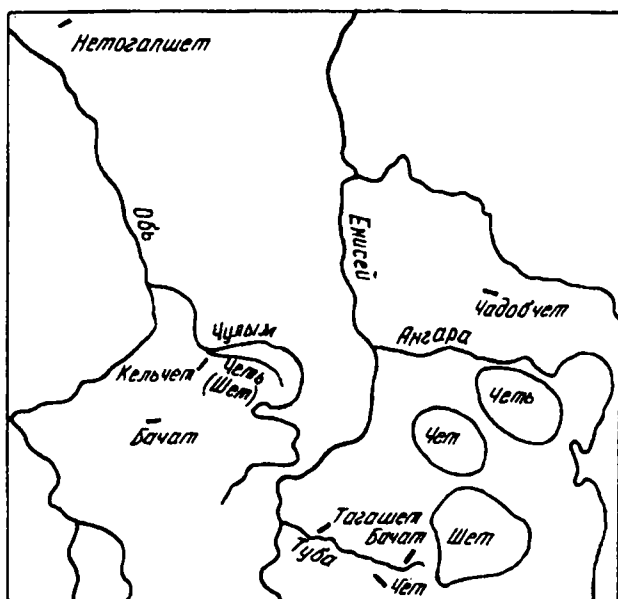

Рис. 7. Сибирские гидронимы на *-шет/-чет(ь)/-чат*

Тасеева. В системе р. *Бирюса* (в верховьях - Она), левой составляющей р. Тасеева, известны следующие коттские названия рек (перечисление без особой последовательности): Хиндичет, Саранчет, Тайшетка, Камышет, Апошет, Сухой Черчет, Черчет, Чекунчет, Полтучет, Кунчет, Такучет, Чивильчет, Черманчет, Пенчет, Пишетка, Яманчет, Шегашет, Черенганчет, Панакачет (с притоками Нижн. Тилечет, Ср. Тиличет, Верхн. Тиличет, Тиличет-Панакачетская), Тиличет-Пойменная, Туличет, Тимчет, Серчет, Тенчет, Почет, Хатамчеть, Тюленьчет (и река Тюлень), Худачет, Такучет, Тенишет, Туманчет, Торпачет, Бакчет (две реки), Тропанчет, Ужет (возможно, аринский гидроним Узет), Ингашет, Туманшет (две реки), Шигашет, Шагашет, Чипиншет, Тибишет, Такульшетка, Решет (три притока р. Гутара), Табагшет, Кременшет, Тайшет, Фаначет.

Чуна (в верховьях – *Уда*), правая составляющая р. Тасеева, имеет несколько притоков разного порядка, имя которых можно считать коттским: Пальчет (правый приток р. Мактыгина), Пальчеть, Кычет, Кунчеть, Колокончеть, Куйчеть, Долгоночет, Такучеть, Такичеть, Токончет, Уленьчеть, Кунчет, Чинчет, Пинчеть, Еманчеть, Екунчет, Тококончет, Томпачет, Микичеть, Тиничеть, Долгоночет, Пиничеть, Кеполачеть, Пилинчет, Полинчеть, Потончеть, Пиничет, Токачет, Тяжет (аринский гидроним Тазет?) с притоком Тукачет, Черчет, Черчетка, Екунчет, Хайчет.

Ия, левый приток Ангары, в верховьях (Восточный Саян) принимает р. Чет-Хем. Это гибридное, коттско-тувинское название со значением "река-река".

Карабула, левый приток Ангары: Торпанчеть, Ханопочеть, Кунчеть, Тукунчеть, Чельчет, Холопчет, Шингачеть.

Манзя, левый приток Ангары, имеет притоки Тропончет, Руничеть.

Вихорева, левый приток Ангары: Чепчет.

Кан. Правый приток Енисея принимает реку Паканчет.

Туба. Здесь известна лишь три реки с коттскими именами: 1) Чёт, впадающая слева в р. Казыр, одну из составляющих Тубы, 2) Бачат – левый приток р. Джебь, 3) Тагашет – правый приток р. Шушь, впадающей справа в Тубу.

Подкаменная Тунгуска. Очевидно, самым северным коттским гидронимом в правобережье Енисея является имя р. Чадобчет. Это небольшой (примерно 15 км) водоток, правая составляющая р. Кумонда, правого притока р. Камо, которая, в свою очередь, является левым притоком Подкаменной Тунгуски. Река Чадобчет находится на равном расстоянии, как от Ангары, так и от Подкаменной Тунгуски. Первый компонент гидронима Чадобчет аналогичен основе имени р. Чадобец (ранее Чадобча), правого притока р. Ангары. Не ясно, является ли гидроним

Чадобец (Чадобча) коттским по происхождению (ср. Чадобчет) или же в имени р. Чадобчет второй компонент является коттским приращением к тунгусскому (?) топониму.

Единичные топонимы коттского происхождения известны и западнее Енисея:

1) *Шат* – приток р. Верх. Терсь в Кузбассе;

2) *Бачат* – приток р. Иня в Кузбассе (ср. р. Бачат в системе Тубы; см. выше);

3) *Кельчет* – правый приток р. Кудинка, впадает в р. Кия в её нижнем течении (Кузнецкий Алатау);

4) *Нетогапшет* – небольшой правый приток р. Аган, правого притока Оби (Тюменская область);

5) *Четь* – приток Чулыма. "Ясашные" (чулымские татары) ещё недавно называли эту реку Шет или (по-самодийски) Джиру (Кулемзин В.М., 1995);

6) *Майшат* – правый приток р. Караунгур, впадающий в Бухтарминское водохранилище (Казахстан). В бассейне верхнего течения Иртыша немало рек, в имена которых входит компонент *шет/шат*: Шет-теректы, Шет-карасу, Шет-уласты и др. В бассейне Балхаша также имеются реки с подобными именами: Шет-тентек, Шет-карасай, Шет-озёк, Шет-баканас. Второй компонент гидронимов надёжно раскрывается из казахского и монгольского языков как субстантивированный аппелятив: *теректы* "тополевая" (с тюркского), *карасу* "родниковая", *уласты* "тополевая" (с монгольского), *тентек* "шумливый", *карасай* "чёрный сай" (монг. *сай* "галечное русло"), *озёк* "небольшая речка". Значение компонента *шет* определяется как "крайний, крайняя": Шет-баканас "крайняя баканас" (Конкашпаев Г.К., 1963). Исключением является гидроним Майшат, в котором компонент *шат* стоит на втором месте (в ауслауте) и имеет к тому же иную огласовку. В.Н.Попова (1994, с. 223) на казахском материале раскрывает семантику этого форманта (в литературе обычно *чат*) как "урочище в виде ущелья, где есть родники и речки". С некоторой осторожностью этот гидроним можно включать в число коттских;

7) *Кавказ* – здесь имеются реки с именами Джаловчат, Оручат, Джугутурлючат, Арючат, Бугайчат (Суперанская А.В., 1969). Происхождение гидронимов не ясно. Казахский вариант объяснения форманта *чат* (см. выше) применим к кавказской топонимии;

8) *Ближний Восток* – от слияния рр. Тигр и Евфрат образована р. Шат-эль-Араб "река арабов" (араб. *шатт* "река"; Никонов В.А., 1966);

9) *Турция* – р. Шавшат, левый приток р. Берта (впадает справа в р. Чорох). Напомним, что в Турции имеется пумпокольского типа топоним Дадат;

10) *Шат* - река в Тульской области. По мнению А.В.Суперанской (1990), имя реки образовано от родоплеменного названия тюрков (сохранилось у тувинцев).

Среди гидронимов есть примеры образования их из географического термина "река": Четь (в недавнем прошлом Шет) – приток Чулыма, *Шат* – приток Верхн. Терси в Кузбассе, *Чёт* – приток Казыра в Вост. Саяне. Имеется немало "тёзок" как полных, так и производных:

1) *Куньчеть* и *Тукуньчеть* – левые притоки Карабулы;
2) *Кунчет* – левый приток Уды, *Кунчет* и *Чекунчет* – притоки Бирюсы;

3) *Туманшет*, *Туманшетка*, *Туманчет* – левые притоки Бирюсы;

4) *Решет* – три притока р. Гутара и *Решёты* (русифицированная форма) – правый приток р. Пойма,

5) *Тайшет* - левый приток Бирюсы (726 км от устья) и *Тайшетка* (правый приток Бирюсы, 545 км);

6) *Черчет* – правый приток р. Холодная (впадает в Бирюсу в 260 км от устья) и *Сухой Черчет* - тоже правый приток Холодной, *Черчет* с притоком *Черчетка* (впадает в р. Уда на 291 км от её устья);

7) *Почет* – левый приток Бирюсы и *Ханачочеть* – левый приток р. Карабула;

8) *Бачат* – 1) левый приток р. Джебь (система Тубы) и 2) левый приток Ини (Кузбасской).

Г.Ф.Миллер по опросным данным 1739 г. в системе Тубы зафиксировал коттские гидронимы:

9) *Корумбашед*;

10) *Тагбышед* – впадает с юга в 12 верстах от р. Чим;

11) *Тугуншед* - впадает слева в 2 верстах от р. Ирба;

12) *Sluesched* в 4 верстах от р. Тугуншед;

Ассанские топонимы. В топонимической литературе сложилось мнение, что единственным термином, который участвует в образовании ассанских гидронимов, является *ул/ул(ь)* "вода". Несколько странным представляется отсутствие у ассанов, близких родственников коттов, особого термина для обозначения реки.

Однако очень трудно в Южной Сибири отделить ассанские гидронимы на *-уль* от тюркских (хакасских и чулымо-тюркских) на *-юл*, *-ул*. По мнению А.П.Дульзона (1961б, 1963), тюркские формы апеллятива "вода", "река" *юл*, *ул*, *шул*, *жул* имеют кетское происхождение, а их различные формы являются лишь результатом адаптации кетского апеллятива к нормам тюркского языка. Об этом свидетельствует использование термина лишь сибирскими тюрками. О тюркской природе некоторых гидронимов на *юл/ул* можно судить по определяющей части или аффиксу топонима: р. Иульчак "малая речка, речушка", Балыкты-юл

"рыбная река", Яры-Джул и Кара-юл на Алтае, Улуял "большая река" и Чичкаюл "узкая, то есть малая река" в Томской области, Усман-юл и Куртак-юл в бассейне р. Вагай, левого притока Иртыша, и др.

В пределах ареалов кетско-енисейских топонимов привлекают внимание следующие названия рек:

1) *Юль* – река в системе р. Кама (Волжская), где известны кетские топонимы (см. выше);

2) *Сеуль* – левый приток Оби ниже устья Иртыша. Здесь же имеется р. Онзас с безукоризненно кетско-имбатским именем. Река Сеуль имеет приток Васпухол, имя которого можно этимологизировать как "вас(анов) поселок", так как выведение из хант. *vas* "узкий" ойконима Васпугол "узкий поселок" менее продуктивно;

3) *Тисуль(ка)*, *Косуль* около г. Боготол (город назван по р. Боготол), *Тутуюл* (две реки в Кузнецком Алатау), *Кундустуюл*, правый приток р. Кудат, *Тулуял*, правый приток р. Кия, *Чев-уль* (ныне Чебула, левый приток Кии), *Сереуль*, правый приток р. Серж, – в местах засилья пумпокольских гидронимов;

4) *Тогул* – правый приток Чумыша (Салаирский кряж);

5) *Кунгул* – левый приток р. Абан;

6) *Чечеул* и *Ашкаул* – левые притоки р. Кан (5-20 км южнее Канска);

7) *Амуль* (ныне *Амыл*) в бассейне р. Туба (правый приток Енисея);

8) *Гугуль* – приток р. Ус (Саяны);

9) *Тоскул* – приток Мал. Енисея (Тува);

10) *Ентауль* – и р. *Айтат* являются притоками р. Подъёмная, впадающей слева в Енисей ниже Красноярска;

11) *Яруль* – приток р. Кан;

12) *Тонауль* – правый приток Ангары (впадает выше с. Мотыгино);

13) *Курул* – небольшой левый приток р. Сым среди гидронимов на –чес;

14) *Кеуль* – небольшой левый приток Ангары, впадающий ниже р. Тушама. Здесь же справа в "локоть" Ангары (ниже устья р. Кеуль) впадает Асанов ручей, получивший название от этнонима ассан. С.А.Гурулев (1991) отмечает р. *Кешеуль* – приток Каты, впадающей справа в Ангару. Немного ниже р. Кеуль слева в Ангару впадают рр. *Каулец* – русская уменьшительная форма от Кауль (<Кеуль) и *Шиниуль* (впадает в р. Бадарма, левый приток Ангары);

15) *Дешауль*, *Шамтикуль* (возможно членение Шампи-куль), *Ядуль*, *Орнакул*, *Чинеуль*, *Варнакуль* (возможно членение Варна-куль) – притоки разного порядка в системе Каменки (правый приток Ангары);

16) *Прибайкалье*. В истоках Лены имеются озера, имена которых очень похожи на ассанские (*Ощеуль*) и аринские (*Берикуль*). В названии второго озера выделяется явно аринский термин *куль* "вода" А само на-

звание, возможно, образовано из термина *бирка-куль* "озеро" (ср. р. Берикуль в Кемеровской области в окружении пумпокольских гидронимов);

16) Карабула, левый приток Ангары – на карте С.Ремезова (1701 г.) названа *Каракуль*;

17) *Ул* – впадает в р. Селенга (Монголия), где имеются пумпокольские гидронимы (см. выше);

18) *Ула* – одно из названий р. Туба, правого притока Енисея,

19) Один из притоков Васюгана селькупами называется *Томулкыге*, хантами – *Томул-игай*. Первый компонент топонимов хантами и селькупами не признается родным. Возможно, это кетский топоним, к которому селькупы в нижнем течении и ханты в верхнем течении присоединили свои географические термины со значение "речка". Возможно, это кетский термин *тумул* "черная вода" (Костяков М.М., 1985).

Несколько неожиданным явилось почти полное отсутствие ассанских гидронимов на *-уль/ул* в излучине Ангары, где явно преобладают гидронимы коттов, ближайших языковых родственников ассан (васан), и где имеются топонимы, образованные от имени последних (Асанов ручей, пос. Асанск в правобережье р. Абан).

С.А. Гурулёв (1990, 1992) приводит немало гидронимов из Предбайкалья с компонентом *кул* (*хул*, *ул*), которые он считает ассанскими. Нет сомнений, что часть их принадлежит действительно каким-то группам кетов (не обязательно только ассанам, так как *ул* или *кул* "вода" принадлежит всем кетским группам). Но близкое соседство с тюрками и монголоязычными бурятами, которые образуют немало топонимов и с *кул/хул* ("приток", основное значение "рука"), заставляет осторожно относиться к повальному признанию их кетского происхождения. Представляется, что гидронимы с бурятской определяющей частью не являются кетскими: использование иноязычного географического термина в именовании природных объектов скорее является исключением, чем правилом. Поэтому такие гидронимы Предбайкалья как Барун-Хул "правая река", Бутукул, Дондо-Хул "средняя река", Сутукул "молочная река" (среднечисленные реки и озера Сут-коль на тюркской территории) и другие вряд ли являются кетскими. И, несомненно, модель гидронимов, в которых этот компонент находится в анлауте (Хул-нуур, Хулэй-Аршаан, Барун-Кулкурты, Хулурухтуй, Урлук и др.), несвойственна вообще как кетской, так и монгольской и тюркской ономастике. В этих топонимах термин всегда стоит в ауслауте (в конце).

И, несомненно, топонимы с финальной частью *ли* (Акули, Гирюли) не могут не могут быть кетскими. Этот суффикс активно используется в тунгусской ономастике и указывает на распространение состояния, выраженного в основе слова, на большом расстоянии (Гирюли "с отмеля-

ми"). Гидроним Акуликан, приток Байкала, и имеет явное тунгусское происхождение: суффикс *кан* в тунгусских языках придаёт понятию ументшительное значение (ср. Мама с притоком Мамакан). Тем не менее, в обширном перечне гидронимов Предбайкалья, приведённом С.А.Гурулёвым, имеется немало кетских, в том числе и с финальной частью *хул, кул*: Дербул, Огул, Сокур и др.

А.П. Дульзон (1961а) в словарных материалах XVIII в. отметил, ссылаясь на материалы Словаря Палласа, Миллера, Клапрота, "Словаря пяти аринских наречий", в ассанском языке лексему *шет* "река", как и у родственных коттов. В связи с этим представляется невозможным выделить в общем массиве топонимов на *шет* коттские и ассанские. Можно ли это сделать, учитывая территории, занимаемые этими группами кетов?

Обращает на себя внимание чёткое разделение ареала коттских гидронимов на *-чет/-шет* междуречья Ангары и Енисея: северная часть представлена преимущественно гидронимами с компонентом *чет*, южная – *шет* (рис. 7). Не является ли термин *чет* ассанским, по каким-либо причинам в такой форме не зафиксированным у информаторов? Однако, по мнению А.П. Дульзона (1962а), смена *ш* на *ч* в этом термине связана с влиянием тюркского языка. В частности, А.П. Дульзон объяснял трансформацию имени р. Четь (из Шет), притока р. Чулым, влиянием говора тюркского населения низовий р. Кии (дер. Перевоз). Однако, как сообщает В.М. Кулемзин (1995), "ясашные" деревень по р. Кии еще недавно называли р. Четь – Шет. Смягчение звука *т* (*ть*) в термине *четь* – это русское новшество, объяснимое желанием привести иноязычное понятие "река" к женскому роду. Иные примеры такого явления – бытование двояких имен у известных рек Сибири: Том → Томь, Катун → Катунь, Енисей → Енисея).

Ур. Этот термин со значением "вода" наиболее устойчив в сымском языке. В ареале рассматриваемых топонимов имеется несколько односложных гидронимов Ур, что позволяет поставить вопрос об их возможном образовании путем перехода имени нарицательного "река" в имя собственное. В первую очередь это касается имени р. Ур, левого притока Ини (Кузбасской). В ареалах кетских топонимов встречаются гидронимы на *-ур*:

- 1) *Сакур* на Сев. Урале;
- 2) *Кочура* – левый приток р. Кондома;
- 3) *Колдур* и *Чибдур* (ныне Колдор и Чибдор) – притоки Телецкого озера;
- 4) *Чубур* (ныне Чубура) – на Салаире;
- 5) *Очур* – правый приток Енисея;

6) Бол. *Уры* и Мал. *Уры* с притоком Ирбир (Ирби-Ур) – это левые притоки Енисея (между устьями рр. Ус и Кемчик);

7) *Бороноур* (ныне Барнаулка);

8) *Сочур* – правый приток р. Кеть;

9) *Покур* – левый приток Оби;

10) *Яраур* – в системе Оби ниже устья Томи;

11) *Чубур* – левый приток Томи в 139 км от устья;

12) *Панур* – левый приток Ваха в его низовье и др.

На Дальнем Востоке известны реки:

13) *Ур* (ныне Уракан) в системе р. Зей;

14) *Будур*, *Кульдур*, *Токур* и др. в системе Амура;

15) *Ур* (монг. Уур-гол) - восточнее оз. Хубсугул.

16) *Сугунур* - один из истоков р. Хара в Сев. Монголии (хр. Хэн-тэй)⁷;

Возможно, в ряд кетских топонимов можно поставить и те, которые имеют в финальной части *гур/хур*:

16) *Гур* – приток Амура;

17) оз. *Улюн-гур* в Западной Монголии;

18) *Абагур* – правый приток Кондомы (Шория);

19) *Кайгур* – правый приток р. Барзас в Кузбассе;

20) *Огур* – приток Енисея.

Из кетских языков только сымский использует *ур* в значении "вода". Есть основания считать, что термин "вода" в форме *ул*, *уль* (*ул*⁷) в языках ассанском, имбатском, коттском, пумпокольском являются более поздним. Более ранними формами терминов являются *ур* и, возможно, **кур*/**хур*/**гур* (ср. арин. *кул*). В кетском языке (имбатском, "остяцком") равноправно использовались обе формы – *ур* и *ул/уль* (Дульзон А.П., 1961б).

* * *

Выше уже были приведены примеры использования енисейцами термина "вода" для образования собственных имён рек. Вопрос этот подробно рассмотрен выше на примере сым. *ур*, арин. *кул* (*kūl*), котт., ассан., пумпок., имб. *уль* (Дульзон А.П.). Фонетически эти термины сходны с тюркскими апеллятивами: хакасы и чулымские тюрки *ул*, *юл*, шор., алт. *кол*. По мнению А.П. Дульзона, хакасы и чулымские тюрки заимствовали этот апеллятив от кетов-енисейцев и стали широко использовать его для образования своих гидронимов.

Большое число такого рода гидронимов имеется на обширных территориях Евразии за пределами известного нам ареала расселения ке-

⁷ Мурзаев Э.М. Очерки топонимики, 1974, с. 246.

тов-енисейцев. В бассейне Амура это Гур (ранее Ур), Кур, Кунгул (две реки), Бугуджул, Дурул, Дужурул, Моренул, Моргул, Ченгуль (гидронимы близки по структуре тюркским; возможно, от эвен. *ули*, тунг.-маньчж. *ула* "река"). В верхнем течении Колымы известна р. Юл. Отметим, что реки Ула имеются в бассейнах Волги и Западной Двины.

Условно кетские топонимы. В Сибири и в Предуралье имеется группа топонимов, в структуре которых использованы апеллятивы, возможно принадлежащие языкам кетских групп, не известных науке. Вряд ли Г.Ф.Миллер, Мессершмидт, П.И.Страленберг, И.Е.Фишер, М.А.Кастрен и неизвестные составители некоторых словарных списков охватили все сохранившиеся в то время кетоязычные (енисейскоязычные) группы населения Сибири. Нетрудно себе представить современное состояние лингвистической кетологии без материалов, случайно или намеренно полученных исследователями в XVIII-XIX вв. Лингвисты и топонимисты безрезультатно пытались бы определить языковую принадлежность создателей многочисленных топонимов.

Нами в круг кетских (енисейских) топонимов введены топонимы (в основном гидронимы) со следующими предположительными апеллятивами со значением "вода" или "река".

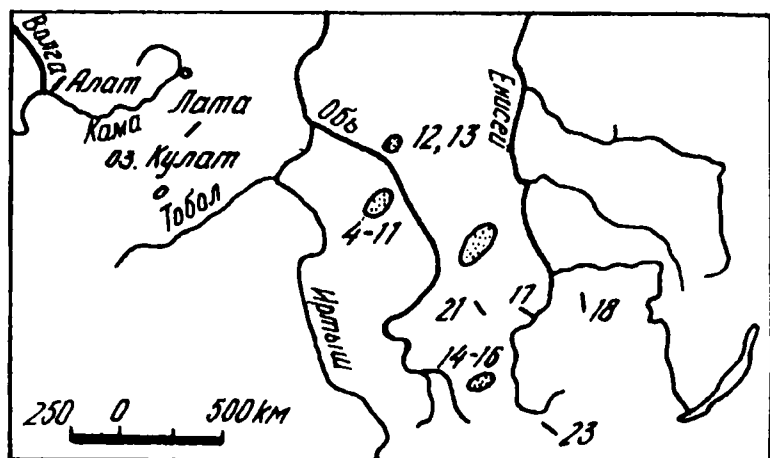

Рис. 8. Сибирские гидронимы с апеллятивом *лат*

Лат. С этим формантом известны реки и озёра (рис. 8):

1) *Алат* – приток р. Ашит (левый приток р. Илеть, впадающей справа в Волгу ниже Казани);

- 2) *Лата* – левый приток р. Лобва, приток р. Ляля (система р. Сосьва в Зауралье);
- 3) *Кулат* – озеро в 60 км южнее Челябинска;
- 4) *Салат* (Кастрен А.М., 1860, с. 477, приводит второе написание топонима – *Халат*) – левый приток р. Чижалка правого притока Васюгана⁸;
- 5) *Оглат* – левый приток р. Салат (Р.С.Ильин, 1934, зафиксировал второе название реки – Уклад);
- 6) *Самлат* – правый приток р. Салат;
- 7) *Пырталат-кыге* – приток р. Оглат;
- 8) *Ай-Кынглат* (хант. Малая Кынглат) – правый приток Васюгана;
- 9) *Елле-Кынглат* (хант. Большая Кынглат);
- 10) *Англат* – приток Васюгана (у пос. Айполово);
- 11) *Латы-урий* – озеро на пойме Васюгана у пос. Айполово;
- 12) *Вылат* – река в системе Агана, правого притока Оби;
- 13) *Вилат* – там же;
- 14) *Салат* – левый приток р. Аскиз (левобережная система Абакана);
- 15) *Салат* – правый приток р. Мал. Анзас (правобережная система Абакана);
- 16) *Самлат* – правый приток р. Ана (правобережная система Абакана);
- 17) *Калат* – левый приток р. Кача, впадающей справа в Енисей в г. Красноярск;
- 18) *Латка* – левый приток р. Усолка (40 км севернее Канска);
- 19) *Тулатка* – 1) правый приток р. Нярга (система р. Кеть), 2) левый приток р. Нярга (там же), 3) правый приток р. Бол. Улуй (впадает справа в р. Чулым в 75 км ниже Ачинска);
- 20) *Юлат* – правый приток Чулыма (выше устья р. Кия);
- 21) *Ачилат* – правый приток р. Яя в её истоках (по карте С.У.Ремезова, 1701 г.);
- 22) *Кудалат* – левый приток р. Караташ (Усть-Абаканский район Хакасии; Бутанаев В.Я., 1995, с. 180);
- 23) *Халыт* – река в Туве (возможно, *халат/салат*; см. № 4 списка). Замена второго гласного *а* на *ы* тоже обычно для тувинского ареала (ср. р. Хем-Дыт в Туве, Дондыт в Монголии). Чередование *х* и *с/ш* обычно в языках самых различных семейств. В тюркских - это башк. *хыу* – тат. *су*, чув. *шыв*; тунг. *хулаки/сулаки/шулаки* "лисица"; фин. *хаара* – коми *шор* "ответвление"; малайско-полинез. *херу/серу* "гребень". Замена *х* на *с* в монгольском языке произошла сравнительно недавно. Так, горный

⁸ Г. Ф. Миллер (1996) приводит двойное название одного из притоков Чижалки – *Siggeti/Higgeti*.

узел Мунку-Сардык в XIX в. назывался Мунку-Хардык (Записки Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва, 1863, с. 23). Сходное название имеет р. Калат (левый приток р. Кача; чередование *к/х* допустимо). Это и р. Хойту-Келат (с монг. Северный Келат) в системе р. Селенга (к юго-западу от оз. Хубсугул), и р. Каллата – древнее название р. Батман-су (левый приток р. Тигр). Поэтому можно предположить, что у васюганского притока Салат/Халат имеются тѣзки не только в системе Абакана (пр. Салат - левый приток р. Аскиз и правый приток р. Мал. Анзас). Тувинская р. Халыт - это четвертая река-тѣзка (для названия Салат) в сибирском ареале.

Сходного типа гидронимы известны в других местах:

1) *Лата* – ручей, протекающий на границе Латвии и Литвы (отсюда и этноним латыши или латвиеси "люди, живущие на ручье Лата"; Поспелов Е.М., 1988, с. 108);

2) *Кангалат-ваям* (айн. Тымылген) – правый приток р. Хайлюля (Камчатка);

3) *Тымлат* – река на Камчатке;

4) *Хойту-Келат* – левый приток р. Бельтыс (ныне Бэльеэсийн-гол) в верховьях р. Селенга (Монголия; Потанин Г.Н., 1883, карта).

5) *Дидилат* – древнее арабское название верховий р. Тигр;

6) *Деклат* – древнее армянское название верховий р. Тигр;

7) *Хилат* – древнее название оз. Ван;

8) *Каллат* – давнее название р. Батман-су, левого притока р. Тигр;

9) *Вади-Тумилат* – канал, соединяющий Каир с озером в системе Суэцкого канала;

10) *Килатская волость* – Ялуторовского округа (ныне Тюменская область) в конце XIX вв. включала дер. Масальскую и Хрящевку. Но нам неизвестна причина такой номинации, как не найден (переименован?) и волостной центр.

Этимология названий двух камчатских рек не выяснена (Кусков В.П., 1967). В имени притока р. Бельтыс (Монголия) только первая часть раскрывается из бурят. *хойто* "северная" или "задняя" (ныне в монг. *ара*). Известна попытка объяснить этимологию гидронима Салат (система Васюгана): "оборотная", то есть "крутоповорачивающая" (Воробьева И.А., 1973). В.Я.Бутанаев (1995), исходя из хакасского слова *сылат*, для имени р. Салат (система Абакана) предлагает семантику "выносливая лошадь", с чем трудно согласиться. Имя реки Каллат с сирийского переводится как "река невесты" (Арупюнян Н.В., 1985, с. 100). Э.Г.Беккер в кандидатской диссертации имя р. Тулатка (одна река в бассейне Кети и две – в бассейне Чулыма) разложила на компоненты: *ту* "плавник", *ла* – суффикс множественного числа, *т* – флексия родительного падежа, *ка* – русифицированная форма селькупского термина *кы*

"река". С формальной стороны это объяснение гидронима безупречно, но, во-первых, слово *плавник* (рыбы?) непродуктивно в топонимастике, а во-вторых, чулымская р. Тулатка течет вне пределов бывшего обитания селькупов, и вряд ли последние принимали участие в создании здесь этого топонима.

Пространственно топонимы на *-лат* тяготеют к районам с аринскими топонимами на *-зет*, *-зат* и *-игай*. Васюганский ареал (Салат, Самлат, Оглат, Кынглат и др.) находится по соседству с аринским ареалом в Обском лево- (низовья Парбига и Чаи) и правобережье (низовье Кети). По Абакану Салат и Самлат расположены недалеко от р. Муйзат-кол. Река Калат у Красноярска не имеет вблизи рек с аринскими именами, но здесь находится с. Арейское, названное в память о проживавших аринах. Не ясно, являются ли такие пространственные совмещения случайными или же они свидетельствуют о некоем единстве каких-то групп населения. Если эти ареальные совмещения не случайны, то можно говорить и о принадлежности создателей топонимов на *-лат* также к енисейцам: вряд ли не родственные группы путешествовали совместно от Средней Оби до Верхнего Абакана, оставляя по пути топонимы-тёзки Самлат, Оглат. Возможно, это были арины.

Гет (gam). Топонимы с таким формантом в Сибири немногочисленны (рис. 9), но специфичны и с определённых позиций могут быть использованы для решения кетской проблемы. Известны следующие гидронимы, включающие эти варианты форманта:

- 1) *Нангыть-я* – река на Северном Урале;
- 2) *Tagget* – вогульское название р. Сосьвы, впадающей в протоку Мал. Обь ниже устья Иртыша (Миллер Г.Ф., 1996, 235);
- 3) *Saregat* – с манси "глубокий ручей", система р. Сосьвы. (Там же, с. 235);
- 4) *Имгыт* – левый приток р. Демьянка (впадает справа в Обь ниже Иртыша);
- 5) *Тангат* (Тлангетль)– хантыйское название Иртыша;
- 6) *Саргат* – левый приток Иртыша ниже Омска;
- 7) *Сигат* – левый приток р. Нюролька, впадающей в Васюган;
- 8) *Каргат* – один из притоков оз. Чаны;
- 9) *Хит* – правый приток р. Чижапка (в её верховьях; бассейн Васюгана);
- 10) *Понагатка* – левый приток Оби у Каргаска;
- 11) *Аргат-юл* – приток р. Улуюл (система Чулыма);
- 12) *Тугат* – правый приток р. Чулым (впадает рядом с р. Юлат);
- 13) *Кеть* (на карте С.У. Ремезова – Кет, см. также: Полуниин Ф., 1773) – правый приток Оби;

14) *Кет* – приток Балея, впадающего справа в Ангару между Иркутском и Китоём;

15) *Малгет* – бывший, населённый пункт в левобережье Оби (Колпашевский район), стоял на пересохшей реке, имя которой неизвестно;

16) *Мунгат* – левый приток верхней Томи в Кемеровской области;

17) *Тайгат* – левый приток р. Кайзас (впадает слева в р. Барзас);

18) *Нагат* (ныне Успенка) – левый приток Бии в её низовье;

19) *Позрыгат* – приток в верховье р. Бел. Июс;

20) *Саргат* – приток 2-го порядка системы р. Каргы в бассейне Мал. Енисея (Тува);

21) *Дзорохыт-Аксы* – ущелистая река в Туве (ср. № 5 след. списка);

22) *Жулгет* – небольшая река (15-20 км), впадает справа в Красноярское водохранилище в 15 км ниже р. Дербина;

23) *Талгат* – впадает в Красноярское водохранилище между рр. Дербина и Сисим;

24) *Жулгет (Жугдат)* – правый приток р. Талгат;

25) *Тангат* – правый приток р. Муя (впадает справа в Братское водохранилище); Бол. Тангат – впадает справа в Братское водохранилище;

26) *Мегет* – левый приток Ангары ниже Иркутска (впадает в 1691 км от устья);

27) *Хэкеть* – левый приток р. Илга (впадает слева в Лену).

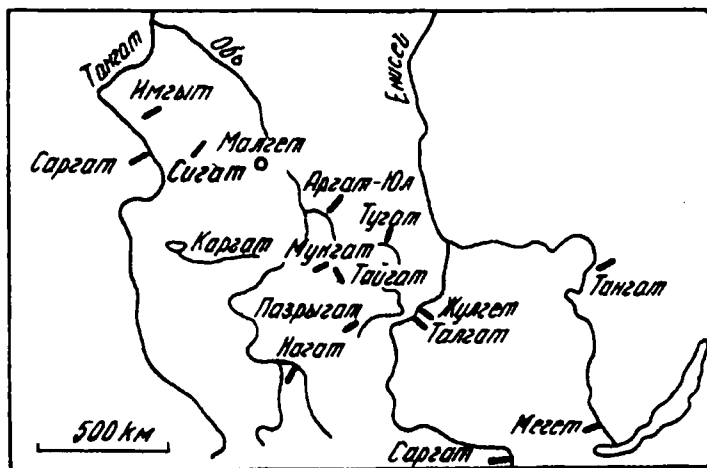

Рис. 9. Сибирские гидронимы на -гат/-гет

28) *Siggetu* или *Higgetu* – так записал в 1740 г. Г.Ф.Миллер название восточного (правого) притока р. Джашапка-ки (Чижапка – *А.М.*; хант. *Wep-jogan*), которая, по его записям, впадает с востока в р. Ньюролька, приток Васюгана⁹. Можно предположить, что это р. Тух-сигат, вытекающая из оз. Тух-Эмтор и впадающая в Ньюрольку. Однако, в перечне гидронимов Г.Ф.Миллер отметил *Ochun-sigat* и *Ochun-tug*, которые могут быть с уверенностью идентифицированы с гидронимами Тух-сигат (местное население произносит Тух-сига) и Тух-эмтор. Поэтому можно предполагать, что рассматриваемый гидроним *Siggetu/Higgetu* принадлежит другой реке, действительно притоку Чижапки и содержит рассматриваемый элемент *get*.

В большом отрыве от ареала перечисленных топонимов находятся реки с подобными по структуре именами:

- 1) *Ненгет* – река в системе р. Коркодон (бассейн Колымы);
- 2) *Бол. Саргат* – левый приток р. Чимкит система р. Нимилен (бассейна Амура);
- 3) *Гетик* – правый приток р. Акстафа, впадающий в р. Кура (Закавказье);
- 4) *Севгет* – "чёрная река" в Армении;
- 5) *Дзорагет* – левая составляющая р. Дебет в Армении (арм. *дзора* "ущелье", *гет* "река");
- 6) *Дзкнагет* – приток оз. Севан (Армения);
- 7) *Джавахет*, *Сунахет*, *Сулахет* – реки на Кавказе;
- 8) *Сугунургут* приток р. Калар (система р. Витим; Гурулёв, 1992). Намечается три ареала гидронимов на *-gam/ -get*:
- 1) Североуральско-Саянский (гидронимы наиболее многочисленны),
- 2) Дальневосточный (единичные гидронимы),
- 3) Кавказский (плотный ареал с конкретной языковой привязкой топонимов).

Ареал № 2 можно было бы не принимать в расчёт ввиду единичности топонимов, однако р. Бол. Саргат в системе Амура имеет тёзок в верховьях Енисея и Омском Прииртышье.

Кавказский ареал включает имена рек, апеллятивы которых сохранились в живых языках (армянский, дагестанские). Этническая привязка топонимов не вызывает сомнений.

От Северного Урала (р. Нангыть-я) до верховий Енисея и р. Селенги в Монголии, то есть в ареале достоверно кетских топонимов, встречаются все приведенные выше гидронимы с формантом *gam/get* и другими его фонетическими вариантами. Это служит некоторым основанием для того, чтобы и их с некоторой долей условности считать кетскими.

⁹ В действительности же Чижапка впадает с юга в Васюган.

Сомнение вызывает причисление к этой группе ойконима Малгет (Томская область). Во-первых, сельк. *em/эт* является географическим термином со значением "селение" (ср. Кудимаргэт – селькупское название дер. Тайзаковой на Оби). Это может "привязать" топоним к селению. Однако в селькупском языке отсутствует слово *malg*. Использование для этой цели нен. *mal* "конец" недопустимо. Можно сослаться на личное имя кета Каракольской волости – Чомка Молгетов (XVII в.) и принять во внимание сходство русифицированной фамилии и топонима.

Обращает на себя внимание полная идентичность имён Тангат: второе имя Иртыша и двух рек, впадающих справа в Братское водохранилище. Не менее любопытно наличие четырёх тёзок Саргат: в Омском Прииртышье, Туве и Приморье и р. *Saregat* в системе Сосьвы.

Среди приведённых гидронимов имеется только два, которые образованы от географического термина. Это, безусловно, кавказская р. Гетик (арм. "речка") и, возможно, сибирские реки Кет(ь) (правый приток Оби) и Кет – приток второго порядка Ангары. Селькупы реку Кеть называют Пуни. Кеть – это не тунгусское и не тюркское именование реки. Можно предполагать, что этот однословный топоним образован из имени нарицательного (апеллятива) со значением "река" или "вода". Это – ординарное явление в топонимике: по записям А.П. Дульзона, р.Тым селькупами называется просто Кы "река", хотя им известно и её полное имя - Касыль-кы "окунёвая". Не прячется ли в имени р. Кет(ь) апеллятив со значением "река" или, возможно, в основе его лежит этноним *кет*? Любопытно, что в Сравнительном словаре всех языков и наречий..., 1787, ч. 1, с. 315, указано: арм. *кетъ* "река".

Сым. В Сибири гидронимы с этим формантом компактно локализируются в левобережье Енисея, в системе его притока - р. Сым (в более раннем русском написании – Сим; Полунин Ф., 1773). Это рр. Альсым "болотистая", Капсым, Оксым "стерляжья", Сулемсым "красная" (по цвету берегов), Таймесым "гусиная", Тунсым "здешняя", то есть ближняя, Турсым "холодная", Уге-Оксым (тунг. Верх. Оксым), Мал. Сым, Бол. Сым, а также Коласым-сесь - от *ко?л* "залив, заводь, курья". Названия объяснены из кетского языка (Вернер Г.К., 1978). Однако сам компонент *сым* из кетских языков не раскрывается. Не находит он объяснения в енисейских, самодийских и тунгусских языках (Алексеев Е.А., 1973; Николаев Р.В., 1986). Г.К.Вернер считает его субстратным (докетским).

Справа в Енисей выше Красноярска впадает р. Сисим (возможно членение Си-сим?). В Туве имеется р. Сизим.

Второй ареал гидронимов на -*сим* тяготеет к Зауралью: в Сев. Сосьву, в её верховьях (Тюменская область), справа впадает р. Висим. Да и сама Сев. Сосьва имеет имя Виссум, как и р. Ушма, правый приток

Лозьвы (там же). Одноименная река (Висим) впадает в Чусовую (100 км к северо-западу от Екатеринбурга). Мансийское название реки Лозьва – Лоссем-я (Кривощёков И.Я., 1910). Река Сисим(ка) впадает справа в р. Шайтанка, которая вливается в пруд Висимо-Шайтанского завода (Верхотурье), хотя не исключено, что имя этой реки можно разложить и по-иному: не Си-сим(ка), а Сис-им(ка). А.К.Матвеев (1980) высказал предположение, что гидроним Висим не мансийского происхождения и что некогда на каком-то древнем языке бытовало слово *сум* "вода". Протока Оби в 18 верстах от Берёзова носила название Пырсым (Миллер Г.Ф., 1996, с. 235).

В бассейне Камы (Волжской) сформировался микрорайон с гидронимами на *сым/сим*: Сым, Сим, Сэм. Здесь же известны рр. Касым (приток р. Белая; возможно, от этнонима), Кульсим – левый приток р. Язьва (система р. Кама). Река Чусовая (приток Камы) в своих верховьях (примерно 100 км к северо-западу от Екатеринбурга) принимает р. Висим. В р. Велва (система Камы) впадает р. Весим.

Нельзя оставить без внимания и имя р. Сим (Хи) – правого притока р. Усури (Семёнов П.П., 1885, с.504). Чередование *х/с* обычно, в том числе и в топонимике (ср. приток Васюгана: Салат/Халат).

Можно предположить, что односложный гидроним типа Сым образовался в результате перехода нарицательного имени в имя собственное. Исходной формой, по мнению Г.К.Вернера (1978), является пумпюльское *тым* "река", которое адаптировано аринами в форме *сым*.

Обращает внимание наличие тёзок: имеется несколько рек с одинаковыми именами: Сим, Сисим, Висим.

Нам известен только один язык, в котором *сим* имеет значение "вода": это говор жителей аварского с. Кусур в Рутульском районе Дагестана.

Тым. Гидронимы с финальным компонентом *тым* образуют довольно плотный ареал от верховий р. Кама (Волжская) на западе до низовий Ангары на востоке. В пределах ареала намечаются довольно насыщенные топонимические микрорайоны (рис. 10).

Верховья р. Камы: *Иктым, Интым, Костым, Кыртым, Лектым, Локтым;*

Низовье Иртыша и Обь выше его устья:

- 1) *Тым* – правый приток Оби;
- 2) *Тыдель-Тым* – левый приток р. Кангар (впадает в Обь);
- 3) *Поттым* – левый приток р. Сеуль (низовье Оби);
- 4) *Кайтым* – левый приток р. Бол. Бича (правый приток Иртыша);
- 5) *Тондым* – там же;
- 6) *Тайтым* – бассейн р. Туй (правый приток Иртыша);
- 7) *Ильтым* – левый приток р. Туртас (в 98 км от его устья);

- 8) *Катым* – правый приток р. Конда (левый приток Иртыша);
- 9) *Тондым* – правый приток р. Кама (бассейн р. Конда);
- 10) *Талтымка* – правый приток Иртыша в 231 км от его устья;
- 11) *Тыштым* – левый приток р. Чебула (система р. Чулым);
- 12) *Кайтым* – левый приток р. Бирюса (система нижней Ангары);
- 13) *Кытыма* Верх. и Нижн. – левые притоки Лены в Прибайкалье;
- 14) *Кытыма* – один из верхних притоков Чарыша (Алтай). Имеет второе название – Кетьма. Неясно, какое из них исконное.

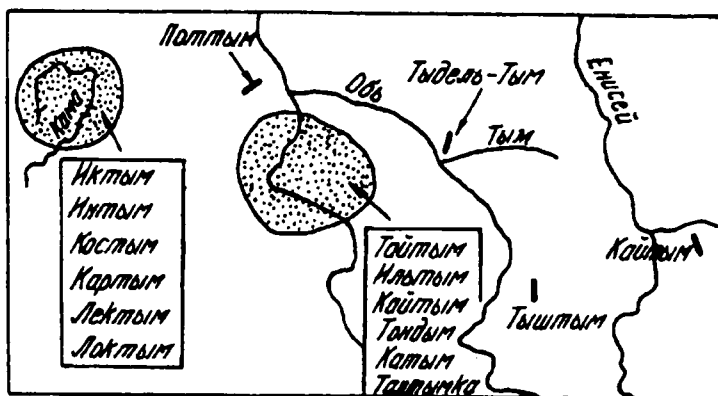

Рис. 10. Гидронимы на -тым

В приведённом перечне следует обратить внимание на два момента. Во-первых, имеется односложный гидроним Тым, в котором можно подозревать географический термин со значением "река" или "вода"; во-вторых, известны тёзки, отдалённые друг от друга, – две реки Кайтым (системы Чарыша и Ангары). Конечно, единичных сходжений недостаточно для суждения об их родстве, однако это вряд ли случайность.

По мнению А.П.Дульзона, 1) слово *тым* является сымско-кетской адаптацией пумпокольского слова *том* и 2) *том* и *тым* – это не термин "река", а имя собственное, возможно, со значением "темная" (см. выше).

Г.К.Вернер (1978) предложил иную версию. По его мнению, гидронимы Сым и Тым – это фонетические варианты одного и того же названия. Обе формы (Тым и Сым), по мнению этого исследователя, являются субстратными, не кетскими по происхождению. Возникли они на диалектной основе кетских языков. Тым – это исконная, исходная форма. Она сохранилась в языке кетов-пумпоколов (как и название нынешней Кети – Тым), но аринями (или другими кетами, в языках которых пумпокольскому *t* соответствует инициальное *s*) трансформирова-

на в Сым. Похоже, что Г.К.Вернер не считает *тым* апеллятивом со значением "река". По крайней мере, в тексте нет даже попыток осветить этот вопрос.

Обращает на себя внимание концентрация по обе стороны Урала гидронимов с апеллятивами *сим*, *сым*, *тым*, *чим* (рис. 11), причём в ряде случаев географический термин со значением "река" или "вода" (апеллятив) перешёл в разряд имени собственного (имена рр. Сим, Сым, Тым, Чим).

Топонимический материал и некоторые общие построения позволяют высказать новую версию об языковой принадлежности гидронима Тым и его природе.

По-видимому, верхнекамский (Иктым, Костым, Картым и др.) и обско-иртышский ареалы гидронимов на *-тым* генетически едины. Об этом свидетельствует не только одинаковая финальная часть, но и двусложность имен. Правда, в Сибири нет имен с *л* в анлауте (ср.: Лектым, Локтым). Пумпокольская передача гидронима другим группам кетов представляется маловероятной: вблизи ареала гидронимов на *-тым* нет ни одного пумпокольского топонима (за исключением таинственного Ратсидет "за Ишимом"). Пумпокольские гидронимы известны в более южных районах. Поэтому ареалы гидронимов на *тым* необходимо связывать с иными этническими группами. Это могут быть группы кетского (в широком понимании этнонима) происхождения и какие-либо не кетские группы. Очень заманчиво связать эти гидронимы с носителями атлымской культуры ("крестовиками"), которая была сформирована на рубеже I и II тыс. до н.э. в Сургутском Приобье и в низовье Иртыша (исследования Е.А.Васильева). В X-IX вв. до н.э. "крестовики" начали миграцию на юг, по Иртышу и по Оби. Часть мигрантов ушла по Тоболу и обосновались они и в Южном и Среднем Зауралье, где создали по Тавде, Туре и Исети гамаюнскую культуру (VIII-VII вв. до н. э.). Следы носителей крестовой керамики отмечены также по Каме, Печоре, на Тимане (Борзунов В.А., 1987). Именно в этих районах имеются гидронимы с компонентом *тым*. На каком языке говорили крестовики? Ранее автор (Малолетко А.М., 1999) предполагал угорскую природу крестовиков. Возможно, с уграми шли и кетоязычные группы, которые оставили в низовье Иртыша топоним Онзас. Однако это предположение не выходит за рамки версии.

О языковой принадлежности создателей топонимов лучше всего судить по географическим терминам (апеллятивам), которые используются для создания топонимов. Особенно ценны топонимы, которые полностью соответствуют терминам, то есть образованы вследствие перехода имени нарицательного в имя собственное. Такими топонимами мы считаем Сым, Сим, Тым. Несомненно, они являются этнодиагнозирую-

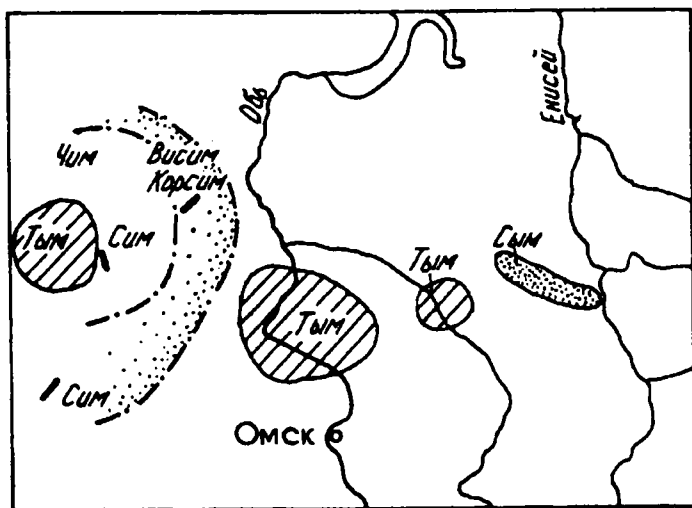

Рис. 11. Ареалы гидронимов с аффиксами *сим, сим, тым, чим*

щами в данном случае. Чьи эти термины? Привлечём дополнительный материал.

Чим. В верховьях Печоры и Камы имеются гидронимы с финалией *чим*: Ачим, Бычим, Кичим, Локчим (ср. выше Локтым), Лячим, Ньючим, Пычим и др. (Туркин А. И., 1986). В Верхнем Прикамье есть рр. Акчим, Колчим, Юрчим (Матвеев А.К., 1961). Река с именем Чим (Тшым), правый приток р. Лоптюг, известна в бассейне р. Мезень В Сибири р. Чим впадает справа в р. Туба (приток Енисея в Хакасско-Минусинской котловине) несколько ниже с. Пойлово (Соколов Д.В., 1914, карта). В этих гидронимах можно усмотреть географический термин "река", перешедший в разряд имени собственного. А.И. Туркин (1986) также допускает, что *чим* мог иметь самостоятельное значение "река" на каком-то неизвестном, но очень близком хантыйскому языку (хант. *чум* "короткий ручей", *сом* "ручей"). Например, в древних русских памятниках р. Локчим зафиксирована как "река Лух". Здесь термин *чим* заменён русским *река*, что позволяет поставить между ними знак равенства. Необходимо отметить, что в языке восточных хантов (васюганские и ваховские группы) этих терминов (*чум* и *сом*) нет. Но на их территории много топонимов на *-тым*. Термин появился в языке западных хантов в результате заимствования его из иноязычной среды. Тер-

мин был приспособлен к хантыйским языковым нормам и получил нынешнее оформление. Возможно, иноязычным источником был кетский.

Нельзя не отметить в системе р. Сым (приток Енисея) гидронимы, которые с какой-то степенью условности можно отнести к рассматриваемой группе *тым/сым*: Опольчум и Кольчум (правые притоки Сыма в его нижнем течении). Однако имя р. Кочочум, правого притока Нижн. Тунгуски, предполагает тунгусское происхождение гидронимов. Это тем более вероятно, что в бассейне Сыма имеются и другие тунгусские гидронимы: Момукту "лесная", Нёрунда "кумжевая", Пульвандра "язёвая", Пурче "лабазная" и др. И ныне в бассейне Сыма имеется эвенкийское население. Возможно, имя р. Шехтум, впадающей в Сым слева недалеко от устья р. Кольчум, также является тунгусским и изначально звучало как Шехчум.

Таким образом, и в европейской части и в Сибири имеются гидронимы с аpellятивами *сим/сым/сум/тым/чим*.

Рассматриваемые компоненты топонимов имеют общие черты: они односложны, слоги закрытые, гласный в центре слога, у всех одинаковый согласный в финале, первые согласные близки по способу образования. Можно в рабочем порядке высказать предположение, что мы имеем дело с группой искаженных иноязычной адаптацией (аборигены?) форм одного географического термина. Какой вариант соответствует исходной форме или близок к ней? Вряд ли исходной формой были хант. *чум* или *сом* (см. выше). Ещё раз возвращаемся к термину дагестанцев с. Кусур: *сим* "вода". В развиваемой нами версии о давнем и прямом языковом родстве кетов и нахско-дагестанских народов этот термин является весомым подспорьем.

Чем эта версия может быть ещё подтверждена? В левобережье Оби ниже устья Иртыша известны реки с возможно кетскими именами: Сель, Онзас и Поттым. Атлымская культура имеет явные следы влияния андроновцев (устное сообщение Е.А.Васильева), которые, по нашему мнению, являются ранними языковыми предками кетов (в широком понимании этнонима).

Какая последовательность метаморфоз просматривается в проблеме? По Иртышу на север и далее за Урал проникла в конце эпохи бронзы группа андронидных племен с кетским языком неизвестного типа, которая и принесла термин *сим* "река". Местное население исказило этот термин.

В Предуралье пришельцы были ассимилированы финно-уграми, память о них осталась только в топонимах. Нижнеиртышские носители кетского языка ушли на восток до Енисея и осели там на реке, которую так и называли – Сим, то есть "река". А река, которую мы теперь зовём Кеть, получила имя Тым. В I тыс. н. э. или позже сюда пришли из Ом-

- 2) *Тес* – левый приток р. Дагалдын (бассейн Нижн. Тунгуски);
- 3) *Тес* (*Тес-Хем*) – приток оз. Убсу-Нор;
- 4) *Тесь* – протока р. Тубы;
- 5) *Тесь* – левый приток Енисея ниже устья р. Сыда;
- 6) *Тесь* – правый приток Енисея ниже устья р. Пит;
- 7) *Тис* – правый приток Енисея ниже устья р. Пит.

Кроме того известны двусложные гидронимы, которые в финальной части имеют аналогичные компоненты:

- 8) *Тисса* – левый приток р. Урна в системе Демьянки;
- 9) *Киртас* – приток Сыгвы (северо-западная часть Западной Сибири);
- 10) *Киртас* – верховье Сосьвы в то же время (Буцинский П.Н., 1889);
- 11) *Бактас* – река в системе р. Тым;
- 12) *Кайтес* – приток оз. Елбаган (Приобье между устьями Томи и Чулыма);
- 13) *Кантес* – приток р. Самуська (у Томска);
- 14) *Калтас* – река в Шории;
- 15) *Каттас* – река в Шории;
- 16) *Кытас* (ныне Каттас) – река в Шории;
- 17) *Кантас* – левый приток р. Мрассу (Шория);
- 18) *Кельтас* – там же (ниже р. Кантас);
- 19) *Кентас* – левый приток Мрассу (в низовье);
- 20) *Кыртас* – озеро на Таймыре;
- 21) *Луньтес* (Луньчес) – приток Курейки (это явно кетско-имбатский топоним);
- 22) *Тайтас* – система р. Уй (бассейн Иртыша);
- 23) *Кутис* – левый приток р. Шиш;
- 24) *Тартас* – приток р. Омь;
- 25) *Тентас* – левый приток р. Ишим (в нижнем течении);
- 26) *Тентис* – правый приток Иртыша (в Омском Прииртышье);
- 27) *Тыртес* – правый приток р. Хадамо (система р. Уда в Вост. Саяне);
- 28) *Утис* – левый приток р. Демьянка;
- 29) *Чартис* – левый приток р. Эрзин (впадает в р. Тес-Хем);
- 30) *Утаз* – правая протока Оби между устьями Васюгана и Ваха.

Необъяснимо резкое преобладание определяющих частей топонимов, начинающихся на *к* (12 из 22) или *т* (4,5 из 22). Два топонима начинаются на *у* (*Утис*, *Утаз*) и по одному на *б* (*Бактас*) и *ч* (*Чартис*).

По своей структуре (однослоговая определяющая часть, однослоговый закрытый аппелятив типа СГС), что соответствует модели кетских топонимов.

* * *

Как пространственно размещены гидронимы с различными апеллятивами на просторах Сибири? Есть в этом какая-либо закономерность?

Западный фланг ареала находится на Урале (верховья Сосьвы) и через северную часть Обь-Иртышского междуречья выходят на верховья Томи (Шория) и верхний Енисей (выше Красноярска) на р. Туба. Крайние восточные гидронимы – это Тыртес в верховьях р. Уда (Иркутская область) и Тес (Тес-Хем) в Туве. Самым северным гидронимом является оз. Кыртас на Таймыре, р. Тес – правый приток р. Догалдын в системе Курейки. В принципе ареал рассматриваемых топонимов входит в границы былого расселения кетов и этот параметр не противоречит отношению этих топонимов (или их части) к общекетским по происхождению. Несколько выбивается из кетского ареала р. Тес, левый приток р. Догалдын (впадает в Нижн. Тунгуску недалеко от пос. Тура) и оз. Кыртас на Таймыре.

СТРУКТУРА ТОПОНИМОВ

Для енисейско-кетской топонимии характерны как общие, так и частные особенности, порой трудно объяснимые, но в силу специфичности их следует рассмотреть.

Фонетические особенности. Кетские языки, как принято считать, не имеют в начале слова фонем *в, г, л, м, н, р, ф* (кроме пумпокольского). В этом они близки тюркским, самодийским и некоторым исчезнувшим переднеазиатским – каскскому и хаттскому, хурритскому и урарту (Гиоргадзе Г.Г., 1961). Однако известны кетские топонимы с *р* в анлауте: Рамзас, левый приток р. Сынзас в Шории, Решет, Ратсидет, Рибитат (правда, этот топоним известен и как Ирбитат), Рунничеть (правый приток р. Манзя). Судя по примерам, все кетские языки имеют топонимы, начинающиеся с фонемы *р*. Очевидно, утерян был этот звук в начале слова в позднее время, ранее он был если и не обычным, то, по крайней мере, не чуждым кетским языкам.

По особенностям строения выделяются следующие группы топонимов.

Простые топонимы представлены двумя типами.

1. Имя нарицательное перешло в имя собственное. Это р. Тет – ныне Еловка в верховьях р. Кеть, Зас – левый приток Томи в её верховье, ныне Изас, Шет – приток Чулыма (имеется иное объяснение этого топонима), Сес – приток р. Сес-Йоган в верховьях р. Вах, а также Сым (в XVIII в. – Сим), приток Енисея, Тым и Том – притоки Оби, Тес(ь) – несколько рек в Сибири, р. Чим, приток р. Туба. Тюркская адаптация таких одно-

сложных топонимов (прикрытие начальной *з* апеллятива гласным) затруднила раскрытие их. Такие топонимы введены в группу двусложных и получили иное семантическое содержание. Неясен в структурном отношении топоним Мзас из Шории. С одной стороны, финальная часть *зас* позволяет отнести его к типичным кетским топонимам, но с другой - кетские языки (по крайней мере, енисейско-кетские) не допускают в начале слова стечение двух и более согласных. С большой осторожностью следует отнестись и к тюркскому влиянию. Во-первых, согласный в качестве протезы исключается, так как шорские тюрки также не терпят в начале слова слияние двух согласных и, во-вторых, согласный *м* вообще ими избегается. Однако, известен в Шории топоним Ымзас, в котором начальный согласный является тюркской протезой либо здесь потеряно 1-2 фонемы.

2. Слова-названия, не имеющие связи с другими словами языка. Они лишены каких-либо морфологических элементов и не имеют этимологического значения. Они обозначают какой-то конкретный географический объект. К ним относятся названия объектов, семантика которых (названий) не раскрывается из функционирующего языка. В качестве примеров можно привести имена рр. Желок "Елогуй", Кэзьк "Келлог", Дабак – правый приток Елогуя. К этим названиям можно не добавлять термин "река" или "вода". Очевидно, к этому типу гидронимов относятся и имена семи устьев Елогуя (Ellok, Alis, Öhölni, Tatis, Chiego, Edige, Chomi), название р. Вах (Кок), Оби (Ими; селькупское заимствование), одно из названий Енисея (Кук; палеоазиатское заимствование). Повидимому в эту группу можно вести и топоним Charap в системе р. Таз, который является калькой с русск. Волочанка.

Назывная функция этих слов ясна и без уточняющих апеллятивов.

Сложные топонимы состоят из определяемой (апеллятив, географический термин) и определяющей части. Апеллятив всегда стоит в ауслауте (конце) топонима. Определяющая часть одно-, реже двухслоговая. Образованы методом простого словосложения. В топониме соединяются несколько, обычно два слова в именительном падеже единственного числа: Богзас (*пог* "грязь"+*зас* "река"), Бангур (*банг* "земля"+*ур* "вода"), Тогул (*то?* "соль"+*ул* "вода"), Эсес из Эссес (*эс* "бог, небо"+*сес* "река"). Этот принцип широко используется и в других языках: англ. Оксфорд (*окс* "бык"+*форд* "переправа"), нем. Зандбах (*занд* "песок"+*бах* "ручей"), тюрк. Тегиртыш (*тегир* "небо"+*тиш* "зуб"), кит. Тянь-Шань (*тянь* "небо"+*шань* "гора"). Реже определяющая часть дана в именительном падеже множественного числа: Танкес (кет. *тар* им. п. ед. ч., *такнг* им. п. мн. ч. "выдра"+*сес* "река"), Барнаул (*боруан* "волки+ул "вода"), Кундат (*куй* им. п. ед. ч., *кун* им. п. мн. ч. "хариус"). В единичных топонимах определяющая часть дана в форме родительного

падежа множественного числа: Конисес "саранок река" (*ко?* им. п. ед. ч., *кони* род. п. мн. ч. "саранка"), Сестэсес "лиственниц река" (*сес* им. п. ед. ч., *сестэ* род. п. мн. ч. "лиственница").

В кетских языках, как можно судить по енисейско-кетскому (Дульзон А.П., 1968), прилагательное слабо отграничено от имени существительного. Каждое существительное может выполнять функцию прилагательного, если оно поставлено перед другим существительным. Поэтому в приведенных примерах первое существительное осмысливается как прилагательное: Богзас "грязная река", Бангур "земляная (мутная) река", Тогул "соленая река" и т. д. Это ничем не отличается от правил других языков (ср. тюрк. *аткечу* "лошадь+переправа" = "конская переправа", кит. Тянь-Шань "небо+горы" = "небесные горы", англ. Оксфорд "бык+переправа" = "бычья переправа" и пр.).

Структура двух гидронимов вызывает особый интерес в связи с кажущейся простотой решения проблемы и малой вероятностью такого решения. Это имена рр. Томул-игай в бассейне Васюгана, Томулдат на Алтае. У них одинакова определяющая часть (Томул) и различны апеллятивы. В одном случае это арин. *игай*, а в другом пумпок. *дат* с тем же значением. В определяющей части можно выделить два кетских компонента, каждый из которых имеет одинаковое значение: пумп. *том* "река" и ассан. *ул* "вода, река". В этих топонимах можно усмотреть три термина "река+вода (река) + река". Формально такое сочетание терминов в составе топонимов возможно. Но в данном случае странным представляется создание в двух удалённых друг от друга районов топонимов по одной и той же модели – путём наращивания термина к топониму, который ранее был образован в результате перевода имени нарицательного в имя собственное. Например, в Васюганье пумпоколы создали топоним при помощи перевода имени нарицательного в имя собственное (*том*). К нему ассаны "пристроили" свой термин *ул* с тем же значением "река". Затем к этому топониму (Томул) арины добавили свой термин *игай* (р. Томул-игай в бассейне Васюгана), а пумпоколы – *дат* (р. Томулдат на Алтае).

Усечённые (эллиптированные) топонимы. Некоторые топонимы не сопровождаются апеллятивами, а представлены только определяющей частью. Выделение таких топонимов возможно лишь в том случае, если они надёжно выводятся из кетских языков. Однако это всегда затруднительно сделать в виду неполноты имеющихся словарей. Так, р. Колон, левый приток Усолки, имеет приток Колнасет. Если опереться на схожесть определяющей части топонима с апеллятивом (*колна*) и именем реки, в которую она впадает (Колон), то и топоним Колон можно считать аринским (или коттским, если признать апеллятив *сет* искаженной формой коттского апеллятива *шет*).

В бассейне верхнего течения р. Абакан имеется р. Ана с притоками Бол. Анзас и Мал. Анзас, р. Анзас, левый приток р. Мрассу. Гидроним Ана, очевидно, утерял апеллатив и автоматически воспринимается как "река". Это же относится и к гидрониму Она, как называется верховье р. Бирюсы.

Стяженные топонимы образованы путем стяжения апеллатива *с'ес'* "река" до одного звука *с'* (Дульзон А.П., 1959, с. 96). Происходит это в случае, если первый компонент (определяющая часть) имеет сильное динамическое ударение, а второй (апеллатив) находится в безударном положении. Особенно типично это для елогуйского диалекта, в котором возможны варианты *с'е:с'*; *с'ес'* (читается *сесь*), *с'ис'*, *с':*, *с'* (двоем указана долгота звука). Так, в полном кетском варианте – Кэуксес ("большая стерляжья река") – произошло стяжение апеллатива *сес* до *с* – Кэукс (в русской адаптации Кыкс). Другой приток Елогуя, который русскими называется Тотчес (елог. Тотч'ес, Тотс'ес "тайменная река"), у кетов получил стяжённую форму Тось. Известны и другие стяжённые топонимы: Имлись из Имлисес (Имли – название женского подземного божества), Альбас от Альбасес (Альба - мифический герой, первый человек и первый шаман, по представлениям кетов). В Шории зафиксирован только один топоним, усечённый по этой же схеме, – р.Таз из Тазас.

Структура топонимов за пределами современного проживания кетов. Кетские топонимы Шории, Хакасии и Тувы, Омского Прииртышья (назовем их ранними) имеют много общего между собой и существенно отличаются от топонимов по среднему и нижнему Енисею (назовём их поздними).

Ранние топонимы всегда двухсложные. Географический термин (апеллатив) стоит на втором месте. В создании трёхсложных речных названий Баланзас, Баранзас и Сортынзас, несомненно, принимали участие тюрки, которые заимствовали от кетов апеллатив *зес//зас*: Баланзас "лосиная река", Баранзас "мутная, серая река", Сортынзас "щучья река". Среди них нет ни одного топонима, который содержал бы дополнительную характеристику объекта: "малый", "средний", "сухой" и пр.

Поздние топонимы по Енисею обычно двух- и более сложные. И это касается не только топонимов, определяющей частью которых является единое трехсложное слово, например Колбасым-Сесь (Колбасым // Кэлбэсам – недоброе женское, существо в мифологии кетов, некогда жившее на земле). Нередки определяющие части, состоящие из двух слов: Сютне-Кунде-Сесь "средняя росомашья река".

Реконструированная структура. Среди пумпокольских топонимов, обычно двусложных, известны одно- и трехсложные. Первые представляют собой апеллатив, перешедший в имя собственное, - р. Тет, в

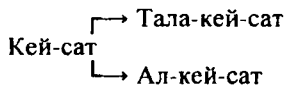
верховьях р. Кеть. Двусложные образованы в результате присоединения к географическому термину (апеллятиву) определяющей части в качестве первого компонента: Ду+дет = Дудет, левый приток р. Урюп, Би+тятка (русифицированная форма из **tem*) = Битятка, правый приток р. Чулым. Трёхсложные топонимы имеют дополнительную определяющую часть, которая "пристраивается" перед топонимом: Ку+дудет= Кудудет (левый приток р. Урюп), Ку+битет = Кубидат (левый приток р. Кия). Такого же рода структура сформирована у топонимов: Алчедат (Ал+че+дат) в системе р. Кия и Кочетат (Ко+че+тат) в системе Чулыма.

Имеется группа топонимов, сформированных в результате "вставки" между слогами какого-то дополнительного определяющего или служебного аффикса: Ай+га+дат, Кай+га+дат, Ур+га+дат (все в бассейне Золотого Китата). О том, что *га* в этих топонимах имеет определённый смысл свидетельствует имя р. Кайдат (ср.: Кайгадат) в системе Кемчуга, в котором элемент *га* отсутствует.

Такая же картина наблюдается и в ассано-коттском языке (языках): Кунь+четь (приток р. Карабула) и Ту+кунь+чет (приток Бирюсы), По+чет (приток Бирюсы) и Хана+по+чет (приток р. Карабула).

К сожалению, недостаток словарных материалов по пумпокольскому языку не позволяет раскрыть смысловую нагрузку компонентов *ду*, *би*, *ку*, *че*, *га*. Несомненно, они характеризуют какие-то различительные особенности рек.

Сходные примеры можно привести из аринской топонимастики. Ниже Красноярска в Енисей справа впадает р. Верхняя или Большая Подъёмная, аринское название которой звучит как Кéйсат или Хейсат. Кейсат принимает слева приток Ал-кейсат (ныне р. Алыкина). Здесь же у дер. Береговая Подъёмная протекает приток Енисея Нижняя Подъёмная, которая имела аринское название Тала-Кейсат. Следовательно, основой является аринский гидроним Кейсат с неясной семантикой первого компонента. Имена притока (Ал-кейсат) и Нижней Подъёмной (Тала-Кейсат) образованы путем добавления в анлауте ещё одного определительного компонента. К сожалению, малый объём аринского словарного материала не позволяет определить значение определяющих слов *кей*, *ал*, *тала*. На предлагаемом примере просматривается следующая структура топонимов:

Ныне названия Кейсат, Ал-кейсат, Тала-кейсат утеряны.

Ударение. Приведённые выше гидронимы Ана с притоком Анзас имеют и иную огласовку – Она и Онзас, что зафиксировано на многих картах. Такое различие в огласовке может быть вызвано различным

ударением. Фонема *o* в анлауте при русской акающей адаптации могла сохраниться лишь при ударном положении: *Она*. В безударном положении она должна была перейти в *a*: *Ана́*. Следовательно, и гидронимы, оформленные апеллятивом *зас*, должны иметь соответствующую огласовку: *Анза́с* или *О́нзас*. Известны гидронимы с начальной *o*: *Онзас* – приток Мал. Сосьвы в Зауралье, *Она* – название Бирюсы в верховье (система Ангары). Поэтому можно предположить, что форма *она* является изначальной, а под ударением в такого рода двусложных топонимах находился первый слог. В ходе русской адаптации (не повсеместно!) произошла трансформация *она*>*ана*. Трансформация наоборот (*ана*>*она*) нам представляется мало вероятной: для русского языка более обычным является ударение на втором компоненте сложных слов, и из топонима *Анза́с* не могло быть создано *О́нзас*. Однако такая трансформация была не повсеместной: слева в Мрассу (Шория) впадают две соседствующие речки – *Анзас* и *Онзас*.

Судя по записям Г.Ф.Миллера (1735 г.), ударение в кетских топонимах приходится на первый слог определяющего компонента.

СЕМАНТИКА ТОПОНИМОВ

Семантика топонимов (значение слов, образующих топонимы или, проще, перевод иноязычных топонимов на русский язык) представляет особый интерес, так как помогает понять многие стороны жизни создателей топонимов (их занятия, религию и пр.) и природные условия топонимического ареала. Задача эта решается нелегко, так как часто язык создателей топонимов неизвестен либо представлен неполными словарями. Ныне достаточно хорошо изучен язык "енисейских остяков", или собственно кетов. Небольшой словарный материал имеется по языкам коттов, ассан, аринцев и пумпокольцев. Некоторые слова этих племён сохранились в виде географических названий, дошедших до наших дней. Но эти слова-топонимы давних времён не всегда соответствуют словам потомков создателей этих топонимов, так как язык развивается, отдаляясь по разным признакам от своего предка. При неоднократной иноязычной адаптации эти древние слова-топонимы столь сильно искажаются, что становятся непохожими на исходные формы. Так, в бассейне Чулышмана на Алтае известна р. Тотудоу, смысл названия которой не расшифровывается из известных языков. Но в отчёте В.И. Верецагина за 1905 г. эта река названа Туудай. На карте, составленной около 150 лет назад, река названа Тогулдай. А в этом имени уже можно усмотреть или кетское слово *тогул* "соленая вода", или монгольское окончание *дай* (ср. р. и пос. Ангудай, ныне Онгудай). Расхождения

столь велики, что нередко исходное состояние топонима не удаётся реконструировать.

Ниже приведена семантика некоторых кетских (енисейских) гидронимов в основном по работе А.П.Дульзона (1959).

Семантика топонимов енисейских остяков вне пределов их современного обитания крайне затруднительна. Некоторые семантические примеры уже приводились выше. Обычно для раскрытия топонимов привлекаются не только материалы "енисейско-остяцких" языков, но и других кетских (пумпокольского, коттского). Такого рода попытку сделал А.П.Дульзон (1959). Вот несколько примеров: Азас "куропаточья" или "тёплая" (кур. *ас* "куропатка" или ен.-кет. *а* "тёплый, горячий"), Айзас "кедровая" (имб. *хай* "кедр"), Амзас "материнская" (ен.-кет. *ам* "мать"), Арзес "дальняя" (ен.-кет. *ар* "дальний"), Арынцасс, возможно, "аринов река" (от этнонимов *ар*, *ара* "аринец"), Багзас "черёмуховая" (котт. *паге* "черёмуха"), Баланзас "чёрносмородиновая" (имб. *балн* "чёрная смородина"), Баранзас "волчья" (котт. *бору* "волк", *боруан* "волки"), Богсес "грязная" (котт. *пок* "грязь"), Дынчес "пихтовая" (имб. *дын* "пихта"), Изес (<Иссес) "рыбная" (имб. *ис'* "рыба"), Казас (< Кас'ес' или Кас'с'ес') "большая" или "налимья" (кет. *ка* "большой" или *кас'* "налим"), Каинзас "горная" или "лосиная" (*каин* – мн. ч. от *кай* "гора", "лось"), Кайсес "крутобережная", Камзас "гусятинная" (пумп. *хам* "гусь"), Канзас "ястребиная" (имб. *канг* "ястреб", название койбальского рода Канг), Касес "песчаная" (кур. *ка?с* "песок" или ен.-кет. *кей* "большой"), Кезес "налимья" или "большая" (ен.-кет. *кес* "налим" или *кей* "большой"), Кизес "новая речка" или (кет. *кие* или котт. *ки* "новый"), Колзас "пенная речка" (имб. *кол* "пена"), Косес "сараночная" (*ко?* "сарана"), Кыйтензас "конопляная" (ен.-кет. *кити* "конопля"), Кымзас "женская" (кет. *ким* "женщина"), Майзас (<*файсес; кет. *фай* "кедр"), Онзас "малая" (кет. *hone* "малая"), Пызас "кедровая" (пумп. *пы* "кедр"), Саензас, Саянзас "медвежья" (*сајанг* "медведь"), Солнзас "нельмовая" (кет. *сул*, *суол* "нельма"), Тазас "шаманская" (имб. *та* "шаманский жезл"), Талзас "мелкая" или "выдряная" котт. *талл*, *тол'*, кет. *тал'* "выдра"), Тарзас "выдряная" (кет. *таар* "выдра"), Узас "березовая", "луговая" или "сильная" (имб. *ус* "береза", имб. *у* "луг", кет. *у* "сильный"), Ызас "олениная" (имб. *ы* "олень-самец") и др.

По мнению А.П.Дульзона, семантика гидронимов, взятых в основном из Шорского, Абаканского и Тувинского топонимических ареалов, надёжно раскрывается из языка курейских и елогуйских кетов. При полном отсутствии словарных материалов по былому кетскому населению указанных районов это, конечно, единственно возможный приём. Естественно, использовались только слова, имеющие сходное звучание с определяющей частью гидронимов. Однако енисейско-кетского сло-

варного материала оказалось недостаточно для решения этой проблемы. Была привлечена лексика коттов, пумпокольцев, арин. Прием рискованный, так как слова этих кетских групп, даже базовые, фонетически не сходны. Об этом можно судить по "Словарным материалам XVIII в. по кетским наречиям" (Дульзон А.П., 1961а). Вот несколько примеров звучаний слов, которые часто используются в образовании гидронимов:

большой – арин. *бирка*, ассан., котт. *па'чага*, имб. *хяегам*, ост. *хяйсе*, пумп. *'хеem*;

берёза – арин. *кус*, ассан. котт. *'уча*, пумп. *уута*, имб. *'уусе*;

глубина – имб. *гог'ом*, котт. *фоге*, *поге*, пумп. *фозьбагь*;

камень – арин. *кесь*, ассан., котт. *шиш*, пумп. *кит*, *чыс*, енис. *чыгс*;

лес – арин. *'ошче*, ассан. *ена'най*, котт. *ак*, пумп. *'хохон*, кур. *нис'сей*, имб. *ак*, *ус*;

лось – арин. *окаши*, асан. *алчангаш*, котт. *ачаниш*, пумп. *'кају* (возможно, имбатское слово), имб. *'кхайе*, кур. *кай*;

маленький – арин. *кал'кона*, ассан. *киши'гина* (тюркизм? - А.М.), ымаранга, котт. *ымаран'гага*, пумп. *хил'унгду*, *фынем*, имб. *'хонненнам*, *'пуйниндж*, *ко'мата*, юг. *фен'а*;

медведь – арин. *кит*, ассан. *хал'тум*, котт. *'калтум*, имб. *хойја*, пумп. *'ханки*, кур. *кой*, *'кыба*;

песок – арин. *финьянг*, ассан. *тангајан*, *тахана*, котт. *та'гананг*, пумп. *'тиннинг*, *феныг*, имб. *хяс*, *хене*, *по'анинг*, кур. *ке?с*, елог. *'һананг*, *кас'*;

рыба – арин. *'шти*, ассан. *тыг*, *тык*, котт. *тиг.*, пумп. *'һите*, *'зите*, имб. *исе*, кур. *ис'* (букв. "еда");

щука – арин. *куи*, ассан. котт. *'һуја*, пумп. *'код'у*, имб. *'кхуде*, *'хууджа*, кур. *'куръ*.

Адаптация тюрками (например, в Шории) привела не только к трансформации *сес/зес* (Арзес) в *зас* (Арзас), но и к появлению протезы – звука, который прикрывает в начале слова звук, недопустимый в тюркских языках (в данном случае *з*). При этом в качестве протез могут выступать как открытые, так и закрытые гласные. Очевидно, в гидронимах Азас, Изес, Узас, Ызас начальные гласные могут не иметь семантического значения. Возможно, эти топонимы изначально представляли собой кетские апеллятивы (*сес*, *зес*), перешедшие в ранг имён собственных (гидронимов), к которым позднее тюрки в анлауте добавили гласные звуки (протезы).

Не исключено, что в ходе адаптации тюрки трансформировали (исказили звучание) определяющей части кетских топонимов, приспособив их к нормам своего языка. В частности, это могло выразиться в произвольной замене звуков *б/м/п*. Это можно видеть на примере имени крупной реки Шории Мрассу, которая в разных документах называлась

Браза, Мраза, Прас-су. В тюркских языках нет фонемы *ф*, поэтому некоторые кетские слова с этой начальной фонемой тюрками также искажались.

Семантика пумпокольских топонимов. А.П. Дульзон (1959) привел более 100 пумпокольских гидронимов, но семантика ни одного из них не была раскрыта из языка их создателей, хотя "Словарь Палласа" имел немало слов пумпокольского языка. Были использованы енисейско-остяцкие, имбатские примеры и даже южно-самодийские и тюркские фонетические соответствия. Вот несколько примеров.

Алтат – "дальняя" (имб. *ал* "дальний"),

Едет "еловая" или "железная" (имб. *эй* "ель" или *э* "железо"),

Кадат – "большая" (кет. *ка* "большой"),

Касидет – "песчаная" (кет. *кас* "песок"),

Киндат – "быстрая" (елог. *кын* "быстрый"),

Кубедет – "тетеревиная" (кет. *купи* "тетеря"),

Кундат – "хариусовая" (котт. *куй*, мн. ч. *кун* "хариус"),

Кутат – "тихая, спокойная" (имб. *куз* "тихий, спокойный"),

Оготат – "глубокая" (имб. *ного* "глубокий"),

Сургундат – "холодная погода" (котт. *шурган* "холодная погода"),

Тайлодат – "родниковая" (кур. *тайло* "родник"),

Тогудат – "соленая" (кур. *то?* "соль"),

Тудат – "глинистая" (пумп. *ту* "глина"),

Туйдат – "лунная" (пумп. *туй* "луна"),

Ургадат – "большая" (ю.-самод. *урга, орга* "большой"),

Чедат – "соленая" (пумп. *че* "соль"),

Чиландат – "змеиная" (*чилан* "змея"; у А.П. Дульзона языковая принадлежность не указана, скорее всего – тюркское заимствование, – А.М.),

Шардат (*Чардат, Чердат*) – "бледно-жёлтая" (котт. *шар* "бледно-жёлтый"),

Шулдат – "нельмовая" (имб. *с'уол'* "нельма").

В приведенных примерах только в трех случаях семантика топонимов выведена из пумпокольского языка (Тудат, Туйдат, Чедат). Семантика остальных топонимов расшифрована исходя из фонетически соответствий и предположения, что в других кетских языках имеются лексемы с корнями, аналогичными пумпокольским. Выше, на примере енисейско-остяцких топонимов, мы уже показали значительные различия в терминологии кетских языков. Можно проверить этот постулат и на рассматриваемых топонимах.

Название р. Оготат раскрыто из инб. *ного* "глубокая". Но в пумпокольском есть слово *фозьбагь* "глубина" (Дульзон А.П., 1961а), и, есте-

ственно, корень этого слова должен был быть представленным в топониме, чего, однако, нет.

В имени р. Ургадат безупречно вычленяется самодийское (койбальское) слово *урга* "большой". Но... В верховьях р. Яя, притоком которой является Ургадат, нет других самодийских топонимов, что позволяет предполагать и несамодийское происхождение имени Ургадат. К тому же имеются близкие по структуре (со вставкой *га*) топонимы Айгадат, Кайгадат (система Золотого Китата), правда нет гидронима Урдат. По-видимому, в топоним заложено пумпокольское слово, не попавшее в словарь.

По-иному обстоит дело с топонимом Чиландат, в котором определяющая часть безупречно выводится из тюркского языка (чëкающего тувальского? говора). Контакты пумпокольцев с пришлым тюркским населением и их возможное двуязычие вполне допустимо, что могло и привести к созданию гибридного тюрко-пумпокольского топонима.

Семантика аринских топонимов. Арины оставили незначительное, менее 20, число топонимов с формантом *зет/сет/зат/сат* и *изай*. Нам в аринском словаре (Топоров В.Н., 1968) не удалось найти ни одного корня, который бы лёг в основу определяющей части известного топонима. Приведëнный А.П.Дульзоном (1959) список топонимов также не нашел разъяснения из аринского. Это гидронимы Алсет, Ингузет, Исеть, Какызет, Калкасетская (нас. п.), Маузет, Пельзат, Пельзатка, Сарысеть, Сульзат, Сумзет, Тамырсат, Уксат, Унгузет. Для раскрытия семантики топонимов использована лексика енисейско-кетского (диалекты курейский, имбатский), коттского и селькупского языков. Мы можем предложить только один пример. Имя оз. Бериккуль в Кемеровской области можно вывести из арин. *бирка* "большая" и *куль* "вода". и действительно, это озеро является самым крупным в тех краях. Мы уже приводили примеры, когда представление о крупном водоëме складывается из понятий "много воды", "большая вода" и др.

Семантика коттских топонимов. Г.К.Вернер (1990) предлагает следующую семантику гидронимов:

Акульшет - "гнилая вода (река)"; из котт. *ake* "гнилой", *ш* "вода", *шет* "река";

Камышет - "гусяная речка" (пумп. *хам* "гусь");

Кунчет - "хариусовая речка" (котт. *kui*, "хариус", мн. ч. *kun*);

Пача-ул - Енисей, Кем, букв. "большая вода";

Пинчет - "утиная речка" (котт. *pin* "утка");

Танчет, Тенчет - "еловая речка" (котт. *tin* "ель");

Таранчет - "грязная речка" (котт. *taɣan* "грязь");

Унчат, Унчет - "спокойная речка" (котт. *un* "тихий, спокойный").

Хиз-ул - Бирюса, букв. "широкая вода";

Хинчет – "трупная речка" (котт. хеі "труп", мн. ч. хеп);

Черчет – "ящеричная речка" (котт. d'era/d'iga "ящерица");

Шигашет – "лебединая речка" (котт. šigi "лебедь").

Из списка, предложенного А.П.Дульзоном (1959), можно добавить:

Бакчет – "чёрносмородиновая" (котт. паге "чёрная смородина"),

Окульшет (Акульшет в списке Г.К.Вернера) – "с грязной водой река" (котт. хок "грязный", ул' "вода");

Саранчет – "рукав реки" (котт. ч'аранг "рукав реки");

Таличет – "мелкая" (tal "мелкий");

Таранчет – "выдряная" (имб. тар, котт. т'еар "выдра");

Тебишет – "гнилая" (сельк. теби шиндж "гнилой исток");

Тяжет – "соленая" (котт. т'а?а "соль");

Фаначет – "сетевая" (котт. фанг "сеть", а также "самка");

По поводу предложенных расшифровок топонимов можно сделать несколько замечаний. Как будто фактический материал не подтверждает былые контакты селькупов с коттами, поэтому предложенная семантика топонима Тебишет не может быть принята безоговорочно. Мало продуктивно и название ящерицы в образовании имен рек. Для топонима Таранчет Г.К.Вернером и А.П.Дульзоном предложены различные объяснения смыслового значения.

Семантика ассанских топонимов. Нам думается, лишь недостаток информации о соотношении ассанского и коттского языков заставляет четко разграничивать их топонимические гидроформанты: *чет* и *шет* считать коттскими, *ул* и *уль* – ассанскими. По крайней мере, часть топонимов на *-шет* в правобережье Енисея создана ассанами. С другой стороны, широкое распространение гидронимов на *-уль* как в кетских, так и тюркских топонимических ареалах затрудняет их языковую привязку и, вместе с тем, выяснение семантики. А.П.Дульзоном предложены следующие семантические решения, которые можно считать безупречно ассанскими:

Бангур – "земляная" (имб. банг "земля"),

Барнаул, приток Оби (на карте С.У.Ремезова, 1701 г., - Бороноур) – "волчья" (котт. боруан "волки"),

Пача-ул – букв. "большая вода", Енисей (асс. пача "большой").

Основная же часть гидронимов к ассанским отнесена на основании определяющей части, сходной с таковыми в других кетских языках: Амул - Амзас, Амтат; Кайгур - Кайзас; Сулуул - Сулзат, Тулуул - Тульзес, Угул - Угулдат, Шарагуль - Шардат и др. Не все эти совпадения указывают на ассанское происхождение топонимов. Некоторые топонимы являются безупречно самодийскими (название оз. Сокульдо), русскими (Есаулка – по казачьему званию поселенца на этой реке у

Красноярска), тюркскими (Ижуль, где *и* является протезой, прикрывающей не свойственную тюркам в начале слова фонему *жс*).

Таким образом, семантика аринских, ассанских, коттских и пумпокольских топонимов, а также топонимов предположительно "инбацко-го" типа практически не раскрыта. Причинами этого являются:

1) отсутствие представительных словарей по этим языкам, а использование лексики современных групп кетов ("инбаки" и "сымцы") при семантико-топонимических исследованиях наследия аринцев, ассанов, коттов и пумпокольцев вряд ли надёжно;

2) далеко ушедший в своем развитии современный "имбацкий" язык по сравнению с языком имбаков - вероятных сородичей племён из Шории, Хакасии, Тувы, Барабы (Омского Прииртышья);

3) значительное искажение изначальной формы топонимов в ходе неоднократной иноязычной адаптации.

Приведённые примеры раскрытия внутреннего значения топонимов (их семантики) во многом умозрительны, так как основаны лишь на фонетическом сходстве топонимов и малочисленных слов, записанных непосредственно от носителей этих языков. Эти исследования не прошли географическую проверку. Не ясно, насколько соответствуют семантические реконструкции реалиям. В частности, нам известно, что водоёмы, названия которых раскрываются как "соленая река" (например, Тогул), имеют пресную воду.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ (микрорайоны)

Кетские (енисейские) гидронимы редко образуют одноформантные ареалы. Таковые известны только в Шории (*зес/зас*) и по Чулыму (*тет/тат/дат/дет*). Обычно же топонимические ареалы содержат топонимы с различными топоформантами. Так, на Алтае известны топонимы с форматными *дет, зес, уль*, в Туве с формантами *зас, тат, дет, шет, ул*. Такое смешение, скорее всего, свидетельствует о чересполосном проживании родственных групп енисейцев на ограниченной территории. Встречаемость однотипных формантов в различных ареалах, в том числе и удалённых друг от друга указывает на широкие миграции различных групп кетов.

Можно выделить несколько топонимических районов, в которых топонимы, достоверные и условно относимые к кетским, представлены в различных комбинациях. Топонимы группируются по характерным географическим терминам (рис. 13):

1) **Верхнекамский** – *зас* (Зас), *зес* (Казеска) *сым* (Сым), *сим* (Сим), *чим* (Ачим), *тым* (Иктым), *шиш* (Вашиш);

2) **Нижнеиртышский** - *зас* (Онзас), *уль* (Сеуль), *тым* (Поттым);

3) Омско-прииртышский – *зес* (Изес), *зас* (Узас), *сас* (Кымсас), *сис* (Васис), *шиш* (Шиш), *тис* (Кутис), *цас* (Колонцас), *тас* (Тартас), *гат* (Саргат), *тым* (Катым);

4) Васюганье – *лат* (Салат/Халат), *игай* (Томул-игай), *гат* (Сигат), *куль* (Мекуль);

5) Нижнекетский – *зет* (Ингузет), *тым* (Тым, ныне Кеть), возможно, *сет* (Кеть);

6) Шорский – *зас* (Онзас), *зес* (Арзес), *тас* (Калтас);

7) Алтайский – *дет* (Тюдет), *дат* (Томулдат), *уль* (Козуль), *зес* (Кадзес);

8) Абаканский – *лат* (Салат), *зат* (Муйзат-кол), *зас* (Онзас/Анзас);

9) Восточносаяно-тувинский – *зас* (Азас), *тат* (Китат), *дет* (Тюгдет), *тет* (Тюхтет), *шет* (Тагашет), *чет* (Чёт), *гат* (Саргат), *тес* (Тес), возможно, *лат* (Халыт, ср.: Халат, второе название Салат – река в системе Васюгана), *ул* (Тоскул), *чим* (Чим);

10) Чулымский – *дат* (Чиндат), *дет* (Тегульдет), *тат* (Итат), *тет* (Тюхтет), *том* (Томь) *тес* (Кайтес), *тым* (Тыштым), *шет* (ныне р. Четь);

11) Красноярский – *лат* (Калат), *уль* (Тоскуль) *тат* (Тартат);

12) Приангарье – *шет* (Тайшет), *чет* (Пиличет), *чень* (Пиничеть), *сет* (Мегет), *тым* (Кайтым), *зет* (Дзёда), *уль* (Кеуль), *лат* (Алат);

13) Сымский – *сым/сим* (Сим, ныне Сым), *чес* (Кыйчес),

14) Нижнеенисейский – *сес* (Десес), *сесь* (Дань-сесь), *сас* (Усас), *сис* (Уксис), *чес* (Дубчес), *тис* (Тис), *тес* (Тес);

15) Северо-монгольский – *тат* (Алтат), *том* (Том - три реки).

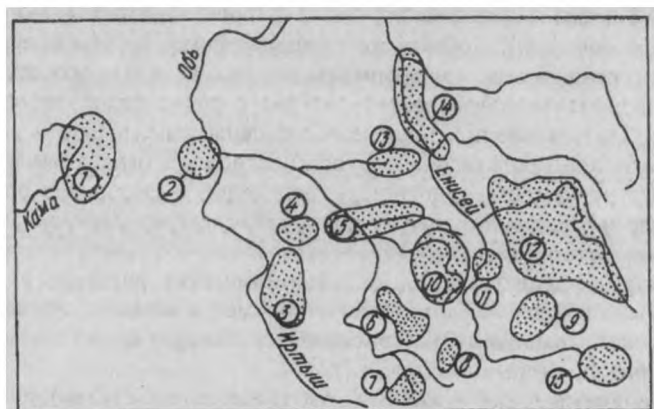

Рис. 13. Топонимические районы. Объяснение цифр в тексте

Анализ "комплектования" микрорайонов топонимами показывает, что нет строгой локализации топонимов того или иного типа на какой-то ограниченной территории. Можно только отметить какую-то более или менее определённую локализацию следующих топонимов. Топонимы с компонентам *зес*, *зас* и др. из этой группы образуют полосу, пересекающую ареал кетских топонимов с северо-запада на юго-восток – от р. Кама до Тувы (см. рис. 3). От Камы и до правобережья Енисея в районе Красноярска протягивается полоса топонимов на *-тым* (см. рис. 10). Пумпокольские топонимы на *-дат*, *-дет*, *-тат*, *-тет* тяготеют к восточной части общекетского ареала. На западе ареал пумпокольских топонимов достоверно начинается в бассейне Чулыма (приток Оби) и протягивается на юго-восток до Северной Монголии (см. рис. 4). Возможно, они распространялись на запад до междуречья Ишима и Иртыша, где русскими документами XVII в. зафиксирован гидроним Ратсидет и до сих пор сохранилось название оз. Чалдат.

Компактным является ареал предположительно кетских топонимов на *-гат*: от низовий Иртыша до правобережья Ангары. Причем любопытно, что крайние (западный и восточный) топонимы этого ареала являются тѣзками: это рр. Тангат (в прошлом так назывался Иртыш). Удалены друг от друга и тѣзки-топонимы Саргат – в левобережье Иртыша и в Туве (см. рис. 9).

Нигде, кроме как в бассейне Васюгана, не отмечены аринские гидронимы на *-урай*. Довольно компактно лежат на карте аринские же топонимы на *-зет*, *-зат*: в низовьях обских притоков Тыма и Васюгана. Топонимы на *-лат*, тоже предположительно аринского происхождения, локализуются в бассейне Васюгана и недалеко, в обском правобережье (система р. Аган).

Четырёхугольник между Ангарой и Енисеем – это господство коттских топонимов на *-четь*, *-чет*, *-шет*. Известен лишь один топоним, выбивающийся из этого ареала, – р. Четь (в недавнем прошлом – Шет) – приток Чулыма (система Оби).

Можно высказать предположение, что ареалы с компактным и насыщенным наполнением соответствующими топонимами были длительное время заняты определённой и многолюдной группой кетоязычного населения. Вместе с тем в ареалах наряду с доминирующими топонимами всегда присутствуют малочисленные топонимы, принадлежащие иным группам кетов. Так, в Ангарском микрорайоне совместно с резко преобладающими топонимами на *-шет*/*-чет*/*-чень* встречаются единичные топонимы на *-лат* (Алатка), *-зет* (Дзѣда), *-гет* (Мегет). В Омском Прииртышье вперемешку с родственными топонимами с формантами *зас/зес/сес/шис/сис* присутствуют топонимы на *-гат* (Саргат), *-тым* (Катым). В Абаканском топонимическом микрорайоне наряду с

топонимами на *-зас* (Анзас и др.) известны топонимы на *-лат* (Салат и др.), *-зат* (Муйзат-кол). На Алтае сохранились топонимы кетского (Кадзес) пумпокольского (Тюдет, Томулдат), ассанского (Козуль) типов. Полный "комплект" топонимов отмечен и в Восточносаянско-тувинском ареале: Азас, Китат, Тюгдет (Тюхтет), Тагашет, Саргат, Тес, Халыт (Халат/Салат. – А. М.).

Такие сложные комбинации из разноязычных (в объеме кетской группы языков) топонимов могут быть следствием двух причин:

- 1) различные группы кетов жили на одной территории перемежаясь;
- 2) это следствие одновременных миграций с сохранением (частичным) более ранней топонимии.

Нам представляется, что было то и другое. Сохраняя большинство в каком-то "центре" своей территории, отдельные группы кетов мигрировали к соседям или на "ничейные" территории. На периферийных ничейных территориях и могла сформироваться такая сложная топонимия, как, например, в Восточном Саяне, Туве или на Алтае.

ВОЗРАСТ ТОПОНИМОВ

Андроновская эпоха, когда, по нашему мнению, в Сибирь пришли предки кетов, отстоит от наших дней примерно на 3,5 тыс. лет. Не слишком ли велик период времени, чтобы требовать от истории сохранности не материализованного свидетельства прошлого – топонима. Среди исследователей, особенно археологов, бытует мнение о невозможности сохранения топонимов с таким возрастом. За столь длительное время ранние названия могли исчезнуть из памяти людской, особенно при неоднократной смене разноязычного населения. Тем не менее факты говорят о другом. Некоторые топонимы пережили немало языковых смен населения, но сохранились почти без изменений, облуживая и нас, хотя мы обычно не интересуемся, когда и кто создал это географическое имя. Например, ныне всех устраивает имя р. Томь, смысл которого известен лишь немногим специалистам. Русские узнали название реки у местных татар, которым передали это название селькупы. Или создатели его пумпоколы непосредственно передали русским? Об этом нет сведений.

Крупные географические объекты сохраняют свое имя длительное время. В глубокую древность уходят имена Волги, Оби, Евфрата, Днепра, Сены и др. Мелкие объекты свои названия меняют чаще, но их, мелких объектов великое множество. Поэтому имеется вероятность сохранения из "великого множества" топонимов хотя бы незначительной их доли. Каковы обстоятельства наилучшей сохранности имен малых объектов? Во-первых, непрерывное заселение территории, во-вторых, мир-

ные отношения пришлого и аборигенного населения с брачным обменом и развитым двуязычием, которое в итоге приводит к победе одного из конкурирующих языков.

Для определения возраста топонимов существует несколько методов.

Исторический метод заключается в использовании письменных источников. Это официальные документы (указы о смене названии или присвоении их новым объектам), летописи, письма на бересте, "глиняные книги" Передней Азии, наскальные и надгробные надписи и пр.

Имя горы Тепсей, величаво возвышающейся над Енисеем у впадения р. Туба, обнаружено в рунической надписи VI-VII вв.: "Счастливым на небе Тебшей, Небо...", "О, Тебшей-кичиг" и др. (Кляшторный С.Г., 1971). По мнению С.Г. Кляшторного, гора Тепсей являлась культовым местом ряда древнекыргызских родов, о чём можно судить по многообразию родовых тамг, сопровождающих надписи. По своей структуре слово *тепсей* мало напоминает тюркскую лексему – ни звукосопоставлением *ис* (в озвончённой форме *би*), ни финальной частью *ей* (*сей*). Это наводит на мысль, что это слово было заимствовано из нетюркского источника или же в состав кыргызов вошли нетюркские племена, сохранившие предания о своем первопредке. В качестве возможного, но мало доказуемого источника можно привести кетский: "собака место" (*тун* "собака", *сей* "место"). Кстати, из русских письменных источников XVII в. известно имя арина Тепсей (Боргояков М.И., 1970, с. 93).

Археологический метод заключается в возрастном сопоставлении топонимов с датированными археологическими культурами. Для кетских топонимов это сделано ранее Н.Л.Членовой (1969, 1975), которая связывала кетскую топонимию и карасукскую культуру. Подобная задача неимоверно трудная, особенно если имеются многослойные памятники. В этом случае крайне затруднительно сопоставлять группу однородных топонимов с конкретной археологической культурой. Да и однослойные памятники, то есть памятники имеющие один возраст, как правило, встречаются редко. В этом отношении нам буквально повезло. На Васюгане (памятники Тух-Эмтор и Тух-Сигат) удалось "привязать" нехантыйские топонимы к конкретной археологической культуре.

В середине II тыс. до н.э. в Васюгань в среду собирателей, охотников и рыболовов внедрилась группа людей с иным хозяйственным укладом – скотоводы, принесшие новые традиции бронзолитейного производства и орнаментации керамики. Эта традиция восходит к фёдоровскому варианту андроновской культуры эпохи развитой бронзы. На рубеже II и I тыс. до н.э. в связи с изменившимися климатическими условиями традиции скотоводства были утрачены. Все население вернулось к прежнему образу жизни – стали рыболовами, охотниками, лесными собирателями (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979). Именно с

этой разовой "инъекцией" (приход скотоводов) мы связываем появление аномалий в языке хантов и топонимии Васюганья. В языке хантов появились слова, выпадающие из финно-угорского круга (*юх* "дерево", *амп* "собака", *инк* "вода"). В топонимии Васюганья сохранились с тех времён речные названия, не раскрываемые из финно-угорских, самодийских и тюркских языков: Салат, Оглат, Томул-игай, Ингузет и др. В связи с этим нижний возраст такого рода топонимов определяется серединой II тыс. до н.э. При этом топонимы на *-лат* связаны с первой волной переселенцев (тух-эморский этап), а топонимы на *-зат/-зет* (низовые Васюгана и Тыма) и *-игай* (система Васюгана) - со второй (тух-сигатский этап, последняя треть II тыс. до н.э.).

Лингвистический метод основан на одновременности проявления некоторых закономерных изменений в языках либо на примерах со строгой датировкой заимствования лексем. Отсутствие сведений о древнем состоянии кетских языков не позволяет выявить какие-либо закономерные изменения в их развитии. Метод можно использовать в заимствованных словах, терминах и топонимах. Если в финальной части термина *банган* "родник" видеть иранский термин *ап* "вода" (см. выше), то можно сделать следующее заключение. В иранских языках смена гласного в термине *ап* на *об* произошла в VII-IX вв. н.э. Следовательно, формирование гибридного (кетско-иранского) термина в кетской среде могло произойти раньше этого времени. В другом гибридном термине *тайлон* финальный слог *лон* также предположительно является иранским. Но появление в иранских фонемы *л* относится к среднеперсидскому времени (IV в. до н.э. – VII-VIII вв. н.э.). Поэтому образование кетского термина *тайлон* относится ко времени позже IV в. до н.э. Также приближённо оценивается возраст гидронимов с тюркской определяющей частью и кетским апеллятивом: Баранзас, Баянзас, Сортынзас, Соензас (Шория). Тюркизация древнего населения Шории активно проявилась лишь в конце I тыс. н.э. Ранее на этой территории гибридные топонимы не могли возникнуть. По такому же принципу, очевидно, можно определить возраст гибридных – предположительно бурятско-кетских топонимов Верхнего Приангарья - рр. Модонкуль, Ангуул (Гурулёв С.А., 1991).

Материалы по Предуралью и особенно Васюганью позволяют "привязать" некоторые топонимы к археологической культуре, достаточно надёжно датированной (эпоха бронзы). Следовательно, имена даже сравнительно небольших географических объектов на Урале имеют столь большой возраст - 3 тыс. лет и больше. Конечно, с таким предположением трудно сразу согласиться и принять его. Но реализация предположения возможна при некоторых условиях. Длительному функционированию топонима способствует непрерывное заселение

тории при условии мирного вхождения пришельцев в среду аборигенов. В таких условиях пришельцы могли использовать прежние названия и передать их следующим поколениям и новым группам пришельцев. Могло возникнуть двуязычие, которое закрепило имя реки в бытовом пользовании людского коллектива. Цепочка эта может растянуться на длительное время. Если же мирного сосуществования пришлого населения и аборигенов не произошло, преемственность не возникла, эта цепочка разрывается. Пришлому населению приходится с нуля создавать свою топонимию. Так, в XVIII в. под давлением русских телеуты откочевали из Верхнего Приобья в горы, сосуществование и преемственность не сформировались. Поэтому здесь господствует русская топонимия, тюркская практически стёрта. Сохранились лишь названия крупных рек – Катунь, Чарыш, Чумыш, Кулунда. Дорусские названия малых и средних географических объектов сохранились лишь в редких случаях.

АДАПТАЦИЯ ТОПОНИМОВ

Использование иноязычным населением географических терминов или топонимов приводит обычно к столь сильным изменениям, что в ряде случаев становится невозможным реконструировать первоначальное их состояние.

Тюркская адаптация кетских терминов *сес/зес* "река" привела к трансформации их в *сас/зас* (Дульзон А.П.). Подтверждается это и диахроническим сопоставлением топонимов. На ранних картах Кузбасса приток Томи назван Арзес, на современных – Арзас. Использование тюрками кетских (енисейских) топонимов привело к изменению их звучания. Так, в языке чулымских тюрков вместо древнетюркского *ч* используется *с* (мелетский говор), *ш* (тутальский говор), *ц'* (нижнечулымский говор, включая кюзэрикское наречие). Поэтому гидронимы Шулдат и Чулдат следует считать тождественными. А.П.Дульзон реконструирует пумпокольское слово **ц'ул*, которое у чулымских тюрков могло звучать как *ц'ул*, *шул*, *сул*, а название реки произноситься Ц'улдат, Шулдат, Сулдат. В русском языке звука *ц'* нет, он заменяется звуком *ч'*, поэтому нам известны только варианты Шулдат и Чулдат. Звучание имени р. Чулдат, притока р. Четь, усвоено русскими в кюзэрюкском ареале, где функционирует *ц'* (в русской адаптации *ч*). А имя реки, которая впадает в Чулым выше Ачинска в кызыльском ареале, имеет начальное *ш* – Шулдат.

Значительные затруднения в изучении топонимов вызывают адаптационные искажения. В одних случаях они незначительны: приток Башкауса Комулдат ныне называется Коволдуд. Однако нередко ино-

язычная адаптация приводит к столь значительному искажению топонима, что изначальное его звучание практически нельзя восстановить, если только нет промежуточной информации. Так, в бассейне Телецкого озера имеется гидроним Тотудоу, семантика которого не известна алтайцам и не выводится из других языков. В отчете ботаника В.И.Верещагина за 1905 г. о посещении Прителецкого района эта река названа Туудай. На топографической карте, составленной более 150 лет назад (карта хранится в фондах библиотеки Томского университета) имя реки – Тогулдай. В нём уже усматривается кетский топоним (Тогул) с монгольским (?) приращением.

В ряде случаев искажение топонима по созвучию приводит к полной потере прежнего смысла. Так, на севере Кемеровской области ныне известна р. Лебёдка (от слова "лебедь"), впадающая справа в р. Бериккуль. В прошлом веке река носила пумпокольское название Альбедет. Если бы не ранние топографические карты вряд ли удалось реконструировать истинную форму имени реки. Несомненно, таких бесследно утраченных топонимов великое множество. Это затрудняет выяснение многих сторон кетской проблемы, но предоставляет полную свободу в выборе версий и просто домыслов. Тем не менее, нами в ряде случаев реконструируется истинно изначальная или более ранняя форма топонима, и мы вводим такие адаптированные топонимы в круг кетских. Так, нами топонимы Хам-Дыт, Коволдут, Дондыт, Котета включаются в число кетских (енисейских).

ПОИСКИ РОДСТВА

Наша парадигма об исходе далёких предков кетов из Передней Азии и о том, что кеты не являются потомками аборигенного палеоазиатского населения Сибири не нова. Сходную точку зрения некоторые исследователи высказывали и ранее. Вот несколько примеров.

Южные корни кетов (енисейцев) усматривались в их языке и в ряде культурно-исторических фактов. Вяч.Вс.Иванов и В.Н.Топоров (1964) специально рассмотрели этот вопрос и пришли к выводу о том, что внедрение кетов (в широком понимании этнонима) в циркумполярную культуру произошло сравнительно поздно. Изначально они входили в южную (южноазиатскую) культурную область. Об этом свидетельствует, по мнению авторов, сходство кетских шашек с шашками из Мохенджо-Даро, южноазиатские параллели кетскому шаманизму и шаманским песням, мотив мирового дерева.

Б.О. Долгих (1934, с. 129) ссылаясь на то, что кеты болеют цингой, высказал предположение о их более южном в прошлом местоположении, так как коренные народы Севера цинги не знают (за исключением случаев крайнего истощения от голода).

Нами южное происхождение кетов предполагается в основном по языковым и топонимическим данным. Однако, чтобы проверить эту версию, были использованы и палеогеографические, археологические, палеоантропологические и дополнительные лингвистические материалы для обширной территории от Северной Африки до Дальнего Востока. Но в первую очередь была сделана попытка найти предков кетов в Передней Азии.

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ПРЕДКИ КЕТОВ

Археология. Наиболее известна кура-аракская культура закавказского энеолита (III тыс. до н. э.). Характерным признаком культуры является керамика с чёрнолощёной внешней поверхностью и розовой внутренней. Орнамент растительного типа выполнен техникой углублённого рельефа.

Кура-аракская культура типологически тяготеет к культурам Малой Азии, а не Месопотамии. Центр её сложения - район Элягыза-Малатья в Восточной Анатолии (Массон В.М., 1964, с. 235). На севере культура достигает западных районов Имеретии и северных горных районов Дагестана. На юге памятники кура-аракской культуры известны в Северной Сирии и Палестине, знаменуя собой, по словам Г. Чайлда (1956, с. 331), варварскую агрессию кура-араксинцев против местных жителей - носителей хирбет-керакской культуры (III тыс. до н.э.). Кура-араксинцы оказали культурное влияние и на народы Северного Кавказа. Местное население этой территории с V тыс. до н.э. изготавливало грубую керамику. В III тыс. до н.э. там появилась новая керамическая традиция, пришедшая с юга. Для неё характерна лощёная керамика, типичная для кура-араксинцев, но не чёрная с поверхности, а светлая и имеющая рельефный орнамент. Да и орнамент изменился. Он стал не столь пышным, приобрёл схематичность. Связь пришедшей традиции с кура-араксинцами у исследователей не вызывает сомнений. Однако высказывается осторожное мнение, что эта керамика была лишь "варварским" подражанием классической кура-аракской на периферии ареала культуры. А.Г. Козинцев (1974, с. 206) приводит мнение В.Г. Котовича, предполагавшего передвижение какой-то многочисленной группы кура-араксинцев из Закавказья на территорию нынешнего Дагестана и Чечено-Ингушетии.

В Прикубанье отмечается поразительно сходная картина. С территории Закавказья сюда пришли племена с теми же традициями изготовления керамики и ее орнаментации. Как и в Дагестане, здесь отмечено ко II тыс. до н.э. затухание пришедших традиций и возврат к прежним, неолитическим. А.Г. Козинцев отмечает (с. 208), что ни во II тыс. до н.э., ни позже "...мы не обнаруживаем такого параллелизма в развитии культуры Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа, как в III тыс. до н.э.". Из этого с очевидностью явствует, что пришельцы из Закавказья и Малой Азии появились на Северном Кавказе ранее II тыс. до н.э. Б.В. Техов (1977) отмечает, что устойчивые контакты Кавказа со странами Передней Азии продолжались и в середине и во второй половине II тыс. до н.э.

Итак, в III тыс. до н.э. на Северный Кавказ из Закавказья пришли племена, которые принесли традицию изготовления лощёной керамики, но во II тыс. до н.э. эта традиция исчезла. Почему? Вследствие культурной ассимиляции аборигенным населением? Или вследствие ухода значительной части пришельцев?

Палеоантропология. Мезолитическое население Палестины (натуфийская культура), по данным Г.Ф. Дебеца (1959 с. 359), сочетало негроидные признаки (прогнатизм, широкий нос) с европеоидными (значительное выступание носовых костей). Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин

(1978) подробнее характеризуют физический тип натуфийцев из пещер Кармел и Шукба: их черепа длинные, большого диаметра, лицо широкое и низкое, прогнатизм, особенно альвеолярный хорошо выражен, носовые косточки невысокие, образуют широкую низкую дугу. Этот тип близок к палеоевропейскому (кроманьонскому), который при явных чертах южной расы был, несомненно, европеоидным. Кроманьонцы были долихокранными (длинноголовыми) с широким и низким лицом и низкими глазницами.

В неолите предгорные районы Имеретии заселяли матуризованные типы с массивным черепом и огромной шириной лица.

Более поздние серии представлены иным типом.

На южном побережье Черного моря при археологических раскопках у с. Алишар (IV-II тыс. до н.э.) близ древней столицы государства хатов (ныне Богаз-кей) были найдены черепа, которые, возможно, принадлежали хаттам. Из 18 черепов восемь брахикранных (круглых) с небольшой высотой мозговой коробки. Их можно считать арменоидными, имея в виду своеобразную древнюю форму этого типа, отличную от современной. Остальные черепа долихокранные, с высоким и узким лицом и резко выступающим нешироким носом.

Кура-араксинцы Армении в III тыс. до н.э. отличались неоднородностью своего физического типа. Одни были исключительно длинноголовыми, со средней или низкой высотой черепной коробки. Ширина лица более средней, для европеоидов её можно считать даже большой. Вертикальный профиль ортогнатный, хотя есть и мезогнатные. Нос узкий, сильно выступающий, орбиты низкие. Вторым компонентом населения этого региона были кроманьоноподобные палеоевропеоиды с широким и низким лицом. Примечательно сравнение В.П.Алексеева (1972, с. 236): "Андроновцы были очень носаты, а лица их, почти без скул, с широко открытыми глазами, возможно, напоминали лица кавказцев".

В энеолите и эпоху бронзы население Дагестана имело длинноголовый, узко- и высоколицый тип с резко профилированным лицом (Гаджиев А.Г., 1975). Его подосновой был кура-аракский тип, пришлый из Закавказья или Передней Азии (Бунак В.В., 1953). В это время в развитии населения Дагестана (археологическом и антропологическом) была явная преемственность, нарушенная в фазу средней бронзы приходом в равнинную часть носителей катакомбной культуры.

Такое разнообразие физических типов населения Закавказья и Малой Азии вызвало и неравнозначные объяснения (см. подробно: Козинцев А.Г., 1974, с. 198 и др.).

В.П.Алексеев (1974б) пришёл к выводу о том, что с древнейших времён население Кавказа принадлежало к тому же матуризованному

широколищному типу, что и население Восточной Европы и Скандинавии. Этот тип населения Кавказа им назван *кавказионским*. Другой тип - длинноголовый и узколищный (*каспийский*) - проник на территорию Северного Кавказа с юга - из Закавказья или Передней Азии (Бунак В.В., 1953). Дагестан не входил в зону формирования каспийской популяции. Третья группа населения Кавказа - *понтийская* - распространена на Северо-Западном Кавказе. Представители группы сходны с "каспийцами", отличаясь только более высоким процентом светлых глаз и большей длиной тела (Козинцев А.Г., 1974). Можно считать, что с юга пришли племена понтийского физического типа - по черноморскому побережью Кавказа (это предки адыго-абхазской группы), каспийского физического типа - по каспийскому побережью (нахско-дагестанские группы). Соединившись на Северном Кавказе, обе миграционные группы фактически вытеснили аборигенов-кавказионцев в горы, где их потомки, ныне разноязычные, живут до сих пор (все горные народы Центрального Кавказа - карачаевцы, балкарцы, осетины, западнодагестанские группы и горцы Грузии).

Языки. На каких языках говорили пришельцы из Закавказья и аборигены Кавказа в III тыс. до н. э.?

Исторически известны следующие народы, проживавшие в те далёкие времена в Малой Азии и Закавказье и которые потенциально могли быть мигрантами на Северный Кавказ. В Малой Азии - это каски, хатты, на Иранском нагорье - хурриты и урарту. Этническая принадлежность кура-араксинцев неизвестна, но можно предполагать, что это были исторические кутии (гутии), обитавшие в бассейне верхнего течения рр. Верхн. Заб и Нижн. Заб, к юго-западу от оз. Урмия. Их потомками были утии - жители Кавказской Албании (восточная часть современного Азербайджана), сохранившиеся в составе лезгин под именем уди (удины). И.М.Дьяконов (1967) допускал родство языка кутиев с нахско-дагестанскими. Однако Играр Алиев и М.Н. Погребова (1981, с. 131) напоминают, что родство кавказских языков и языка носителей кура-аракской культуры не доказано.

В языковом отношении упомянутые народы включены в неиндоевропейскую языковую группу, получившую от Фр. Гоммеля название алародийской. Родство неиндоевропейских языков Малой Азии с северокавказскими сейчас, пожалуй, не вызывает сомнений. С.А. Старостин (1985) вполне определенно высказывался по этому поводу: хаттский близок к абхазо-адыгским, хуррито-урартские - к нахско-дагестанским. Это говорит о том, что разделение северокавказских языков произошло еще на юге, до миграции на Северный Кавказ.

Известны языковые соответствия хаттского языка с западнокавказскими (Иванов Вяч. Вс., 1985):

хатт. *le* - адыг. *лы* "мясо",
хатт. *p-inu* "сын" - адыг. *быны* "ребёнок",
хатт. *šak-(tu)* "гора" – убых. *šaq* "верх холма",
хатт. *wa-šti* "лиса" – каб. *баже*, убых. *baž'a* "лиса",
хатт. *ziher* "строительный лес", "дерево" – адыг. *чыгы*, каб. *жыг*
"дерево",
хатт. *ku-zzan* "очаг" – убых. *može* "огонь",
хатт. *zuh* "одежда" – адыг. *цыгъын* "одежда",
хатт. *arinna* "источник" – удин. *орэнн* "источник",
хатт. *wašhab* "боги" – хурр., урарту *eše* "бог" - адыг. *уашхъо* (*wašho*)
"небесный свод, бог", кабард. *уашхъуэ* "вышина неба, небесная синева",
убых. *wašh^oa* "гром и молния, бог". По-видимому, это слово было об-
щепереднеазиатским, так как оно встречается и в языке этрусков – *ais*,
eis "бог"; возможно заимствование из хаттского или родственного ему
(Георгиев В., 1954). Античная традиция выводила этрусков из Малой
Азии. А.Кондратов (1977) предполагал участие тирренов, выходцев из
Малой Азии, в формировании этрусков. По мнению Вяч. Вс. Иванова
(1988), этрусский язык – это язык троянцев и принадлежал к ареалу
языков Востока, в который входили северокавказский и хуррито-
урартский. В качестве примера вероятного родства языков Вяч. Вс.
Иванов приводит термин "отец" в этих языках: этр. ара - табас. *aba*,
абх. *ab*, абаз. *aba* - енис. (кет.) *ob*. Правда, пример этот не корректный,
так как слова со значением "отец" являются лепетными и не могут быть
показательными при определении родства языков.

Известны восточнокавказские и хуррито-урартские параллели:
хурр. *asti* "женщина" – чеч. *истиу* "женщина",
хурр. *dagi* "красивый" – адыг., кабард. *дахэ* "красивый",
урарту *arše* "мальчик" – дарг. *w-arši*, лак. *ars*, авар. *waš* "сын".

КАВКАЗ – КАК ПРОМЕЖУТОЧНАЯ РОДИНА КЕТОВ (археологические данные)

У енисейцев столь много языковых сходжений с северными кавказ-
цами, что сейчас, пожалуй, не найдется исследователя, который бы не
признавал их родство. Очевидно, первым, кто обратил внимание на кет-
ско-кавказские языковые соответствия, в основном лексические, был
Г.Тромбетти – в 1902 г. Позже к идее родства этих языков присоеди-
нились К. Бода, Н. Хольмер, Т.Г. Тайер, А.П. Дульзон, Б.А. Успенский,
Е.А. Крейнович, И.О. Гецадзе, Вяч. Вс. Иванов, Е.А. Хелимский,
С.А. Старостин и др. Если первые исследователи оперировали словар-
ным материалом, то позже сходжения были установлены и на уровне
грамматики, синтаксиса, морфологии, фонологии. При этом отмечена

слабая связь енисейских языков с картвельскими (южнокавказскими), а с группой северокавказских кетские языки имеют неравные, избирательные соответствия. Так, по классным показателям они сближаются с дагестанскими (Дульзон А.П., 1968), а по наличию местоименных притяжательных приставок, глагольных словоформ – с адыго-абхазскими (Поленова Г.Т., 1995).

Каковы же археологические материалы? Позволяют ли они выявить предполагаемую нами физическую связь кавказцев с носителями андроновской культуры?

Попытаемся решить эту проблему в инверсионном порядке – удаляясь в глубь веков, чтобы в обратном направлении проследить развитие северокавказских народов и найти место предкам кетов в ней.

В скифскую эпоху здесь наиболее известной была *кобанская* культура (VII-VI вв. до н. э.), ареал которой охватывал верховья Терека и Кумы. Для неё были характерны грунтовые могильники и каменные ящики небольших размеров с перекрытиями. Каменные ящики, типичные погребальные сооружения раннего этапа кубанской культуры, имеют свои прототипы в местной среде с начала II тыс. до н. э. Характерные черты погребального обряда: одиночные захоронения, не сильно скорченное положение, чаще на правом боку, редко на левом, невыдержанность ориентировки и отсутствие над каменным ящиком каких-либо надмогильных сооружений. В позднекобанское время, судя по раскопкам памятника Уллубаганалы в 18 км к западу от Кисловодска, могильники были грунтовыми, также без каких-либо надмогильных сооружений. Могилы были мелкие – до 1 м, нередко всего лишь 0,5-0,7 м от уровня современной поверхности. Конструкция могильных сооружений разнообразна: грунтовые могилы, каменные ящики из четырёх вертикально поставленных плит, каменные гробницы, стены которых сложены горизонтальными рядами плит. Каменные ящики имели более крупные размеры, нежели в раннекобанское время. Погребения одиночные, положение скорченное, чаще всего на правом боку, реже на левом. Могилы забрасывались камнями либо закладывались плитами. Реконструкция по черепам показала, что женщины имели местный кавказский облик, а мужчины были типичными пришельцами-степняками (Ковалевская В.Б., 1984).

Своим корнями кобанская культура уходит в эпоху бронзы и обязана дальнейшему совершенствованию культурных традиций середины второй половины II тыс. до н. э. (Крупнов Е.И., 1960).

Памятники второй половины II тыс. до н. э. изучены Б.В.Теховым на территории Северной Осетии. В его книге (Техов Б.В., 1977) приведены материалы по Тлийскому могильнику Центрального Кавказа (Южная Осетия, с. Тли в верховьях р. Бол. Лиахви). Под каменными

насыпями были обнаружены могилы с одиночными и парными захоронениями. Умершие лежали на правом боку, сильно скорченные, головой почти всегда на север. На руках многих погребённых были надеты бронзовые браслеты, на ногах – кольца из толстого металлического прута. Сопровождающий инвентарь - металлические предметы, оружие, посуда и украшения. Глиняная посуда редка и представлена чёрнолощенной керамикой. Найдены также орнаментированные бронзовые топоры оригинальной формы. Топоры с обушком в виде гребня, лезвие овальной формы, слегка оттянутое в одну сторону (в сторону топорича?). Топоры найдены в погребениях. Топоры двусторонне изогнутые либо прямые, с высоким клинообразным или прямоугольным в сечении обушком и овальной проушиной. Характерна овальная либо (реже) полукруглая лопасть лезвия. Нижняя треть топора покрыта различным орнаментом – елочкой, изображениями рыб, змей, зверей, а также геометрическим в виде меандр, аналогичным орнаменту на андроновской посуде (Техов Б.В., 1977, рис. 74, 75). Возраст памятника XIII-XIV вв. (Техов Б.В., 1965), что соответствует возрасту андроновской общности. В погребении 114 найден бронзовый топор с клиновидным обушком и полукруглым лезвием (колхидский тип топора). Но в уральских и сибирских андроновских памятниках такие топоры не найдены. Правда, в работе Е.Е.Кузьминой (1986, рис. 25) имеется рисунок андроновского топора, отдаленно напоминающего кавказский топор. Топор слегка изогнут, не орнаментирован, но у него такое же овальное лезвие и высокий обушок грибообразной формы. К сожалению, артефакт не имеет привязки. На Кавказе был найден бронзовый топор с аналогичным грибообразным обушком (Иессен А.А., 1951). Б.В.Техов отметил, что бронзовые орнаментированные топоры являют собой образец классических кобанских топоров.

Археология Северного Кавказа (Осетия) в докобанское время описана Е.И.Крупновым (1951).

Середина II тыс. до н. э. – равнины и предгорья Сев. Кавказа, начиная от Прикубанья и до западных границ равнинного Дагестана, занимала северокавказская культура (рис. 14), характеристику которой мы даём по статье В.И.Марковина (1959). Носители культуры занимались пастушеским скотоводством и земледелием. Создавали курганные (в степной и равнинной части) и грунтовые могильники (в горах). Костяки лежат в вытянутом положении, голова на восток или запад. Сопровождающий инвентарь - керамика, камень, металлические изделия. Сосуды открытой формы с отогнутым венчиком, орнаментированы ёлочным узором и налепами, затем появляется веревочная орнаментация, дополняемая оттисками спиральки, треугольного штампа. Около 1500 г. до н.э. проис-

ходил интенсивный приток населения катакомбной культуры. Расцвет культуры отмечается в середине II тыс. до н. э.

Западная часть Предкавказья была занята *майкопской* культурой. Следует обратить внимание на обряд захоронения. При захоронениях широко применялся камень. Могильная яма окружалась кольцом из камней, в горах могильная яма обставлялась каменными плитами. Дно ямы покрывалось слоем камней или гальки. Костяк лежит в скорченном положении головой на юг. Обильна посыпка покойного и могилы охрой. Над могилой сооружался курган. Майкопцы металлические изделия получали со стороны, из Передней Азии. Кроме майкопцев часть Ставрополя (севернее Пятигорска), Северной Осетии, Чечено-Ингушетии была занята другими, пока слабо изученными (мнение В.И. Марковина, 1959) племенами (поздний энеолит). Эти культуры более или менее близки к так называемому кура-араксинскому энеолиту. Они оказывали влияние на северокавказскую культуру.

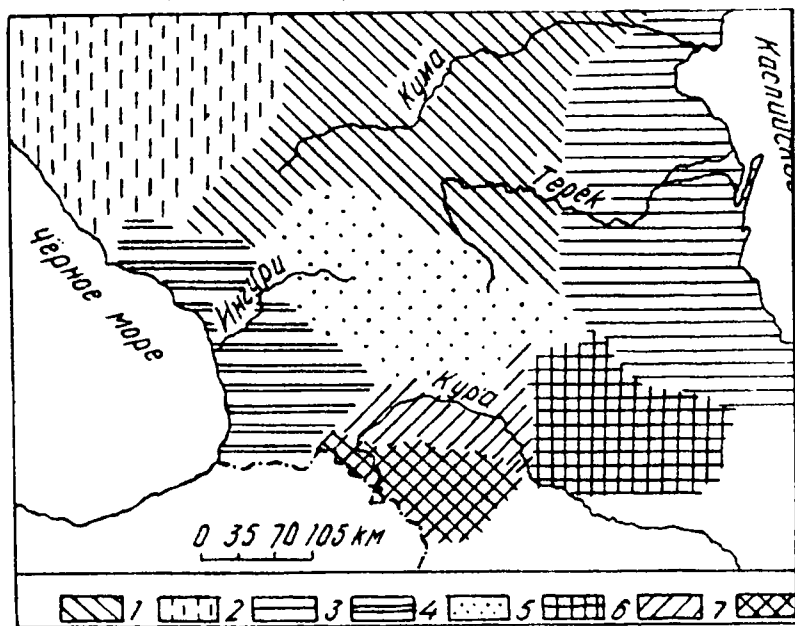

Рис. 14. Археологические культуры Северного Кавказа (Техов Б.В., 1965):

- 1 - северокавказская; 2 - прикубанская; 3 - каякентско-хорочевская; 4 - колхидская;
5 - центральнокавказская (кобанская); 6 - восточнокавказская; 7 - самтаврская
(внутрикартлийская); 8 - триалетская

Горные районы Кавказа, в том числе и Северной Осетии, "...были уже заселены племенами, живущими своей, довольно интенсивной жизнью и имевшими связь с передовыми народами Закавказья и даже Передней Азии...". По раскопкам могильника Верхняя Рухта изучена керамика. Сосуды слабо лощёные чёрного и красноватого цвета. Орнамент в виде глубоких треугольников, расположенных рядами. Орнаментом покрывалась только часть тулова, по которому широкими полосами были нанесены ряды треугольников. Наносили орнамент палочкой – штампом.

Первая половина II тыс. до н. э. – могилы – почти квадратные каменные ящики, сильная скорченность костяков, умещавшихся в ящиках размером 0,6 на 0,7 м, руки опущены к тазу, а не подняты к голове, что косвенно свидетельствует об архаичности погребального обряда.

Рубеж III-II тыс. до н. э. - Моздокский курган 10, 1936 г. В центре кургана деревянный сруб, в котором на галечнике находился костяк на спине, головой на северо-восток, с раздвинутыми ногами, слегка согнутыми в коленях. Сопроводительный инвентарь – только кости барана.

Энеолит. Важнейшим событием этого времени в Закавказье было формирование кура-аракской культуры на междуречье Куры и Аракса с дальнейшим распространением её культурного влияния на территорию Передней Азии (Турция, Иран, Сирия, Палестина), Северный Кавказ (Дагестан, Северная Осетия, Чечня). Это были оседлые скотоводческо-земледельческие племена, знающие металлургию (медь, мышьяковистая бронза), рыболовство (Иесен А.А., 1963; Пиотровский Б.Б., 1949). Ярких сходжений в археологии кура-аракской и андроновской культур нет.

Итак, краткий обзор истории Северного Кавказа и Предкавказья не даёт ясных указаний на родство населения этого региона с андроновцами-Фёдоровцами и, следовательно, на пребывание предков кетов в этих местах.

В Центральной части Северного Предкавказья нет явных археологических доказательств прихода сюда в эпоху бронзы населения из Передней Азии. Можно выискать лишь некоторые андроновские элементы. Это и типично андроновский ломаный меандровый декор на топорах Северной Осетии (рис. 15, 2), бронзовый топор без орнамента с грибовидным обушком и дугообразным лезвием (рис. 16). Единственный экземпляр такого топора из андроновского памятника опубликовала Е.Е.Кузьмина (1986, рис. 25). Орнамент в виде треугольников на керамике северокавказской культуры может служить предвестником андроновских орнаментальных композиций с участием треугольников. Скорченное положение костяков также сближает культуры Северного Кавказа с культурами андроновского круга. Любопытно отметить, что в Передней Азии в начале II тыс. до н. э. касситы хоронили своих сородичей

в скорченном положении и с чашей у головы, что повторяет андроновская традиция. Особенно близки к андроновцам по обряду захоронения носители майкопской культуры. Они также строили курганы из камня, могильные ямы окружали кольцом из камней, покойников укладывали в каменные ящики (в горах) в скорченном положении (Смирнов К.Ф., 1951). Некоторые элементы андроновской керамики прослеживаются и в энеолите Закавказья. Особенно показателен в этом отношении памятник Шенгавит в Армении (кура-аракская культура). Керамика была украшена резным орнаментом, сходным с орнаментом андроновской культуры: ломаные меандры, ромбы, треугольники (рис. 15, А). По мнению Р.М.Мунчаева (1975, с. 191), носители кура-аракской культуры проникли на Северный Кавказ (Чечня, Ингушетия, Дагестан) из пограничных районов Грузии через перевалы в начале - первой половине III тыс. до н.э.

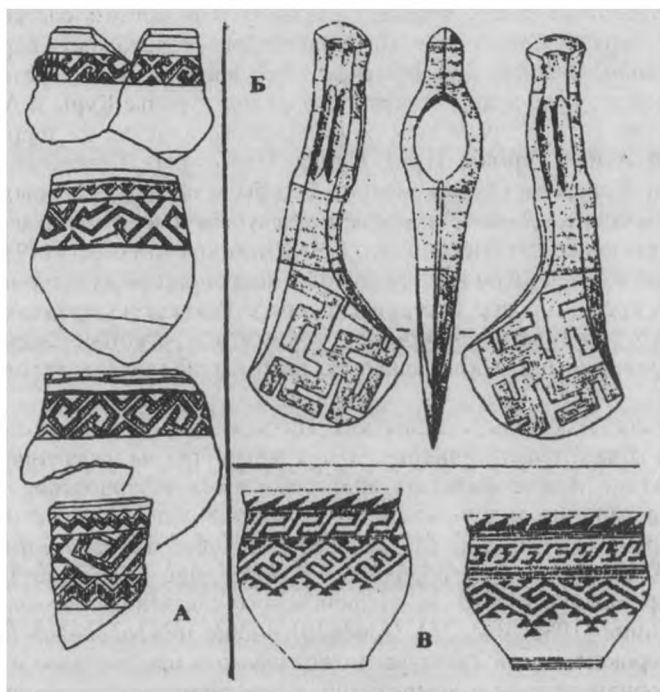

Рис. 15. Геометрический орнамент: А – керамика с поселения Шенгавит (Мунчаев Р.М., 1975); Б – кавказские топоры (Техов Б.В., 1977, рис. 73); В – федоровские сосуды (Кузьмина Е.Е., 1986, рис. 18)

Однако ярких и безусловных параллелей между археологией Северного Кавказа (эпоха бронзы и энеолит) и урало-сибирской археологией этого времени всё-таки мы не нашли. Если же опираться на приведенные материалы, то предпочтительным маршрутом из Передней Азии на Кавказ следует признать западный – по берегу Чёрного моря. Майкопская культура в части устройства могильников здесь весьма близка к андроновской.

Эпоха бронзы для Кавказа (II тыс. до н. э.) по имеющимся материалам представляется какой-то неоднородной по уровню развития материальной культуры. На Центральном Кавказе (Южная Осетия) местное население изготавливало удивительно изящные, богато орнаментированные бронзовые изделия и художественно оформленную керамическую посуду. На Северном Кавказе бронзовые изделия и особенно керамика северокавказской культуры поражают своей примитивностью.

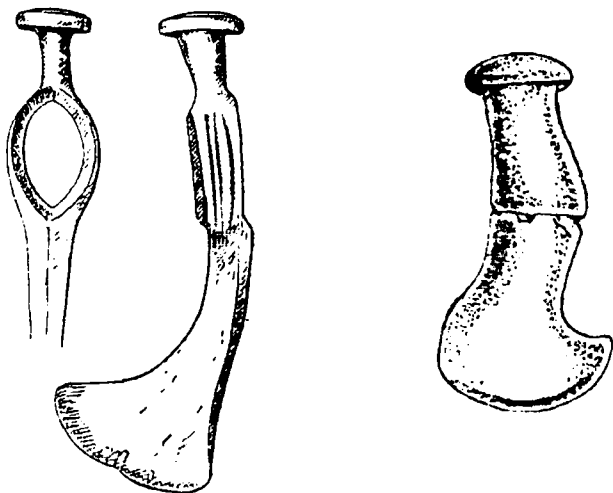

Рис. 16. Топоры с грибовидным обушком. Слева - бронзовый колхидский топор (Иессен А.А., 1957, рис. 42) и справа - каменный андроновский топор (Кузьмина Е.Е., 1986, рис. 25)

Хотя преемственность: северные кавказцы эпохи бронзы → фёдоровцы по археологическим материалам явно и безупречно не доказывается, всё же нельзя отказывать этой версии в существовании. История знает немало примеров, когда какие-то группы выходят на историческую арену неожиданно и заявляют о себе как о вполне сложившемся этносе. При этом корни этих этносов бывают неизвестны. Так, арийцы

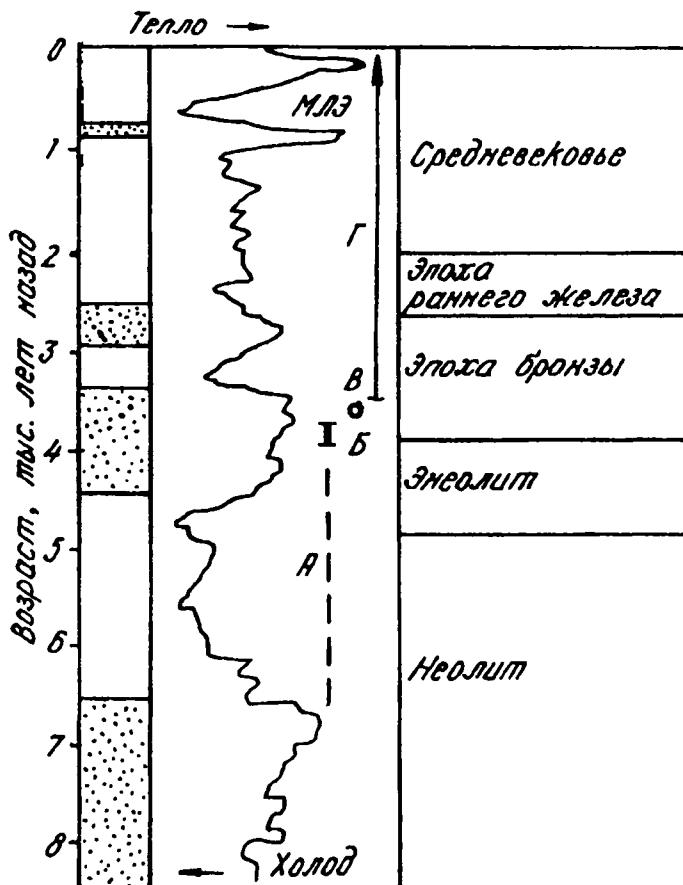

Рис. 17. Кеты и их предки в климато-хронологическом аспекте: А – переднеазиатский период; Б – кавказский период; В – стационарование на Урале; Г – сибирский период. МЛЭ – Малая ледниковая эпоха, точками показаны тёплые эпохи. Изотопно-кислородная кривая $\delta^{18}\text{O}$ (по: Котляков и др., 1989)

(индоиранцы) засвидетельствованы как давние пришельцы в Передней и Южной Азии. Однако их генетические корни и пути миграции на указанные территории до сих пор достоверно не выявлены, и эта проблема вызывает бурные споры в мире науки. То же можно сказать и о тюрках,

прародина и исторические корни которых не известны. Поэтому не будем требовать и от далёких предков кетов (енисейцев) надёжной информации об их миграционном пути от Кавказа до Южного Урала.

Если же вернуться к вопросу о причинах миграции предков кетов с Северного Кавказа на Южный Урал и далее в Сибирь, то, возможно, это было ухудшение климата. Пребывание их на Кавказе (примерно 4 тыс. лет назад) совпало с климатическим оптимумом (рис. 17). Но 3,5 тыс. лет назад началось глобальное похолодание, которое вызвало изменения в природной среде, отрицательно сказавшиеся на занятиях скотоводством. Это в свою очередь вызвало относительный избыток населения, часть которого была вынуждена мигрировать на новые территории. Выбран был восточный маршрут - на Урал и далее в Сибирь, которые в то время были менее заселены чем Предкавказье.

АНДРОНОВЦЫ КАК ПРЕДКИ КЕТОВ

Парадигма, вынесенная в название главы, является программным направлением в решении проблемы поисков прямых предков кетов. От степени доказанности парадигмы решается достоверность предложенной версии.

АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

В 1914 г. при прокладке железной дороги Ачинск – Минусинск у дер. Андропова были обнаружены древние могилы. Могильник находился в 4 км от деревни у железнодорожного моста через р. Серж на второй террасе, где линия переходит с левобережья на правобережье. Три могилы были раскопаны А.Я.Тугариновым (1926)¹, сотрудником Красноярского музея, орнитологом по профессии, который совершал в Ачинском уезде экскурсию. На поверхности могилы отмечены круглыми каменными оградками, едва выступающими. В центре оградки были обнаружены четырехугольные могильные ямы глубиной до 3 м. В одной из могил находился каменный ящик, в двух других по дну были уложены рамы из брёвен, не скрепленных между собой. В каждой могиле на левом боку лежал скорченный скелет, обращенный головой на юго-запад. В головах двух погребённых стояло по горшку, богато украшенному геометрическим орнаментом.

Спустя 10 лет, в 1924 г., молодой археолог С.А.Теплоухов на заседании Русского музея в Петрограде сделал доклад о своих археологических исследованиях в Южной Сибири и о новой культуре, названной им андроновской по месту раскопок. В 1927 г. была опубликована работа докладчика "Древние погребения в Минусинском крае".

¹ Э.Б.Вадецкая (1986) приоритет открытия памятников отдаёт директору Красноярского музея А.П.Ермолаеву и относит это событие к 1913 г., когда А.П.Ермолаев раскопал несколько могил на левом берегу Енисея у с. Батени. По её сведениям, раскопки в 1914 г. у дер. Андропова проводил также А.П.Ермолаев.

Так начиналась андроновская "эпопея". Шли годы, интерес археологов к этой культуре не иссякал. Когорта учёных, фамилии которых трудно и перечислить, изучала памятники культуры (поселения, могильники, клады, наскальные рисунки) на территории от Заволжья до Среднего Енисея и от границ тайги до предгорий Тянь-Шаня. Накапливался материал, уточнялись региональные особенности культуры. Постепенно выявилась неоднородность и даже разноэтничность её, что позволило выделить в составе культуры местные варианты, которые позднее решено квалифицировать как самостоятельные культуры. В 70-80-х гг. термин "андроновская культура" вышел из употребления. Он был заменён понятием "андроновская культурная общность". Нам особенно импонирует предложенный А.В.Матвеевым (1995) вариант именованья – "культуры андроновской семьи".

В итоге в составе андроновской общности были выделены культуры фёдоровская и алакульская. Фёдоровская культура занимала бассейн Исети, среднее течение рр. Тобол и Ишим, верхнее течение Иртыша (примерно от Павлодара до Зайсана), Верхнее Приобье и средний Енисей на востоке. На севере её ареал граничил с лесной зоной, на юге со степями Казахстана (рис. 18). Отдельные группы фёдоровцев доходили до Киргизии и Памира (Кузьмина Е.Е. 1986; Ткачёва Н.А., Винокурова Е.И., 1995). Алакульская культура занимала степную территорию южнее андроновской. Отдельные её группы достигали предгорий Алтая (Кирюшин Ю.Ф., 1989; Хабарова С.В., 1994). Но на Енисее алакульских памятников нет (Максименков Г.А., 1978). Смешанного – алакульско-фёдоровского - типа кожумбердинская культура выделена на территории Западного Казахстана (Кузьмина Е.Е., 1986). На западе андроновцы контактировали с носителями срубной культуры (Смирнов К.Ф., 1964).

Характеристика культур. Описанию памятников культур андроновской общности посвящена огромная литература. Ниже мы рассмотрим лишь основные особенности их, не вдаваясь в спорные вопросы, которых осталось немало.

Алакульская культура. Ранний этап культуры – *петровский* (XVII-XVI вв. до н.э.) – сформировался на основе раннебронзовых комплексов. Распространены памятники алакульской культуры в степной и лесостепной зонах Западной Сибири, в основном в бассейнах Ишима и Тобола. Северной границей распространения культуры является граница леса. Южные границы очень неопределённые, так как алакульцы со своими стадами уходили далеко на юг, почти до Арала и Балхаша. Жили алакульцы в небольших примерно в 10 домов, посёлках на мысах низких террас или на возвышенных местах в пределах поймы. Дома располагались в один ряд вдоль реки. Жилища имели столбовую конструкцию и представляли собой небольшие землянки, углубленные в

грунт на 0,4-0,9 м. Они имели прямоугольную или близкую к квадратной форму и площадь в 100 м². Очаги в виде кострищ на полу или в неглубоких ямах, реже в форме небольших выкладок из кирпичиков или камней находились обычно в одной половине жилищ.

Антропологический тип алакульцев хорошо изучен по многим памятникам. Представительны черепа с памятника Тасты-Бутак (Актюбинская обл.). Черепа мужчин имеют большую длину (198,2 мм) при малой ширине (133,5 мм) мозговой коробки со значительно выступающим затылком. Черепа небольшие, грацильные. Лоб мало- и средненаклонный со среднеразвитым надпереносьем. Высота лица (66,5 мм) и скуловая ширина (129 мм) небольшие, по вертикальному профилю лицо на грани мезо- и ортогнатии. Выступление лица в горизонтальной плоскости значительное. Глазницы невысокие, выступание носа значительное. Клыковые ямки среднеуглублённые. По мнению исследователей, это средиземноморская раса европеоидного ствола. Отмечается близость алакульцев к носителям срубной культуры. Однако небольшая высота лица не свойственна восточной ветви средиземноморской расы.

Хоронили алакульцы своих сородичей под небольшими уплощёнными курганными насыпями, которые создавались путем многократных подсыпок. Вокруг центрального погребения последующие располагались кольцеобразно. На дне могильных ям устраивались вдоль стен обкладки из брёвен в 1-2 ряда или плах. Иногда вместо дерева использовали камень – из него делали обкладку в несколько рядов или ямы обставлялись каменными плитами. Могила закрывалась бревенчатым настилом, над которым сооружался невысокий – 0,5 м – земляной курган. (Сальников К.В., 1951; Е.Е.Кузьмина, 1986). Умершие укладывались преимущественно на левый бок, скорченно, со слегка согнутыми руками и с кистями перед лицом. Погребальный инвентарь обязательно включал глиняные сосуды у головы, реже в ногах. Часть сосудов помещалась на краю могильных ям. Кроме сосудов в захоронениях встречались украшения, редко – орудия труда. Традиционными были жертвоприношения черепа и ног овцы, коровы, лошади, собаки.

Алакульцы занимались пастушеским скотоводством. В их стадах было 74-77% крупного рогатого скота, 11-33% мелкого и 4-18% лошадей. Однако по другим подсчётам (Кузьмина Е.Е., 1986, табл. 1) у андроновцев Западного и Центрального Казахстана (т. е. алакульцев) преобладало поголовье мелкого рогатого скота (соответственно 50 и 46 %). Крупный рогатый скот составлял 29 и 33 % и лошади 14 и 24 %.

Опыт гончарства алакульцев восходит к традициям петровской культуры. Собственно алакульская керамика изготавливалась методом кольцевого налёпа с донным начинном. На круглое дно насаживалось кольцо тулова, затем кольца плечика и венчика. Ленты были наложены

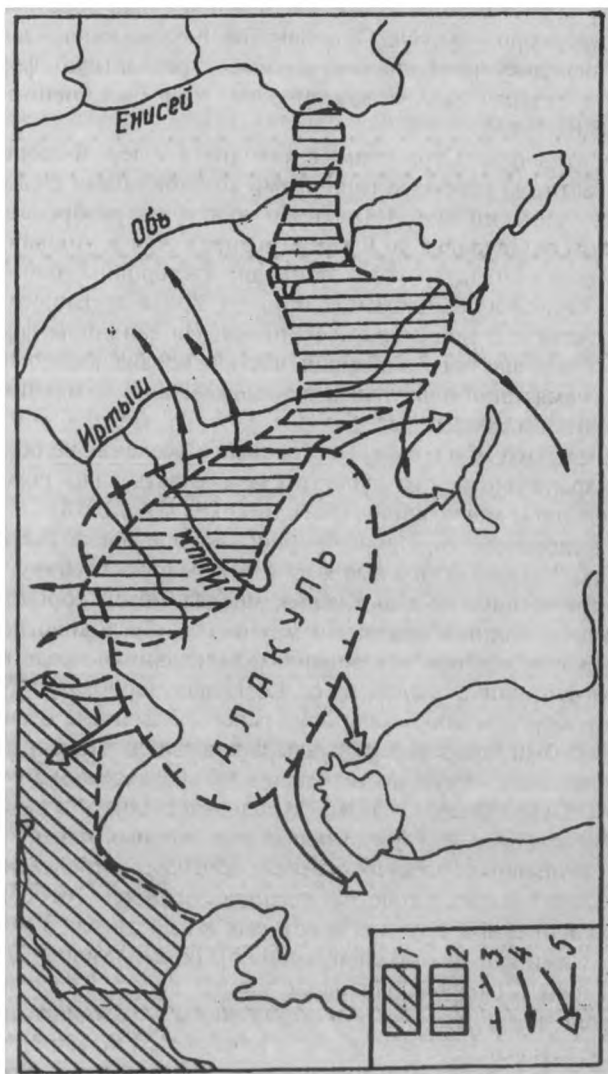

Рис. 18. Ареалы культур эпохи бронзы: 1 - срубная; 2 - федоровская; 3 - алакульская; миграционные "выбросы"; 4 - федоровцев; 5 - алакульцев

со скосом внутрь, за счёт чего на стыке плечика и венчика образовывалось выступающее ребро – уступ. Орнамент на посуде наносился по прямой сетке. Поскольку профиль посуды имел трёхчастную форму, узор был строго трёхзональным. В каждой зоне узор был специфическим (Кузьмина Е.Е., 1986).

Фёдоровская культура. Стратотип её находится у дер. Фёдоровки Челябинской области, но наиболее типичными андроновцами-фёдоровцами считаются минусинские. Памятники культуры разбросаны к югу от лесной зоны от Зауралья до Енисея (южнее устья р. Абакан они отсутствуют). Можно считать, что в прошлом фёдоровцы занимали всю территорию степей и лесостепей Сибири от Урала до Енисея; известны их памятники и в правобережье Енисея. На западном фланге ареал культуры совмещается с северной частью ареала алакульской культуры. Здесь памятники алакульцев перемежаются с памятниками фёдоровцев; имеются и смешанные.

Фёдоровцы на Енисее. Постоянные поселения не обнаружены, поэтому характеристику их культуры можно дать лишь по материалам многочисленных могильников (Максименков Г.А., 1978).

Енисейские фёдоровцы хоронили умерших вскоре после смерти в любое время года. Зимние могильные ямы имели малую глубину, равную высоте внутримогильного сооружения; иногда зимой хоронили в наземных гробницах. Обилие каменного материала обусловило повсеместное использование его при захоронениях. Могильники представляют собой группы курганов с числом их от 12 (Новая Черновая) и более 60 (Сухое Озеро). Курганы сооружали двух типов – каменные ограды с невысокими земляными насыпями и ограды без насыпей. По форме ограды делятся на два вида – круглые диаметром 4-5 м, максимум 30 - 32 м и высотой до 1 м (Сухое Озеро) и четырёхугольные с длиной сторон до 58 м. Ограды сооружались из горизонтально положенных плиток либо из вертикально вкопанных плоских камней. Могилы устраивались в земляных ямах (преобладают) либо на поверхности почвы (небольшое число зимних захоронений). Глубина некоторых ям достигала 3 м, хотя обычно меньше. Сами могильные сооружения были пяти типов: 1) простые грунтовые ямы, 2) срубы или рамы в один венец, 3) каменные ящики из вертикально поставленных плит, 4) цисты – гробницы из нескольких рядов горизонтально положенных плиток и 5) комбинированные, сочетающие в своей конструкции черты ящиков и цист. Могилы имеют размеры 1,5-3 м в длину, 1-2 м в ширину.

Умерших клали скорченно на левом боку (очень редко на правом). Руки согнуты в локтях так, что ладони кисти находятся против лица. В парных погребениях женщина лежала за спиной мужчины.

Енисейские андроновцы хоронили детей (за малым исключением) на особых кладбищах. При трупосожжении размеры могил соответствовали таковым при трупоположении.

Погребённый сопровождался горшком, который обычно ставился у головы – перед лицом, иногда за головой. Редко покойный сопровождался мясной пищей. В большинстве случаев это были кости барана или коровы. Главным сопровождающим инвентарём является посуда – горшки и банки. Металлических украшений немного. Предметы вооружения в мужских могилах не встречены.

Енисейские (или типичные) андроновцы занимались скотоводством, разводили коров, лошадей, овец, реже – коз. Охота и рыбная ловля почти не практиковались; единично найдены лишь кости косули, гуся и рыб. По мнению Э.Б.Вадецкой (1986, с. 45), лошадь разводилась на мясо, тягловым животным она не была. Возраст культуры на Енисее определяется в рамках XIII-XI вв. до н. э. (Вадецкая Э.Б., 1986), В.И.Матющенко (1999, с. 93) омолаживает культуру, определяя её возраст XII/XI-VIII/VII вв. до н. э.

А н д р о н о в ц ы в е р х н е й О б и. Ареал их расселения образует полосу меридионального направления от г. Томска на севере, до предгорий Алтая на юге. Северные следы андроновцы оставили на известных археологических памятниках Еловка и Самусь, на юге их многочисленные памятники найдены как в предгорьях (район Бийска), так и в степях по рр. Касмала, Барнаулка. Ю.Ф.Кирюшин (1994) считает, что заселение Приобья андроновцами шло двумя волнами. В раннюю пору сюда пришли фёдоровцы, позже в степные районы стали проникать отдельные группы алакульцев. В регионе известны поселения (их только в Верхнем Приобье 30), многочисленные могильники (вскрыто более 500 погребений). Андроновцы были скотоводами. В составе их стад преобладал крупный рогатый скот (73%). Разводили фёдоровцы также коз, овец и лошадей. Структура стад в степях, которые занимали смешанные андроновцы (фёдоровцы и алакульцы амангельдинского типа) была иной: лошадь 36, крупный рогатый скот 35,2, овцы 20,9 и козы 18,7% (Кирюшин Ю.Ф., 1994). А.В.Гальченко (1990), проанализировав соотношение костных остатков домашних животных на трёх памятниках (Большой Лог, Фирсово, Переезд), пришёл к выводу, что в Верхнем Приобье только в раннем "андроне" в структуре стад преобладал крупный рогатый скот. В более позднее время отмечается большая вариативность структуры стад по разным памятникам. Это объясняется активным освоением конкретных природных ресурсов, оптимальных для преимущественного разведения того или иного вида скота.

Краткая характеристика погребального обряда андроновцев Верхнего Приобья может быть дана по сводным работам В.И.Матюшенко (1973) и Ю.Ф.Кирюшина (1995).

Погребальные сооружения представлены грунтовыми могилами (преобладали) и курганами. Средняя глубина могильных ям 60-90 см. Преобладают прямоугольные могильные ямы. Захоронение в основном происходило по типу труположения, гораздо реже по типам сожжения на стороне и обожжения сверху. Умерший лежал в могиле, как правило, скорченно на левом боку, реже на правом боку или вытянуто на спине. Невыдержанность положения отмечалась в одном и том же захоронении. В Елунино в погребении 3 один подросток лежал на левом боку, а другой на правом. В могиле 70 ЕК-II женщина лежала на левом боку, а ребенок на правом. В кургане 51 были похоронены мужчина, женщина и один ребенок на спине, другой ребенок на левом боку (Кирюшин Ю.Ф., 1995). Ориентация погребенных довольно устойчивая – юго-западная, очень редко западная. Почти все могилы взрослых и большая часть детских имели деревянную обкладку. Обкладка устраивалась в виде четырёхугольной рамы из бревен в один венец. Обычно брёвна крепились встык. В Елунино по двум коротким сторонам могилы укладывались по бревну, которые иногда закреплялись столбиками небольшого диаметра. На поперечные бревна укладывались продольные брёвна перекрытия. Иногда брёвна перекрытия укладывались поверх могильной ямы без бревенчатой обкладки. В курганах памятника Степной Чумыш продольные брёвна перекрытия крепились на уступах (заплечиках) вырытых в материке.

Могилы перекрывались (не всегда?) плахами и тонкими досками. В некоторых могилах под костяками прослеживался тонкий слой древесного тлена. Обычно в могилах был обнаружен сопровождающий материал, хотя нередко могилы и без инвентаря. Как правило, в могилах были горшки (1-2).

Антропологический тип фёдоровцев хорошо изучен по многим могильникам. По восточному флангу ареала культуры (Верхнее Приобье) имеется сводная работа В.А.Дрёмова (1997). Черепа мезо-брахикранные (почти круглые) овоидной формы и с довольно значительной высотой черепной коробки. Лоб довольно широкий, умеренно выпуклый, средненаклонный с сильно развитым надбровным рельефом. Лицо широкое (скуловой диаметр у фёдоровцев Верхнего Приобья 136,9 мм, у фёдоровцев Среднего Енисея 140,6 мм), у мужских черепов абсолютно и относительно низкое, у женских средневысокое. По указателю выступающая и углом вертикального профиля лицо ортогнатное. Отмечается слабый альвеолярный прогнатизм. Глазные орбиты крупные, низкие. Нос при средней высоте умеренно широкий. Переносье высокое и средневы-

сокое. Носовые кости сильно выступают над линией лицевого профиля. Челюсть довольно крупная и массивная, длинная, умеренно широкая. Её ветви широкие, слабонаклонные, выступание подбородка умеренное.

На черепах фёдоровцев из Барнаульского Приобья отмечается слабая монголоидность, которая свидетельствует о контакте пришлого населения с монголоидами - аборигенами залесённого правобережья Оби. В степном левобережье смешанность населения не наблюдается. Этим примером неоднородность населения Верхнего Приобья не исчерпывается. В.А.Дрёмовым в материалах по Чумышу (памятники Титово и Кытманово) кроме типично андроновских черепов отмечены европеоидные черепа иного антропологического типа. Эти черепа характеризуются грацильным строением, узким, более высоким и резко профилированным лицом, очень сильно выступающим носом, узкой долохотранной (длинной) черепной коробкой, более наклонным лбом. Этот грацильный тип принципиально не отличается от казахстанских (алакульских) черепов. Поэтому можно говорить о пребывании в Верхнем Приобье и физических алакульцев, а не только их артефактов. Однако это предположение не однозначно: антропологический тип близок и к доандроновскому субстрату Верхнего Приобья (эпоха ранней бронзы). Грацильные длинноголовые типы имеют южное (переднеазиатское) происхождение.

В.В.Гинзбург и Т.А.Трофимова (1972) андроновцев Минусы (по Енисею) считают классическими и характеризуют их антропологические признаки следующим образом: череп мезокранный с малонаклонным лбом и резко выраженным надпереносьем и надбровными дугами, низким, но очень широким лицом, низкими глазницами и значительно выступающим носом. На рис. 19 показан облик андроновца, похороненного более 3 тыс. лет назад у пос. Ыраки в Шарыповском районе Красноярского края

К верхнеобским и енисейским андроновцам близки восточноказахстанские (по Иртышу). Как мужские, так и женские черепа мезокранные (среднее между длинно- и короткоголовыми), сравнительно большая высота черепной коробки, значительная ширина лба при несильном наклоне, большая ширина и малая высота лица, низкие орбиты, сильное выступание носа. Такая характеристика свойственна фёдоровскому населению Восточного Казахстана, Верхнего Приобья и Енисейского края. Фёдоровцы могут быть отнесены к палеоевропейскому кроманьоноподобному антропологическому типу.

Таким образом, между популяциями алакульцев и фёдоровцев существовали реальные расовые различия. Фёдоровцы обладали чертами протоевропейского антропологического типа (широкое низкое лицо, мезобрахикранный средневысокий череп). Алакульцы имели явный сре-

диземноморский компонент, который отразился в большей высоте черепной коробки, долихокрании (длинноголовости), резкой горизонтальной профилированности и значительной высоте лица (Богашёв А.Н., 2000, с. 137-138).

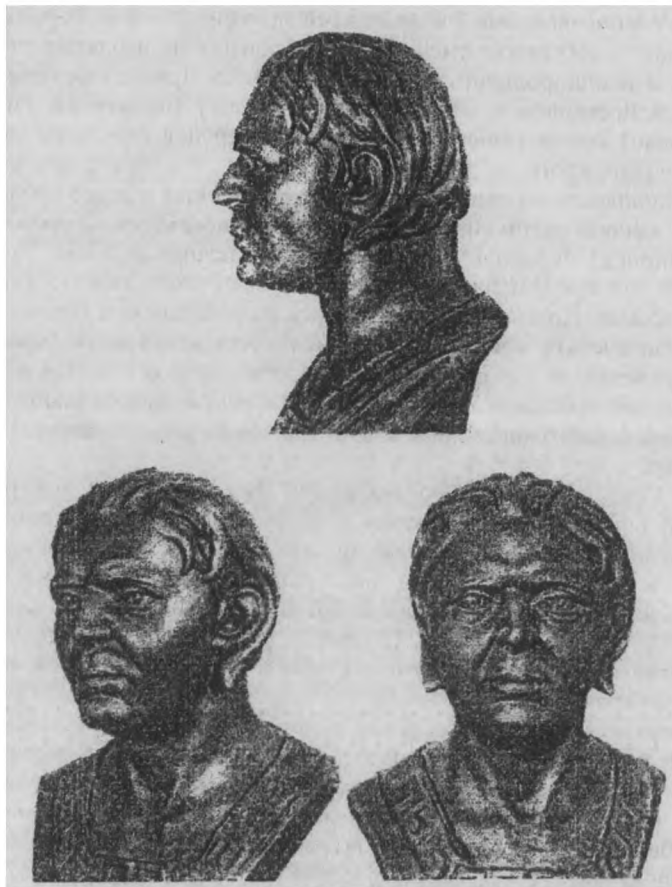

Рис. 19. Андроновец из археологического памятника Ораки
(реконструкция М.М. Герасимова)

Фёдоровцы изготавливали керамику по-иному, нежели алакульцы. И это касается не формы сосудов, которые схожи, а самой техники изготовления. Е.Е.Кузьмина (1986, с. 68) подробно описывает два способа изготовления керамики фёдоровцами.

При первом сначала делалась заготовка тулова с сильно раздутыми боками. Затем снизу и внутрь стенок вклеплялось круглое доннышко. При втором способе сначала лепился круглодонный горшок, к которому снизу для утолщения дна крепился кольцевой или сплошной поддон. Далее в обоих случаях наращивались ленты плечика и венчика. Однако в отличие от алакульцев фёдоровцы накладывали ленты со скосом наружу, поэтому плечо приобретало выпуклую форму.

Орнамент на горшках наносился по косой сетке ("курсивом"), поэтому сходные алакульские узоры приобретали иной вид. Фёдоровские мастерицы (а изготовление посуды было уделом женщин) наносили орнамент совсем другими штампами с очень мелкими квадратными, треугольными или полулунными зубьями. Да и декор был несколько иным. Особенно характерны и отличительны гирлянды треугольников, косые треугольники.

Возраст культур, входящих в андроновскую семью, исследователями определяется по-разному, как и структура самой семьи (или общности). Ниже приведены варианты датировок (все даты указаны до новой эры), предложенные разными авторами.

К.В. Сальников в составе андроновской культуры первоначально выделял этапы в следующих хронологических рамках: фёдоровский - середина 2-го тыс. - XII в., алакульский XI - IX вв., замараевский VIII-VII вв. Позже автор изменил возрастные границы этапов: фёдоровский XVIII-XVI вв., алакульский XV-XII вв., замараевский XII-VIII вв.

Г.А. Максименков: верхняя возрастная граница на Енисее -XIV в. Это начальный период алакульского этапа на западе, а на востоке - завершение андроновской культуры и время сложившегося карасука. На Енисее был только фёдоровский этап андроновской культуры. Нижняя граница культуры - начало XVIII - XVI вв.

С.С. Черников делил андроновскую культуру на этапы: усть-буконский XVIII-XVI вв., канайский (федоровский) XVI-XIV вв., малокрасноярский (алакульский) - XIV-IX вв., трушниковский IX-VII вв.

Е.Е. Кузьмина: петровский этап алакульской культуры XVII-XVI вв., алакульская XV-XIII вв., федоровская XV-XIII вв..

В.И. Матющенко расчленил андроновскую общность следующим образом: алакульская культура XV-XIV вв., фёдоровская - XIV-XII вв.

В.В. Евдокимовым предложена следующая периодизация:

1. Алакульская культура:
 - а) петровский этап XVI-XV вв.,
 - б) алакульский этап XV-XIII вв.
2. Алексеевская культура:
 - а) алексеевский этап XV-X вв.,
 - б) загаринский этап X-XIII (возможно VIII?) вв.

Н.А. Аванесова:

- 1) предалакульский этап (XVII-XVI вв.),
- 2) андроновская культура (XVI-XII вв.),
разделяющаяся на алакульский период (XVI-XIV вв.),
кожумбердинский (XIV в.) и фёдоровский (конец XIV – XIII вв.),
- 3) замараевско-бегазинская культура (XII-IX вв.).

А.В. Матвеев значительно удревнил андроновскую культурную семью, определив функционирование алакульской культуры, самой ранней в этой семье, в начале II тыс. до н. э.

В Верхнем Приобье получены материалы, позволяющие значительно удревнить появление здесь фёдоровцев (устное сообщение Ю.Ф. Кирюшина)

В приведённых примерах, несмотря на их разноречивость, чётко просматривается закономерность – омоложение фёдоровской культуры с удалением на восток, к Енисею, куда фёдоровцы пришли, по мнению М.Ф. Косарева, не ранее XIII в. до н. э. Это свидетельствует о том, что культура зародилась в более западных районах, откуда её носители мигрировали на Енисей.

Соотношение культур андроновской общности. Среди исследователей нет единого мнения по вопросу о временном соотношении алакульской и фёдоровской культур. Не вдаваясь в тонкости этой проблемы, отметим лишь возможные три варианта в её решении:

1) алакульская и фёдоровская культуры существовали одновременно. Этой точки зрения придерживаются М.Ф. Косарев, Е.Е. Кузьмина, Т.М. Потёмкина, В.С. Стоколос, А.А. Ткачёв, Р.Э. Усманова, Э.А. Фёдорова-Давыдова, А.Ф. Шорин;

2) фёдоровская является более молодой или даже "вырастает" из алакульской - Н.А. Аванесова, Г.Б. Зданович, С.Я. Зданович, А.В. Матвеев, В.И. Матющенко, Л.П. Хлобыстин;

3) фёдоровская является более древней и из неё "вырастает" алакульская - Г.А. Максименков, К.В. Сальников, С.С. Черников.

Первый вариант был сформулирован А.А. Формозовым (1951), согласно которому андроновская культура (ныне понимается как культурная общность) сложилась на базе энеолитических культур Казахстана. Причину возникновения культуры исследователь видел в переходе от присваивающего типа хозяйства к производящему и появлению металла, с одной стороны, а с другой – в необозримых просторах степей, которые способствовали установлению разнообразных этнических связей. При всех этих связях происходило не простое перемещение вещей, но, вероятно, и передвижение групп населения, вытеснение одних племён другими, скрещения. *"Широкое взаимодействие культур большой территории, и несомненно, разных антропологических типов вызвало сложение"*

ние не только единой материальной культуры, но и нового антропологического типа" (Формозов А.А., 1951, с. 17).

Однако накопление материалов привело исследователей к версии самостоятельного происхождения алакульского и фёдоровского вариантов андроновской культуры. Было установлено, что фёдоровские и алакульские памятники принадлежат разным культурам, а не одной, андроновской.

Как писал М.Ф.Косарев (1973, с. 243), "...алакульцы очень существенно отличаются от фёдоровцев по погребальному обряду и керамике, причём отличия в керамике касаются не только формы сосудов и техники их выделки, но и самого существа орнаментальных традиций и техники нанесения орнамента". Различия проявляются и в антропологическом типе носителей этих культур, погребальном обряде (фёдоровцы не избегали трупосожжения, которое было очень несвойственно алакульцам). По мнению М.Ф.Косарева (1965), местом формирования фёдоровской культуры было Зауралье и Притоболье.

Алакульская культура корнями уходит через петровскую культуру в эпоху ранней бронзы. Петровская керамика сочетает узоры более раннего типа с геометрическими узорами, получившими развитие в андроновское время. Через петровскую керамику на алакульскую переходит обычай украшать дно (Хлобыстин Л.П., 1976, с. 55). Предполагается, что петровская культура является гибридной, сформировавшейся в результате воздействия на местное население какого-то южного компонента из среднеазиатских земледельческих районов.

Фёдоровская культура уходит корнями в коптяковскую (XVI-XIV вв. до н.э.), памятники которой компактно ложатся на узкую полосу от Тагила до Екатеринбурга. К.В.Сальников (1964) отмечал в коптяковских орнаментах черты, характерные как для более ранней аятской посуды с той же территории, так и для более поздней андроновской (фёдоровской). К.В.Сальников считал, что не нужно связывать появление коптяковской керамики ни с внешним проникновением, ни с влиянием андроновцев. Следует отметить, что Л.П.Хлобыстин появление геометрического орнамента на коптяковской посуде связывал с влиянием алакульцев, предполагая дальнейшее развитие из алакуля фёдоровских традиций.

Коптяковская культура синхронна петровской, которая принимается как базовая для алакульской. Если признать возникновение алакульской культуры из петровской (XVII-XV вв.), а фёдоровской из коптяковской (XVII-XIV вв.), то фёдоровскую и алакульскую культуры следует считать синхронными, но возникшими каждая на своей основе. Корни фёдоровской культуры уходят через коптяковскую в аятскую (последние

века III тыс. до н.э. – первые века II тыс. до н.э.). Но эти корни обеспечивают в фёдоровской культуре связь с аборигенным населением.

Думается, что все точки зрения не содержат противоречий. Можно высказать следующее предположение о причинах такого разнobia мнений. Скотоводческий характер хозяйства андроновцев - алакульцев и фёдоровцев - делал их очень мобильными. Миграции групп носителей той или иной культуры на обширной территории степей и лесостепей были беспорядочными. То есть скотоводы одновременно осваивали одну и ту же территорию, появляясь в разное время в разных местах, что подтверждается и наложением ареалов культур по Ишиму и Тоболу. Возможно, были случаи, что на какой-то территории ранее обитали алакульцы, а позже пришли и оставили свои следы фёдоровцы. В других случаях, наоборот, бывшие места обитания фёдоровцев заняли алакульцы. Это могло привести к неустойчивой стратификации археологических памятников, что и породило спор об их возрастном соотношении. Не исключены случаи и синхронного проживания скотоводов по соседству друг с другом и непосредственного культурного взаимовлияния. Глубокое проникновение алакульцев на территорию фёдоровцев подтверждают некоторые памятники по Чумышу (Титово, Кытманово).

Поэтому можно говорить не о возрасте культур, то есть времени их образования, а о времени появления носителей той или другой культуры в конкретном месте. Возраст культур можно определить лишь по наиболее глубоким датировкам памятников в пределах всего ареала, и выявить таким образом место зарождения культуры. Вполне определенно проявляется неродственность этих корней у алакульской и фёдоровской культур. Поэтому, на наш взгляд, вопрос о том, фёдоровская вырастает из алакульской или наоборот, вообще поставлен некорректно.

Происхождение андроновской общности. Рассмотрение проблемы возможно в двух аспектах: 1) андроновская общность (в том числе и фёдоровская культура) является автохтонной и 2) общность (в том числе и фёдоровская культура) для Сибири является пришлой. В ряде случаев автохтонность или "пришлость" культуры выясняется легко и бесспорно. Так, андроновцы (фёдоровцы) Минусинского края, несомненно, для аборигенного населения являются пришельцами. Андроновская (фёдоровская) культура на равнинную часть Алтайского края также принесена откуда-то. Фёдоровцы или их близкие потомки для населения Татарии эпохи бронзы также являются пришельцами.

Однако должны быть территории, на которых шло формирование этой общности или, что нас особо интересует, фёдоровской культуры. Выше уже упоминалось, что по мнению А.А.Формозова (1951), культура сформировалась в степях Казахстана под влияние кельтеминарцев. К.В.Сальников (1967, с. 340) считал, что *"сложение андроновской куль-*

туры протекало на обширных просторах степной и лесостепной полосы Зауралья, Северного Казахстана и Западной Сибири с захватом южной кромки современных лесов".

М.Ф.Косарев (1965) уводил корни андроновской (фёдоровской) культуры в неолит Зауралья. Именно в энеолите лесостепного Зауралья уже известны керамические комплексы с прафёдоровскими элементами орнамента – треугольными фестонами, меандрами, ромбами и т.д.

Предположение о зауральском-притобольском происхождении фёдоровцев было высказано М.Ф.Косаревым и позже: *"Формирование фёдоровской культуры происходило в предтаёжных и таёжных районах Зауралья"* (Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. 1987, с. 282). Наиболее ранние элементы андроновской (фёдоровской) культуры усматриваются в аятских и коптяковских древностях (см. выше). Г.Н. Матюшин (1970, с. 64) видит истоки андроновской (фёдоровской) культуры в зауральской суртандинской культуре (рубеж III и II тыс. до н. э.): *"Почти все элементы орнамента фёдоровской керамики известны в орнаментике сосудов суртандинского типа"*.

Таким образом, абсолютное большинство исследователей признают Восточное Зауралье родиной фёдоровцев и уводят их истоки примерно к рубежу III и II тыс. до н.э. Ныне складывается мнение о том, что фёдоровская и алакульская культуры имеют различные корни. Этот вариант решения вопроса о происхождении фёдоровской и алакульской культур объясняет возможную разноязычность носителей этих культур. Но он практически исключает участие пришлого населения в формировании культур: *"Нет оснований предполагать, что изменение в хозяйстве и, в частности, появление домашних животных и металлообработки на Южном Урале, по меньшей мере, на рубеже III и II тыс. до н. э. связано с приходом какого-то "более развитого" населения"* (Там же, с. 61). А это так нам необходимо для того, чтобы перекинуть мостик на Кавказ! Археологи не нашли такой инъекции ни в рассматриваемых культурах андроновского круга, ни в тех, которые им предшествовали. Нет памятников андроновского типа и "по дороге" с Северного Кавказа на Южный Урал. Правда, это не является единственным фактом в древней истории. Так, практически нет промежуточных памятников на маршруте скотоводов Северного Прикаспия, которые мигрировали на Алтай и Енисей, создав там афанасьевскую культуру. Не трассируется археологически и путь индоариев в Индию и иранцев в Переднюю Азию. Но даже при таком археологическом пробеле в ранней истории андроновской культуры языковое родство северных кавказцев и кетов ныне не оспаривается.

Языковая принадлежность. Исследователи предлагали лишь два варианта решения этого вопроса. Большинство из них склонны считать

всех андроновцев арийцами (индоиранцами). Меньшая часть видит в носителях алакульской и фёдоровской культур разноязычное население.

1. Е.Е.Кузьмина считает, что все андроновцы были ираноязычными, точнее – индоариями. Другие индоиранские племена (скифы, савроматы) создали срубную культуру, а также тазабагъябскую, сложившуюся в результате срубно-андроновского симбиоза. А.В.Матвеев (1995, с. 29) также считал, что *"более чем тысячелетнее развитие андроновской семьи в Западной Сибири и сопредельных районах логично сопоставлять с процессом дивергенции языков индоиранской ветви"*. По мнению Г.Н.Курочкина, все андроновцы были предками восточных иранцев (саков).

2. В.П.Чернецов впервые поднял вопрос о разноязычности андроновцев, предполагая, что алакульцы – это иранцы, а фёдоровцы – угры. Его поддержали М.Ф.Косарев, Т.М.Потёмкина, В.С.Стоколос.

По мнению К.В.Сальникова, только алакульские племена вместе с племенами срубной и тазабагъябской культур составили ираноязычный массив на границе Европы и Азии. Восточные андроновцы (фёдоровцы. – А.М.), возможно, связаны с угорской средой. Л.П.Хлобыстин (1976, с. 61) считал алакульцев и фёдоровцев *"...смесью индоевропейцев (срубной культуры) и праугров"*.

Если исходить из лингвистически установленного факта родства языков кетского с северокавказскими, а через них – с переднеазиатскими, и из нашей версии о переднеазиатском происхождении далёких предков носителей фёдоровской культуры, то нам представляется, что язык этих носителей также был близок к северокавказским – адыго-абхазским и нахско-дагестанским. В связи с этим можно сделать попытку реконструировать былое самоназвание, исходя из существующего ныне у кетов объединяющего этнонима.

Выше уже отмечалось (раздел "Этнонимы"), что исторические кеты, как и многие другие народы мира, использовали в качестве обобщающего самоназвания термин *человек*: пумп., арин. *kit*, ассан. *γit*, имб. *ket*. Для коттского приводится (Миллер, Клапрот) также *ilit* (описка?). Но в обнаруженных Е.А.Хелимским словарях XVIII в. термин дается и в форме *hit, het, xit*. Этот термин входит как в самоназвание более мелких групп (*ольгит* или *ульгит* "водяной человек" – кеты с р. Уса в Саянах), так и имен индивидуумов (енисейские кеты Колгет, Кайгет, Пуркет и др.).

Итак, переднеазиатско-кавказский обобщающий этноним с корнем *кт* (*кыт, хит, хет, кит* и др.), связанный с алародийской средой (см. выше раздел "Этнонимы"), буквально "всплыл" на берегах Енисея как единый для кетских групп самый древний этноним - понятие "человек". Это понятие должно было кем-то принесено с Кавказа в Сибирь. По

нашему мнению, это сделали фёдоровцы. И это было возможно лишь в том случае, если фёдоровцы сами использовали его в качестве обобщающего этнонима или имели эту лексему в своем языке со значением "человек".

Андроновская культурная общность в прошлом была величайшим явлением в истории Северной Азии. Её традиции в течение многих веков определяли линию бытия многих народов Сибири. И эти традиции несли дочерние и внучатые культуры андроновской семьи. Нас интересуют культуры, пронёсшие наследие фёдоровцев.

ДОЧЕРНИЕ КУЛЬТУРЫ

Материальная и духовная культура фёдоровцев оказалась живучей. Несомненно, развитие фёдоровского общества находилось на более высоком уровне, нежели развитие таёжных охотников и рыболовов. С другой стороны, фёдоровцы, внедрившись в лесную зону вынуждены были приспособиться к новым природным условиям и перенять у аборигенов многие их производственные навыки. В итоге были созданы культурные группы с комплексным ведением хозяйства: скотоводство у них сочеталось с охотой, рыболовством и собирательством. Причём с удалением на юг, с приближением к степным районам, доля скотоводства постепенно увеличивалась, и наоборот – в северных районах преобладал присваивающий тип экономики. Даже в тех случаях, когда таёжные андронидные племена вынуждены были смещаться в южные районы, они старались заселять лесные массивы по долинам крупных рек либо занимали горно-таёжные районы Кузнецкого Алатау, Салаирского кряжа, залесённые отроги Саян. Эти группы населения уже не могли отказаться от навыков охоты и рыбной ловли, усвоенных ими от аборигенов таёжной зоны. Наследниками фёдоровской культуры были новые группы, сформировавшиеся в результате тесных взаимных отношений былых скотоводов и таёжных охотников и рыболовов. Да и в антропологическом отношении эти группы были смешанными: европеоидные типы приобрели более или менее выраженные монголоидные признаки, причём эта монголоидность была местного, таёжного происхождения. Вот таким образом формировались дочерние культуры, порождённые в результате смешения пришлых групп европеоидов-скотоводов и местного таёжного населения с признаками монголоидности сибирского (низколицего) типа.

Задавшись целью вывести сегодняшних кетов из среды фёдоровцев эпохи бронзы, попытаемся рассмотреть дочерние культуры андроновцев, которые помогли бы нам приблизиться к более поздней истории кетов.

Дочерними мы считаем андроновидные культуры, которые возникли в результате смешения фёдоровцев с местным населением. Пространственное размещение их показано на рис.20.

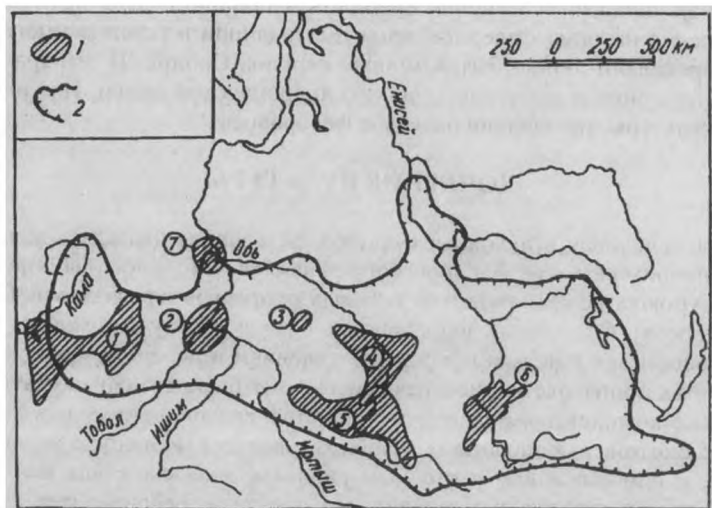

Рис. 20. Дочерние “отпрыски” фёдоровской культуры: 1 - культура: 1 – черкаскульская, 2 - сузгунская, 3 - Тух-Эмтор, 4 - еловская, 5 - ирменская, 6 - карасукская, 7 - атлымская; 2 - ареал кетских топонимов

Фёдоровцы, отсидевшись на одном месте где-то в Зауралье и увеличив свою численность, стали постепенно осваивать новые земли. Путь на юг, в степи Казахстана, был им заказан – его хорошо освоили алакульцы, конкуренты по использованию природных ресурсов открытых пространств. Однако иногда фёдоровцы совершали глубокие рейды в Казахстан и в Среднюю Азию, о чём свидетельствуют оставленные ими в Казахстане и Киргизии археологические памятники. Не оставались в долгу и алакульцы, которые внедрялись в исконно фёдоровскую территорию, например в правобережье Оби до лесов Салаирского кряжа (Титово, Кытманово). Фёдоровцы охотно осваивали северные таёжные участки Западной Сибири, чему способствовали иные природные условия этих мест. Установлено (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979), что в андроновское время климат был суше и на месте нынешней тайги были развиты луга с островными лесочками из тёмнохвойных пород. При обильных водопоях и высокотравье эти луга привлекали внимание

скотоводов, которые со своими стадами доходили до Васюганья (Тух-Эмтор) и, возможно, средней Оби (Малгет). В ходе освоения новых территорий фёдоровцы входили в брачные отношения и экономические контакты с местным населением. В итоге формировались дочерние (и внучатые) археологические культуры, которые в той или иной мере сохраняли облик пришлой культуры, материальной и духовной, и, в большинстве случаев, язык. Если материальную культуру с какой-то степенью достоверности можно реконструировать по археологическим материалам, то о языковой принадлежности носителей этих культур остаётся только догадываться либо использовать топонимические материалы.

Черкаскульская культура была выделена К.В. Сальниковым в 1964 г. по раскопкам поселения Черкаскуль в Челябинской области. Однако сходный хозяйственно-культурный тип фёдоровской и черкаскульской культур, их возрастная и территориальная близость дали основание некоторым авторам считать черкаскульскую культуру не дочерней, а самостоятельной в рамках андроновской семьи, наравне с алакульской и фёдоровской (Косарев М.Ф., Потёмкина Т.М., 1985; Шорин А.Ф., 1991; Матвеев А.В., 1995). Правда, несколько позже (см.: Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987, с. 283) М.Ф.Косарев допускал, что *"черкаскульская культура, видимо, возникла несколько раньше других андронидных культур лесной зоны Западной Сибири – сузунской и еловской"*. Нам импонирует это высказывание. Соседствующее расположение черкаскульской и фёдоровской культур предполагает и более раннее воздействие фёдоровцев на аборигенное население, результатом чего и явилось появление черкаскульской культуры. О культурной близости фёдоровцев и черкаскульцев свидетельствует и сходство погребального обряда (Хабарова С.В., 1999).

К.В.Сальников высказал мнение о продвижении черкаскульцев из Зауралья на запад, что было подтверждено последующими исследованиями. Памятники черкаскульской культуры известны по р. Белая, в приустьевой части р. Юрюзань (Хлобыстин Л.П., 1976), в низовьях рр. Ик и Белая. Самой западной точкой нахождения черкаскульских древностей является г. Елабуга в Татарии, в правобережье р. Кама ниже устья р. Ик (Казаков Е.П., 1979).

Черкаскульцы занимались скотоводством, охотой и рыболовством. На стратотипическом памятнике Черкаскуль-II кости диких животных составляют 46,5%, кости домашних 53,5%. Можно высказать предположение, что занятия охотой и рыболовством черкаскульцы наследовали от аборигенов (если предположить, что скотоводство внедрили пришедшие племена). На башкирской территории в поздний этап развития культуры черкаскульцы занимались разведением коров, лошадей, сви-

ней, в меньшей мере охотой: кости диких животных на памятниках составляют от 13 до 24% (Косарев М.Ф., 1981).

Жили черкасульцы в полуземлянках, слабо углубленных в грунт, и в наземных столбовых жилищах.

Погребения производились в могильных ямах по обряду трупосождения и труположения. Ямы были ориентированы в широтном направлении. Покойников клали на правый бок в скорченном положении с согнутыми в локтях руками, головой на восток. В головах умерших ставился сосуд.

Сравнение черкасульской и федоровской керамики позволяет говорить о родстве этих культур. И это никем не оспаривается. Однако требует объяснение несхожесть их антропологических типов, отмечаемая многими антропологами и археологами.

Череп из восточных районов Татарии и Челябинской области показывают явную неоднородность населения черкасульской культуры на этой территории (Шевченко А.В., 1984). Это население сближается по физическому типу с более поздними карасуками Минусы. Г.Ф.Дебец (1932) отмечал, что черепа карасукцев резко отличаются от черепов андроновцев Минусы. Лицо карасукцев было выше и уже, но черепная коробка более брахицефальна (круглоголовый тип), что связана с укорочением продольного диаметра. Лоб более наклонный, надбровье развито слабее. И вообще карасуки выглядели более грацильными по сравнению с матуризованными андроновцами. Однако приведённая А.В.Шевченко сводная таблица по краниологии черкасульской культуры при дифференцированном подходе к ее данным позволяет объяснить эти "аномалии".

Типичными для черкасульцев должны быть антропологические типы из центра формирования культуры, а не из её более поздней периферии. В этом отношении показательны черепа из памятников Красногорка и Березки V "г". По длине черепá не отличаются от более западных (примерно 184 мм), но они более широкие (148,3 и 148,0 мм) и поэтому по черепному указателю (81,1 и 80,4) входят в группу брахикранных. Черепные указатели по памятникам Восточной Татарии Такталачук (78,8) и Тартышевка (75,7) вводят их (черепá) в группу мезокранных. Причём тартышевский череп стоит на нижнем уровне мезокрании, приближаясь к долихокрании (черепной указатель 80 и более). По ширине лица челябинские черепа не отличаются от федоровских: скуловой диаметр их составляет 142,2 и 143 мм при 135, 6 и 135 мм на других памятниках.

Такталачукские черепа, самые западные из выборки, явно выбиваются из серии черкасульских. У них более высокий череп, что отдаляет их от остальных черкасульцев и сближает со срубниками Волго-Камья.

Череп из Восточной Татарии несут явные следы монголоидной примеси. Лицо их плоское (носовые кости слабо выступают на вертикальном профиле лица). На наш взгляд, всем этим "аномалиям" можно найти простое объяснение. Во-первых, в Татарию черкаскульцы пришли довольно поздно (Казаков Е.П., 1979). Они вошли в контакт со срубниками, в результате чего произошла метисация населения. Во-вторых, и само возникновение черкаскульской культуры является следствием внедрения европеоидов-Фёдоровцев в среду местного слабо монголоидного населения. Поэтому было бы более удивительно отсутствие следов монголоидности у черкаскульцев, особенно на поздних стадиях её существования.

Возможно, противоречия в антропологической характеристике черкаскуского населения Татарии автоматически снимутся: М.Ф.Косарев (Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР, с. 291) считает, что Такталачукский могильник в Татарии и Красногорский I являются более молодыми и характеризуют межовскую культуру (верхняя граница – VIII в. до н. э.), которой завершается этап переселения черкаскульцев в Предуралье. В это же время (X-VIII вв. до н.э.) влияние андроновцев прослеживается, как показали археологические исследования В.П.Денисова (1961), и по нижней Каме (вниз от устья Чусовой).

По нашему мнению, аборигены, ассимилированные в Зауралье Фёдоровцами, были уграми. В Татарии поздняя волна черкаскульцев (межовцев) внедрилась в среду срубников - индоевропейцев (арийцев?) и была ими ассимилирована.

Сузгунская культура выделена в 1957 г. В.И. Мошинской по материалам памятника Сузгун II у Тобольска. Её ареал включает таежное Прииртышье к северу от устья Тары. Памятники с сузгунской посудой известны в Нижнем Приобьелье и в северной части Среднего Прииртышья. На памятнике Чудская гора (раскопки М.Ф. Косарева и Т.М. Потёмкиной) изучены жилища сузгунцев – наземные столбовые постройки, слегка (0,2-0,5 м) углубленные в грунт, площадью не более 20 кв. м. Внутри жилищ обнаружены остатки кострищ, очаги из слабо обожжённых кирпичиков, многочисленные кости зверей и рыб, целые и битые сосуды. На Чудской горе были найдены глиняные грузила, остатки луков и наконечников стрел, кости рыб, домашних (корова, лошадь, овца) и диких (лось и др.) животных. Эти находки свидетельствуют о сложном многоотраслевом хозяйстве сузгунцев. Знакомо им было и бронзолитейное производство.

Особенно характерна глиняная посуда с оригинальной орнаментацией, в которой явно прослеживаются декоративные мотивы местной гребенчато-ямочной и пришлой андроновской традиции (Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987, с.283-284).

Возраст культуры определяется обычно как рубеж II и I тыс. до н. э. В.Т.Галкин (1988) предлагает следующие хронологические рамки: XII-IX или XI-IX вв. до н. э.

О физическом типе сузгунцев ничего не известно, так как до сих пор не найдены их захоронения. Возможно, они (захоронения) были наземными или воздушными.

Судя по материальной культуре, особенно выразительной керамике, сузгунцы сформировались в результате взаимодействия местного населения, носителей культуры гребенчато-ямочной керамики, и пришлое андроновское население. Обычно сузгунцев считают уграми или самодийцами. По мнению М.Ф. Косарева и Т.М. Потёмкиной (1985), сузгунская культура близка еловской Среднего Приобья и вместе с нею образует круг так называемых андронидных культур (сузгунско-еловскую общность) с угорско-самодийским этносом.

Нам представляется, что аборигены были этническими уграми и/или самодийцами. пришлые андроновцы принесли свой язык и характерные элементы материальной культуры и какое-то время сосуществовали с аборигенами. Несомненно, этот контакт оставил следы и в топонимии района. Однако сейчас трудно со всей определенностью сказать, сохранились ли топонимы андроновского (кетского) происхождения, и каким были этноопределяющий апеллятив.

Васюганье. В середине II тыс. до н. э. в среду аборигенов Васюганья, занимавшихся охотой, рыболовством и собирательством, проникли с Иртыша (?) скотоводческие племена андроновского (фёдоровского) типа. Они принесли с собой навыки высокоразвитой бронзовой металлургии, новые традиции технологии изготовления и орнаментации посуды. Основным их занятием было скотоводство, в том числе и коневодство. Васюганская история пришлых племён делится на два этапа: тух-эмторский (середина-третья четверть II тыс. до н. э.) и тух-сигатский (последняя четверть II тыс. до н. э.).

Наиболее полно памятники изучены на побережье крупного озера Тух-Эмтор (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979). Обитатели Васюганья имели два типа жилищ: летние на берегах озёр и зимние – в лесу на некотором расстоянии от озер и рек. Тип жилищ зависел от характера поселений. На летних поселениях это были наземные сооружения с вертикальными стенками. Крыша была двускатной, о чём можно судить по ряду центральных столбов по всей длине жилища. Площадь жилищ колебалась от 13-15 до 25, редко 35 кв. м. Жилища на зимних поселениях представляли собой сооружения полуземляночного типа с вертикальными стенами и углубленным на 45-50 см в материк полом. Жилища были подпрямоугольной формы и ориентированы в широтном направлении с выходом на запад.

Жители занимались охотой (найлены многочисленные кости лосей и северных оленей), рыболовством запорного типа и скотоводством. По находкам костей можно говорить только о разведении лошадей. Найлены также кости собак.

Из домашних работ большая роль отводилась изготовлению керамических изделий – посуды и глиняных грузил. Посуда была богато орнаментирована. Эволюция орнамента отражает историю населения. На ранних памятниках преобладала орнаментация, выполненная отступающей гребенкой, которой наносились горизонтальные и волнистые ленты и простейшие геометрические фигуры: зигзаги, треугольники, ромбы, квадраты. Затем отступающую гребёнку постепенно сменяет печатная. Увеличивается и количество геометрических фигур, появляются ряды гребенчатой сетки, взаимопроникающие треугольники и др. Вместе с печатной гребенкой встречается и комбинированная, гладкая и гребенчатая качалка. Появление орнамента (керамика 4-го типа), выполненного печатной техникой (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, рис. 31), фиксирует приход на Васюган андроновского скотоводческого населения. По мнению Ю.Ф.Кирюшина, васюганский "андрон" близок к андроновской еловской культуре.

Еловская культура выделена М.Ф. Косаревым в 1964 г. по материалам Десятковского и Еловского поселений в Томской области. Локализуется культура в основном в Томско-Нарымском Приобье. Найлены еловские памятники в Новосибирской области и Алтайском крае. Возраст культуры определялся М.Ф. Косаревым (1964, 1974) как XII-X вв. до н. э. Позднее исследователь (Косарев М.Ф., 1981) отнёс существование культуры к рубежу II и I тыс. до н.э. или даже к первым векам I тыс. до н. э.

В языковом отношении еловцы, по мнению М.Ф.Косарева (1964, с. 155), были самодийцами.

Как и васюганцы, носители еловской культуры сформировались на базе аборигенов под влиянием пришлого андроновского (фёдоровского) населения (Троицкая Т.Н., 1974). Аборигены в орнаментации посуды использовали гребенчато-ямочную технику. Пришельцы принесли геометрический орнамент – косые треугольники, специфические андроновские меандры, аккуратно выполненные тонкозубой гребенкой. Однако композиционно андроновский элемент орнамента подчинен гребенчато-ямочной традиции: андроновские узоры располагались однообразно повторяющимися поясами или были отделены друг от друга рядами глубоких круглых ямок. Еловцы строили полуземляночные жилища, углубленные в грунт на 90-100 см, площадью до 200 кв. м (в северных районах – до 40 кв. м). В середине жилища находился очаг из камней. Еловское население занималось скотоводством, рыбной ловлей и охотой. В культурном слое стратотипического Еловского поселения собра-

ны кости домашних животных, соотношение которых выражается следующими процентами: крупный рогатый скот 51,1, мелкий рогатый скот 27, лошади 13, свиньи 1,2, собаки 7,2. По количеству особей картина вырисовалась такая: крупный рогатый скот 41, мелкий рогатый скот 22, лошади 11, свиньи 1. О занятии охотой свидетельствуют многочисленные кости лося, северного оленя, медведя, соболя, бобра, зайца и др. (Косарев М.Ф., 1981).

Известно три могильника еловской культуры – Пачангский и Еловские I и II. Следы надмогильных сооружений нечёткие. Возможно, вокруг могил сооружались земляные оградки из дерновых кирпичей, что делалось и в андроновское время (Очерки культурогенеза..., 1994, с. 99). Обряд захоронения осуществлялся по обрядам трупосожжения и трупоположения. Глубина захоронений была небольшой. По крайней мере, захороненные были ближе к дневной поверхности, чем андроновцы.

Могильная яма имела прямоугольную форму. Вокруг умершего укладывали деревянные плахи или брёвна в виде четырёхугольной рамы. Затем сверху клали по три поперечины, на которых делался настил из продольных жердей. Парные захоронения редки, преобладали одиночные. Положение умерших в могилах было не стабильно. В Еловском II могильнике 57 покойников лежали скорченно на левом боку, семь скорченно на правом и восемь вытянуто на спине. На расположенном севернее Пачангском памятнике все покойники лежали на спине: здесь сохранился древний автохтонный обряд захоронения (Очерки культурогенеза..., 1994, с. 102).

Кремирование было отмечено только на Еловском памятнике. На 100 случаев трупоположения было пять случаев обожжения в могиле. Трупосожжение совершалось на стороне. Известны случаи захоронения без черепа и захоронения только одних черепов. В могиле ставили сосуд, реже более одного.

Палеоантропологические исследования (Дрёмов В.А., 1990, 1997) показывают расовую неоднородность еловского населения, если судить по памятникам у Еловки. Выявляются черепа ярко европеоидного, но не андроновского (фёдоровского) типа. Европеоиды характеризуются более длинной, но менее широкой черепной коробкой, более наклонным лбом, менее широким и более высоким лицом. В.А. Дрёмов предполагал принадлежность таких типов к доандроновскому субстрату. Можно допустить, что это были представители пришлого южного населения, которое приняло участие вместе с аборигенами в создании самусьской культуры. Некоторые индивидуумы имели явно монголоидные признаки. Происхождение монголоидности не вызывает сомнений – она связана с обитателями таёжной зоны Сибири. По сумме признаков еловцы занимают нейтральное положение: они ближе всего к андроновцам, чем

любые другие "северяне", и ближе к "северянам", чем любые "андроновцы". Еловская культура сформировалась на базе раннееловского населения - носителей культуры с гребенчато-ямочной керамикой, в результате прихода андроновцев (фёдоровцев). На Еловском II могильнике уже отмечалось соседствование могил аборигенов и пришлых андроновцев. Появляется гибридная керамика, на которой в орнаментации сочетались гребенчато-ямочные и андроновские декоративные элементы.

Процесс смешения андроновского (фёдоровского) населения и северного подтаёжного населения активно протекал в последующее ирменское время.

Ирменская культура выделена в 1955 г. Н.Л.Членовой по поселению Ирмень I на Оби южнее Новосибирска. Границами культуры на севере является тайга Западной Сибири, на западе Ишим-Иртышское междуречье. Юго-западная граница проходит у Петропавловска (Казахстан), восточная - где-то недалеко от устья Томи. По долине Оби ирменские памятники культура узким "языком" уходят в предгорья Алтая. Культура датирована VIII-VII вв. до н. э. (Членова Н.Л., 1970, 1973). М.Ф.Косарев (1981) удревяет возраст культуры до IX- VIII вв. до н. э. (в 1987 г. автор уточнил дату - X-VIII вв. до н.э.), В.И.Матющенко (1999) - до XIII-X вв. до н. э. По мнению Т.Н.Троицкой (1974), ирменский материал укладывается в рамки от XII/X до VIII/VII вв. до н. э. Таким образом, лишь верхняя граница культуры не вызывает сомнений.

В Верхнем и Томском Приобье известно более 50 поселений и небольшое число могильников.

Хозяйственные занятия у ирменцев во многом зависели от природных условий. Все они занимались скотоводством, а также охотой и рыболовством. В северной части ареала (томский вариант культуры) охота и рыболовство занимали большую долю, нежели в южном районе (верхнеобской вариант). Скотоводство являлось основой экономики и имело пастушескую форму с преобладанием крупного рогатого скота и содержанием животных в зимнее время в жилищах. На поселении Ирмень I пересчёт костей домашних животных показал следующее соотношение поголовья скота (%): крупный рогатый скот 41, мелкий рогатый скот 41, лошади 12. Число костей диких животных от общего их числа на отдельных памятниках изменяется незначительно - от 1 до 4%. Ирменцы занимались пашенным земледелием: на некоторых памятниках обнаружены зернотёрки, обломки ручных мельниц и серповидных орудий, а на Миловановском памятнике на сосудах найдены отпечатки растений, которые принадлежат голозерной пшенице или просу (Матющенко В.И., 1999, с. 107).

Погребальный обряд ирменцев изучен хорошо Под курганными насыпями находилось от 2-3 до 9-13 захоронений в могилах. Могилы не-

глубокие, лишь немногие из них углублены в материк, остальные находятся выше материка (материнской породы под почвой). В могилах нередко прослеживаются деревянные обкладки из четырех брёвен (один ряд) и следы перекрытий из плах. На Ирменском II могильнике практиковалась кремация – как полное сожжение, так и частичное обожжение трупа. В могилах при обряде труположения зафиксировано скорченное положение покойников на правом боку. Подчеркнём, что андроновцы своих покойников клали на левый бок, еловцы – на тот и другой, ирменцы же – только на правый (или преимущественно на правый). Сопроводительный материал был бедным: в могилы ставили по одному сосуду или же хоронили без инвентаря.

По данным В.А. Дрёмова (1997, с. 123), черепа ирменцев характеризуются средней длиной и большой шириной мезо-брахикранной черепной коробки. Лоб среднеширокий и средненаклонный с довольно сильно развитым надпереносьем. Лицо широкое, средневысокое, относительно низкое, мезо-ортогнатное, умеренно уплощённое. Глазные орбиты низкие. Нос невысокий, среднеширокий, переносье средней ширины, высокое. Носовые кости умеренно выступают у мужских черепов и сильно у женских. Нижняя челюсть крупная, массивная, с мало наклонными ветвями и средневыступающим подбородком.

Ирменская серия южных районов (Верхнее Приобье) очень близка к андроновской (Фёдоровской) серии этого же района. Различия заключаются в следующем. Черепа ирменцев отличаются более широким, уплощённым мезогнатным лицом, слабо выступающим носом, менее высокой черепной коробкой и менее широким лбом. Эти различия фиксируют сдвиг в сторону монголоидности. Не только по важнейшим расо-диагностирующим признакам, но и по другим размерам и указателям верхнеобские черепа, отклоняясь от андроновских, сближаются с черепами северных ирменцев, у которых монголоидные элементы представлены вполне отчётливо.

Следует отметить присутствие индивидуумов в среде ирменцев, отличающихся иным физическим типом. Мужской череп из могильника Красный Яр (курган 16, могила 1) в Новосибирской области имеет очень невысокий указатель выступления лица и малые величины общего и альвеолярного углов (76 и 63°). Эти признаки прогнатизма в сочетании с нижней челюстью, имеющей сильно наклонные ветви и очень большую длину от мыщелков, широким и слабо выступающим носом свойственны монголоидному типу, который выделен по неолитическим материалам и связывается с лесной зоной Западной Сибири. Это типичный антропологический тип абorigенов.

Малая ширина лба, сильная уплощённость и мезогнатия лица отмечены также у ряда черепов памятников Пьянково и Заречное I на р. Иня,

Ближние Елбаны и Камышенка. Черепа из северных районов ареала ирменской культуры более монголоидны, чем черепа из районов, лежащих южнее.

Участие андронидного компонента фёдоровского типа в сложении ирменской культуры бесспорно, как и участие местного таёжного населения. Это подтверждается палеоантропологическими материалами. А.Н.Багашёв (2000, с. 23) вполне определённо писал, что "доминирующую роль в формировании антропологического облика саргатских, ирменских ... групп сыграли два расовых пласта: европеоидный, генетически связанный с андроновским (фёдоровским) населением, и монголоидный, родственный населению таёжных областей Западной Сибири".

Дальнейшее развитие ирменской культуры приобрело саргатское, большереченское и молчановское направления (Труфанов А.Я., 1988).

Карасукская культура наиболее типична для Минусинской котловины, где её памятники встречаются по р. Абакан до устья р. Таштып, в долине Енисея от Минусинска до Батеневского хребта, в верховьях Чулыма и по Юсам, в правобережье Енисея по р. Тубе и в Сыда-Ербинской котловине. Для этого времени различают памятники собственно карасукские и каменоложские (лугавские). Суть носителей лугавской культуры не ясна. Возможно, это потомки предшествующих андроновцев (фёдоровцев)

Карасукцы занимались скотоводством и, возможно, земледелием. Скотоводство было весьма продуктивным, носило оседлый пастушеский характер. В структуре стада был мелкий и крупный рогатый скот, а также лошади. Помимо мясного назначения, лошадь и бык использовались в качестве тягловой силы. Судя по наскальным рисункам, в карасукское время появились более легкие повозки на колёсах со спицами. Это ускорило освоение карасукцами степных пространств.

Погребальные сооружения разбросаны на больших пространствах. Располагаются они как на берегах озёр и рек, так и в степи вдали от воды. Представляют собой каменные ограды прямоугольной, реже круглой формы. Последние неотличимы от андроновских. Ограды построены из тонких плит, вкопанных вертикально. Ограды встречаются как одиночные, так и с пристройками – до 12-18. В таких случаях квадратные оградки пристраиваются впритык к центральной круглой ограде.

Внутри оград выкопана, как правило, одна могила, реже две глубиной не более 1 м. В могильной яме устанавливался ящик из вертикально поставленных плит. Иногда устраивали цисты. Ящики были как трапециевидной формы (расширялись к изголовью), так и прямоугольной. Хоронили обычно по одному человеку в любое время года. Зимой для умершего сооружали на поверхности цисту из мелких плит высотой 1 м. Стенки такого ящика выравнивались изнутри, а снаружи обкладывался

плитками. Ящики ориентировались в широтном направлении либо с отклонением на юго-запад или северо-восток. Умершего укладывали вдоль северо-западной стенки ящика в вытянутом положении на спине со слегка согнутыми в коленях ногами. Головой трупы были ориентированы на северо-восток и север (северные районы ареала) или на запад и северо-запад – в южных районах. Слева у головы ставили 1-2 сосуда с напитками, а в ноги клали на деревянном подносе куски мяса – лопатку, рёбра, бедро и большую берцовую кость. Любопытно, что кости никогда не дробили, тушу разделявали по сочленениям. Мясо клали всем, даже младенцам. Обычно поверх костей животного клали обломанный конец лезвия ножа, очень редко – целый нож (Вадецкая Э.Б., 1986). Других предметов не обнаружено. Умерших хоронили в одеждах с большим количеством украшений.

Антропологический тип изучен хорошо. Ещё Г.Ф.Дебец (1932) вполне определённо писал о том, что антропологически карасукцы не похожи на своих предшественников – афанасьевцев и андроновцев по Енисею. Лицо их выше и уже, черепная коробка более круглая, что связано с уменьшением её длины. Лоб более наклонный, надбровье более слабое. Орбиты округлые, высокие, нос средневыступающий или даже плоский. И вообще карасукский тип более грацильный. В итоге Г.Ф. Дебец категорически заявлял, что эти признаки свидетельствуют о глубоком филогенетическом различии и самостоятельности сравниваемых групп. По материалам раскопок у с. Усть-Ерба в Хакасии М.М. Герасимов (1955) выполнил графическую реконструкцию внешнего вида карасука, не испытывавшего монголоидного влияния (рис.21).

Рис. 21. Не метисный тип карасука.
Археологический памятник Усть-Ерба
в Хакасии, череп 77890
(графическая реконструкция)

А.В.Громов (1995) провёл сравнительный анализ большего числа черепов карасукцев как между разными их группами, так и с андроновскими.

Среди карасукцев были выделены две группы: южная (памятники Белое Озеро, Сабинка II, Фёдоров Улус, Есинская МТС, Тёрт-Аба) и северная (Хара-Хая, Тагарский Остров IV, Малые Копёны 3, Карасук I, Сухое Озеро). Сравнительный анализ показал следующее:

- 1) карасукцы северной и южной групп явно различаются;
- 2) черепа южных карасукцев морфологически близки к краниологическим материалам ирменцев и андроновцев, особенно верхнеобских;
- 3) женские черепа южной группы даже ближе к андроновским, чем к карасукским черепам северной группы;
- 4) мужские серии карасукской культуры в целом более близки между собой, чем женские, но и здесь черепа из южной группы ближе к андроновским, чем к северным;
- 5) северные карасукцы ближе к окунёвцам, но не настолько как южные к андроновцам.

По мнению А.В.Громова, на юге Хакасии у карасукцев сохранился исходный андроновский тип, но андроновцев не минусинского типа, а верхнеобского и восточно-казахстанского.

Деляя более широкие обобщения, А.Н.Богашёв (2000а, с. 138) отмечал: "*черкаскульские черепа близки по морфологии карасукским и ирменским*", что "...свидетельствует о генетическом единстве большого пласта населения, оставившего памятники черкаскульской, ирменской и карасукской культур".

Происхождение карасукской культуры вызывает горячие споры. Предлагались две полярные точки зрения: 1) культура имеет местное происхождение, то есть она эволюционно сменила предшествующую (андроновскую) культуру, 2) культура сформировалась в результате прихода больших масс людей из других регионов. Причём локализация исхода предков карасукцев указывалась противоположная: Забайкалье и Китай или Казахстан.

М.Д.Хлобыстина (1969) сделала попытку примирить эти две версии. По её мнению, карасукская культура сформировалась на основе двух компонентов – местного бейского (окунёвско-афанасьевская традиция) и пришлового классического андроновского.

Э.Б.Валецкая (1986, с. 60 и сл.), оценив известные гипотезы, всесторонне рассмотрела проблему происхождения карасукской культуры.

В пользу автохтонного происхождения карасукской культуры свидетельствуют её связи с местными андроновской и окунёвской культурами. Это наследование выражено в конструкции погребальных сооружений, обряде захоронения, орнаментации керамики и в антропологии

(см. выше). Генетическую связь с андроновской (на Енисее) культурой или черты этой культуры у карасукцев видели С.А. Теплоухов Э.Р. Рыгдылон, М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, Г.А. Максименков. С другой стороны, не имеют местных корней новые формы украшений, ножей, инкрустирование керамики. Эти инновации указывают как на западные (Казахстан), так и на восточные (Забайкалье, Монголия, Ордос) связи, что породило полную неопределенность в этом вопросе. Похоже, восточная концепция С.В. Киселёва и Э.А. Новгородовой ныне большинством исследователей не поддерживается: получены палеоантропологические материалы, которые более определенно указывают на миграцию какого-то коллектива с запада – из Казахстана. А.В. Громов предложил компромиссный вариант решения – миграционную концепцию, но и он не отрывал её от андроновцев. По его мнению, предки карасукцев пришли на Енисей из Восточного Казахстана через Верхнее Приобье и принесли с собой восточно-казахстанский вариант андроновского (фёдоровского) антропологического типа. Минусинский тип андроновцев отражает процессы метисации их с местным монголоидным населением (окунёвцами?). Пришлые с запада карасукцы также переняли эти антропологические (метисные) особенности.

Однако исходная локализация предков карасукцев Енисея неизвестна. Предполагаемая связь карасукцев с бегазинцами Казахстана столь призрачна, что вряд ли её следует считать главной. Хотя нужно отметить, что бегазинские памятники известны не только в Восточном Казахстане, но и на равнинной части Алтайского края. Наблюдаемые в ирменской культуре явные карасукские компоненты не связаны с минусинским карасуком. Они имеют свои источники, пока неизвестные (Членова Н.Л., 1994). Однако Т.Н. Троицкая (1974) считает, что ирменская культура в Новосибирском Приобье является вариантом карасукской.

Карасукская культура оставила следы на обширной территории Евразийских степей. Посуда имеет определенное сходство с отдельными сосудами из района Кустаная и поселения Ирмень I. Ранние курганы карасукского типа (XII в. до н.э.) известны в приаральских степях (Мошкова М.Г., Генинг В.Ф., 1972). В Северном Прикаспии найдены на кратковременных стойбищах обломки посуды явно карасукского облика (Мелентьев А.Н., 1975). Б.В. Техов (1977) отметил находки ножей карасукского типа на Кавказе. Но наибольшую близость по формам, технике изготовления и орнаментации находят при сопоставлении с посудой из поселений степной полосы Центрального Казахстана – Бегазы и Дандыбай. Карасукские элементы также выявлены в керамике биенской культуры Семиречья (Карабаспакова К.М., 1987). Находки карасукских вещей в Китае (Ордос) столь многочисленны, что ряд авторов (С.В. Кисе-

лёв, Э.А. Новгородова) вообще считали, что культура там и зародилась. Н.Л. Членова (1972, с. 134) сообщает, что следы карасукской культуры прослеживаются в гальштатской культуре Европы, чёрнолесской культуре Украины. А если вспомнить, что карасукские вещи сходны с вещами из Северного Ирана и из Хорезма конца III – начала II тыс. до н. э., то обилие следов карасукской культуры просто поражает воображение.

Подводя итоги, скажем, что все-таки карасукская культура - это самая таинственная из круга андроновидных культур. Так и не выяснена степень отдаленности/близости её по отношению к андроновской (фёдоровской). Не ясно, были ли её носители физическими потомками фёдоровцев, унаследовавшими их язык, или же это были иноплеменники, которые унаследовали многое из материальной и духовной культуры фёдоровцев. История знает такие примеры. Так, индоевропейцы, пришедшие в те же времена из-за моря в Малую Азию, не только позаимствовали религию покорённых ими хаттов, но и переняли их имя.

Но все жё имеются некоторые материалы, позволяющие допускать кетское (енисейское) происхождение карасукцев. В четырехугольнике между Енисеем и Ангарой очень показательны коттские топонимы – названия рек на *-шет*, *-чет*. По Ангаре известна шиверская культура (1300-900 гг. до н. э.), которая несёт явные следы влияния карасукской: скорченные захоронения, не характерные для предшествующей глазковской культуры (Эпоха бронзы..., 1987, с. 341). Скорченные захоронения, одиночные и групповые, известны по Приангарью от верховьев до устья Коды.

Более поздняя культура плиточных могил Прибайкалья (первое тысячелетие до новой эры) также испытала влияние карасукской культуры. В степном Прибайкалье нередки находки карасукских вещей, датированных в основном X-VIII вв. до н. э. В.И.Матюшенко (1992) сблизил обе культуры и объединил их в карасукскую культурную общность.

ВНУЧАТЫЕ КУЛЬТУРЫ

Саморазвитие и взаимодействие дочерних культур между собой и с иноплеменниками-аборигенами Сибири привело к образованию новых культур, в той или иной степени сохранивших наследие фёдоровцев (рис. 22).

Межовская культура распространена как в Зауралье (Челябинская область, Среднее и Верхнее Притоболье, Петропавловское Приишимье), так и в Предуралье (бассейны р. Белая, Ик, Кама до устья Вятки). Первоначально выделена К.В.Сальниковым (1964) как средний этап черкаскульской культуры. Позднее М.Ф.Косарев в докторской диссертации выделил этап в самостоятельную межовскую (межовско-замараевскую)

культуру. Межовцы вели комплексное хозяйство, основу которого составляло пастушеское скотоводство. Большое количество крупного рогатого скота (38%) и свиней (16-17%) предполагает осёдлость населения. Население северной части ареала культуры занималось в основном охотой на лосей и бобров. Рыболовство также было обычным занятием межовцев.

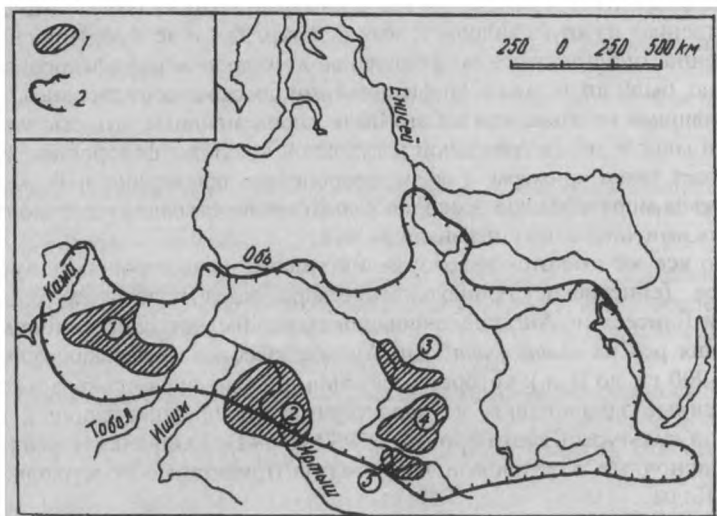

Рис. 22. Внутчатые "отпрыски" фёдоровской культуры: 1 - культуры: 1 - межовская, 2 - саргатская, 3 - корчажинская, 4 - 5 - большереченская, 2 - ареал кетских топонимов

Жили межовцы в землянках (редко), полуземлянках и наземных жилищах. Конструкция жилищ состояла из столбов. Глубокие полуземлянки и землянки, очевидно, имели бревенчатые стены. Столбы поддерживали коническую крышу. Если считать межовскими могильники Такталачукский и Красногорский I (см. выше), то погребальный обряд носителей этой культуры можно обрисовать следующим образом. Основной вид захоронений – подкурганый. Под одним курганом было от одного до семи захоронений. Глубина могильных ям была небольшой, размер их зависел от возраста и позы погребённых. Некоторые могилы были в насыпи кургана оборудованы срубом в один венец или покрыты деревом. На могиле сооружалась песчаная площадка. При труположении покойника клали скорченно (ранние захоронения) или в вытянутом (поздние захоронения) положении. Предполагается, что ноги покойника крепко связывали. Выявлены три трупосожжения, совершённые в моги-

лах и одно на подкурганной площадке. Сопровождающий инвентарь представлен одним-двумя сосудами и единичными вещами. Найдены кости крупного и мелкого рогатого скота, редко – лошади и рыб.

Возраст культуры, особенно его нижняя дата, остается дискуссионным. Ниже приведены известные нам варианты (все даты до н. э.): *К.В.Сальников* - XII-VIII; *В.И.Матющенко* – XI/X-VIII, *М.Ф.Обыдённов* – XII-VII; *М.Ф.Косарев* – X-VIII, *А.Ф.Шорин* – верхняя граница VIII/VI.

На средней Каме, между устьем р. Чусовая и г. Сарапул, известны памятники, синхронные межовским, объединяемым в ерзовскую культуру (XI-VIII вв. до н.э.). В создании культуры приняли участие пришлые скотоводческие племена - андроновские или подвергнувшиеся андроновскому влиянию (Денисов В.П., 1961). Проникнув в Прикамье, эти племена не смогли полностью ассимилировать местное население, а возможно и сами были ассимилированы им.

Саргатская культура выделена В.А.Могильниковым (1972) и названа по курганной группе у дер. Саргатка на Иртыше (примерно в 70 км ниже Омска). В Прииртышье между устьями Оми и Тары сосредоточена основная масса памятников культуры. Известны саргатские памятники в Башкирии, Притоболье, Барабе и в предгорьях Алтая. Представлены они поселениями и могильниками при них.

Городища расположены на мысах между оврагами у реки; с напольной стороны защищены валами и рвами. Валы имеют выемки, а рвы - перемычки для проезда на защищаемую территорию. Жилища прямоугольной формы, слегка углубленные в грунт, с очагом в центре, устроенном в яме или на ровном полу. Основным занятием саргатцев было скотоводство. Разводили коров, мелкий рогатый скот и лошадей. На некоторых поселениях были встречены кости свиньи. Охотились саргатцы на лосей, косуль, бобров, лисиц, зайцев, куниц, соболей. Подсобную роль играло рыболовство: на поселениях найдены многочисленные кости щук, язёй, окуней, осетровых. Развито было прядение и ткачество.

Очень информативны курганные могильники. Число курганов обычно небольшое, редко оно достигает 30. Под курганной насыпью в материке у большинства курганов имеется разомкнутый кольцевой ровик шириной 0,4-0,6 м и глубиной 0,2-0,5 м, что является характерным признаком саргатской культуры². Объём ровиков во много раз меньше объёма курганной насыпи, поэтому ровики нельзя рассматривать как результат выемки грунта для создания курганной насыпи. Возможно, это имитация рвов и валов, ограждавших поселение.

² В.И.Молодин (1985, с. 105) обнаружил разомкнутые ровики под насыпями двух андроновских курганов в Барабе. Ю.Ф.Кирушин (1995, с.67) описал кольцевые ровики под андроновским курганом памятника Быково (Верхнее Приобье).

Под одним курганом находится одно (ранний этап культуры) или несколько погребений (поздний этап культуры). На уровне материка могилы имеют подпрямоугольную форму со слегка закруглёнными углами или почти овальную. Стенки вертикальные или слегка наклонные. Вдоль длинных стенок иногда наблюдаются ступеньки-заплечики³. Нередко стенки укреплялись деревянными сооружениями. А.В.Матвеев и Н.П.Матвеева (1992) в глубоких могильных ямах отмечали следы облицовки стен и пола. В кургане Долгий Бугор стенки погребения были закреплены сложно построенным заплотом из березовых бревен, уложенных в два слоя. Здесь вдоль стен ямы были вкопаны два ряда вертикальных столбов. В каждом ряду столбы стояли вплоты друг к другу, а пространство между рядами, а также пространство между вторым рядом и стенкой ямы было заполнено снизу доверху уложенными рядами брёвен. В ряде памятников Приртышья для устройств перекрытий вдоль стен могильной ямы вкапывались друг против друга столбики (от них остались ямки диаметром от 10 до 35 см и глубиной от 5 до 70 см). На столбиках лежали поперечные брусья, на которые укладывались продольные бревна или доски перекрытия.

Могилы на уровне древней поверхности или поверх выкида могилы перекрывались накатом в один или реже в два наката. Бревна укладывались вдоль или поперек могилы. Иногда концы бревен опирались на ступеньки-заплечики. Но этот приём был не повсеместным.

А.В.Матвеев и Н.П.Матвеева (1992) обратили внимание на некоторые детали устройства могил. На дне могильной ямы у основания коротких стен (в изголовье и ногах покойного) наблюдаются канавки шириной 30–45 см и глубиной 10–30 см. В таких случаях череп скелета заваливается в головную канаву, а кисти стопы – в ножную. Авторы считают, что для умершего было изготовлено деревянное ложе на двух горизонтальных упорах (брёвнышках), положенных в канавки. Древесный тлён на дне могильных ям подтверждает предположение, что ложе было сделано из досок. Авторы считают эту деталь похоронного обряда заимствованием из ритуала какого-то оседлого земледельческого населения.

Костяки в могилах обычно лежат на спине, вытянуто; руки уложены вдоль корпуса или несколько откинута. Единичны захоронения на левом боку (Могильников В.А., 1972, с. 71). Ориентировка погребённых не выдерживалась на протяжении всего времени функционирования культуры. А.В.Матвеев и Н.П.Матвеева (1992) пишут, что для саргатской похоронной обрядности было обычным использование бересты:

³ Могильные ямы с заплечиками известны в памятниках фёдоровской культуры (Кузьмина Е.Е., 1987; Кирушин Ю.Ф., 1995, с. 66), а также в культурах черняховской, ранних кочевников Павлодарского Приртышья, сармат Поволжья и Приуралья и средневековых булгар.

ею обёртывали умершего. Иногда же из бересты изготавливали для него сшивной короб.

Помимо основных могил были и впускные, которые располагались в насыпях курганов. Они углублялись до древней дневной поверхности или врезались в древнюю почву и даже подпочвенный слой. Впускные могилы нередко имели бревенчатое перекрытие; в некоторых случаях отмечено использование бересты. На дне могильных ям были обнаружены следы древесной подстилки.

На могильнике Горная Бития (ниже Омска) замечены аномалии в захоронениях, трудно объяснимые. В одной могиле были захоронены только два черепа, один из которых имел две пробоины. В другом кургане обнаружено только тулово без головы, и под той же насыпью имелось захоронение целого скелета, в изголовье которого лежал ещё один череп.

В.А. Могильников (1972) предполагает, что курганный могильник был родовым кладбищем, а отдельные курганы в пределах его принадлежали отдельным семьям. Впускные могилы, как правило одиночные, были могилами членов семьи.

В могилах обнаружен разнообразный сопроводительный инвентарь – керамика, украшения, орудия труда, предметы вооружения, и культа.

Антропологический тип саргатцев изучен М.С.Акимовой (1972) по двум сериям – ишимской и иртышской. Обе серии сходны, что свидетельствует об их родстве. В ишимской серии мужские черепа по всем основным размерам мозгового отдела черепа имеют средние величины. По черепному указателю саргатцы находятся не верхнем пределе мезокранности (почти круглоголовые). Лоб по абсолютным размерам довольно широкий, по отношению к поперечному диаметру укладывается в рамки средних величин. Наклон лба умеренный, рельеф лобной кости развит значительно. Лицевой отдел характеризуется средней высотой и большой шириной (скуловая ширина 140 мм). Черепа ортогатны, орбиты широкие, средневысокие. Переносье довольно высокое. В иртышской серии черепа более крупные (по продольному и поперечному размерам), но высота черепа меньше. Орбиты низкие. Некоторая уплощенность лица, особенно у женских черепов иртышской серии, свидетельствует в пользу слабой монголоидности населения. По заключению антрополога, европейский компонент связан с андроновцами, что подтверждают *"...низкое и широкое лицо, сильная или умеренная профилировка его, низкие орбиты..."* (Акимова М.С., 1972, 152). Монголоидность, надо полагать, имеет сибирское таёжное происхождение.

А.Н.Богашёв (2000а) изучил краниологические материалы из нескольких саргатских памятников Барабы и пришёл к заключению, что население, оставившие эти памятники, имело три расовых компонента,

удельный вес которых в разных памятниках не одинаков: 1) европеоидный с узким лицом и и высоким мезо-долихокранным черепом; 2) европеоидный с широким лицом, невысоким мезо-брахикранным черепом; 3) монголоидный с широким лицом и низким брахикранным черепом.

Возраст культуры исследователями трактуется по-разному: *В.А. Могильников* (1972) – с IV-III вв. до н. э. по II-III вв. н. э.; *Н.П. Матвеева* (1991) поддерживает это датирование; *В.И. Матющенко* – VII в. до н. э. - III в. н. э.; *Н.В. Полосьмак* (1987) выделила в истории культуры Барабы четыре этапа: 1) конец VII - начало V вв. до н. э., 2) V-III вв. до н. э., 3) III-I вв. до н. э., 4) I в. до н. э. - I в. н. э. Если ранняя датировка, предложенная *Н.В.Полосьмак*, верна, то в ареал формирования культуры следует ввести и Барабу. Вопрос о возрасте культуры специально рассмотрен *Н.П.Матвеевой* (1991). Исследовательница отмечает, что массовые материалы характеризуют время с IV в. до н. э. по II в. н. э. Некоторые памятники датируются V-IV вв. до н. э. Возможно, культура начала складываться и раньше. Не ясно время исчезновения культуры. *В.А.Могильников* считал, что это произошло в III-IV в. н. э.; в *Тобол-Иртыше* саргатцы повсеместно доживают до IV в. н. э.

Саргатцы предпринимали далёкие миграции как на запад, так и восток. Поэтому по периферии ареала саргатцев возрастные рубежи культуры будут неодинаковыми. Явно саргатская керамика и бронзовые изделия VI-V вв. до н. э. найдены в Степном Приобье на р. Касмала (*Иванов Г.Е.*, 1991). В V-IV вв. до н. э. в правобережье Оби в среду носителей большереченской культуры проникает значительная группа саргатцев. Об этом можно судить по широкому распространению погребений под курганами с кольцевыми ровиками, разделёнными перемычками. Могильные ямы довольно глубокие с заплечиками в придонной части. Ямы внизу оформлены обкладками из плах или брёвен в один-два венца. Под одним курганом расположена одна или несколько могил. Позже (III-I вв. до н. э.) число могил увеличивается до 20 (*Могильников В.А.*, 1986).

Интересные материалы, правда не датированные, получены *А.А. Казаковым* (1995) по раскопкам у с. Елунино. Под курганом диаметром 40 м и высотой 1,45 м был прослежен кольцевой ров шириной 2-2,5 м. В заполнении ровика обнаружены кости лошади. Под курганом была одна могила глубиной 5,17 м от современной поверхности. Погребальная камера размерами 2,5 на 1,6 м была ориентирована с запада на восток. Камера оформлена четырьмя брусьями и имела шестислойное бревенчатое перекрытие. Пять слоёв продольных брёвен опирались концами на материковые заплечики, а шестой из поперечных бревен – на продольные стенки камеры. Бревенчатый настил был засыпан выбросами из ямы толщиной 80 см; поверх грунта положены продольные брёвна диа-

метром от 10 до 20 см. В связи с полным ограблением могилы культурную принадлежность погребения установить не удалось. Высказаны два предположения: первое – это саргатский памятник и второе – это сооружение андроновцев. Последнее предположение более предпочтительно, так как в левобережье Оби известны и андроновские курганы с кольцевыми ровиками под насыпями (Киришин Ю.Ф., 1995).

Происхождение саргатской культуры в общих чертах ясно. Она возникла в результате симбиоза сузгунской культуры и позднего варианта ирменской.

Молчановская культура выделена в 1964 г. М.Ф. Косаревым по раскопкам Остяцкой горы в низовье Чулыма. Наиболее вероятной датой культуры являются IX-VII или VIII-VI вв. до н. э. (Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987, с. 302). Ареал культуры образует широтную полосу в зоне тайги, протягиваясь от среднего течения р. Васюган (памятники Тух-Эмтор IV) через низовье Чулыма на верховья Кети (Шайтанское городище). Правда, последний памятник стоит обособленно как пространственно, так и типологически.

Материальная культура молчановцев изучена плохо. Это были в основном рыболовецко-охотничьи племена. Они строили землянки, углублённые в грунт на 1,1 м. В изученном памятнике (Молчановская Остяцкая Гора) вдоль стен жилища были две возвышенные площадки. Посреди жилища находился очаг.

Керамика делится на две группы, отражающие этапы формирования культуры. Первая группа включает плоскодонные горшковидные сосуды с геометрическим андронидным орнаментом, сходным с орнаментом позднееловской посуды. Посуда второй группы не имеет орнамента, который можно было бы сопоставить с орнаментацией предшествующих андронидных культур. Здесь декоративная схема включает горизонтальные полосы из наклонных вдавлений мелкоструйчатого гладкого или гребенчатого штампов. Некоторые сосуды орнаментированы отсутствующими наколами. Обе группы орнаментации имеют разное происхождение. Первая является продолжением местной позднееловской посуды, вторая была принесена из северных районов Западной Сибири. Можно отметить, что орнаментация посуды молчановской культуры не свойственна посуде ирменской культуры.

Погребальный обряд молчановцев не изучен.

Молчановская культура возникла на позднееловской основе при участии северных групп населения. Кем были эти северяне? Присутствие элементов крестового орнамента на посуде второй группы позволяет видеть в этих пришельцах носителей атлымской культуры, сформировавшейся в X в. до н. э. по Оби ниже устья Иртыша. Атлымцы мигрировали вверх по Иртышу и Оби и приняли участие в формировании

культур гамаюнской в Зауралье, завьяловской на Оби и, несомненно, молчановской. По нашему мнению, атлымцы были уграми.

Корчажгинская культура выделена Ю.Ф. Кирюшиным и А.Б. Шамшиным в Барнаульско-Бийском Приобье по раскопанному Б.Х. Кадиковым поселению Корчажка V на берегу оз. Иткуль. Памятники культуры (поселения и могильники) расположены узкой полосой вдоль правого берега Оби и в приустьевых частях её притоков (Фирсово, Речкуновка и др.), а также по берегам озер Верхобского бора (Костёнкова Избушка, Корчажка). Изучены памятники в левобережье Оби (Казённая Заимка, Чарышское, Серебренниково), а также в бассейне р. Иня (Бобров В.В., 1995). Эти своеобразные памятники были известны давно, но их включали либо в состав ирменской культуры, либо еловской в качестве алтайского варианта.

Носители корчажгинской культуры вели комплексное хозяйство. Наравне со скотоводством (разведение лошадей, коров) они занимались охотой и рыбной ловлей.

В составе культуры выделены два типа керамики – фирсовский и иткульский, различающиеся по форме и орнаментации.

Для более ранней керамики фирсовского типа характерно сплошное заполнение стенки сосуда гребенчатым орнаментом. Более поздняя керамика иткульского типа отражает переход от гребенчатого штампа к гладкому, который становится преобладающим; появляется геометризм, в том числе треугольники. В целом для керамики характерно чередование одних и тех же мотивов, разделенных рядами ямок, прочерченными линиями, чистыми поясами (Горбунов В.В. и др., 1997).

Погребальный обряд изучен недостаточно. Все погребения грунтовые, но, судя по имеющимся материалам, обряд погребения был двояким:

1) одиночные скорченные захоронения на левом боку, головой на запад (продолжение андроновской традиции);

2) вторичные погребения (памятник Осинки). Кости в могилах разбросаны, некоторые части скелета отсутствуют. Авторы предполагают, что такие могилы были длительное время открытыми, либо в них были захоронены уже разложившиеся останки, ранее находившиеся в другом месте. Такой обряд практиковался носителями еловской и ирменской культур. Два типа захоронения свидетельствуют о сложном пути формирования корчажгинской культуры (Горбунов В.В. и др., 1997).

Более ранний фирсовский этап датируется верхним рубежом андроновской культуры в Бийско-Барнаульском Приобье – первой половиной XII в. до н. э. Верхняя возрастная граница этапа определяется датой появления иткульских памятников, которые сменяют фирсовские – X в. до н. э. Возраст иткульского этапа – X – первая половина VIII в. до н. э., что соответствует времени существования ирменской культуры. Возраст

корчажнинской культуры, таким образом, определяется в рамках XII/XI-первая половина VIII вв. до н. э.

Большереченская культура. Памятники культуры распространены в Приобье от устья обской протоки Уень на севере до слияния Бии и Катуня на юге. Имеются археологические доказательства проникновения большереченских традиций в Кузнецкую котловину до с. Лачиново на Томи (Мартынова Г.С., Новгородченкова И.В., 1986) и даже до предгорий Кузнецкого Алатау (Бобров В.В., Добжанский В.Н., 1986), а по долине Катуня до Алтайских гор. Культура выделена впервые М.П. Грязновым по работам 1946-1949 гг. на р. Большая Речка у с. Чаузово. Исследователь датировал культуру VII в. до н. э. - I в. н. э. и выделил в её составе этапы, последовательно сменяющие друг друга, собственно большереченский (XII-VI вв. до н. э.), бийский (V-III вв. до н. э.), берёзовский (II в. до н. э. - I в. н. э.). После нескольких хронологических трансформаций культура получила следующую датировку - VI-V вв. до н. э. - II-I вв. н. э. (Очерки культурогенеза..., 1994). Высказывались предложения сохранить за культурой только собственно большереченский этап (Могильников В.А., 1986, с. 31).

Носители большереченской культуры вели комплексное хозяйство. Явные скотоводы и земледельцы, они активно занимались охотой и рыболовством (Шамшин А.Б., 1997).

Скотоводство было основной отраслью хозяйства. Оно было оседлым, пастушеским. Разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней. Структура поголовья была различной и зависела от конкретных природных условий. В правобережье Оби (поселение Мыльниково), залесённом и богатом лугами, преобладал крупный рогатый скот (50,6 % от всех домашних животных). Лошади составляли 36,1 %, мелкий рогатый скот 5,7 %, собаки 5,3 %, свиньи 2,3 %. В степном левобережье, если судить по памятнику Елунино, эти цифры будут следующими: 53,2 - 35,6 - 8,7 - 2,1 - 0,5 %.

Занятия хлебопашеством подтверждены находками зернотёрок (Мыльниково), хотя самих зёрен до сих пор не найдено.

Охота имела в основном мясную направленность. В Мыльниково кости мясных животных составили 86,4 %, в Елунино 83,9 % от общего числа костей диких животных. Объектами охоты были лось, марал, кулан, дзерен, косуля, медведь. Большереченцы охотились и на волков, лисиц, зайцев, бобров, выдр, соболей.

Рыболовство играло значительную роль в занятиях большереченцев, чему благоприятствовало обилие озер, мелких и крупных рек. Подтверждается рыболовство как нередкими находками костей рыб, в том числе в горшке и на берестяном блюде, так и орудиями лова (гарпуны, остроги, каменные грузила).

Хозяйство большеереченцев следует рассматривать как классическое многоотраслевое с преобладанием скотоводства.

Погребальный обряд на грунтовых (Ст. Алейка, Обские Плёсы, Бол. Елбаны) и курганных могильниках одинаков. Курганы располагались по краям надпойменных террас. Почти во всех обнаружены кольцевые рвы шириной 40-90 см и глубиной до 1 м. Земля, вынутая из рва, складывалась в виде валика с внешней стороны. Въезд был с восточной стороны. Курганы раннего этапа содержали одну или две могилы, более поздние - 2-3 могилы. С IV в. под курганами было уже большое число могил, которые располагались по кругу относительно центральной могилы, ориентированной широтно. Такая система расположения могил характерна, в частности, для саргатцев, сарматов и племён Урала.

Могильные ямы были прямоугольной, реже овальной формы глубиной до 2 м. Часто в могилах делали заплечики на высоте до 40 см от дна. Почти все могилы имели перекрытия из одного или нескольких накатов брёвен. Бревна лежали на заплечиках или на расположенных на дне двух поперечных, реже продольных бревнах, на срубе в 1-2 венца. Реже накат устраивали на вертикальных столбиках. Ряды брёвен наката переслаивались травой или берестой. Захоронения были одиночными, реже парными. Погребённые лежали в вытянутом положении на спине, с IV в. появляются скорченные захоронения и кенотафы. Сопровождающий инвентарь не богат. В ногах, реже у головы помещались сосуды; куски мяса клали в изголовье. Изредка в могилы клали металлические предметы.

Большеереченская культура сформировалась на базе корчажкинской (больше черт сходства) и ирменской культур (Шамшин А.Б., 1997), связанных, в свою очередь, с андроновской (Фёдоровской). Это, пожалуй, последняя из известных культур, которую мы соотносим с предками кетов. В последующие времена (с середины I тыс. до н. э.) археологические следы их теряются. Что стало причиной этого, остаётся только догадываться. Натиск иранских племён с последующим хуннским вторжением и экспансией тюрков не только заставил часть кетов (енисейцев) уйти в другие места (на север по Енисею), но и способствовал потере их своеобразной материальной культуры и обрядности захоронения, а также языковой и физической ассимиляции. Какие-то группы енисейцев сохранились к приходу русских, другие исчезли незадолго до русской колонизации. Но корни последних известных групп уже не прослеживались вглубь времён. Произошла потеря информации. Двухтысячелетний безгласный период в жизни некогда многочисленного народа с высоко развитой материальной культурой и сложным мировоззрением привёл постепенно к угасанию и регрессу по всем направлениям.

В последнее время были сделаны попытки найти средневековые следы кетоязычных народов. Попытки эти единичны, обнадеживающих материалов они не дали, но радует интерес, проявившийся к ним.

Средневековье. А.М. Илюшин (1997а) рассмотрел историю изучения средневековой археологии в Кузнецкой котловине. Выбор территории для нас чрезвычайно интересен, так как именно здесь компактно расположены многочисленные енисейско-кетские топонимы – "инбакские" типа Анзас, Барзас и пумпокольские типа Чиндат, Бартат. Особое внимание привлекают раскопки 50-60-х гг. по рр. Иня (Новокамышенка, Камысла) и Ур (Ур-Бедари). Памятники "привязаны" к сросткинской культуре (VIII-X вв.), носителями которой были тюрки-кимаки, ассимилировавшие самодийцев. Позднее исследование ряда археологов (М.Г. Елькин, А.И. Мартынов, В.В. Бобров, Ю.М. Бородкин и др.) позволили выделить кемеровский вариант сросткинской культуры, также связанный с кимаками. Среди носителей сросткинской культуры (и её кемеровского варианта) помимо тюрков стали усматривать аборигенный компонент (В.А. Могильников). Памятник Сапогово квалифицирован как местный, оставленный угро-самодийским населением, которое находилось в тесном контакте с тюрками-тюргешами. В начале 90-х гг. была высказана версия, что средневековые погребения по обряду кремации на стороне принадлежали нетюркскому населению бома. А.М.Илюшин (1998) в составе населения сросткинской культуры усматривал самодийцев и тюрков. Таким образом, участие дотюркского населения в средневековой истории Кузнецкой котловины уже поставлено археологами в повестку дня. Но в этом вопросе ни разу кетская тема не прозвучала.

С.Г.Соболев (1995) производил раскопки могильников на северной окраине Красноярска, в местах исторического проживания аринов. Могильники были оформлены на поверхности округлыми кольцевыми и сплошными каменными выкладками. Преобладал обряд трупоположения (иногда с трупобожжением), сопровождавшийся предварительным обожжением места захоронения. Глубина могильных ям от 0,2 до 0,5 м. В ямах отмечены обкладки (рамы) из плах, колоды, гробы. Костяки лежат обычно на спине, иногда скорченно на боку или лицом вниз. Некоторые погребены просто в яме или в яме с накатом бревён. Захороненные сопровождалась разнообразным инвентарём (наконечники стрел, конская сбруя, деревянная и берестяная посуда, украшения, много керамики, в основном в насыпях). Большинство могил относится к XVI-XVII вв., не позднее середины XVIII в. Никаких признаков христианского культа в погребениях не обнаружено. Следовательно, захоронения могли принадлежать только язычникам – качинским татарам или аринам. С.Г.Соболев считал, что из этой массы могильников чисто качин-

ские и чисто аринские памятники выделить не удалось. Хотя некоторые элементы погребальных сооружений не противоречат андроновским (Фёдоровским) традициям (кольцевые выкладки, каменные наброски, скорченное положение на боку, частичное обожжение трупа, деревянные обкладки могильной ямы, бревенчатое перекрытие, малая глубина могильных ям). Особенно близки эти элементы в обустройстве могильных сооружений ирменцев.

В этом отношении интерес представляет информация А.М. Илюшина (1997б) о сходстве погребальных комплексов ирменского времени и средневековья Кузнецкой котловины (долина р. Касьма, левого притока р. Иня в Кемеровской области). К числу сходных черт автор относит форму насыпей курганов, употребление дерева для могильных конструкций, в том числе и деревянных столбов, вкопанных у изголовья погребённых. Как в ирменских, так и в средневековых курганах имеются следы огня в виде кострищ, прокала грунта, древесных углей и свержение обряда обожжения на месте захоронения. В тех и других погребения свершались обрядами ингумации или кремации на стороне. По р. Иня имеются ирменские памятники и памятники корчажкинской культуры, выросшей из ирмени. Обе культуры имеют Фёдоровские корни, можно предполагать, что их носители были кетоязычными. Экстраполируя эту тенденцию на средневековье, можно считать, что некоторые культуры этого времени также были кетоязычными. Автор не сомневается, что кетское происхождение многих топонимов в Кузнецком Алатау и Шории будет подтверждено и археологическими данными. Этническая разбивка археологических памятников средневековья – это только дело времени.

Можно ли в культуре исторических кетов выявить какие-то отзвуки культуры их далеких предков - Фёдоровцев?

Б.О. Долгих (1934) отмечал у кетов обряд захоронения в земле, некоторые черты которого имеют параллели в Фёдоровском обряде. Умершего кеты зарывают в землю в примитивном гробу. Перед моментом опускания гроба в яму зажигается костёр, который тушится как только могила засыпана (не пережиток ли это обычая сжигать покойников?). На гроб кладется кусок тиски (вываренной бересты), в головах – разбитая чашка (не отзвук ли это андроновского ритуала – чашка у головы?). Голова покойника обращена на восток, как и у черкаскульцев (у Фёдоровцев – западная или юго-западная ориентация). Другой способ явно заимствован у аборигенов: раскалывают высокий, с человеческий рост, пень и делают в нём нишу, в которую вкладывают труп, после чего его прикрывают другой половиной пня и стягивают обе половинки деревянными обручами.

* * *

Итак, складывается следующая картина этногенетической линии кетов. Язык их принесён андроновцами-фёдоровцами из Передней Азии через Кавказ и Южный Урал. Недостаточно ясно, где и каким путём сформировался их антропологический тип – палеоевропейский низко- и широколицый, мезобрахикранный с невысокой черепной коробкой. Возможно две версии: 1) выходцы из Передней Азии были ассимилированы в физическом отношении аборигенами Северного Предкавказья, но сохранили свой язык; 2) из Передней Азии пришли группы людей с древними расовыми кроманьоноподобными признаками. Нам более импонирует первая версия. В Сибири пришлые фёдоровцы встретили население двух расовых типов. На юге, в лесостепной зоне, это были ранее пришедшие восточнесредиземноморские европеоиды с высоким и узким лицом (елунинцы). Севернее, в лесной зоне, обитали сибирские низколицые монголоиды (финно-угры и самодийцы). Метисация этих групп населения привела к формированию расовых типов с различным соотношением признаков европеоидности и монголоидности. С удалением на север признаки сибирской монголоидной расы проявлялись резче, европеоидные, наоборот, были явственными с удалением в южные районы. Расовые признаки центральных монголоидов принесены в эпоху раннего железа не носителями этого типа, а метисами из скифской среды, сформировавшимися еще в Центральной Азии. Влияние их на кетский мир шло с юго-востока, но, очевидно, далее Томского Приобья на запад не проникало. Физические носители признаков центральномонголоидной малой расы внедрились в кетскую среду примерно спустя 1000 лет, в середине I тыс. н. э. в связи с проникновением тюрков.

ЯЗЫКИ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУР АНДРОНОВСКОЙ СЕМЬИ

Автор осознаёт, что решать вопрос о языковой принадлежности дочерних и внучатых культур фёдоровцев – занятие не из легких: кетоязычность самих фёдоровцев не имеет прямых доказательств. Автор исходит из недостаточно доказанного предположения о том, что неиндоевропейский язык предков кетов был "транспортирован" с Кавказа андроновцами-фёдоровцами, точнее – той группой пришельцев с Кавказа, которая создала фёдоровскую культуру. В свою очередь, эта культура, взаимодействуя с культурами аборигенов, создала серию более поздних культур различного порядка, в которых кетский язык сохранился, претерпев различные изменения в ходе иноплеменной адаптации. История знает такой пример. В античное время римские легионеры унесли "народную" латынь на Пиренейский полуостров, в "косматую Галлию", на

Балканы. Восприняв язык пришельцев, покорённые племена приспособили эту латынь к нормам своего языка, исказили этот уже не совсем чистый латинский язык. В итоге возникли романские языки: французский, испанский, каталонский, португальский, румынский, андоррский, франко-швейцарский, валлонский, галисийский и др., в различной степени сходные между собой. Но язык римских воинов не привился среди германских и кельтских племён на Британских островах.

Думается, что кетский язык не во всех этих симбиозных культурах возобладал. Могли быть ситуации, когда элементы материальной культуры предков кетов были заимствованы аборигенами, культура аборигенов приобрела явный андронидный облик, а кеты потеряли свой язык. Но и в этом случае пришельцы могли "подарить" хозяевам земли, помимо производственных технологий и элементов мировоззрения, и некоторые слова. Так произошло с уграми-васюганцами, которые постепенно ассимилировали пришельцев с Иртыша, "кавказцев" по языку, позаимствовав от них некоторые термины (см. предисловие).

Языковая история других культур андроновской семьи нам представляется в следующем виде.

Черкаскульцы – это самые первые отпрыски фёдоровцев, которые жили по соседству со своими "родителями" – пришлыми фёдоровцами с кавказским языком и аборигенами-уграми. Черкаскульская культура наследовала многие черты фёдоровской, и можно было бы ожидать, что носители её также говорят на языке фёдоровцев. Однако, по мнению Н.П.Матвеевой (1998), черкаскульцы и межовцы сохранили общеуральские корни, в том числе и язык. Далее генетическая линия такова: межовцы – гороховцы – прамадьяры.

Сузгунцы в литературе связываются с угорским, самодийским (Хлобыстин Л.П., 1976) или угро-самодийским этносом. Думается, что пришлые фёдоровцы растворились в угорской среде, потеряв свой язык. Они не создали здесь своих топонимов. К тому же фёдоровские элементы в культуре проявляются слабее, чем угорские.

Васюганцы (пришлый компонент), обитавшие среди непроходимых болот в центре Западно-Сибирской равнины, возможно, сохранились как самостоятельный этнос почти до прихода русских. Они принадлежали к группе арин(цев), и память о них (арь-ях) сохранилась у местных хантов. Этими арин(ц)ами были созданы гидронимы на *-игай* (Варьигай, Поощин-игай и др.), *-лат* (Самлат, Оглат) и *-зет/-зат* (Ингузет и др.). Считать легендарных арь-ях недавними пришельцами пока нет никаких данных. Их можно принять за далёких потомков населения эпохи бронзы, которые сохранили свой язык почти до наших дней.

Ирменцы – это наиболее достоверные предки кетов (енисейцев) в переходное время – от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Их уча-

стие в формировании корчажкинской и большеереченской (ранний этап) культур бесспорно. Нам представляется, что основная масса ирменцев были предками пумпокольцев. Об этом свидетельствует хорошая сходимость ареалов пумпокольских топонимов и памятников ирменской культуры. Однако, не исключено, что ирменцы и носители других кетских культур, объединяемых сходными материальными признаками, говорили на одном языке.

Карасуццы – это единственные из древних поселенцев Сибири, которые признаются предками современных кетов (Б.О. Долгих, Н.Л. Членова). Однако нам представляется это решение не столь бесспорным, как не бесспорно и выведение карасукской культуры из андроновской (минусинской). Похоже, что в составе культуры присутствовали различные компоненты, как культурные, так и антропологические. Какой из них имел андроновское происхождение, остаётся неясным. Если же совместить кетские ареалы топонимов с ареалом карасукской культуры, то карасукцев следует признать пумпоколами. Этим можно объяснить и спор археологов вокруг вопроса о доли и роли карасукской культуры в становлении ирменской. Л.Р.Кызласов (1960, с. 162) считал карасукцев динлинами.

Саргатцы не получили определённого места в языковой классификации. Л.Н.Корякова, В.А.Могильников, В.П.Чернецов, В.И.Мошинская, К.В.Сальников, М.Ф.Обыдённов и Л.А.Чиндина считали их уграми, В.Ф.Геннинг и В.И. Васильев – самоедами. В.И. Матюшенко, Л.Н. Корякова Н.П. Матвеева предполагают полиэтничный состав саргатцев. При этом Н.П.Матвеева (1998, с. 15) категорически утверждает, что "...ни культурные традиции, ни мировоззрение, ни расовые характеристики саргатского населения не позволяют... усматривать в нём крупный угорский этнос".

Межовцы, как потомки черкаскульцев, считаются уграми (Матвеева Н.П., 1989; Обыдённов М.Ф., 1992). Если признать черкаскульцев кетоязычными, то хотя бы часть населения – носители межовской культуры - говорила на кетском языке. Присутствие в системе Камы притоков с именами на *-зас* и *-зес* может служить этому доказательством.

Еловцы, по-видимому, были неоднородны по этническому составу. Среди них были предки самодийцев, угров и кетов. В северной части ареала культуры преобладал самодийский язык, в южных (Верхнее Приобье) – кетский.

Молчановцы как и еловцы были многокомпонентным коллективом, в котором растворились небольшие группы пришлых "андроновцев".

Корчажкинцы – это, очевидно, самая южная группа кетского населения в бассейне Оби.

Большереченцы (ранний этап культуры) были, по нашему мнению, кетоязычными. Позднее они испытали сильное самодийское влияние, частично были ими (и, возможно, иранцами – носителями каменной культуры) ассимилированы.

Этнический состав ранних кетов был неоднороден. И эта неоднородность прослеживалась ещё с дальнего Закавказья, когда неиндоевропейцы несколькими волнами шли на Кавказ, разными путями преодолевая его. Языковая неоднородность нашла выражение в формировании топонимов с формантами-апеллятивами (*зес/сес/сесь – дем/тет – чет/шет* и др.). Есть ли связь этих топонимов с носителями дочерних (и более поздних) культур? Можно ли привязать определённые топонимы к археологическим культурам, генетически связанным с фёдоровской?

Если исходить из того, что предками сибирских кетов были фёдоровцы - выходцы с Южного Урала, то с носителями фёдоровской и черкаскульской культур следует связать топонимы с формантом *зес/сес/сесь*. Топонимы с этими формантами проникли на Каму (с черкаскульцами, которые, смешавшись с местным населением, создали межовскую культуру) и на Иртыш (возможно, сузгунцы и саргатцы).

По-видимому, было бы ошибкой видеть в носителях конкретной культуру создателей лишь определённой группы топонимов. Похоже, в первые этапы формирования кетской (в широком понимании этнонима) топонимии географические термины (апеллятивы) были не столь строго привязаны к отдельным этническим группам, как нам хотелось бы. Так, в лексиконе кетов-имбаков был термин *хозеде* "море", в котором присутствовал аринский термин *зет* "река". А апеллатив *ур/ул/уль* "вода" вообще был универсальным для всех кетоязычных групп, и мы просто не можем этнически дифференцировать топонимы по этому термину.

Несомненно, этнический состав кетского населения на огромной территории от Камы до Байкала не может уложиться в схему известных нам пяти кетских групп. И даже топонимы, включённые нами в группу предположительно кетских (топонимы на *-гам/-гет, -тым/-сым, -лат, -тац/-тец(ь)/-тис*), не исчерпывают всё многообразие топонимической системы, созданной в прошлом самым многочисленным народом Сибири, начиная с эпохи развитой бронзы.

КЕТЫ В СИБИРИ

Конечно, соотношение топонимов с различными формантами в прошлом было иным. Русское, а ранее тюркское, вмешательство в топонимию Сибири резко его изменило. Поэтому реконструировать места компактного проживания отдельных групп, путей их миграции можно только с какой-то степенью вероятности. Однако современные территории наибольшей концентрации доминирующих топонимов, на наш взгляд, соответствуют былой демографической ситуации. Это позволяет определить главные места расселения соответствующих групп кетского населения в то или иное время.

КРАЙНИЕ РУБЕЖИ ОЙКУМЭНЫ

Исходя из нашей версии стационарирования на Урале мигрантов с Северного Кавказа, попытаемся выявить кетские группы терминов и топонимов, которые здесь ими оставлены, и проверить тем самым саму версию.

В качестве примеров изначально кетских топонимов на Южном Урале можно привести названия рек: Вашиш - приток р. Белая, Сатка (русифицированная форма от Сат) – система Уфы, Исеть (начальный гласный, возможно, это тюркская протеза) – приток Тобола. Река Сисимка (Сисимка?) впадает в р. Шайтанка севернее Екатеринбурга. Плохой сохранности топонимов способствовал также ранний уход значительной части андроновцев в лесную зону и на восток, за Енисей. Кетского типа топонимов здесь мало, что можно объяснить заменой их в более позднее время мансийскими, тюркскими, иранскими и русскими.

Предполагается ранняя миграция андроновцев с Урала на запад, в бассейн Камы, где была создана межовская андроновидная культура (первые века I тыс. до н. э., возможно, и самый конец II тыс. до н.э.). Поэтому следует рассмотреть топонимы западного фланга андроновского (фёдоровского) ареала, который, несомненно, "подпитывался" топонимами с Урала.

Западная граница ареала. Перенос топонимов в Предуралье произошёл вскоре по приходе предков кетов на Урал и связан с расширением территории обитания. Первыми были ассимилированы ближайšie угорские племена, что привело к созданию черкаскульской культуры. Черкаскульцы, получив от андроновцев навыки к занятиям скотоводством, продвинулись в Предуралье, где, смешавшись с местным населением, создали межовскую культуру. Мигранты в верховьях Камы сформировали свою топонимическую систему, следы которой сохранились и в современной топонимии Верхнего Прикамья.

В первую очередь следует отметить такие "руководящие" топонимы, как *Зас*, *Казеска*, *Ачес* и др., которые надёжно соотносятся с кетско-имбатскими топонимами и имеют также аналоги на обширных территориях Сибири (*Шория*, *Тува*, *Омское Прииртышье*).

В Предуралье немало топонимов с формантами *сим/сым/тым/чим*. Здесь же имеются простые топонимы, образованные от географических терминов (*Сим*, *Сым*, *Чим*). С небольшими перерывами полоса подобных топонимов прослеживается и в Сибири до Ангары. Есть основания считать (см. раздел "Топонимы") эти термины родственными, то есть созданными из одной исходной формы. Такой формой, возможно, является *сим*, которая и ныне употребляется некоторыми группами дагестанцев в значении "вода".

И, наконец, примерно в 50 км севернее Казани протекает небольшая речка *Алат*, впадающая в р. *Илеть* (правый приток Волги). Возможно, в гидрониме начальное *а* является протезой, которая прикрывает начальное *л*, в общем-то не свойственное тюркским языкам. Да и в имени р. *Илеть* можно увидеть искажённый неоднократно заимствованиями топоним с основой *лат*.

Таким образом, на западном фланге ареала сохранились кетские (в широком понимании этнонима) топонимы, оформленные соответствующими апеллятивами: *зас/зес/сис/шиш/чес*, *лат*, *сим/сым/тым/чим*. Это может свидетельствовать об этнической неоднородности кетского потока мигрантов, хлынувшего с Урала на запад, в сторону Камы. Здесь были представлены предки кетов-имбаков (форманты *зес/зас*), предки неизвестных кетских групп, оставивших гидронимы на *сим/сым/тым/чим*, и арин, создавших топонимы на *-лат*.

Если включить в этот список также топонимы на *-шиш* (<*сес*) и *-сам/-сет* (реки *Сатка* и *Исеть*), то в итоге получится почти полный "набор" основных групп топонимов, как явно, так и предположительно кетских. Однако, в списке не представлены не только топонимы коттско-ассанского типа на *-шет/-чет(ь)*, но и пумпокольские топонимы с фор-

мантами *тет/дет/там/дат*, и предположительно кетские (в широком понимании) топонимы на *гат/гет*. Правда, на Северном Урале известна р. Нангыт-я, в имени которой имеется мансийское приращение я "река". Однако мы не уверены, что это древний кетский топоним, так как представлен единично и в отрыве от ареала топонимов на *-гат/-гет*.

Таким образом, если сгруппировать топонимы Урала и Предуралья, близкие по возрасту, то можно представить весь комплекс географических терминов со значением "река" или "вода", связанный с предками кетов – андроновцами (фёдоровцами): *зас/зес/сис/шис/чес, сат/сет, лат, сим/сым/тым/чим*, возможно, *гет*. Исходными формами для них были соответственно *зес, сат, лат, сим, гет*. Остальные являются адаптационными вариантами. Таким образом, на Урале были почти все группы древнего кетского населения, которые ушли на восток, в Сибирь и освоили там огромные территории до Селенги и Предбайкалья. Маршруты их хорошо прослеживаются по топонимическим данным.

Восточная граница ареала. Пока самыми восточными, точнее, юго-восточными кетскими топонимами являются имена рек в среднем течении р. Селенга (Северная Монголия). С хребта Бурэн-Нуру на стрелке Селенги и Орхона стекает р. Дондыт. Этот гидроним, вероятно, образован из Дондат или Дондет. С противоположного склона хребта стекает р. Алтат, образующаяся путем слияния рр. Дондыт (вторая река с таким названием) и Тому. Все эти гидронимы, несомненно, образованы пумпоколами.

Севернее, на меридиональном отрезке Ангары, нами отмечены предположительно аринские гидронимы Дзёду и Жёду, а также Асанов ручей, имя которого образовано от этнонима ассаны. Приток верхней Лены – Ига – соотносится с аринским термином *икаи* (в топонимической практике также *ига, игай, jige*; см. выше, гл. 2).

Более решительно поступил С.А.Гурулёв (1991), который считает кетскими ряд гидронимов не только в Предбайкалье, но и в Забайкалье. Отметим, что это не первый из исследователей-топонимистов, которые обращали внимание на кетские топонимы в Прибайкалье. Ранее это сделал М.Н.Мельхеев (1969). Помимо общеизвестных коттских (и ассанских) гидронимов он привел по южному Приангарью некоторые новые. Из них наиболее интересны имена рр. Улзэт и Хангарул, притоков р. Иркут. Не касаясь определяющих ул (звенк. "омут") и *хангар* (звенк. *хангар* "медведь"), отметим вполне вероятное аринское происхождение компонента *зэт* (<*зет*) и общекетское ул (в гидрониме Хангарул).

Гибридная (кето-звенкийская) природа гидронимов вполне вероятна: "...некоторые специфические особенности культуры прибайкаль-

ских и приангарских эвенков позволяют предполагать, что в прошлом названные племена (ассаны и котты. – А.М.) занимали также и верхнюю часть Ангары" (Туголуков В.А., 1985, с. 42). По нашему мнению, кроме ассан и коттов на верхней Ангаре жили аринны, которые оставили гидронимы Зёду и Дзёду, Улзэт. Южнее Байкала, по Селенге жили пумпоколы, которые оставили там такой "чистый" топоним, как Алгат. Да и имя рек Дондыт надёжно связывается с кетами-пумпоколами.

С.А. Гурулёв привел более представительный материал, включающий новые изыскания. Рассмотрим степень убедительности предположений С.А. Гурулёва, столь привлекательных для нас. В истоках Лены два озера - Очеул и Берикуль – имеют явно кетские (Берикуль – аринское) имена. Но до конца первого тысячелетия здесь жили уйгуроязычные курыкане, которые могли оставить эти гидронимы. В частности, *көл* – это типичный тюркский термин со значением "озеро". Немало в Хакасии тюркских (хакасский относится к уйгурской подгруппе тюркских языков) топонимов на *-ул*, *-юл*. Вряд ли кетскими являются имена притоков Лены – двух рек Улькан. Очевидно, это тунгусские гидронимы: тунг. *уль* "омут", *кан* – аффикс уменьшительности, то есть "омутная (небольшая речка)". Не может быть кетским (имбакским) гидроним Момырь, выводимый С.А.Гурулёвым их кетско-имб. *мамел* или *мамоль* "молоко". Однако кетское слово *мамуль* "молоко", образованное от *ма'м* "грудь (женская)" и *уль* "вода", не продуктивно в топонимике. В других же кетских языках слово это ("молоко") в форме *мамырь* отсутствует: ар. *тенгул*, асс, котт. *шут* (иранское или тюркское заимствование), пумп. *ден* (Дульзон А.П., 1961). Неубедительна кетская природа гидронимов Китой с притоком Китойкин, Барун-кит-кит. В частности, имя р. Китойкин искажено. Правильное её название - Китойкан: прибавляя к названию реки аффикс уменьшительности *кан*, тунгусы образуют уменьшительное имя притока (ср.: р. Мама с притоком Мамакан, Витим с притоком Витимкан, Акули и Акуликан). Да и образование речного имени от абстрактного понятия *кит* "человек" в топонимике не практикуется. В таких случаях обычно используется этноним (Тунгуска, Самоедская речка, р. Татарка и пр.). Но явно не связаны имена рр. Имбей, Имбала, Имба с кетским этнонимом *имбак*. Это не самоназвание кетов. Этноним этот кеты получили в XVII в. от русских, которые сформировали его от названия р. Имбак (Имбак), правого притока Енисея. И относился этот экзоэтноним (этноним, данный со стороны, иноплеменниками) только к отдельной группе кетов – "енисейских остяков". Аринны, котты, ассаны, пумпокольцы никогда не назывались имбаками. Следующий гидроним – Кет, правый приток Балея, впадающего справа

в Ангару выше Китоя (Гурулёв С.А., 1991, с. 40). Это тёзка р. Кет(ь), правого притока Оби; топоним может быть включен в группу предположительно кетских на *-гет*.

Пребывание кетоязычных групп в Предбайкалье несомненно. Поиски пумпокольских, аринских и ассано-коттских, но не собственно кетских топонимов в ближнем Предбайкалье – дело перспективное. И особенно обнадеживающе смотрятся гидронимы, впервые определённые как кетские С.А.Гурулёвым: Кет, Очеул, Берикуль, Кешеуль. Думается, что кто-то из кетов видел воды Байкала вблизи. И, возможно, не только с запада.

С.А.Гурулёв (1991) и в Забайкалье выявил несколько топонимов, которые могут быть сопоставлены с кетскими (в широком понимании этнонима). Из них наиболее интересны названия оз. Турхул и р. Заза в истоках р. Витим, где эта река (Заза) и озеро близко подходят к верховьям р. Уда. С.А.Гурулёв в гидрониме Заза увидел кетский географический термин *зас*. В принципе такая трансформация (*зас*>*заза*) вполне возможна: окончание *a* придаёт гидрониму женский род (слово *река* женского рода), а озвончение второй согласной возникло под влиянием звонкой первой фонемы. Гидроним Турхул в равной мере мог иметь как тюркское, так и кетское происхождение. Если кеты жили вокруг Байкала, то было это в давнее, несомненно до-русское, время.

Представляется, что в кетологии проблема восточной зоны ареала ещё ждет своего исследователя.

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Кто населял Сибирь в преддверии освоения её предками кетов? Археологические материалы позволяют сделать некоторые этнологические реконструкции для эпохи бронзы и более раннего времени.

За Уралом в неолите были сформированы две популяции древнего человека - урало-западносибирская и восточносибирская.

Значительную часть территории Западной Сибири от низовий Оби и до Алтая, от Урала и до Оби заселяли потомки древнейшего населения Зауралья – предки укров, обладавшие слабо выраженной монголоидностью.

Пожалуй, пока единственное захоронение аборигенки таёжной зоны обнаружил в 1971 г. Ю.Ф. Кирюшин при раскопках степановского могильника (5-6 км восточнее с. Средний Васюган). На глубине 0,75 м вскрылось могильное пятно трапециевидной формы, вытянутое в меридиональном направлении. В северной части ямы, посыпанной охрой,

лежал обожжённый череп женщины 35-40 лет, положенный на левую сторону. В центральной части могилы были обнаружены обожжённые кусочки бересты, угли, мелкие жжёные косточки. Вокруг черепа встречены мельчайшие кусочки бронзового или медного предмета. В.А. Дрёмовым череп был реставрирован и описан (см.: Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с. 164-165). Череп оказался небольших размеров, грациального строения. Лоб узкий, выпуклый, со слабо развитым рельефом. Лицо среднеширокое, тупое (? – А.М.), резко уплощенное, прогнатное. Переносье широкое, уплощённое, выступание носовых костей слабое. Орбиты средней ширины, очень тупые, низкие. Сильная уплощённость лица, слабое выступание носа и строение лобной кости свидетельствует о принадлежности к монголоидному низколицевому грацильному типу. А вполне определенная прогнатность (вероятно, прогнатность общая. – А.М.) свидетельствует, по нашему мнению, о значительной древности этого типа. Ю.Ф. Кирюшин определяет возраст как энеолитический. Этот тип известен по находкам в европейской части страны, в могильниках Верхнего Приобья. Например, неолитические захоронения IV тыс. до н.э. на Алтае (Тыткескень, пещера Каминная) также дали сходный антропологический материал (Чикишева Т.А., 1998).

Восточнее Обь-Енисейского водораздела, если судить по материальной культуре, территория была занята иной популяцией. Это были носители восточносибирской общности - потомки неолитического населения, которое своими корнями уходит в палеолит. Этническая привязка их затруднительна. Можно только предполагать что, она сформирована на том же субстрате, что и урало-западносибирская. Следовательно, обе эти популяции в какой-то мере связаны давним родством. На базе этой общности в верховьях Лены сформировалась в эпоху бронзы ымыяхтахская культура, носители которой мигрировали по Тунгускам на запад до Енисея. Нами высказана мысль, что потомками ымыяхтахцев были и ительмены и часть сихиртя (Малолетко А.М., 1999).

В эпоху энеолита (примерно 5 тыс. лет назад) в Сибирь пришли первые европеоиды, создатели афанасьевской культуры. Эти выходцы с низовий Волги и Дона были скотоводами и шли по степям южной части Западной Сибири. Однако главными местами их стационарирования были Алтайские горы и Минусинская котловина. Это были матуризованные типы с длинной черепной коробкой. Лицо сравнительно низкое ортогнатное с наклонным лбом и сильно развитыми надбровными дугами, сильно выступающим носом. Глазные орбиты четырехугольной формы, очень низкие. Возможно, это были ранние индоевропейцы, предки ис-

торически известных тохар. Ныне среди европейцев этот тип неизвестен.

Около четырех тысяч лет назад на юг Западной Сибири (территория Алтайского края) из Передней Азии через юг Казахстана пришли скотоводы – носители елунинской культуры. Это были европеоиды восточносредиземноморского типа. Лицо их было узкое и высокое, нос сильно выступал.

Одновременно с ними или несколько позже на юг Западной Сибири (Томское Приобье) из пограничных районов Афганистана и Ирана пришли группы населения, которые в симбиозе с местным населением создали самусьскую культуру. Это они, по нашему мнению, принесли в Сибирь неиндоевропейский самодийский язык. Физический тип самусьцев неизвестен.

С кем могли контактировать андроновцы-фёдоровцы, далёкие предки кетов в Сибири?

В лесной зоне это, несомненно, были потомки древнейших насельников Сибири, этнически сопоставимых с финно-уграми. Именно на их основе были созданы дочерние андронидные культуры с различным соотношением субстратного и пришлого "материала".

Относительно афанасьевцев можно сказать следующее. В последние годы появились данные о том, что афанасьевцы на территории Алтая дожили до эпохи раннего железа (примерно 2,5 тыс. лет назад). Поэтому андроновцы могли бы контактировать с "пережиточными" афанасьевцами. Однако ареалы афанасьевской и андроновской культур разобщены: памятники андроновской культуры в Горном Алтае до сих пор не найдены.

Думается, очень сложными были отношения предков кетов с елунинцами. Последние, как и андроновцы, были скотоводами. По этой причине могли возникнуть конфликты из-за угодий. Правда, археологи усматривают в культуре андроновцев некоторые элементы елунинской культуры (устное сообщение Ю.Ф.Кирюшина), что позволяет предположить и соперничающее сосуществование этих культур. Не андроновцы ли прервали развитие елунинской культуры?

С самодийскоязычными носителями самусьской культуры, которые вели присваивающий тип хозяйства, у скотоводов-андроновцев конфликтов, очевидно, не было. Они не являлись конкурентами в использовании природных ресурсов. Более того, когда во второй половине II тыс. до н.э. климатические условия для скотоводства ухудшились и андроновцам пришлось заняться охотой и рыбной ловлей, их контакты с або-

ригенами стали более тесными. Похоже, наиболее чётко это проявилось в молчановской культуре.

От упомянутого возрастного рубежа и следует отсчитывать время интенсивной ассимиляции кетов аборигенным населением. Началась эта ассимиляция в области материальной культуры и закончилась языковой ассимиляцией.

ПОЗДНИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Уже после освоения просторов Сибири от Урала до Байкала этническая карта этой территории несколько раз менялась как в результате прихода нового населения с иной культурой и языком, так и при перемещении в пределах Сибири уже известных кетам племён.

Первые и наиболее крупные изменения этнической карты связаны с приходом в эпоху раннего железа (примерно 2,5 тыс. лет назад) скотоводов-иранцев из Центральной Азии. По южной периферии кетской ойкумены (Хакасско-Минусинские котловины) контакт кетов с иранцами был длительным и, очевидно, немирным: и кеты в Хакасии и пришельцы занимались скотоводством. Это, несомненно, вызывало напряжение при дележе пастбищ и водопоев.

Во второй половине I тыс. до н.э. кеты Верхнего Приобья испытали натиск с запада и тоже от иранцев, проникших со стороны Казахстана.

Южная периферия кетской ойкумены в конце I тыс. до н.э. приняла значительные по численности группы самодийскоязычных кулайцев, которые по долинным лесам мигрировали в предгорья Алтая и Саяны из лесной зоны (левобережная часть Томской области). Эта экспансия самодийцев завершила полную ассимиляцию кетов в Верхнем Приобье.

Сокрушительный удар кетам был нанесён тюрками, вторжение которых началось в верховьях Енисея в первых веках новой эры и завершилось к концу первого тысячелетия по всем южным рубежам ойкумены кетов – в Шории, на Алтае, в Барабинской лесостепи.

Несомненно, значительная часть кетов была ассимилирована тюрками, некоторые группы кетов мигрировали на север по Енисею или с Чулыма на Кеть. С Иртыша часть кетов ушла по Васюгану на Енисей.

И, наконец, в начале XVII в. на земли кетов в Приенисейском крае пришли русские. Сложными были взаимоотношения у кетов с русским начальством. Часть кетов была приобщена к русской культуре, жертвой чего стали их самобытная культура и язык. Остальная часть мигрировала в другие районы, пытаясь сохранить свою самостоятельность.

Миграционные процессы в истории кетов играли решающую роль. В ходе миграций кеты осваивали новые территории в поисках более удобных мест или спасаясь от пришельцев, отстаивая таким способом свою самобытность.

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Как-то трудно представить себе, что на Урале, а вскоре и в Предуралье группировалось разноплеменное население: уж очень полный набор этнодиагностирующих апеллятивов здесь скопился. Это и собственно кетские (*зас* и др.), аринские (*лат, сат*), "симские"¹ (*сим/сым/тым/чим* и др.), "тасские" (*тас/тес*) группы (племена). Это позволяет высказать два предположения:

1) на Урал пришло население, уже достаточно дифференцированное в племенном (и языковом) отношении, что нашло отражение и в топонимии;

2) пришло население использовало все известные нам топоформанты и лишь в более позднее время, формируя свою племенную общность, стало дифференцированно использовать их.

Ныне мы можем говорить с той или иной степенью доказательности о шести кетских группах, проникших в Сибирь и длительное время здесь функционировавших:

1) собственно кетская ("остяцкая", имбакская) - оставила гидронимы с апеллятивами *зес/зас/сес/сас/сесь/сис/шиш/чес*;

2) коттская и ассанская - *чет(ь)/шет, ул(ь)*;

3) аринская - *сат/зат/сет/зет, игай, лат*;

4) пумпокольская - *там/тет/дат/дет, том*;

5) "симская" - *сим/сым/тым/чим*;

6) "таская" - *тас/тес(ь), тис*.

Последние две выделены впервые и оцениваются как возможно кетские (енисейские).

Топонимические данные позволяют выделить лишь эти основные племенные группы. Исторически засвидетельствованы русскими документами следующие группы возможно кетского (енисейского) населения: тимцы ясашные в правобережье Енисея, яренцы, байкотовцы. Однако их языковая принадлежность не выяснена, так как соответствующих записей не было сделано. Топонимически они не обособливаются,

¹ Не смешивать с носителями сымского (югского) диалекта.

поэтому можно предположить, что в языковом отношении они относятся к известным племенам.

Яринская земля, по данным Л.П.Потапова (1957), в 1619 г. соседствовала с ассанами. В XVIII в. жители земли расселились на правобережье Енисея по рр. Дербина, Кома, Сисим. В частности, *ясаина тимска* волость на карте Ремезова (1701 г.) показана по р. Сисим, правому притоку Енисея. Тинцы и кайдынцы – это родственные аринам группы². И.Г.Георги видел в яринцах, буктинцах и кайдынцах группы, близкие к аринам, и считал их "...*произошедшими от одного с ними племени*".

Первые две группы, если судить по апелляциям, можно представить однородными, монолитными, а две следующие (аринская и пумпокольская) имеют различные апелляции. Это можно объяснить многообразием терминов, обозначающих реки (ср. обилие терминов "река" в хантыйском языке), или же неоднородностью племён. Очевидно, имело место и то, и другое.

Племенная раздробленность предков енисейцев на Урале проявляется в выборе своих путей миграции на восток, к Енисею. А осознание енисейцами родственности и этнического единства подчеркивается близостью этих миграционных путей (рис. 25).

МИГРАЦИИ

Для того, чтобы основательно освоить столь обширную территорию, как Сибирь, – от Урала до Байкала - необходимы были не только значительная численность населения, но и какие-то стимулы. Н.Я. Мерперт (1978) представил трёхмодельную схему типов миграций по побудительным мотивам. История кетов укладывается во вторую модель, которая предполагает причины миграции в условиях производящего хозяйства и экономических факторах. Производящее хозяйство обеспечило значительный рост прибавочного продукта, что вызвало, в свою очередь, демографический взрыв и связанную с ним относительную перенаселённость. Миграции этого типа носили характер расселения и были направлены из области с производящим хозяйством в области с присваивающим хозяйством. Если с последним условием можно согласиться, то для андроновцев, предков кетов, миграция с Северного Кавказа на Урал представляла собой марш-бросок: следов длительного пребывания на этом пути не найдено. По схеме П.А. Косинцева (1994), ми-

² Учитывая обилие котских топонимов в месте проживания тинцев, последние были коттами

миграция предков кетов укладывается в третий тип "миграция на новые территории", причины которой автор схемы видит в перенаселённости исходной территории. В качестве примера он приводит миграцию андроновцев, которые шли на север вслед за отступающей границей сухих степей.

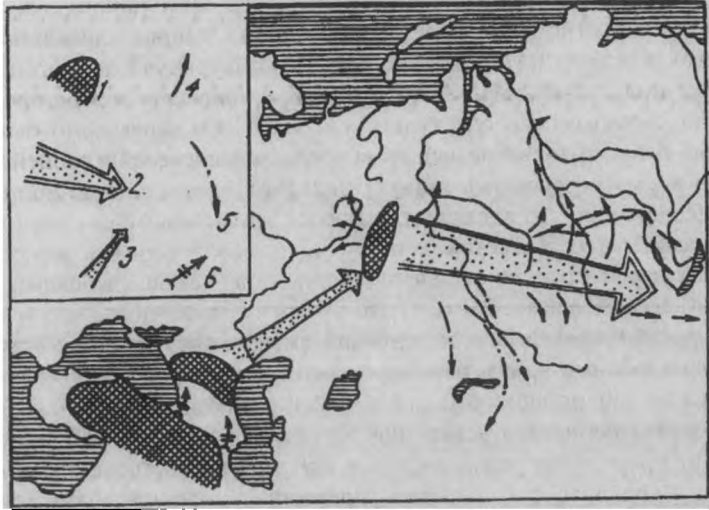

Рис. 23. Основные и второстепенные миграционные пути предков кетов:
 1 - районы стационаривания; 2 - главный сибирский миграционный путь;
 3 - маршрут Северный Кавказ - Урал; 4 - второстепенные маршруты
 (по топонимическим данным); 5 - второстепенные маршруты
 (по археологическим данным); 6 - пути на Северный Кавказ

Нам представляется, что побудительные мотивы столь длительной миграции предков кетов были более многообразны. Начало миграции части населения из Малой Азии в эпоху бронзы было связано с политическими причинами – появлением индоевропейцев, которые пришли с Балкан. В связи с относительным перенаселением на Кавказе, второй родине предков кетов, часть населения прошла на Урал. В Западной Сибири миграционный процесс усложнился. Часть населения, сохраняя свой традиционный тип хозяйствования, ушла на восток до Енисея, осваивая новые земли в зонах степей и лесостепей. Этот поток был более консервативным, и длительное время следы его материальной и духовной культуры были узнаваемы в дочерних и внучатых культурах. По крайней мере, восточные памятники Минусы и западные памятники

Урала и Зауралья типологически весьма близки. Это можно объяснить несколькими причинами:

1) слабой заселённостью степной и лесостепной территории, а отсюда и меньшей возможностью вступать в контакты с аборигенным населением;

2) отсутствием соперничества в использовании природных ресурсов: аборигены (по крайней мере в Западной Сибири) занимались охотой, рыболовством и собирательством. Не конкурируя с аборигенами по причине иной хозяйственной ориентации, пришельцы долгое время сохраняли свою самобытную культуру и язык. Это характерно было для предков кетов, которые не вышли за пределы лесостепей и степей.

По-иному развивались взаимоотношения пришельцев с аборигенами в лесной зоне. Со временем, в связи с изменившимися природными условиями, занятие скотоводством стало невозможным, и пришлые племена перешли на образ жизни аборигенов – стали рыбаками, охотниками, собирателями. Заняв ту же экологическую нишу, что и аборигены, предки кетов стали интенсивно смешиваться с ними, вступая в производственные контакты и брачные отношения. В разных районах процесс смешения шёл разными темпами и в различных направлениях. В иных районах предки кетов, или хотя бы часть их, не адаптировались к новым природным условиям и новому типу хозяйствования и мигрировали в районы, сохранившие прежний природный облик (степи и лесостепи). В других районах оставшаяся часть кетского населения переняла у аборигенов материальную культуру (и, очевидно, духовную) и постепенно ассимилировалась.

В истории кетов можно наметить генеральные и локальные миграции.

Общее направление основных (генеральных) миграций предков кетов в Сибири было субширотное – от Среднего и Южного Урала в сторону Байкала (рис. 23). Это хорошо фиксируется субширотной ориентировкой ареалов соответствующих топонимов. Особенно чётко это выражено в ареалах топонимов с формантами *тым/сым, зес/зас, сет/сат, лат, тес/мас*. Смещение на восток топонимов с апеллятивами *тет/дет/там/дат, гет/гат* зафиксировано от северной части Обь-Иртышского междуречья до Прибайкалья. Эти смещения связаны с давними миграциями кетоязычного населения, направленными на освоение новых земель.

Помимо этих генеральных миграций, несомненно, были миграции локальные и кратковременные как в пределах своих ареалов, так и в виде "выбросов" в ареалы топонимов другой родственной группы. Все

эти миграционные процессы и предопределили характерные особенности истории различных кетоязычных групп.

Дифференциация предков кетов произошла в основном уже в Передней Азии. В основе этой дифференциации лежало деление неиндоевропейцев на западные (каска и хатты) и восточные племена (хурриты, урарту, кура-араксинцы). Эта дифференциация ослабла на Северном Кавказе, где обе популяции – западная и восточная – вошли в более тесный контакт на этой относительно незначительной территории. Дифференциация резко усилилась в Сибири в ходе ассимиляционных процессов, дальних миграций или, наоборот, изоляции. В последнем случае изолированные группы могли отличаться по языку от окружавших их "гибридных" племён. Всё это накладывало свой отпечаток на формирование топонимии. Если исходить из топонимических, лингвистических, археологических и палеогеографических материалов, то основные вехи в истории кетоязычного населения можно обрисовать следующим образом.

"Симцы". Под этим именем мы имеем в виду создателей топонимов с формантами *сим/сым/тым/чим*. Очевидно, это были не собственно андроновцы-фёдоровцы, а ассимилированные ими аборигены, перенявшие язык, но сохранившие свой хозяйственный уклад. Природные условия Западной Сибири на широте устья Иртыша даже в то время вряд ли позволяли отказаться от охоты, рыболовства и собирательства как основных способов добывания средств к существованию.

Некогда "симцы" обитали на Урале, откуда они мигрировали в Предуралье. "Симцы" в ходе миграции в Сибирь оторвались от своих соседей и близких сородичей, создателей топонимов на *-зес/зас*. Они пошли на восток северным маршрутом – с верховьев Камы через нижнее течение Иртыша, далее на устье правого притока Оби и левый приток Енисея, которые от них и получили свои имена – соответственно Тым (ныне р. Кеть) и Сим (ныне р.Сым). Часть "симцев" перешли в правобережье Енисея, где на стрелке Енисея и Ангары сохранились их гидроним Кайтым. Надо полагать, что "симцы" пришли в левобережье Енисея задолго до появления там родственников – создателей топонимов на *зес/зас* (имбаков, "енисейских остяков"). Если включить в эту группу топонимов имя р. Кытыма, левого притока Лены в Прибайкалье, то станет реальным пребывание "симцев" и в этом регионе.

Мигранты основным местом жительства избрали бассейн небольшого притока Енисея, который получил от них имя Сим/Сым. Здесь они создали свою топонимию, семантика которой не раскрывается из языка современных кетов-имбаков. Очевидно, язык пришельцев значительно отличался от языка последних. Хотя, видимо, что нераскрываемость

гидронимов можно объяснить диахронией: большим разрывом времени от создания гидронимов (тысячи лет назад) до современных попыток их этимологизации. Несомненно, исторически зафиксированный сымский язык (или диалект) не идентичен языку "симцев"-первопоселенцев. И это не только потому, что он испытал влияние языка аборигенов-югов. Не исключено, что язык древних "симцев" и исторически известный сымский диалект (язык) особой группы кетов по Енисею – имеют лишь древние (кавказские) корни. "Симцы" (создатели топонимов на *-сим/-сым/-тым* и др.) пришли на Енисей значительно раньше, нежели предки исторически известных носителей сымского говора (языка).

Имеющийся материал позволяет предполагать, что в состав "симцев" вошли потомки западных горцев-дагестанцев аварской подгруппы. В кусурском говоре аварцев до сих пор сохранилось слово *сим* "вода". И именно этот апеллатив и его возможные модификации (*тым/чим*) участвуют в образовании гидронимов Приуралья, где имеются реки Чим, Сим и Сым, имена которых образованы от географического термина.

Собственно кеты ("енисейские остяки", кеты-имбаки). Это создатели многочисленных гидронимов с формантами **жес/зес/зас/сес/сесь/сас/сис/чес* со значением "река". Нам не удалось найти каких-либо аналогий этого апеллатива в языках древних народов Передней Азии и неиндоевропейских (алародийских) народов Северного Кавказа. Близкий апеллатив (*ажес* "река") имели только кельты, точная (племенная) привязка языка которых не известна.

Если исходить из предположения о родственности этих кетских вариантов апеллатива *зес* с кельтским *ажес* (см. выше), то можно предполагать давний контакт языковых предков кетов с индоевропейцами-кельтами. Это могло произойти на Северном Кавказе, где влияние древнеямной (IV-III тыс. до н. э.) катакомбной (начало II тыс. до н. э.) археологических культур было давним и длительным. Этнически древнеямники связаны с кельтами (Семёнов В.А., 1987), в языке которых мог быть апеллатив *ажес* "вода" или "река". Но это не более как первое предположение, которое мы используем за неимением лучшего.

Освоение бассейна Камы кетами произошло в ходе экспансии их с Урала. Об этом свидетельствует археологически прослеженная миграция андронидного населения на запад, где черкаскульцы, первые аборигены, ассимилированные пришлым кетоязычным населением, создали межовскую культуру.

В Предуралье ареалы на *зес/зас* и *сим/сым/тым/чим*. совмещены (см. рис. 9), но топонимы на *сим/тым* более многочисленны, нежели на *зес/зас*. Поэтому можно предположить:

1) здесь одновременно функционировала номинация рек с использованием того и другого апеллятива, но

2) преобладало использование апеллятива аварского типа (*сим*), а не кельтского (*ажес*).

О том, что в Предуралье вряд ли была сформирована единая популяция, свидетельствуют нарушения этого топонимического "симбиоза" на территории Сибири.

В отличие от "симцев", создатели топонимов на *зес/зас*, в которых мы видим прямых предков кетов-имбаков, с Урала шли более южным путём – на Омское Прииртышье, а оттуда в Шорию, далее на верховья Абакана и в Туву. Отдельные группы кетов углублялись в Алтайские горы, где ими оставлен гидроним Кадзес. Непрерывной цепочки "имбацких" топонимов на этом пути нет, но большая схожесть структуры топонимов Прикамья, Омского Прииртышья и Шории позволяет говорить именно о таком пути следования. С носителями какой культуры можно соотнести эти топонимы в Сибири? Саргатской? Ирменской? Остаётся только гадать.

Предки имбаков в Прииртышье долгое время сосуществовали с предками хантов, часть которых они и ассимилировали, получив от них в наследство некоторые физические черты, но сумели сохранить свой язык. Здесь же они вступили в контакт с первой волной тюрков (примерно тысячу лет назад). Значительная часть кетов была ассимилирована тюрками; кеты внесли в тюркский язык немало своих слов. Некоторые из них сохранились в языке сибирских татар (см. ниже).

В Шорию предки кетов пришли с Прииртышья (?) в эпоху финальной бронзы, около 3 тыс. лет назад. Слабая археологическая изученность Шории не позволяет соотнести рассматриваемые топонимы с какой-либо археологической культурой. Неясно также, с каким этносом предки кетов здесь встретились и каковы их были отношения с аборигенами. Как будто подбирается археологический материал об ирменской природе давних насельников Шории и участия ирменцев в создании топонимов с апеллятивом *зес/зас*.

Путь на Енисей. Современное кетское население по нижнему Енисею сформировалось на базе двух когда-то родственных популяций, которые пришли на Енисей разными путями. Чётко намечается два маршрута на Нижний Енисей (рис. 24).

Один из них был прослежен А.П.Дульзоном. Кеты прошли с Иртыша на Васюган, далее по Тыму на Енисей. Формально эта версия считается безупречной. Однако енисейские гидронимы кетского происхождения имеют иную структуру, нежели омско-иртышские. На Енисее преобладают топонимы с дву- и более слоговой определяющей частью (Типдесесь, Сесьтыде-сесь, Хене-Пирма-Сесь и др.), что не свойственно камскому, омско-иртышскому и шорскому и тувинскому ареалам.

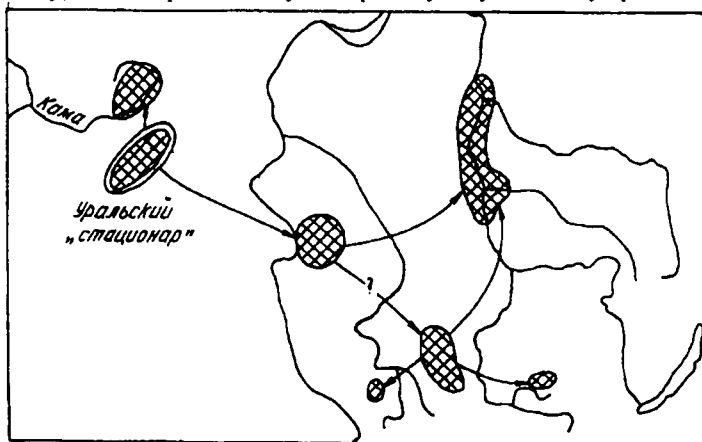

Рис. 24. Миграционный путь создателей на *-zec/-zaci/-ces/-cesь*

Миграция кетов была вызвана приходом тюрков. По данным В.А. Могильникова (1992), лесостепное Прииртышье было занято тюркоязычным населением (кимаками) в IX-X вв. К этому же времени относится проникновение тюрков в Тарское Прииртышье, что привело здесь к вытеснению позднепотчевашского³ населения, предположительно угорского. На раннем этапе потчевашской культуры (сперановский этап; начало I тыс. н. э. или II-I вв. до н. э. - V-VI вв. н. э.) отмечено участие позднесаргатских (по нашему мнению, кетских) групп (Данченко Е.М., 1992). Эти элементы позднесаргатского населения в таёжной зоне могли дожить до прихода тюрков и быть вытесненными ими на север и восток. И произошло это примерно на рубеже I и II тыс. н. э., возможно, несколько позже. В памяти енисейских остяков сохранились предания о том, что они пришли на Енисей с Таза, а может быть, и с Иртыша (Степанов А., 1835; Кастрен А., 1860). На Енисее мигранты

³ Написание названия культуры неточно. Стратотип культуры находится у Тобольска на мысу Подчуваши (от имени "города" Чуваши).

встретили своих не очень далёких родственников, которые пришли ранее. Это были "симцы", создатели топонимов на *-сим/-сым/-тым/-чим*.

Второй путь проходил со стороны Минусы на север по долине Енисея. Этим путём шли кеты - создатели топонимов на *-зес/-зас* Шорского (включая бассейн Абакана) топонимического микрорайона. Очевидно, именно эти "остяки" принесли на север кузнечное мастерство, приёмы которого ещё долгое время сохранялись у шорцев, и веру в тюркского бога Ульгения. В преданиях кетов также сохранилась память об истоках Енисея, о высоких горах, через которые пришлось им пройти. Былое пребывание остяков в теплых краях (верховье Енисея?) отразилось в их легендах о богине Томам (Томэм), которая приносит тепло и обеспечивает весенний прилёт птиц. Мигранты заселили преимущественно правобережье Енисея (ниже Ангары), где обитали остатки племён, формирование которых относится к эпохе бронзы. Это были истинные юги, потомки носителей ымыяхтахской культуры.

На новом месте жительства пришлые родственные группы кетов долгое время не смешивались, о чём свидетельствуют антропологические данные. По мнению И.И.Гохмана (1963, 1982), левобережные (елогуйские) кеты сближаются с западносибирскими группами населения, правобережные (подкаменнотунгусские) – с южносибирскими. Подкаменнотунгусские кеты антропологически близки к шорцам. Антрополог А.Р.Ким как-то в устной беседе сказал, что если убрать налёт монголоидности с лица шорцев, то перед нами будет стоять кет.

"Остяки" постепенно мигрировали вниз по Енисею, осваивая всё новые и новые территории. Лишь в XIX в. они остановились на Курейке. Миграции в сторону истоков Таза были довольно поздними и мало эффективными: экспансию их сдерживали ханты и селькупы.

Трудно решается вопрос, насколько далеко на восток ушли мигранты. Можно только говорить о том, что они освоили низовье Подкаменной Тунгуски. Очевидно, отдельные группы их остались в Минусинской котловине: р. Туба имеет приток с названием Дичес.

Арин(ц)ы. История арин ранее раскрывалась только применительно ко времени их проживания около Красноярска, где их нашли русские казаки в первой половине XVII в. Долгое время считалось, что арины формировали свои гидронимы с использованием апеллятивов *сам/сем/зам/зет* (Ингузет, Тамырсамт и др.). Е.А.Хелимский (1986) ввел в научный оборот географический термин аринов – *икаи*. Это позволило включить в число аринских имена притоков Васюгана с формантом *игай/игуй* (Томул-игай и др.). Ареалы безусловно аринских гидронимов всегда сопровождаются топонимами с компонентом *лат*. Так, в Красно-

ярске, где были записаны словарики с терминами *икаи* (**иҫай*) и *сат* "река", известен приток р. Кача – Калат. Об историческом проживании здесь аринов свидетельствует и название с. Арейское. В системе р. Усолка известны аринские имена рр. Латка (русифицированная форма), Калкасёт, Калнасет. В верхней части бассейна р. Абакан имеются реки с аринскими названиями Салат (две реки), Оглат и Муйзат-кол.

Ранее мы уже обосновывали своё мнение о кетской природе аpellятива *лат* со значением "вода" ("река"), выводя его из районов Передней Азии и из среды ранних предков горцев-дагестанцев, ещё не дифференцированных на племена с разными языками. В языке этих предков функционировала общедагестанская форма термина "вода" – *лъльад* или *лаъд*, из которой позже возник целый ряд терминов, фонетически не похожих на исходную форму.

Итак, арины явились создателями трёх групп гидронимов с аpellятивами *сат* и др., *иҫай* и *лат*.

Если имена уральских рек Сатка и Исеть действительно связаны с аринами, то истоки последних следует искать на Урале и предполагать, что их предки пришли на Урал одновременно с другими группами, близкими по происхождению. Имена рр. Алат в Предуралье и Лата в Зауралье, уверенно сопоставляемые с аринскими, также подтверждают большую давность пребывания арин на Урале. Оттуда и начался их марш в Сибирь.

Анализ географического распространения аринских гидронимов позволяет уточнить пути миграции арин в разные времена.

В качестве ранних насельников арины известны на Васюгане. Археологическая изученность бассейна Васюгана после работ Ю.Ф. Кирюшина резко возросла, а история его ранних насельников получила новое освещение. Первая волна андронидного населения докатилась до Васюгана в середине II тыс. до н. э. Это были носители тух-эморского этапа - создатели гидронимов с аpellятивом *лат*. Лет через 250 сюда пришли родственные, судя по материальной культуре, племена (тух-сигатский этап, последняя четверть тысячелетия). С племенами второй волны связаны гидронимы с компонентом *иҫай* (*иҫай*) "река". Этот термин (в 1735 г. записан в форме *икаи*) принадлежит аринам, как и термин *сат* с тем же значением.

Безусловно аринские гидронимы на *-зет* (основа *-сат*) несколько сдвинуты от Васюганя к востоку, за Обь (низовье Тыма). Это ставит вопрос о степени родства популяций, с которыми связаны ареалы васюганский и заобский. Являлись ли они соплеменниками, или же были какие-то признаки этнической самостоятельности популяций?

Если судить по имеющимся словарикам, то в языке аринов никаких дуплетных лексем, которые подтверждали бы наличие диалектов или говоров, нет. Единственное, что вскрылось, – это наличие двойных терминов для понятия "река". Но, возможно, это обычное разделение объектов по каким-то различительным признакам. Поэтому, основываясь на записях первой половины XVIII в., можно говорить о том, что к тому времени сохранился аринский язык, не разделённый на диалекты.

Крайними восточными гидронимами аринского происхождения являются несколько притоков Дзёда, Зёда на меридиональном отрезке Ангары.

Несомненно, те и другие создатели гидронимов были родственны по языку: и *зет*, и *икаи* были записаны от красноярских арин. Следовательно, именно арины были теми пришельцами, которые заселили Васюганье в эпоху бронзы и оставили там гидронимы с апеллятивами *игай* и *зет*.

Изменение климатических условий в переходное время от бронзы к железу вызвало заболачивание лугов с последующей ликвидацией их вследствие натиска леса. Пришельцы вынуждены были перейти на образ жизни аборигенов – заниматься охотой, рыбной ловлей, собирательством, что усилило их физическую и языковую ассимиляцию. Бывшие скотоводы превратились в настоящих таёжных охотников, рыбаков. Высокая степень зависимости бытового благополучия от "благоклонности" природы обусловила бродячий образ жизни арин. Следы их известны в самых удалённых районах Сибири.

Разрозненные аринские гидронимы встречаются и в заенисейском крае, например в системе р. Усолка (Калкасет и Колнасет). Это указывает на проникновение довольно значительных групп арин в коттско-ассанскую среду. Но основной миграционный маршрут арин пролегал по Ангаре, в обход территории, занятой коттами и ассанами. По крайней мере, арины освоили низовья р. Кова, притока Ангары, и верховья самой Ангары (до Байкала?).

К приходу русских на Енисей арины жили в районе нынешнего Красноярска, вперемешку с тюркоязычными качинцами, которыми они вскоре и были ассимилированы. По всей вероятности, речь может идти не о физической, а о языковой ассимиляции. По-видимому, красноярские качинцы в то время это были арины, перешедший на тюркский язык. Об этом можно судить по некоторым этнографическим данным, собранным С.П. Крашенинниковым в 1734-1735 гг. (Крашенинников С.П., 1966).

Нетипично для тюрков проходила свадьба у качинцев. *"В тот день, в который свадьбе быть, съезжаются жениховы гости в избу, а невестины в другую, и как придёт время, то невеста из отцова двора поедет на другой день, а в то время жених с поездом, сокрывшись стоят, а когда она выедет, товсе на неё бросаются, и кто у всех отнимет, того и невеста будет. Того ради нарочно уступают жениху у всех отбить, а отбивши, он уводит домой к себе"* (с. 61). Не просматривается ли в этом свадебном "обряде" практика умыкания (воровства) невесты, столь обычная для горских народов?

Необычным для тюркских народов является и следующий обычай: *"... во время ясашиного збору им давана была лошадь, одна на всех, которую они не убивают, но по улицам её гоняючи и поленьями или палками бросаючи, умучивают, а умучивши, как собаки рвали, кто что ухватит, а который из них ухватит, за тем человек 20 бегут и, настигши, отнимают, и так, кто из них ураёт да уйдёт, что никто не увидит, тот и прав"* (с. 61). Обычай этот не связан с принесением в жертву изыха, священной лошади. На той же странице С.П. Крашенинников пишет, что *"богу они небесному молятся, праздников никаких не знают, однажды только в год в осеннее время лошадь убивают"*. Это прямое указание на соблюдение качинцами обычая принесения в жертву высшему божеству Тенгри (небесное верховное божество) белую лошадь изых.

Отпоречивание завершилось в степях Хакасии, куда арины ушли вместе с качинцами. Здесь они образовали по Абакану несколько гидронимов, некоторые из них являются тѣзками васюганских (Самлат, Салат).

Позднейшая история арин трагична. Малочисленная популяция их не могла выжить, рассыпавшись на больших территориях. Арины были ассимилированы тюрками, тунгусами и русскими. Немалую роль сыграл в исчезновении народности и менталитет арин. Это были воинственные люди, бесшабашные и порой безрассудные. Они ввязывались в драку со всеми соседями – с киргизами, тунгусами, русскими, порой союзников превращая в противников. Между 1735 и 1740 гг. умер последний аринец – Арзамас Лоскутов. Возможно, где-нибудь в то время и жили арины, но они не попали в поле зрения немецких исследователей или просто любознательных людей из русской среды, и письменных свидетельств о них нет.

Пумпоколы. Кетов-пумпоколов, очевидно, следует связывать в основном с носителями ирменской культуры. Исходная точка их миграционного пути находится где-то в зайшимской лесостепи (р. Ратсидет,

оз. Чалдат). Далее путь их, по топонимическим данным, прослеживается на восток до р. Чулым (приток Оби), в Восточные Саяны. Последний след пумпоколы оставили в Северной Монголии, в системе р. Орхон (рр. Алтат, Дондыт, Том). Это наиболее удалённый на восток топонимический микрорайон пумпоколов и кетов вообще (рис. 25).

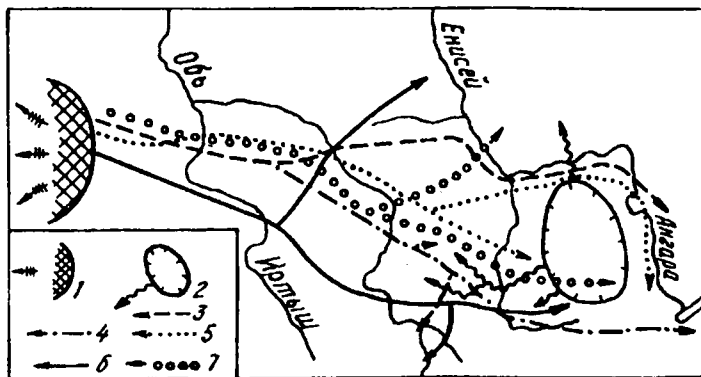

Рис. 25. Миграционные пути кетских (енисейских) племён в Сибири:

- 1 - уральское стационарирование и миграция в Прикамье; 2 - ареал топонимов коттов и ассанов и пути их периферийных "выбросов"; миграционные пути:
- 3 - "симцев" (*сым/сим/тым/чим*), 4 - пумпоколов (*там/тем/дам/дем*), 5 - арин (*лат., сам/сем/зам/зет, хай*) 6 - предков собственно кетов (*зас/зес/сес/сис/шаш*),
- 7 - создателей топонимов на *тас/мес(ь)/тис*

Очевидно, некогда пумпоколы были многолюдным племенем. Основным местом их обитания была верхняя часть бассейна Чулыма, где отмечается высокая плотность пумпокольских хорошо сохранившихся гидронимов. Однако не ясно, когда сформировался этот ареал – изначально, в эпоху финальной бронзы (ирменская культура) или же позже, в средневековье.

Нельзя говорить, что это были "выбросы" за границы родной ойкумены малочисленных групп. Чтобы сохраниться до наших дней хотя бы в единичном числе, топонимы в прошлом должны быть многочисленными. А это было возможно лишь в случаях длительного и более или менее оседлого проживания многолюдных групп населения.

В более позднее время под давлением тюрков часть пумпоколов ушла вниз по течению Чулыма и со среднего течения Чулыма переместилась на Кеть, где их и встретили русские. В верховьях Кети пумпоко-

лы оставили немало своих топонимов. Пумпоколы, оставшиеся в бассейне верхнего течения Чулыма, были тюркизированы. Тюркизация была сравнительно недавней (позднее средневековье?), так как местные ясашные еще помнили более точное название р. Четь, притока Чулыма, – Шет.

Котты и ассаны. Плотный ареал их топонимов имеет очень чёткие границы. Почти все топонимы расположены в четырехугольнике между Енисеем и Ангарой, что указывает на компактное и длительное проживание здесь этих близкородственных племён. Именно здесь русские застали небольшие группы коттов и ассан, вскоре ассимилированных русскими, тунгусами и тюрками. Корни коттов и ассан неизвестны.

Однако исключать коттов и ассан из общего миграционного потока (с Урала в Сибирь) преждевременно. Между Уралом и Енисей-Ангарским четырёхугольником в общем кетском топонимическом ареале известны вкрапления коттских и ассанских топонимов. Это Нетогапшет - приток р. Аган (правобережье Оби), Шет (ныне Четь) – левый приток Чулыма (Обского) и р. Шат – правый приток р. Верх. Терсь (система Томи), Бачат – левый приток Ини (Кузбасской). Здесь же много гидронимов с апеллятивом *уль*, который обычно связывается с ассанами. Если последние четыре гидронима ещё можно считать "отпрысками" недалеко расположенного Енисейско-Ангарского ареала, то Нетогапшет в системе Агана – это удалённый гидроним. И он интересен не только тем, что удалён от основного ареала коттско-ассанских топонимов, но и тем, что в системе р. Аган имеется два гидронима (Вилат и Вылат), которые также могут быть включены в число кетских (точнее – аринских). Коттский гидроним (Нетогапшет) находится на миграционном пути кетов с Урала на Енисей. По этому пути некогда прошли предки арин и "симцы" (создатели гидронимов с апеллятивами *сим/сым/тым/чим*).

По мнению С.И. Ванштейна (1980), кетоязычные группы пришли в Саяны не позднее середины I тыс. н.э.

Появление у шорцев некоторых этнографических элементов коттского происхождения (см. выше, сведения Потапова Л.П.), слов (*кайка* "масло", *урь-тег* "утка"), очевидно связаны с поздним (XVIII в.) приходом группы коттов, известной как бирюсинцы. И бачатские кыштымы на реке Бачат (ныне Кемеровская область), язык которых остался неизвестным, также являются частью коттов-бирюсинцев, которые и дали р.Бачат название.

Предположительно кетские группы. Принадлежность к енисейцам групп, оставивших топонимы с формантами *сис*, *шиш*, *сим/сым/тым/чим*, *лат*, весьма вероятна. Такие топонимы имеют апеллятивы, известные на исходной родине кетов (*лат*, *шат*, *игай*,

сес) или же зафиксированные в живом языке исторически известных групп енисейцев (*tam/dam/mem/dem*).

Менее определенное место в кетской (енисейской) проблеме занимают создатели топонимов на *tes(ь)/tis/mas*. Ареал топонимов протягивается широкой полосой от верховий р. Тавды до Восточного Саяна. Максимальная концентрация топонимов отмечена на стрелке между Обью и Иртышом севернее долины Оми. По структуре (однослоговое определяющее и закрытый апеллятив) топонимы соответствуют ранним кетским (енисейским) географическим названиям. С известной степенью условности создателей рассматриваемых топонимов можно вписать в те миграционные потоки, которые были в истории кетов-енисейцев.

РЕФУГИУМЫ

Приведённые выше материалы о расселении кетов в историческое время свидетельствуют о том, что кетоязычные народы ещё в недавнем прошлом обитали на территориях, где их топонимы немногочисленны. Так, практически отсутствуют аринские топонимы в окрестностях Красноярска, хотя именно здесь русские застали арин. И с другой стороны, имеются топонимические микрорайоны, насыщенные кетскими топонимами, но в которых в историческое время кетское население не было зафиксировано. Это системы верхнего течения Томи (бассейны Кондомы и Мрас-су), где известны десятки топонимов на *-zas/-zes*. Многочисленны пумпокольские топонимы на *-dem/-mem/-dam/-tam* в верховьях Чулыма. В бассейне Васюгана и в верховьях Мал. Югана сконцентрированы аринские топонимы на *-igai (-iyai)*, более нигде не встречающиеся. Необычайно плотно расположены коттские и ассанские топонимы на *-sem/-sem(ь)* в четырехугольнике между Ангарой и Енисеем, где ещё недавно проживали небольшие группы коттов и ассан. Создаётся впечатление, что в этих районах енисейская речь звучала сравнительно недавно, что кетоязычные группы ушли отсюда или, скорее всего, были ассимилированы незадолго до прихода русских. Не исключено, что часть их контактировала с пришлым русским населением, однако это не зафиксировано в документах. Такие районы компактного и длительного проживания различных групп кетоязычного населения являлись для них своеобразными рефугиумами (убежищами).

Васюганье. Эта территория представляется нам одним из районов, который кеты-енисейцы осваивали издавна и длительное время заселяли его. Впервые андроновцы здесь появились во II тыс. до н. э., одновременно или почти одновременно с приходом других групп на Юж-

ный Урал. Вторая волна их соплеменников пришла на Васюган примерно через 250 лет. На Васюганье сохранились три группы топонимов: с формантами *лат*, *игай* и *зат/зет*. Первую группу топонимов (Салат, Оглат и др.) можно связать с первой волной, так как исходной территорией такого рода топонимов можно считать Переднюю Азию. В среде кавказцев *лат (*лъльгад, *лъгад) является общедагестанской формой с значением "вода". Если связывать топонимы на *лат* с восточными кавказцами, то можно предполагать, что в Сибирь этот термин принесёт ещё до трансформации его на Кавказе в диалектные формы (рут. *хь'ед* агул. *шед*, лезг. *йад* и др.).

Формант *зет/зат* принадлежит аринам. Исходная форма его связана с западными кавказцами. Так, по записям XVII в. в языке алтакезек-абассинском (по современному – диалект тапанта абазинского языка) отмечена лексема *дзе* "вода" (совр. *дзы*).

И, наконец, топонимы на *игай* (Томул-игай и др.), ныне надёжно связываемые с аринами, но хорошо воспринимаемые и местными хантами (*игай* "небольшая речка"). Из современных дагестанских языков наиболее близкие схождения имеют цез. *игъу*, хварш. *еху*, гунз. *эху*, гинух. *иху*, *ехе*. Все эти языки входят в цезскую (дидойскую) подгруппу дагестанских языков, а пространственно являются в Дагестане самыми западными, соседствуя с чеченским и грузинским. Такая локализация очевидно, не случайна. Кавказские предки арин тяготели к западному (черноморскому) миграционному пути.

Васюганские предки арин, по-видимому, имеют долгую историю: от эпохи развитой бронзы и почти до прихода русских. Нам представляется, что топонимы на *игай* в бассейне Васюгана созданы как хантами – с использованием иноязычного термина (Памы-игай "травяная речка" Кому-игай "широкая речка"), так и дохантыйским населением (*ар-ях*), с которым у современных хантов Васюганья сохранились смутные воспоминания (Кулемзин В.М., 1984). Арины оставили на Васюгане топонимы, определяющая часть которых не раскрывается из хантыйского языка, как Халка-игай (в хантыйском вообще нет фонемы *х*), Вилат-игай Томул-игай и др.

Нам представляется, что пока мы можем говорить только о Южном Урале и Васюганье как областях, наиболее рано освоенных кетами. Дальнейшее формирование кетского топонимического поля было связано с миграцией андроновского населения и производных – дочерних и внучатых – популяций. Эти популяции сформировались в результате смешения андроновцев (фёдоровцев) с местным населением угорской и самодийской популяций.

Шория. В Сибири нет более региона, который имел бы столь высокую насыщенность кетскими топонимами на *-зас/-зес*. Одной из причин этого явления могло быть очень давнее формирование здесь многолюдной популяции, которая существовала очень длительное время, почти до прихода русского населения. К сожалению, слабая археологическая изученность Шории не позволяет "привязать" кетский этнос и топонимы, созданные им, к какой-либо археологической культуре и проследить, как глубоко они идут. На пространстве от Омского Прииртышья, где имеются сходные кетские гидронимы, до Шории такого рода топонимы неизвестны. Исчезли они, будучи заменёнными тюркскими или русскими? Или их на этом пути в Шорию вообще не было, так как кеты прошли Барабу маршем, не останавливаясь надолго? Вопросов больше, чем ответов. Поэтому связь Шорского ареала с Омским остается на уровне предположения. Судя по структуре, шорские гидронимы близки камским и омским: они также в абсолютном большинстве двухсложные. Собственно кетские гидронимы по Енисею существенно иные по структуре.

Всё это позволяет считать шорские (и абаканские с тувинскими) гидронимы весьма древними и исходящими с запада. Завершающее время миграции в Шорию создателей таких топонимов можно определять досредневековым. Нижняя возрастная граница появления кетов в Шории неизвестна. В.П. Алексеев (1965), изучая краниологию шорцев, пришёл к выводу о том, что шорцы сформировались на основе популяций эпохи бронзы из лесных районов Северного Алтая. А в эпоху бронзы таёжные районы Алтая (Прителецкий район), лесные районы верхней Оби были заняты носителями корчажкинской, ирменской и больше-реченской культур, кетское происхождение которых представляется весьма вероятным.

Кеты в Шории жили всё I тыс. н. э., возможно, и позже. По крайней мере, некоторые гидронимы с компонентом *зас* имеют тюркскую определяющую часть: Баранзас (ср. Барангол), Баянзас, Саензас, Баланзас. Это указывает на длительный и тесный контакт кетов и пришлых тюрков, возможно, следствием которого было двуязычие населения с победой тюркского языка. Антропологический облик шорцев с очевидностью свидетельствует о языковом влиянии тюрков, а не о физическом смешении: шорцы являют собой низколицый слабо монголоидный тип (Алексеев В.П., 1957), в то время как тюрки относятся к высоколицым монголоидам. Тюркизация Шории началась, вероятно, в конце I тыс. н. э. под влиянием тюрков, которые некогда заселяли горно-таёжные районы Южной Сибири.

Второе объяснение заключается в миграции в Шорию кетоязычного населения из соседних районов Сибири. Вплотную к Шории подходят ареалы ирменской и большереченской культур, носителей которых мы считаем преимущественно кетоязычными. Возможно, создатели этих культур были вынуждены мигрировать в лесные дебри Шории и осесть в этом рефугиуме (убежище), как это сделали кетоязычные насельники Васюганья. Однако, по нашему мнению, носители ирменской и большереченской культур говорили на пумпокольском языке и не могли создать гидронимы с компонентом *зес/зас*. Не исключено, что носители разных культур говорили на одном из кетских языков, а одна культура могла сформироваться носителями различных языков кетской группы.

Вопрос о времени появления кетоязычного населения в Шории остается открытым. Правда, Ю.В. Шорин (1997) отмечает в Томь-Кондомском районе позднеирменские памятники и памятники, развившиеся из неё. Это ставит вопрос о возможной связи с ирменцами гидронимов на *-зас*.

Появление коттоязычных бирюсинцев в Шории относится к позднему (русскому) времени. Однако эта волна не оставила следов в топонимии Шории, очевидно, вследствие своей малолюдности. Тем не менее в языке шорцев сохранились некоторые следы языкового влияния коттов (см. выше).

Бассейн Чулыма. Бассейн среднего и верхнего течения этой реки представляет собой компактный ареал, насыщенный пумпокольскими топонимами. Топонимов с формантами *dam/dem/mam/met* так много и они настолько "свежие", что создается впечатление недавнего проживания здесь их создателей. Исторически засвидетельствованные пумпоколы (кетско-имбатское название их – тымдыгеты) встречены русскими в левобережье Енисея, в верховьях Кети. Малая численность этой группы (несколько десятков человек) говорит сама за себя: племя было приговорено Судьбой и историческими обстоятельствами к вымиранию. Походы казаков на Енисей по Чулыму в начале XVII в. также не оставили сведений об этих "инородцах". По-видимому, их здесь уже не осталось, все они были оторочены.

Предположительно пумпоколы – это потомки носителей ирменской и большереченской культур. Если это так, то в ареал расселения их следует включить предгорья Алтая, где ирменская культура оставило немало археологических памятников.

Енисей-Ангарское междуречье. В четырёхугольнике между Енисеем и Ангарой наиболее выразительными и многочисленными являются коттские и ассанские топонимы. Они образуют компактный ареал, что

свидетельствует о проживании здесь многочисленной популяции этих близкородственных групп кетского населения почти на всей территории междуречья. Однако, археологических данных, которые позволили бы "привязать" коттов и ассанов к какой-либо археологической культуре, нет. Если считать предками коттов и ассанов карасукцев, то последние обитали в основном в левобережье Енисея. В таком случае можно предположить, что котты и ассаны были оттеснены кем-то (тюрками?) на восток (за Енисей), где они и были встречены русскими. Кем была занята эта территория до прихода ассан и коттов? И были ли ассаны и котты первым кетоязычным (енисейскоязычным) населением на междуречье? Дело в том, что на восточной окраине ареала, по меридиональному отрезку Ангары, возможно, проживали арины. Я пишу "возможно" потому, что не очень уверен в аринском происхождении имён нескольких притоков Ангары (Дзёда, Зеда). Если эти гидронимы оставлены действительно аринами, то котты и ассаны пришли в междуречье Енисея и Ангары, уже занятое родственными аринами. Об этом свидетельствует и предположительно аринский гидроним Латка, а также Чим, Кайтым, Кайтыма, предположительно кетского ("симского") происхождения. По южной окраине ареала (Восточные Саяны) имеются топонимы пумпокольского (Тюхтет и др.) и кетско-имбатского типа (Азас, Казас).

Обь-Иртышская стрелка. Это пространство между Обью и Иртышом вблизи устья последнего. Ограничено оно с юга условной линией от устья р. Шиш (правый приток Иртыша) на устье р. Тым (правый приток Оби). Стрелка несёт настолько полный набор самых различных топонимов, что создается впечатление о том, что именно здесь побывали все группы енисейцев – известных и неизвестных, предполагаемых. Здесь сосредоточены аринские топонимы на *-игай*, *-лат*, *-сам*, *-ул*, "симские" на *-тым*, кетские на *-зас/-сес/-сис/-шиш*, пумпокольские на *-дат*. Предположительно кетскими являются топонимы на *-гем/-гат* и *-мас/-тис*. Недалеко (система р. Аган, правого притока Оби) имеется р. Нетогапшет, что заставляет предполагать пребывание здесь и коттов с ассанами.

Стрелка очень слабо изучена археологически в связи со значительной заболоченностью и трудной доступностью. Только бассейн Васюгана в его верхней части позволил связать аринские топонимы с археологическими памятниками Тух-Эмтор и Тух-Сигат. Можно предполагать, что енисейцы (арины) здесь жили очень долго. Даже потеряв привычный для себя образ жизни скотоводов, они длительное время сохраняли свой язык. Похоже, что только в средневековье (позднем ?) они

окончательно растворились в среде хантов, которые сохранили о них память как о древнем народе арь-ях.

Несомненно, Обь-Иртышская стрелка таит в себе очень многие ответы на проблемы ранней истории кетов в Сибири. Этот регион находился в стороне от бурного юга, где народы сменяли друг друга в ходе миграций то с запада на восток, то в обратном направлении при заметной миграции из северных, таёжных районов. И нередко это происходило в ожесточённой борьбе. Обь-Иртышское междуречье в сравнении со степным югом было спокойным регионом. И это обстоятельство обусловило определённую инертность в социальном развитии таёжного населения.

* * *

Если обратить внимание на места высокой концентрации енисейских топонимов, то явно усматривается их отдаленность от степных районов и затаёженность. Это касается не только Обь-Иртышской стрелки, включающей Васюганье, но и Кузнецкого Алатау (обилие топонимов на *-tam/-dam*), Шории (обилие топонимов на *-zas/-zes*), и горных лесов Западного и Восточного Саян. Эти территории не были привлекательны для наиболее мобильного населения – скотоводов, особенно скотоводов-кочевников. Последние обходили залесённые территории стороной.

Но для лесных жителей, какими стали кеты, потомки скотоводов, такие территории служили спасением. Они были для них убежищами (рефугиумами). Именно относительно недавний уход вниз по Енисею кетов с Иртыша и верховий Томи и Енисея позволил сохраниться до наших дней группе енисейцев, известных ранее как кеты-имбаки, енисейские остяки, а ныне просто кеты. И ушли эти кеты не под давление тюркокочевников. Их буквально выдавили с насиженных территорий тюрки-присваиватели, которые пришли по горам Южной Сибири с Дальнего Востока. Тюрки-тофалары и часть тувинцев – это последние "могикане" той группы горно-лесных тюрков, которые стали конкурентами кетов в использовании охотничьих и рыболовецких угодий горных лесов.

Иные причины вызвали концентрацию коттских топонимов в рамках Ангаро-Енисейского четырехугольника. Похоже, что сюда, за Енисей была оттеснена тюрками (?) довольно многочисленная популяция енисейцев – коттов и родственников им ассан. Они заняли слабо заселённые, но хорошо залесённые территории, которые вполне обеспечивали им сносное существование. Переселение, очевидно, произошло в первые века новой эры и вызвано было миграцией таёжного населения (само-

дийцев), пришлым население таштыкской культуры, немного позднее – тюркоязычных киргизов, затем монголоязычных предков бурят. Зажатые со всех сторон агрессивным населением в общем-то миролюбивые и плохо организованные, разобшённые котты и ассаны не могли выдержать "круговую оборону". Завершающий удар нанесли русские. Котты и ассаны были обречены на полную ассимиляцию – культурную и языковую. В память о них остались только многочисленные топонимы, небольшие лингвистические материалы, которые вот уже сколько лет интерпретируются исследователями.

СЛЕДЫ КЕТОВ У НАРОДОВ СИБИРИ

Не оставили ли кеты и иных, кроме топонимов, следов в языках и этнографии сибирских народов? Такие следы есть, хотя они немногочисленны и не всегда бесспорны. В ряде случаев это просто догадки, которые хочется вписать в тему (подогнать под "идею").

Угорская среда. Первыми аборигенами, которых встретили пришельцы с Кавказа (андроновцы), были угры. Ещё В.Н.Чернецов (1941) считал, что остяко-вогульский орнамент уходит корнями в андроновскую культуру.

По мнению Н.Н.Чебоксарова и Т.А.Трофимовой (1941), ивдельские манси сохранили в своём физическом типе признаки носителей андроновской культуры. В хантыйском языке сохранилось немало кавказских слов (см. предисловие).

Известны этнографические параллели угров и древних насельников Малой Азии. Ю.А.Балакин (1984), ссылаясь на работы австрийских этнографов И.Гекеля и Л.Шмидта, писал, что угры испытали древневосточное влияние, которое затронуло сферу религиозных представлений и связанных с ними ритуалов. В частности, это касается культа идолов, принесение им жертв, одевание, ежегодное кормление. Особенно показательны вогульские пляски с оружием перед идиолом, которые до мелочей совпадают с военными танцами хеттов. Л.Шмидт добавил к этому и сходство применения свинца с ритуальными целями, которое он обнаружил у народов Ближнего Востока и народов Урала и Поволжья. Несомненно, хетты, индоевропейцы по языку, не имели прямого отношения к финно-уграм. Хетты (самоназвание неизвестно), пришельцы из Европы, позаимствовали у покорённых ими хаттов не только этноним, но и религиозные представления, обычаи, культуры (Ардзинба В.Г., 1982). Можно предположить, что элементы хаттской культуры были переданы завоевателям – хеттам напрямую, а уграм через посредников – кавказ-

ских народов и андроновцев. Нет ли генетической связи танцев с мечами у обских угров с мечами и обрядом мечепочитания в селениях Дагестана (Шиллинг Е.М., 1946)?

Вяч.Вс.Иванов (1975) усмотрел некоторые параллели в мифах угров и кетов. В частности, в хантыйском герое Альвали можно видеть Альба, героя кетских мифов.

Можно привести некоторые антропонимические схождения кетов и уральцев. Так, на Васюгане (пос. Новый Васюган), где в далёком прошлом несомненно жили арины и ныне известна фамилия Окишевы, которую можно вывести из арин. *экеш* "лось". Именем одного из них названа р. Окишева. Среди шорцев известна фамилия Экешев (сёок шалганник), которую также можно вывести из этого аринского слова.

В языке берёзовских вогулов более 200 лет назад было зафиксировано слово *латень* "река", которое можно сопоставить с аринским *лат* "река" или "вода". Активно используется в создании хантыйских гидронимов кетский (аринский) термин *игай* "речка". Такие гидронимы столь многочисленны, что создается впечатление недавнего проживания здесь аринов⁴.

Самодийская среда. Интересны антропонимические параллели ассан и ненцев, столь пространственно далёких этнических групп. Б.О.Долгих (1960, с. 197, 205) отметил по документу от 1683 г. "*по Тассеевой реке тунгусы род Легор*", ассанский по происхождению. Среди ляпинских ненцев в левобережье нижней Оби в середине XIX в. была известна фамилия Легоров (Васильев В.И., 1979, с. 174). Наличие в низовье Оби кетских топонимов, в том числе и ассанских (р. Сеуль) не исключает ассанское происхождение предков ненцев-носителей фамилии Легоров. Если это действительно так, то можно предполагать, что в прошлом миграции кетоязычных групп были весьма дальними – от низовий Оби до Нижнего Приангарья. А фамилию Легоров в среде ненцев можно считать следом бывшего пребывания ассан в низовье Оби. Однако отметим, что для кетско-енисейских и современных самодийских языков начальное *л* не характерно.

В качестве новаций в селькупском языке является поздний способ образования числительного 8. Существовавший ранее способ образования этого числительного по принципу "две четверки" был заменён заимствованным из кетского языка способом "двух не имеющих десятков" (*ш'итты ч'әҗкытыл' кәт*). В кетском языке это *ынем бән'са' қос'* "без

⁴ Русские познакомились с васюганскими хантами в 1860-х гг. (Григоровский И.П., 1884).

двух десять". По такому же принципу построено числительное 9 (Прокофьев Г.Н., 1939).

Тунгусская среда. Давнее расселение коттов и ассанов по Ангаре до Байкала, естественно предполагало их тесные контакты с тунгусами, которые, очевидно, позже кетоязычных групп стали претендовать на эти территории. Экспансия тунгусов была успешной, и следы ассимиляции ассан и коттов в их среде прослеживаются вполне определённо (Туголуков В.А., 1985, 1986). Пережиточные явления ассанской культуры у эвенков Приангарья отмечены в XVII в.: раскрашивание лица (не татуирование!), ношение коротких ровдужных юбочек с бахромой, ездовое собаководство. Позднее И.Г.Гмелин⁵ присутствовал на камлании тунгусского шамана в районе Братского порога. Шаман исполнял монолог на языке, который не понимали ни русские, ни тунгусы. В.А.Туголуков (1986) предполагает, что это был язык ассанско-коттского населения: "*вряд ли это был монгольский или бурятский язык*" (с. 152). По р. Чадобец зафиксировано имя тунгусского князца Тюлькинея, созвучного имени главы Аринской землицы – Тюлька. По-видимому, отунгушенными ассанами были представители рода Легор, упоминавшегося выше. Еще в начале XX в. у тунгусов по р. Чуна бытовал культ коня, который они заимствовали от предшествовавшей им чуди (Чеканинский И.А., 1914), то есть ассан и коттов.

Бурятская среда. Кетоязычные группы, в первую очередь ассаны, могли контактировать с бурятами в верхнем Приангарье. Однако прямых доказательств этих контактов – языковых или культурных, мы не имеем. Даже В.А.Туголуков (1985, 1986), специально рассматривший этнографическую ситуацию в Прибайкалье в XVII-XVIII вв., никаких следов кетского влияния на бурят не обнаружил.

Тюркская среда. Наиболее многочисленны и многообразны кетские следы в среде тюрков.

В языке тобольских татар зафиксировано слово (Ср.сл., т. 2, 1771) *есь* "дух", что соответствует общенисейскому *есь* "бог". У тюркоязычных кангатов термин *ыскем* (в словаре А.В.Старчевского, 1893, - *ыскэм*) "дождь" был построен по кетскому образцу. В нём присутствует слово *есь* "небо (бог)" в форме *ыс*, значение последнего компонента можно реконструировать как "вода" и поставить его в разряд географических терминов (ср. тувинские топонимы Кем – бывшее название Енисея от истоков до устья Ангары, Улуг-Хем и др.). В языке арин бытовало слово *айна* "дьявол". Ныне это слово в том же значении используют шорцы,

⁵ В.А.Туголуков (1986, с.152) ссылается на И.Г.Гмелина, однако в примечании (отсылка на источник) указаны Идес Избрант и Бранд Адам.

северные алтайцы и хакасы. Южным алтайцам оно незнакомо. Только в языке шорцев имеется слово *каяк* "масло, жир" (Вербицкий В., 1887), аналогичное арин., котт. *кайяк* с тем же значением. Л.П.Потапов (1957) считает название растения *кандык* коттским по происхождению (исконно шорское название *мёс*). В.И.Вербицкий (1893) приводит названия утки в языках северных и южных алтайцев – соответственно *урьтек* и *су-гуш*. Первые слоги этих слов обозначают "вода", но у северных алтайцев используется кетское слово (*урь*), у южных – тюркское (*су*).

Несомненно, кеты длительное время контактировали с тюрками Шории и Хакасско-Минусинских котловин и Восточного Саяна. Имя тюркского богатыря Алпа (Алб, Алып, чув. Улӑп) восходит к одному и тому же источнику – герою енисейского эпоса Альба. Судя по присутствию этого слова в чувашском, заимствование произошло в давние времена.

В сложении хакасского народа заметную роль сыграли кетоязычные группы, как собственно кеты, так и ассано-котты и арины. Возможно участие и пумпоколов, хотя фактическим материалом это пока не подтверждается.

В.Я.Бутанаев (1994) привёл полный список хакасских фамилий, как современных, так исторически восстановленных, с указанием их принадлежности к родам (сёокам) и административным родам, созданным русской администрацией. Некоторые фамилии, судя по родовой принадлежности, имеют кетское происхождение.

Сёок *тиин* имеет явно коттское происхождение⁶ и включает фамилии, которые ныне носят вероятные потомки коттов: Абдулов, Алахпаев, Арчиных⁷, Бахташкин, Бирюжеков, Бурчеев (Турбучинов), Изыганов, Назаров, Поркин, Соболин, Суханаков, Сухарев, Тартызанов, Таскин, Тахтаракон, Токоянов, Тоторов, Тохтин, Чачаев, Черенев. Носители этих фамилий входили в Гинский административный род. Автор знаком с обрусевшим хакасом Владимиром Арчиныховым, голову которого украшали русые волнистые волосы, столь нехарактерные для хакасов и русских. Приходит на ум информация В.И.Анучина (Анучин В.И., Синельников Н.А., 1911), который в 1905-1906 гг. у туруханских кетов "лиц с волнистыми волосами видел много". Были также курчавые (как папуасы), хотя исследователь видел их немного, только троих. Дальняя родственница автора лет 70 назад вышла замуж за хакаса Арчиныхова, который в то время жил в правобережье Енисея по р. Туба.

⁶ А.А.Ивановский (1907) считал их аринами.

⁷ Очень хочется сопоставить эту фамилию и хакасский род *арчи/арши* с арчинской группой дагестанцев.

Коттами были и основные обитатели Большебайкотовского и Малобайкотовского административных родов (сеок *пайгудуг*), которые вошли в состав хакасов и имели или получили фамилии: Абулгин, Апчигин, Баинов, Бархилов, Барходаев, Беденев, Будюков, Бургарин, Евтюгин, Жердоков, Заплатин, Калягин, Камагин, Каражаков (Алжибаев), Каратанов, Кичигеев, Киштеев, Корчаяков, Корчуганов⁸, Кудажин, Кулдурбаев, Кулуяков, (Колуев), Курматуров, Кухустенов, Кучурганов, Кызылаев, Ламов, Мангатаев, Манзелев, Марыкаев, Модаров, Мосин, Нанякин, Олгунёв, Панпунаков, Пинигин, Покоянов, Попачеков, Сабаккин, Самоякин, Селенгин, Селегеев, Сонин, Сортаев, Сытыков, Токеев, Тораскиров, Торянов, Тряков, Тугарин, Улугбашев, Чотыев, Чубутин, Чучагин, Цынгаев, Шаландеев, Шимиштеев, Шуйдаев.

Коттское происхождение имеет и хакасский сеок *чарджа* (*чарча*), представители которого были объединены в Аршинский (Яржи) административный род. Род занимал бассейн р. Кебезь, правого притока Енисея. К началу XIX в. он переселился в Койбалъскую степь. В.Я.Бутанаев связывает с Аршинским родом следующие хакасские фамилии: Алжибаев, Дюдюпков, Жабуганов, Катнин, Кундулин, Кускужаков, Мамандаков, Маргазеев, Побегает (Бегаев), Салагаев, Саранов, Сертугин, Чадаяков, Чапокалаков, Чебурджеков.

В составе Аршинского рода находился и родственный чарча сеок *чонгмай*, который представляют носители фамилии Чичинины.

А.П.Трояков (1969) писал, что хакасский род *хахына* является кетским по происхождению: в хакасском и тувинском языках нет такого слова, но в кетском оно есть и означает "кукушка". Если это так, то, возможно, потомками коттов являются хакасы этого рода, которые носят фамилии Адыгаев, Баскучеков, Кактояков, Калченаев, Качелаков, Кузанов, Сидимеков, Сультреков, Тодозаков, Токаяков, Токмачёв, Токочеков, Тоскараков, Тохтобин, Тюкпеев, Чертыгашев, Чистаев, Чистогашев. Любопытно, что фамилия Сультреков чётко расчленяется на две лексемы с неясным смыслом: *суль* и *трек*. Эти лексемы входят в имена рек кетской территории: *Сульмрас* (один из истоков р. Мрасса/Мраза/Мрассу в Шории), *Сульцыс* (приток р. Шиш, впадающего справа в Иртыш), *Сулзат* (приток Чулыма вблизи его устья) и *Сульзат* (приток Оби в 10 км ниже устья Чулыма), *Пихтерек* (один из истоков Белого Июса).

Аринское происхождение имеет хакасский сеок *ара* (*аара*), в составе которого ныне известны следующие фамилии: Арыжаков, Афонкин,

⁸ С.П.Крашенинников (1966, с. 53) в 1734 г. отметил дер. Корчуганова на р. Томи выше дер. Саламатовой и Сосновского острога.

Батенёв, Белозёров*, Белянкин, Болтин*, Бузруков, Жульмин, Капчига-шев, Колыванов, Кузракoв, Кульбезеков (Кузыбеков), Лашкеев*, Пермяков*, Поликсупов, Понягин, Поросёнов, Потылицын, Сапогов, Су-раяков, Тараканов, Теляшкин, Томилов*, Торгошин*, Тюрепин, Юсу-пов. Из 25 фамилий одна (Арыжаков) из Шалoшина административного рода, пять – из Абылтаева (отмечены звёздочкой), остальные – из Та-тышева. Среди фамилий сеока аара преобладают русские (Афонкин, Безруков, Белянкин, Пермяков, Потылицын, Сапогов, Томилов и др.). Некоторые из них принесены из-под Красноярска (Торгошин), другие же сформированы в Хакасии под сильным русским влиянием. Так, фа-милия Жульмины с несвойственной тюркским языкам начальной фоне-мой ж образована из хакасской фамилии Чүлмелер.

Если предполагать участие пумпоколов в формировании хакасов, то следы их скорее всего остались в среде кызыльцев, вернее, той части их, которая в прошлом считалась кыштымами, зависимыми от кыргызов насельниками бассейна Июсов.

Л.П.Потапов (1955, с. 155) приводит немало этнографических кет-ско-шорских параллелей, которые, по его мнению, отражают историче-скую общность их жизни и, видимо, происхождения. С.И.Вайнштейн (1951) отмечал, что техника кузнечного дела у кетов по приемам и упот-ребляемым орудиям близка к шорской. Арины, как и шорцы, были великолепными металлургами и кузнецами. Это, в частности, привело к именованию двух волостей Кузнецкими – в Шории и севернее Красно-ярска. Любопытно, что князец Кузнецкой волости у Красноярска носил имя Тумет(ка), а в Шории имеется р. Тумет (ныне Таймет).

Кеты в прошлом, как и шорцы до революции, хоронили детей в дуплах деревьев, завернув их в бересту. На охоте котты, по сообще-нию И.Георги (1799, с. 27), спали у костров попарно *"...так, что го-ловы их лежат одна супротив другой, а ноги одного под руками у дру-гого"*. Точно так же поступали в недавнем прошлом и шорцы, особен-но переселившиеся в бассейн Абакана с р. Мрасса. Шаманские бубны кетов, шорцев и кумандинцев относятся к одному типу. У шорцев и кетов роль любимого дерева добрых духов играет береза. В кетском мифе о Хунь, дочери Солнца, не усматривается ли тюркское название солнца - *күн*?

В языке шорцев сохранилось слово *пача* "царь". Это близко к *пади-шах, падишах, пача* (пушту "король, царь, шах"), *поччо, пошшо* "царь" в ряде иранских языков Памира и бурушаски. Восходят эти слова к ир. *pati šah* "владелец власти". Как титул введен во времена Великих Мо-голов в Индии (XII в.). Нами также предполагалось иранское заимство-

вание *пача* в шорском языке. Но в кетских языках имеется слово *пача* "большой" (Пача-ул "Енисей", букв. "большая вода"). Это сравнение мало о чём говорит в данном случае. Но М.Ф.Кривошапкин (1865) приводит слова, с которыми на р. Комса к нему обратился старый кет: "*помоги, бачка...*" Это слово приведено и в другой работе М.Кривошапкина (1863). Здесь можно в слове *бачка* увидеть знакомое шорское *п/бач(к)а* в значении "большой (человек)", "начальник". Если это так, то шорское *пача* является кетским реликтом и свидетельствует об участии кетов в этногенезе шорцев. А крайние точки информации (Шория и р. Комса) трассируют миграцию кетов с Алтае-Саян на нижний Енисей. Это кетское (остяцкое) *бачка* удивительно напоминает чечено-ингушское *бабчча* "главарь", что позволяет считать его исконно кетским словом, унесённым с Кавказа.

История тюркоязычных хакасов и шорцев переплелась, чему способствовали многократные встречные миграции их. Шорские этнонимы и антропонимы встречаются и в хакасской среде. Это позволило В.Я.Бутанаеву (1994) выделить в составе хакасских сёоков и фамилий шорские, в том числе и созданные изначально кетоязычным компонентом шорцев. По мнению В.Я.Бутанаева, к числу кетских (в широком понимании этнонима) можно отнести некоторые сёоки бирюсинцев, которые когда-то (около 1740 г.) были вытеснены с р. Бирюса южными самодийцами. В частности, наиболее вероятное кетское (точнее – коттское) происхождение имеют следующих рода бирюсинцев: *кийский* (Койский, Кийско-Кивинский, Кивинский) и *хобый* (Кобийский, Кубийский, Кивино-Кубинский, Кобинско-Кубинский). К первому отнесены фамилии Казанакон, Карамашев, Кузурбашев, Кызынгашев, Оризанов, Отыргашев, Пидюров, Сыргашев, Туниев, Челтыгашев, Четыков, Шельтреков, ко второму - Бадаев, Боргояков, Бутанаев, Добранов, Казагашев, Казанакон, Канзычаков, Кичеков, Кулумаев, Куюгешев, Куюнов, Мамышев, Ойжаков, Салагашев, Сармояков, Сипкин, Сумигашев, Табаков, Топоев, Тороков, Тотонаков, Томояков, Тюкпегешев, Тюмерев, Тюремеев, Улеганов, Чудогашев, Чуртаев, Шулбаев, Шышканаков.

Шорские исследователи также предполагают кетское происхождение сёоков *кобый* и *кый*. По списку В.Кимеева (1989), первый сёок представлен фамилиями Сосканаковы, Шишканаковы и Шулбаевы, а второй – Кусургашевы и Шалтрековы. Следует отметить повторяющиеся фамилии в составе сёоков хакасских и шорских: Шишканаковы и Шулбаевы в сёоках *хобый* (*кобый*) и Шельтрековы/Шалтрековы – в сёоке *кый/кийский*. Эти параллели усиливают доказательность пофамильного

списка сёоков. Можно предполагать, что Шулбаевы – это потомки коттов (котт. *шулби* "ягода").

Любопытно, что потомки бирюсинцев более бородаты, нежели другие тюрки Хакасии, например, качинцы (Ивановский А.А., 1907). Таким же внешним признаком отличаются и тюркоязычные койбалы, в жилах которых также течёт кетская (коттская) кровь (Там же).

Несомненно, не все из приведенных в списках фамилий являются кетскими по происхождению. И не все фамилии аборигенов, включенных в тот или иной административный род, принадлежат потомкам кетов: разноэтничность административных подразделений общеизвестна. Тем не менее, думается, что в жилах хотя бы части хакасов и шорцев, носящих эти фамилии, течёт кровь кетов (в широком понимании этнонима).

Енисейские кеты сохранили в своих преданиях память о добром божестве Тома, которое по их представлениям обитало далеко на юге в каменном доме. Б.С.Семёнов (1919) на Енисее в пос. Алинском, Сумароково, в 35 верстах ниже Подкаменной Тунгуски, встретил кетов, которые верили в бессмертную душу по имени Ульгень. Это имя кеты заимствовали у тюрков, по верованиям которых Ульгень был добрым началом, управляющим миром. По-видимому, в памяти подкаменнотунгусских кетов ещё свежи были религиозные представления, приобретённые ими в результате контактов с тюрками Шории и/или Хакасии.

Миграция кетоязычных групп в сторону Байкала засвидетельствована материалами по тюркоязычным тофаларам Восточных Саян. По мнению В.И.Рассадиной (1969), ядром тофаларов явились какие-то кетские роды. В гутаринском и алыгджерском говорах тофаларского языка сохранились некоторые черты, присущие кетским языкам. Известны и кетские лексические заимствования в тофаларском: асс., котт. *чегар* – тоф. *шегар* "нарта", асс. *ий*" гора"–тоф. *ий* "южный склон горы". И, наконец, до сих пор интригует тувинский топоним - ущелье Дзора-хыт, который имеет тёзку на ... Кавказе: р. Дзорает "ущелистая речка".

Иранская среда. Несомненно, предки кетов (енисейцев) контактировали с иранцами на юге Красноярского края и в Хакасии, в лесостепях Западной Сибири. Эти контакты были взаимообогащающими и относятся ко времени не ранее середины I тыс. до н.э. Но иранцы ушли из Сибири, либо были ассимилированы, поэтому возможные следы влияния на них енисейцев стёрлись. Тем не менее они, несомненно, были. Именно под влиянием иранцев предки кетов сформировали гибридные термины для обозначения родников (*банган, ульватан, тайлоп*; см. выше).

Не исключено, что далёкие предки енисейцев имели длительный контакт и в более раннее время – в эпоху бронзы. Памятники федоровской археологической культуры в немалом числе известны в центре Казахстана, в Средней Азии, в том числе и в Киргизии. Большинство авторов считают, что в то время эти территории были заняты ираноязычным населением – носителями алакульской и тазабагъябской культур. Взаимовлияние иранцев и предков енисейцев, в том числе и языковое, в то время было несомненным. Однако со временем предки енисейцев растворились в среде среднеазиатского населения (иранцев), и до наших дней следы этих контактов не дошли. Они были стёрты временем.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КЕТОЯЗЫЧНЫХ ПЛЕМЁН

По-видимому, племена енисейцев четко разграничивали свои и чужие территории. Об этом свидетельствует формирование топонимических ареалов (микрорайонов), в которых сформировалось абсолютное преобладание топонимов какого-либо типа. Таков ареал с пумпокольскими топонимами в бассейне верхнего течения Чулыма (Кузнецкий Алатау), кетских в Шории, коттско-ассанских в центре Енисей-Ангарского четырёхугольника, аринских (на *-игай*) в бассейне Васюгана, кетских в Омском Прииртышье. На стрелке Оби и Иртыша чётко проводится грань между ареалами топонимов на *-игай* и топонимов на *-тас* и *-тым*.

Но, с другой стороны, имеются микрорайоны, в которых вкрапления иноплеменных топонимов весьма обычны. Это наблюдается в системе Тубы, правого притока Енисея, где отмечены пумпокольские гидронимы Садтат, Китат, Богдат, Кандат и др. и коттско-ассанские Бачат, Тагашет, Тугуншед, Sluesched и др., "симские" (Чим), кетские (Шушь).

В системе рр. Нижняя и Верхняя Подъемных (впадают слева в Енисей ниже Красноярска) имеет следующий "набор" кетско-енисейских топонимов: аринские Tala-keisat, Keisat, Alkeilsat (р. Алыклина), пумпокольские Кантат, Айтат, Бартат, Итат, Tugjatat (р.Тигина) и недифференцированные Chaulul (ныне Таловка), Ielteul (в четырех верстах от Таловки)

Среди коттско-ассанских гидронимов центральной части Енисей-Ангарского четырёхугольника единично встречаются иноплеменные гидронимы на *-лат* (Латка), *-тым* (Кайтым, Катымка), *сет* (Калкасат, Колнасат). На Алтае единичны разноплеменные гидронимы: Тюдет, Томулдат, Кадзес.

Не образуют компактного ареала, а встречаются в виде единичных вкраплений почти во всех микрорайонах гидронимы на *-get*, которые мы условно относим к енисейским.

Такое соотношение топонимов различных групп енисейцев отражает сложную историю освоения ими Сибири. В период изначального проникновения енисейцы осваивали определённые территории, которые, очевидно, закрепляли за собой. Так формировались основные топонимические микрорайоны с однотипными топонимами (Шория, Омское Прииртышье, верхнее течение р. Чулым, центральная часть Енисей-Ангарского четырехугольника, система Васюгана). Позже усилилась миграция небольших групп, которые проникали далеко вглубь чужой (но кето-енисейской!) территории, формируя здесь свою малочисленную топонимию. Такая ситуация возникла поздно, когда обострились отношения с аборигенами (самодийцами) и пришлым населением (тюрки, тунгусы, русские, буряты). Особое место занимают миграции малочисленных групп енисейцев по периферии своего ареала. Так, енисейцы, населявшие предгорья Алтая, проникали по речным долинам вглубь Алтайских гор, формируя там свои единичные гидронимы.

КТО ВЫ, КЕТЫ? **(вместо заключения)**

Задавать этот риторический вопрос после столь долгого повествования, значит, признать, что проблема не решена. Да, это так. Предложенная схема исторических этапов кетского этногенеза основана на ряде допущений, требующих своего доказательства. Построена схема в основном на основе лингвистических данных, утвердившейся в специальной литературе:

1) родство неиндоевропейских языков Передней Азии (хаттский, каски, хурритский, урарту) и кавказских (нахско-дагестанские и адыго-абхазские);

2) родство языков кавказских с енисейскими;

3) родство языков енисейской группы между собой.

Эта лингвистическая цепочка положена в основу наших представлений об исходе предков енисейцев из Передней Азии и об неиндоевропейской их принадлежности. Нами высказано предположение о наличии семитских элементов в языках енисейцев. Если бы это было подтверждено дополнительными доказательствами, вопрос о месте изначального проживания предков кетов был бы решён. Только в Передней Азии неиндоевропейские предки кетов могли контактировать с различными семитоязычными группами (древние сирийцы, библейские евреи).

Сложнее решается вопрос о физических носителях мигрантов, которые принесли енисейские языки в Сибирь. В этом отношении доказательная часть топонимии, археологии и палеоантропологии имеет большие пробелы, что повлекло за собой немало допущений, требующих, в свою очередь, доказательств.

Во-первых, допускается кетская природа топонимов на флангах ареала предполагаемого расселения их создателей. Это касается верхнекамских (Казеска, Зас, Мукзас) и северомонгольских (Алтат, Том, Дондыт) топонимов. Прямых исторических, помимо топонимов, нет доказательств пребывания здесь кетоязычных групп. Во-вторых, связь андроновцев Урала и Сибири с жителями Кавказа и Передней Азии палеоантропологически почти не подтверждается. В-третьих, более или менее достоверно только для Васюганья определяется связь кетских топонимов

мов с носителями фёдоровской культуры. В-четвертых, прямая связь исторически известных кетов с потомками носителей андроновской (фёдоровской) культуры и поздних её вариантов археологически или этнографически не доказана. Все приведённые в книге доказательства – топонимические, археологические и палеоантропологические – могут оспариваться.

Поэтому цепочка рассуждений:

1) пришельцы из Закавказья были физически ассимилированы на Северном Кавказе ранними индоевропейцами, которые, в свою очередь, были в языковом отношении ассимилированы пришельцами,

2) фёдоровцы являются прямыми потомками насельников Северного Кавказа, в прошлом выходцев из Закавказья,

3) фёдоровцы являются прямыми предками кетоязычных групп, по крайней мере, в языковом отношении является допущением, требующим доказательств.

Однако, если бы эти вопросы были ранее кем-то решены, автор вряд ли взялся за разработку темы. По мнению автора, недостаток фактического материала это не повод для отказа от создания схем на уровне версий. Логические построения могут компенсировать недостаток прямых фактов при условии, что они позволяют вместе с имеющимися фактами создать цельную парадигму проблемы.

Нами использованы следующие логические линии размышления:

1) ничто не мешает объединить разрозненные топонимы и их компактные ареалы от Камы до Северной Монголии в единое топонимическое поле: об этом свидетельствует сходная структура топонимов различных ареалов и наличие повторяющихся топонимов (тёзок) на пространственно удалённых территориях;

2) единое топонимическое поле могло быть создано только многолюдной популяцией, которая была относительно оседлой, и длительное время обживала огромную территорию Сибири;

3) популяция не могла не оставить свою топонимическую систему, поскольку археологически не отмечается полный уход таёжного андронидного населения в другие регионы. Возможна была передача сформировавшейся топонимии аборигенам (при языковом взаимодействии) либо более поздним пришельцам;

4) топонимическое поле территориально соответствует ареалу фёдоровской культуры и её производных;

5) отсутствие кетских археологических памятников, которые связали бы исторически известных кетов с их предками эпох поздней бронзы или ранних кочевников может быть объяснено завершившейся ассимиляцией кетского населения аборигенами, от которых кеты переняли не только хозяйственный уклад, но и воздушный обряд захоронения.

Главной задачей кетологии, на наш взгляд, является поиски археологическими методами ниточки, которая связала бы исторически известных енисейцев и их возможных сородичей, оставшихся науке неизвестными, с достоверными потомками фёдоровцев. Это станет возможным лишь в результате развития средневековой археологии и разработки методов разбраковки памятников енисейцев и других групп населения (самодийцев, тюрков, тунгусов, иранцев). В первую очередь эти работы должны вестись в ареалах с плотной енисейской топонимией: Обь-Иртышская стрелка, Шория, верховья и среднее течение Чулыма в пределах Кузнецкого Алатау, Енисей-Ангарский четырехугольник.

Особую ценность будут представлять археологические исследования на Обь-Иртышской стрелке к северу от условной линии устье р. Шиш – устье р. Тым. Здесь концентрируются топонимы, созданные различными группами енисейцев (см. выше). Причём, эти топонимы были созданы в начальные этапы миграционных подвижек предков кетов, которые почему-то избрали этот нелегкий маршрут. В восточной части стрелки (бассейн Васюгана) уже получены удивительно согласованные археолого-топонимические результаты: появление нетипичных для угорского мира топонимов и лексем связано с приходом скотоводов-фёдоровцев. Дальнейшее изучение археологии и топонимии Обь-Иртышской стрелки, несомненно, откроет немало сокровенных страниц истории древнего населения Западной Сибири.

Автор будет считать свою работу выполненной, если у читателя пробудится интерес к истории одного из древнейших народов Сибири, некогда могущественного и экономически развитого, а ныне практически исчезающего. Взлёт и падение народа – это результат внешнего воздействия – природы и человека, это умение или неумение приспособиться к новым историческим условиям, найти ответную реакцию на эти воздействия. История енисейцев тому подтверждение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

абх. – абхазский	др.-кит. – древнекитайский
авар. – аварский	др.-нем. – древненемецкий
авест. – авестийский	др.-сев.-герм. – древнесеверогерманский
агул. – агульский	др.-фриз. – древнефризский
адыг. – адыгейский	евр. – еврейский
алт. – алтайский	имб. – имбатский
англо-сакс. – англосаксонский	индосвр. – индоевропейский
анд. – андийский	инд. – индийский
арин. – аринский	ир. – иранский
араб. – арабский	кабард. – кабардинский
арм. – армянский	казах. – казахский
арч. – арчинский	карач. – карачаевский
ассан. – ассанский	камас. – камасинский
афг. – афганский	кет. – кетский
ассир. – ассирийский	кет.-осг. – кетско-остяцкий
балк. – балкарский	кирг. – киргизский
баск. – баскский	койб. – койбальский
башк. – башкирский	котт. – коттский
бежт. – бежгинский	крыз. – крызский
брет. – бретонский	куманд. – кумандинский
будух. – будухский	кур. – курейский
верш. – вершицкий	кыз. – кызыльский
герм. – германский	лат. – латинский
гинух. – гинухский	латыш. – латышский
гунз. – гунзибский	лебед. – лебединский
дагест. – дагестанский	литов. – литовский
долг. – долганский	малагас. – малагасийский
др.-англ. – древнеанглийский	манс. – мансийский
др.-в.-нем. – древневсрхненемецкий	морд. – мордовский
др.-герм. – древнегерманский	нганас. – нганасанский
др.-инд. – древнеиндийский	нем. – немецкий
др.-ирл. – древнеирландский	нен. – ненецкий
	осм. – османский
	ост. – остяцкий

- пумп. – пумпокольский
рут. – рутульский
саг. – сагайский
санскр. – санскрит
сельк. – селькупский
сир. – сирийский
сойот. – сойотский
сург. – сургутихинский
сым. – сымский
тел. – телеутский
тоф. – тофаларский
тох. – тохарский
табас. – табасаранский
туб. – тубаларский
тув. – тувинский
тунг.-маньч. – тунгусо-маньчжурские
тур. – турецкий
турк. – туркменский
тюрк. – тюркский
убых. – убыхский
- угро-самод. – угро-самодийские
узб. – узбекский
уйг. – уйгурский
хак. – хакасский
хант. – хантыйский
хварш. – хваршинский
ивр. – иврит
цез. – цезский
цыг. – цыганский
чаг. – чагатайский
чук. – чукотский
чул.-тюрк. – чулымо-тюркский
шор. – шорский
шумер. – шумерский
эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
эд. – эдт-диалект
ю.-самод. – южносамодийские
юг. – югский
юкаг. – юкагирский
якут. – якутский

ЛИТЕРАТУРА

Абдрахманов М.А., Бонюхов А.А. Топонимические названия Шории // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1966. Вып. 1. С. 159 - 169.

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела. Предварительный отчёт // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1886. Кн. VIII. Вып. 2. VI + 144 + IX + 6 с.

Акимова М.С. Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири // Мат-лы иссл. по археол. 1972. № 153. С. 150 - 185.

Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // КСИИМК. 1957. Т. 28. С. 92 - 97.

Алексеев В.П. Антропологические типы Южной Сибири (Алгас-Саянское нагорье) в эпохи неолита и бронзы // Вопр. ист. Сибири и Дальнего Вост. Новосибирск: Изд-во СОАН СССР, 1961. С. 377 - 385.

Алексеев В.П. Антропологические данные и проблемы происхождения шорцев // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. 1965. Вып. 11. С. 86 - 100.

Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // Советская археология. 1967. № 1. С. 22 - 26.

Алексеев В.П. В поисках предков. М.: Изд-во "Сов. Россия", 1972. 303 + 18 с.

Алексеев В.П. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974а. 352 с.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974б. 318 с.

Алексеев В.П., Мкртчян Р.А. Палеоантропологический материал из погребений в Армении и вопросы генезиса населения кура-аракской культуры // Сов. этнография. 1989. С. 127 - 134.

Алексеев Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. 263 с.

Алексеев Е.А. Социальная организация кетов // Обществ. строй у нар. Сев. Сибири. XVII- начало XX вв. М.: Наука, 1970. С. 154 - 173.

Алексеев Е.А. К вопросу о доенисейском компоненте в составе кетов // Происх. аборигенов Сибири и их яз. Томск, 1973. С. 160 - 163.

Алексеев Е.А. К вопросу о так называемых кетах-югах // Этногенез и этнич. ист. народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 211 - 222.

Алексеевко Е.А. Некоторые вопросы этногенеза и этнической истории кетов // Языки и топонимия: Мат-лы IV Всесоюз. конф. по пробл. происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976. С. 180 - 184.

Алексеевко Е.А. Представление кетов о мире // Природа и человек в религиозных представл. народов Сибири и Севера. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. С. 67 - 105.

Алексеевко Е.А. Кетская проблема // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 118 - 140.

Алексеевко Е.А. Материалы по культуре и быту курейских кетов // Сибирская этнография. Сб. 4. М., 1982. С. 30 - 66.

Алексеевко Е.А. Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 99 - 117.

Алексеевко Е.А. Этническое и культурное взаимодействие кетов и обских угров // Пробл. этногенеза и этнич. истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 106 - 113.

Алиев Иерар, Погребова М.Н. Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М.: Наука, 1981. С. 126 - 137.

Андреевич В.К. История Сибири. Период от древнейших времен до установления главного города Тобольска и основания Иркутского острога. СПб., 1889а. Ч. I. 220 с.; Период с 1660 г. до воцарствования Императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1889б. Ч. 2. 467 с.

Антонов Н.К. Материалы к исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 176 с.

Анучин В.И., Синельников П.А. Енисейские остяки // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 84 (Труды антропологического отдела. Т. 28. Вып. 1). М., 1911. IV + 29 с.

Арджинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 252 с.

Арутюнян П.В. Топонимия Урарту. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР. 1985. 308 с.

Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 472 с.

Багаиёв А.Н. Формирование древнего и современного населения Западной Сибири по данным краниологии. Автореф., ... докт. ист. н. М., 2000, 51 с.

Багаиёв А.Н. Палеоантропология Западной Сибири. Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000а. 374 с.

Балакин Ю.В. И.Гекель об идеологии древних угров // Пробл. этнич. истории тюркских народов Сибири и сопред. территорий. Омск, 1984. С. 148 - 157.

Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научн. тр. М. Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 259 с.

Бибикова В.С. Характеристика структурной формы корневых прилагательных в кетском языке // Происх. абор. Сиб. и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 34 - 36.

Бобров В.В. Танай I – могильник корчажкинской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 75 - 78.

Бобров В.В., Добжанский В.Н. О восточной границе большепереченской культуры // Скифское время Алтая. Барнаул, 1986. С. 52 - 54.

- Боргояков М.И.* Этнические и географические названия в енисейских памятниках древнетюркской письменности // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ. 1970. Вып. 14. С. 77 - 94.
- Боргояков М.И.* Источники и история изучения Хакасского языка. Абакан, 1981. 144 с.
- Борзунов В.А.* Роль миграций в сложении и развитии культур крестовой керамики // Смены культур и миграции в Зап. Сибири. Томск:Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 23 - 27.
- Бубрих Д.В.* К вопросу об отношениях между самоедскими и финно-угорскими языками // Известия АН СССР. Отд-ние языка и лит-ры. 1948. Вып. 6. С. 500 - 510.
- Бунак В.В.* Древнейшие краниологические типы Передней Азии // Краткие сообщения Ин-та этнографии. 1947. № 2. С. 76 - 79.
- Бунак В.В.* Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 14. 1953. С. 306 - 419.
- Бутанаев В.Я.* Заметки о двух хакасских этнонимах // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ, 1970. Вып. 14. Сер. филол. № 1. С. 178 - 183.
- Бутанаев В.Я.* Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 96 с.
- Бутанаев В.Я.* Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995. 268 с.
- Буцинский П.И.* Заселение Сибири и быт её первых насельников. Харьков, 1889. 345 с.
- Бушмакин С.К.* История заселения и формирования топонимии средневосточной территории Удмуртии // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982. С. 29 - 35
- Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. 179 с.
- Вайнштейн С.И.* К вопросу об этногенезе кетов // Кр. сообщ. Ин-та этнографии. 1951. Т. 13. С. 3 - 7.
- Вайнштейн С.И.* Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов) // Этногенез народов Севера. М.:Наука, 1980. С. 68 - 89.
- Василевич Г.М.* Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы // Труды Ин-та этнографии. 1947. Т. 2. С. 205 - 232.
- Васильев Е.А.* К проблеме среднеазиатско-западносибирских связей в неолитическую эпоху // Пробл. археологии и периодизации археологических памятников Южн. Сибири. Барнаул, 1991. С. 31 - 33.
- Вдовин И.С.* История изучения палеоазиатских языков. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 166 с.
- Вербицкий В.И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1887. 498 с.
- Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы. М., 1893. 272 с.
- Вернер Г.К.* Система согласных фонем сымского диалекта кетского языка // Кет. сборник. Лингвистика. М.: Наука, 1968. С. 15 - 25.
- Вернер Г.К.* Вопросы членения енисейской языковой общности // Вопр. нем. диалектологии и ист. нем. языка. Омск, 1973. С. 86 - 90.
- Вернер Г.К.* О некоторых енисейско-дравидийских типологических параллелях // Происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 28 - 29.

- Вернер Г.К.* О гидронимах Тым и Сым в междуречье Оби и Енисея // Языки и топонимия. Томск, 1978. Вып. 6. С. 153 - 156.
- Вернер Г.К.* Пумпокольско-енисейские соответствия // Вопросы строя енисейских языков. Новосибирск, 1979. С. 3 - 48
- Вернер Г.К.* Енисейские числительные первого десятка // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980. Вып. 3. С. 207 - 216.
- Вернер Г.К.* Коттский язык. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1990. 411 с.
- Вернер Г.К.* Словарь кетско-русский и русско-кетский: Уч. пособие для учащихся нач. школы. СПб.: Просвещение, 1993. 317 с.
- Вернер Г.К.* Лексико-морфологический суффиктивизм как грамматическое средство в глагольной системе енисейских языков // Вестник Томск. гос. пед. ун-та, 1999. Вып. 4 (12). С. 35 - 41.
- Вернер Г.К.* К проблеме типологии элементарного предложения в кетском языке // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 1999. Вып. 4. С. 29 - 35.
- Вернер И.Г.* О личных именах современных кетов // Языки и топонимия.. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 2. С. 65 - 68.
- Виноградова Л.Е.* Существительные на -с в кетском языке // Происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 86 - 88
- Воробьева И.А.* Язык Земли. О местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 152 с.
- Гаджиев А.Г.* Древнее население Дагестана по данным краниологии. М.: Наука, 1975. 128 с.
- Галкин В.Т.* К вопросу о хронологических рамках сузгунской культуры // Хронология и культуры. принадл. памятников каменного и бронз. веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 145 - 146.
- Галкина Т.В., Осипова О.А.* А.П.Дульзон. К 95-летию со дня рождения. Томск, 1995. 74 с.
- Гальченко А.В.* Фаунистический анализ остеологического материала из андроновских поселений Алтайского края // Проблема археологии и этнографии Южн. Сибири. Барнаул, 1990. С. 57 - 62.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 586 с.
- Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799. Ч. 3 и 4. 387 с.
- Георгиев В.* Вопросы родства средиземноморских языков // Вопр. языкознания. 1954. № 4. С. 42 - 75.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372 с.
- Гюргадзе Г.Г.* К вопросу о локализации и языковой структуре каспских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вопр. хеттологии и хурритологии. М.: Изд-во вост. лит-ры. 1961. С. 161 - 210.

Громов А.В. Происхождение населения карасукской культуры в свете новых данных палеоантропологии // Методика компл. иссл. культур и народов Зап. Сибири. Томск, 1995. С. 56 - 58.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б. История Алтая. Ч.1. Др. Алтай: Пособие для учителя. Барнаул, 1997. 159 с.

Гохман И.И. Антропологические аспекты кетской проблемы. Результаты антропологических и краниологических исследований. // Кет. сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 9 - 42.

Гохман И.И. Материалы к антропологии елогуйских кетов // КСИЭ. 1963. вып. 38. С. 100 - 113.

Григорьевский И.П. Описание Васюганской тундры // Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. Об-ва. 1884. Кн. 6. с. 1 - 70.

Гулия И. Современные названия кавказских племён // Сб. мат-лов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. 1 - 38 (собств. пагинация).

Гурулёв С.А. Кетоязычная топонимия Приангарья и Прибайкалья // Топонимия СССР. М., 1990. С.25 - 33.

Гурулёв С.А. Что в имени твоём, Байкал? Новосибирск:Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 198 с.

Гурулёв С.А. Кетоязычная топонимия бассейна Байкала // Топонимика и межнациональные отношения. М., 1992. С. 108 - 118.

Гурулёв С.А. Сравнительная типология сибирских кетоязычных и североамериканских индейских топонимов // Геогр. и прир. ресурсы. 1996. № 4. С. 170 - 174.

Данченко Е.М. К вопросу о формировании потчевашской культуры // Вторые ист. чтения пам. М.П.Грязнова. Ч. 2. Омск, 1992. С. 80 - 83.

Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // Антропол. журнал. 1932. № 2. С. 26 - 48.

Дебец Г.Ф. Селькупы (Антропологический очерк) // Тр. Ин-та этногр. 1947. Т.2. С. 103 - 145.

Дебец Г.Ф. Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии // Труды Ин-та этнографии. 1959. Т. 16. С. 355 - 370.

Демьяненко З.П. Тюркско-кетские словарные общности и их отражение в долганском языке // Происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 120 - 122.

Денисов В.П. Итоги изучения памятников поздней бронзы в Прикамье // Пробл. археол. Урала. 1961. Вып. 1. С. 66 - 75.

Джаукян Г.Б. Общее и армянское языкознание. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1978. 235 с.

Дирр А.М. Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы // Сб. мат-лов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. VII+114 (собств. пагинация).

Дмитриева Л.В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Иссл. в области этимологии алт. языков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 135 - 191.

Долгих Б.О. Кеты. М.-Иркутск:ОГИЗ, 1934. 136 с.

Долгих Б.О. Племена Средней Сибири в XVII в.// Кр. сообщ. Ин-та этногр. 1949. Вып. 8. С. 35 - 47.

Долгих Б.О. Об истории родоплеменного состава кетов // Кет. сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 84 - 131.

Долгопольский А.Б. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков. М.: Наука, 1973. 398 с.

Дрёмов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андроновидных культур Западной Сибири // Изв. СОАН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1990. Вып. 2. С. 56 - 61.

Дрёмов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 261 с.

Дульзон А.П. Кетские топонимы Западной Сибири // Уч. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1959. Т. 18. С. 91 - 111.

Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Уч. зап. Том. гос. пед. ин-та. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1961а. Т. 19. Вып. 2. С. 152 - 189.

Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР. 1961б. С. 361 - 372.

Дульзон А.П. Древние передвижения кетов по данным топонимики // Изв. Всесоюз. геогр. общества. 1962а. № 6. С. 474 - 482.

Дульзон А.П. Общее название реки у кетоязычных народов // Уч. зап. Дальневост. гос. ун-та. 1962б. Вып. 5. С. 3 - 9.

Дульзон А.П. Кетские сказки и другие тексты // Уч. записки Том. пед. ин-та. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1962в. Т. 20. Вып. 2. С. 127 - 172.

Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Сибири по данным топонимики // Тр. XXV Междунар. конгресса востоковедов. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. Т. 3. С. 289 - 295.

Дульзон А.П. Кетский язык. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1968. 636 с.

Дульзон А.П. О тонах односложных слов кетского языка и их звуковых отражениях // Происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1969а. С. 102 - 108.

Дульзон А.П. О древних связях енисейских народов с чукотско-камчатскими по данным языка // Материалы конф. "Этногенез народов Сев. Азии". Новосибирск, 1969б. Вып. 1. с. 31.

Дульзон А.П. Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими // Вопр. финноугроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5. С. 31 - 36.

Дульзон А.П. Общности индоевропейских языков с енисейскими в области склонения // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1971а. Вып. 4. С. 159 - 162.

Дульзон А.П. Кетско-тюркские параллели в области склонения // Сов. тюркология. 1971б. № 1. С. 20 - 26.

Дульзон А.П. О некоторых общностях енисейских языков с индоевропейскими // Учёные записки Том. ун-та. 1971в. № 74. С. 173 - 175.

Дульзон А.П. Прапторские форманты глагольного лица // Тюркологические исследования. М.: Наука, 1986. С. 126 - 131.

Дьяконов И.М. История Мидии с древнейших времён до конца IV в. до н.э. Л.-М.:Изд-во АН СССР, 1956. 485 с.

Дьяконов И.М. Хетты, фригийцы, армяне // Переднеазит. сб. Вопр. хетто- и хурритологии. М.:Изд-во вост. лит-ры, 1961. С. 333 - 368.

Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М.:Наука, 1967.

Земля Каргасокская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 344 с.

Иберийско-кавказские языки // Яз. нар. СССР. 1967. Т.4. 712 с.

Иванов Вяч. Вс. Связи фольклора и языков обско-угорских народов с кетским фольклором и языком // Финно-угорские народы и Восток: Тезисы докладов. Тарту, 1975. С. 20 - 21.

Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983. 198 с.

Иванов Вяч. Вс. Хурритские и хаттские этимологии // Этимология 1981. М.: Наука, 1985. С. 140 - 151.

Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северо-западно-кавказским // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 26 - 59.

Иванов Вяч. Вс. Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.: Наука, 1988. С. 208 - 218.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Лингвистические вопросы этногенеза кетов в связи с проблемой вхождения их в циркумполярную область // VII Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук (Москва, август 1964 г.). М.: Наука, 1964. 12 с.

Иванов Г.Е. Саргатская керамика с поселения Островное (Степной Алтай) // Хронология и периодизация археологич. памятников Южн. Сибири. Барнаул, 1991. С. 116 - 117.

Ивановский А.А. Енисейские инородцы // Антропологический журнал. 1907. № 1-2. С. 165 - 223.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и иссл. по археол. СССР, 1951, № 23. С. 75 - 124.

Иессен А.А. Кавказ и Древний Восток в IV и III тыс. до нашей эры // Кр. сообщ. Ин-та археол. 1963. Вып. 93. С. 3 - 14.

Ильин Р.С. Природа Нарымского края. Рельеф, геология, ландшафты, почвы // Материалы по изуч. Сибири. Томск, 1930. Т. 2. 345 с.

Илюшин А.М. История изучения вопросов средневековой этнической истории Кузнецкой котловины по археологическим источникам // Четвёртые ист. чтения памяти М.П.Грязнова. Омск, 1997а. С. 56 - 61.

Илюшин А.М. О сходстве погребальных комплексов ирменской культуры и средневековья в Кузнецкой котловине (новые аспекты метода исследования археологических микрорайонов) // Археол. микрорайоны Зап. Сибири. Омск, 1997б. С. 153 - 162.

- Илюшин А.М.* Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья (по материалам из Кузнецкой котловины) // Этнич. история тюркских народов Сибири и сопред. терр. Омск, 1998. С. 91 - 94
- Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии. 1951. Т. 23. С. 75 - 124.
- Казаков А.А.* Аварийные работы в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алт. края. Барнаул, 1995. Вып. 5. Ч. 2. С. 182 - 187.
- Казаков Е.И.* Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // Сов. археология. 1979. № 1. С. 145 - 160.
- Калинина Л.И.* Русская адаптация хантыйских топонимов // Топонимика Востока. Иссл. и материалы. М.:Наука, 1969. С. 175 - 182.
- Камалов А.А.* Об основных типах гидронимов Башкирии // Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969. С. 135 - 140.
- Карабаспакова К.М.* Роль инноваций в сложении биенской культуры Семиречья // Вопр. археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 1. С. 98 - 100.
- Каргер Н.К.* Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. Учпедгиз, 1934. Ч. 3. С. 223 - 238.
- Кастрен А.М.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844, 1845-1849) // Магазин землсведения и путешествий. Географический сборник. Собрание старых и новых путешествий. М., 1860. 495 с.
- Кирюшин Ю.Ф.* Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурн. принадл. памятников каменного и бронз. веков Южн. Сибири. Барнаул, 1989. С. 59 - 63.
- Кирюшин Ю.Ф.* Миграционные процессы в Верхнем Приобье в эпоху неолита и в бронзовом веке // Палеодемография и миграц. процессы в Зап. Сибири и Средневековье. Барнаул, 1994. С. 56 - 58.
- Кирюшин Ю.Ф.* Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. Сборник, посвящ. памяти этнографов Г.Н.Грачевой и В.И.Васильева. Барнаул, 1995. С. 58 - 75.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.* Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 183 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б.* Корчажнинская культура лесостепного алтайского Приобья // Археол. иссл. на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137 - 158.
- Климов Г.А.* Абхазско-адыгейские этимологии: I (исконный фонд) // Этимология 1965. М. Наука, 1967. С. 296 - 306.
- Кляшторный С.Г.* Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Телсея и Турана) // Сов. тюркология, 1971, № 1, С. 66 - 70.
- Ковалевская В.Б.* Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984. 193 с.
- Коков Дж.Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. 33 с.
- Кондратов А.* Этруски – загадка номер один. М., 1977. 83 с.
- Конкашпаев Г.К.* Словарь казахских географических названий. Алма-Ата, 1963. 185 с.

Копкоев К.Г. "Енисейские киргизы" и этногенез хакасов // Учёные записки ХакНИИ-ЯЛИ. 1969. Вып. 13. Сер. ист. № 1. С. 21 - 38.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1964. 16 с.

Косарев М.Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири // Сов. археология. 1965. № 2. С. 242 - 246.

Косарев М.Ф. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // Из истории Сибири. 1973. Вып. 7. С. 65 - 77.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.:Наука, 1974. 166+52 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 279 с.

Косарев М.Ф., Потёмкина Т.М. Городище Чудская Гора в свете этнической интерпретации андроновидных культур Западной Сибири // Урало-Алтайстика. Археология, этнография, язык. Новосибирск:Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 32 - 38.

Косинцев П.А. Миграции в древности. Типология и классификация // Палеодемография и миграц. процессы в Зап. Сиб. в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 10 - 12.

Костров П.А. Бирюсы // Записки Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва. 1863. Кн. 6. С. 126 - 131.

Костров Н.А. Путешествие доктора Радлова через Алгай к Телецкому озеру и реке Абакану. Томск, 1881. 96 с.

Костяков М.М. Некоторые особенности пумпокольского и его место среди енисейских языков // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 9 - 13.

Костяков М.М. Время расхождения кетского и коттского языков по данным лексико-статистики // Вопросы строя енисейских языков. Новосибирск, 1979. С. 118 - 127.

Костяков М.М. Материалы по сравнительной лексикологии енисейских языков // Грамматич. иссл. по языкам Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние. 1982. С. 116 - 123.

Костяков М.М. Лексика, обозначающая географические объекты и абсолютные ориентиры в енисейских языках // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 80 - 87.

Котляков М.В. и др. Реконструкция климата голоцена по результатам изучения ледяного ядра ледника Вавилова на Северной Земле // Материалы гляциол. иссл. Хроника, обсуждения. М., 1989. С. 103 - 108.

Коцюба Д.В., Николаев Р.В. Этнография народов Сибири: Учебное пособие. Кемерово, 1994. 204 с.

[*Крашенинников С.П.*] С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.-Л.:Наука, 1966. 242 с.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 285 с.

Крейнович Е.А. Кетский язык // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. С. 453 - 473.

Кривоногов В.П. Современные этнические процессы у сургутинских и пакулихинских кетов // Народы Севера и сопред. терр. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 105 - 110.

- Кривоногов В.П.* Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск, 1998. 324 с.
- Кривошапкин М.* Об остояках, тунгусах и проч. инородцах Енисейского округа // Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва. 1863. С.39 - 86.
- Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. 375 + 188 + 68 + 3 вкл.
- Кривощёков И.Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-экономическим очерком и приложением карты уезда в границах по административно-му делению России в 1734 г. Пермь, 1910. 823 с. + 1 карта.
- Кривощёкова-Гантман А.С.* Об одной топонимической загадке // Ономастика Поволжья, 2. Горький, 1972. С. 224 - 233.
- Крупнов Е.И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии. 1951. Т. 23. С. 17 - 74.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
- Крюков М.В.* "Люди", "настоящие люди" (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этнич. ономастики. М.: Наука, 1984. С. 6 - 12.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древний Китай. Пробл. этногенеза. М.: Наука, 1978. 343 с.
- Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. 135 с.
- Кузьмина Е.Е.* Классификация погребальных сооружений племён андроновской культурной общности // Ист. чтения памяти М.П.Грязнова. Омск, 1987. Ч. I. С. 102 - 105.
- Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хаптов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 192 с.
- Кулемзин В.М.* Чулымцы за последние сорок пять лет (воспоминания этнографа) // Вопр. геогр. Сибири. Томск, 1995. Вып. 21. С. 81 - 85.
- Кусков В.П.* Краткий топонимический словарь Камчатский области. Петропавловск-Камчатский, 1967. 128 с.
- Лойцман И.Я., Попов С.А.* Топонимические названия Оренбургской области // Уч. записки Оренб. пед. ин-та. 1962. № 15. С. 69 - 82.
- Максименков Г.А.* Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 191 с.
- Малиновская С.М.* Отражение этнических традиций в исторической антропонимии селькупов // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 158-160.
- Малолетко А.М.* Опыт реконструкции языковой принадлежности носителей культур эпохи бронзы Западной Сибири // Методич. проблемы реконструкций в археол. и палеоэкологии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 191 - 206.
- Малолетко А.М.* Кетоязычные группы Сибири и их прародина по данным топонимики // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск. 1995. С. 204 - 207.
- Малолетко А.М.* Семитские элементы в языке кетов: реальность или совпадение? // Языки народов Сибири: Сборник, посвящ. 95-летию проф. А.П. Дульзона. Томск, 1995. С.122 - 123.

Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Т. 1. Предыстория человека и языка. Уральцы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999а. 281 с.

Малолетко А.М. Ещё одна версия о происхождении сихиртя // Интеграция археол. и этногр. иссл. М.-Омск, 1999б. С. 153 - 155

Марковин В.И. О происхождении северокавказской культуры // Сов. археология. 1959. № 1. С. 3 - 20.

Марр Н.Я. От шумеров и хаттов к палеоазиатам (по енисейско-остяцким материалам В.И. Анучина) // Докл. АН СССР. Серия В. 1926. Ноябрь – декабрь. С. 135 - 136.

Мартынова Г.С., Новгородченкова И.В. Раскопки поселения Лачиново-II // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 64 - 65.

Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л.: Наука, 1964. 468 с.

Матвеев А.В. Культуры андроновской семьи в бронзовом веке Западной Сибири // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 24 - 29.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П. О реконструкции погребальных сооружений саргатской культуры // Вторые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Омск, 1992. Ч. 1. С. 124 - 127.

Матвеев А.К. Древнеуральская топонимика и её происхождение // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 133 - 41.

Матвеев А.К. Географические названия Урала. Свердловск, 1980. 318 с.

Матвеева Н.П. К вопросу о датировке саргатской культуры // Пробл. хронологии и периодизации археологич. памятников Южн. Сибири. Барнаул, 1991. С. 138 - 140.

Матвеева Н.П. Ещё раз о проблемах прародины венгров // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск-СПб., 1998. Ч. II. С. 13 - 15.

Матюшин Г.Н. О проблеме энеолита Южного Урала // Пробл. хронологии и культурной принадл. археологич. памятников Зап. Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 52 - 74.

Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3. Андроновская культура на верхней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. 149 с.

Матющенко В.И. Поздняя бронза в степях Евразии и вопрос этнической интерпретации археологических комплексов // Востоковедение в Башкортостане: история и культура. Уфа, 1992. С. 42 - 46.

Матющенко В.И. Древняя история Сибири. Омск, 1999. 232 с.

Мелентьев А.Н. Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия // КСИАЭ. 1975. Вып. 142. С. 39 - 43.

Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1969. 187 с.

Мельхеев М.Н. Географические названия Приснисейской Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 144 с.

Мерперт Н.Я. Миграция в эпоху неолита и энеолита // Сов. археол. 1978. № 3. С. 9 - 28.

Милитарёв А. Услышать прошлое // Знание – сила. 1985. № 7. С. 9-12; № 8. С. 14 - 16.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 637 с.

[Миллер Г.Ф.]. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф.Миллера // История Сибири. Первоисточники. Вып. 6. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 312 с.

Мозильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Пробл. археол. и древн. истории угров. М.: Наука, 1972. С. 66 - 86.

Мозильников В.А. К этнокультурной ситуации на Алтае в скифское время // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 29 - 32.

Мозильников В.А. О развитии процесса тюркизации южнотаёжного Прииртышья // Востокведение в Башкортостане: история, культура. Уфа, 1992. С. 91 - 94.

Мозутаев М.К. Хантыйско-русский словарь. Томск, 1996. 348 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985, 200 с.

Мошкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Материалы Ин-та археологии. 1972. № 153. С. 87 - 118.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.:Наука, 1975. 416 с.

Мурзаев Э.М. Словарь географических терминов. М.: Мысль, 1984. 654 с.

Нечай М.Н. Субстратная топонимия Среднего Прииртышья // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. С. 127 - 134.

Никанорова Е.Е., Якунов Р.И. Об андроновских традициях в орнаменте // Интеграция археол. и этногр. иссл. Омск-СПб., 1998. Ч. 2. С. 29 - 30.

Николаев Р.В. Общие элементы в кетских и хакасских эпических сказках // Сов. этнография. 1974. № 1. С. 145 - 150.

Николаев Р.В. Некоторые аспекты проблемы этногенеза и ранней истории кетов // Пробл. этногенеза и этнич. истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 111 - 120.

Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.:Мысль, 1966. 510 с.

Обручев В.А. Геологический обзор золотоносных районов Сибири. Западная Сибирь. СПб., 1911. 142 с.

Обыдёнов М.Ф. Некоторые вопросы угорского культурогенеза // Востокведение в Башкортостане: история и культура. II. Уфа, 1992. С. 99 - 101.

Отчет о действии Катунской золотоискательской партии в 1843 году // Горн. журн. 1844. Ч. 2. Кн. 6. С. 339 - 349.

Основы иранского языкознания. М.: Наука, 1979. Древнеиранские языки. 388 с.; Среднеиранские языки. 1981. 544 с.; Новоиранские языки. Вост. группа. 1987. 720 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 478 с.

Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб, 1773-1788 [3 части в 5 томах] Ч. 1. XII+657+116; Ч.2. III+476+117+571 с.; Ч. 3. XVI+624+480 с.;

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. I. Сводные таблицы и краткие выводы. СПб., 1912. 176 с.

Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М., 1833. 298 + 8 с.

Пиотровский Б.Б. Поселение медного века в Армении // Сов. археология. 1949. Т. X. С. 171 - 184.

Поленова Г.Т. Местоименные грамматические показатели в енисейских и кавказских языках // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 67 - 77.

Полосымак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. 144 с.

Полунин Ф. Географический лексикон Российского государства. М., 1777. 479 с.

Попова В.Н. Словарь географических названий Павлодарской области. М., 1994. Ч. 1. 202 с.; Ч. 2. 203 - 511 с.

Поротова Т.И. Кетско-коттские параллели в области числа существительных // Происхожд. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 26 - 28.

Поротова Т.И. Кетские имена // Языки и топонимия. Томск, 1977. С. 80 - 87.

Поротова Т.И. О средствах и способах выражения множественности в енисейских языках по материалам XVIII в. // Языки народов Сибири. Томск, 1995. С. 78 - 85.

Поротова Т.И., Гайер Р.С., Денинг Р.Ф. О Томском научном центре по изучению кетского языка // Палеоазиатские языки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 179 - 213.

Поселов Е.М. Школьный топонимический словарь. М.: Просвещение, 1988. 224 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 3. 372 с.

Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. 1. XVIII + 568 + XVIII с.; Т. 2. V + 437 + XV с.

Потапов Л.П. Этнографический очерк земледелия у алтайцев // Труды Ин-та географии. 1952. Т. 18. С. 173 - 198.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 308 с.

Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 96 - 103.

Прокофьев Г.Н. Числительные в самодийских языках // Советский Север. 1939. № 4. С. 5 - 25.

Рагозин В. Волга. СПб., 1881. Т. 3. 495 с.

Рассадин В.И. Этапы истории тофаларов по языковым данным // Материалы конф. "Этногенез народов Сев. Азии". Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 223 - 226.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высш. шк., 1978. 528 с.

Росс Ф. С. Трудные слова // В мире науки. 1991. № 6. С. 66 - 76.

Савина В.И. Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. М.: Наука, 1971. 346 с.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Севертян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 768 с.

Сегал Д.М. Фонология кетского языка // Кет. сборник. Лингвистика. М.: Наука, 1968. С. 26 - 74.

Семёнов В.А. Древняя культура – афанасьевская культура и проблема прототюркской миграции на восток // Смена культур и миграции в Зап. Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С.17 -19.

Семёнов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. 1863. Т.1. 716 с.; 1865. Т. 2. 898 с.; 1867. Т. 3. 743 с.; 1873. Т. 4. 967 с.; 1885. Т. 5. 1000 с.

Семёнов Б.С. Енисейские остяки // Сибирский рассвет. Барнаул, 1919. Вып. 5. С.93 - 101.

Серебренников Б.А. История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1974. С. 237 - 256.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 768 с.

Скобелев С.Г. Аборигены Красноярской лесостепи в позднем средневековье (по данным археологии) // Аборигены Сибири: проблемы изуч. исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 39 - 42.

Словарь географических названий арабских стран. М.: Наука, 1973. Т. 2. 407 с.

Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. // Материалы и иссл. по археол. СССР. 1951. № 23. С. 226 - 272.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. С.379.

Соколов Д.В. Геологические исследования, проведённые в Минусинском уезде Енисейской губ. // Изв. Геол. ком-та. 1914. № 9. С. 929 - 982.

Список населённых мест по сведениям 1859 г. LX. Томская губерния. СПб., 1868. 148 с.

Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971. 296 с.

Сравнительные словари всех языков и наречий. СПб., 1789. Ч. 1. С. 8+411; 1789. Ч. 2. С. 4+491+5.

Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790. Ч. I. 341 с.; 1790. Ч. II. 499 с.; 1791. Ч. III. 518 с.; 1791. Ч. IV. 618 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. Т. 1. 672 с.; 1977. Т. 2. 992 с.

Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 144 - 237.

Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском фонде // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 74 - 94.

Старостин С.А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кет. сб. Лингвистика. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1995. С. 176 - 315.

Старчевский А.В. Сибирский переводчик по линии строящейся Сибирской и Уссурийской железных дорог и по пароходным Сибирским рекам. СПб., 1893. 416 с.

Степанов А. Енисейская губерния. СПб., 1835. 276 с.

Суперанская А.В. Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 188 - 198

Суперанская А.В. Имя через века и страны. М., 1990. 192 с.

Татаринцев Б.Н. О кетских гидронимах Тувы // Языки и топонимия (Материалы IV Всесоюз. конфер. по проблеме происхожд. аборигенов Сибири и их языков). Томск:Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 94 - 95.

Тенишев Э.Р. О языках киргизов уезда Фуюй (КНР) // Вопр. языкознания. 1961. № 1. С. 88 - 97.

Терёшкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. М.-Л.: Наука, 1961. Ч. 1. 204 с.

Терёшкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 544 с.

Техов Б.В. Археологические раскопки 1962 г. в Южной Осетии // Сов. археология. 1965. № 2. С. 145 - 158.

Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. - 239 с.

Тимонина Л.Г. Енисейская культурная лексика тюркского происхождения // Вопр. структуры языка. М.: Наука, 1986. С. 69 - 79.

Тимонина Л.Г. Общенейсейская лексика в коттском языке // Языки и топонимия. VI. Томск, 1978. С. 114 - 124.

Ткачёва Н.А., Винокурова Е.И. Погребальный обряд андроновских племён Верхнего Прииртышья // Вопр. археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. С. 69 - 70.

Токарев С.А. Пережитки родовых отношений у хакасов // Тр. Ин-та этнографии. 1952. Т. 18. С. 108 - 144.

Топоров В.Н. О некоторых кетско-селькупских типологических параллелях // Вопр. структуры языка. М.: Наука, 1964. С. 117 - 129

Топоров В.Н. Из этимологии енисейских языков (к вопросу об одном ряде соответствий пумпокольскому т) // Этимология 1965. М.: Наука, 1967. С. 311 - 320.

Топоров В.Н. Материалы к сравнительно-исторической фонетике енисейских языков. Аринско-енисейские соответствия (часть I) // Кет. сборник. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1968. С. 277 - 330.

Топоров В.Н. К вопросу о типологической близости енисейских языков и бурушаски // Происх. аборигенов Сибири и их языков. Томск:Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 217 - 220.

Топоров В.Н. О следах старого иранского культурно-исторического переживания у енисейских кетов // Активные вопросы иранистики и сравн. индоевр. языкозн.: Тез. докл.. М., 1970. С. 19 - 22.

Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981. С. 146 - 162.

Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Об изучении имсни в кетском // Кет. сборник. Лингвистика. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1968. С. 229 - 246.

Третьяков П. Туруханский край // Записки Русск. геогр. об-ва. 1869. Т. 2. С. 215 - 530.

Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный века Сибири. Новосибирск, 1974. С. 32 - 47.

Груфанов А.Я. О судьбе ирменской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронз. веков. Барнаул, 1988. С. 115 - 117.

- Тугаринов А.Я.* Андроновские могилы // Сибирская живая старина. Иркутск, 1926. Вып. 1(3). С. 153 - 158.
- Тугалуков В.А.* Тунгусы (эвенки, эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 285 с.
- Тугалуков В.А.* Межэтнические связи и культура приангорских эвенков в XVII-XVIII вв. // Пробл. этногенеза и этнич. истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С.148 - 158.
- Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 144 с.
- Уманский А.П.* К вопросу о периодизации большереченской культуры // Скифское время Алтая. Барнаул, 1986. С. 32 - 36.
- Успенский Б.А.* Замечания по типологии кетского языка // Вопр. структуры языка. М.: Наука, 1964. С. 149 - 156.
- Феер Б.Б.* Тоны в кетском языке (История вопроса) // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 27 - 29.
- Филимонов М.В.* Кето-шумерика: экономика и культура (материалы к этимологическому словарю) // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа-Томск, 1999. С. 218 - 223.
- Филимонов М.В.* Введение в протоенисейскую лингвоэзотерию // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Уфа-Томск, 1999. С. 223 - 230.
- Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774. 631 с. + 2 карты.
- Формозов А.А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 39. С. 3 - 19.
- Хабарова С.В.* О проникновении алакульских групп на территорию верхней Оби // Палеодемография и миграц. процессы в Зап. Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 64 - 66.
- Хабарова С.В.* О сходстве фёдоровского (андроновского) и черкаскульского погребальных обрядов (к вопросу о роли природного и культурного фактора) // Экология древнего и соврем. общества. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера. 1999. С. 183 - 185.
- Хайдаков С.М.* Топонимы арчинской языковой территории // Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969. С. 132-135.
- Хайдаков С.М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.:Изд-во Наука, 1973. 180 с.
- Ханмагомедов Х.Л.* Топонимия Дагестана. Красноярск:Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 244 с.
- Хелимский Е.А.* Keto-Uralika // Кет. сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. С. 238 - 251.
- Хелимский Е.А.* Архивные материалы XVIII в. по енисейским языкам // Палеоазиатские языки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С. 179 - 213
- Хлобыстин Л.П.* Поселение Липовая Курья. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 65 с.

- Хлобыстина М.Д.* Этно-культурные соответствия в древней истории Южной Сибири // Материалы конф. "Этногенез народов Сев. Азии". Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 79 - 81.
- Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 384 с. + XXIX табл.
- Чебоксаров Н.Н., Трофимова Т.А.* Антропологическое изучение манси // Кр. сообщ. Ин-та матер. культуры. 1941. Вып. 9. С. 28 - 39.
- Чеканинский И.А.* Следы шаманского культа в русско-тунгусских поселениях на реке Чуне // Этнограф. обозрение. 1914. № 3-4. С. 70 - 73.
- Чернецов В.Н.* Проблемы заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии // Краткие сообщения Ин-та материальной культуры. 1941. Вып. 9. С. 14 - 28.
- Чикишева Т.А.* Особенности динамики антропологического состава населения Горного Алтая в древности от неолита до нашей эры // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИЛиЭ СО РАН, 1998. С. 631 - 643.
- Членова Н.Л.* Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Происхожд. аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 143 - 146.
- Членова Н.Л.* Датировка ирменской культуры // Пробл. хронологии и культурной принадлежности археологич. памятников Зап. Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С.143 - 163.
- Членова Н.Л.* Хронология памятников карасукской эпохи // Материалы исследований по археологии. 1972. № 182. 248 с.
- Членова Н.Л.* Ирменская культура и её локальные варианты // Происхожд. аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 207 - 209.
- Членова Н.Л.* Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Этногенез и этнич. история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 223 - 230.
- Членова Н.Л.* Роль миграций в сложении карасукской и ирменской культур Сибири // Палеодемография и миграц. процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 75 - 77.
- Шабатов В.Б.* Проявление черт активности и эргативности в использовании личных показателей кетского языка // Палеоазиатские языки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. С.251 - 261.
- Шагиров А.К.* Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгейских языков. М.: Наука, 1982. 164 с.
- Шамиин А.Б.* Хозяйство населения большереченской культуры переходного времени Барнаульского Приобья // Социально-экономич. структуры древних обществ Зап. Сибири. Барнаул, 1997. С. 79 - 84.
- Шевченко А.В.* Современное состояние палеоантропологической изученности черкаскульской культуры // Этнич. история торкоязычных народов Сибири и сопред. территорий. Омск, 1984. С. 44 - 50.
- Шиллинг Е.М.* Из истории одного земледельческого культа // КСИЭ. 1946. № 1. С.32 - 34.

Шорин А. Ф. Основание датировки древностей черкаскульского и межовского типов // Пробл. хронологии и периодизации археологич. памятников Южн. Сибири. Барнаул, 1991. С. 85 - 86.

Шуровский Г. Геологическое путешествие по Алтаю с историческими и статистическими сведениями о Колывано-Воскресенских заводах. М., 1846. X+426+V с.

Эдельштейн Я. С. К вопросу об определении границ округа охраны озёр Шира, Иткуль и Шунет в Минусинском уезде // Изв. Геологического комитета. 1914. № 9. С. 388- 426.

Яйленко В. П. Религиозно-мифологические представления древних енисейцев, реконструируемые по фольклорным образам их культурных героев // Пробл. историч. интерпретации археол. и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 107 - 109.

Harmatta I. Proto-Iranians and proto-Indians in Central Asia in the 2nd Millennium B.C. (linguistic evidence) // Этнич. проблемы истории Центр. Азии в древности (II тыс. до н. э.). М.: Наука, 1981. С. 75 - 83.

СПИСОК

работ А.М.Малолетко по кетской тематике

1. Кетские и самодийские топонимы на Алтае // Языки и топонимия Алтая. Барнаул. 1977. С. 14-15.
2. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 182 с.
3. Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимия Алтая // Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 122 с.
4. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Этнокультурная интерпретация археологических памятников Васюганья // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1985. С. 69-72.
5. Культовая лексика в гидронимике Западной Сибири // Мировоззрение народов Зап. Сибири по археол. и этнографич. данным. Томск, 1985. С. 85-87.
6. Топонимика скифских районов Алтая // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 70-75.
7. Топонимы большереченского времени в бассейне Верхней Оби // Историч. чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Скифо-Сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск, 1987. С. 138-141.
8. Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. 206 с.
9. Опыт реконструкции языковой принадлежности носителей культур эпохи бронзы Западной Сибири // Методич. проблемы реконструкций в археол. и палеоэкологии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 1989. С. 191-206.
10. Палеотопонимы как показатель языковой принадлежности носителей археологических культур // Пробл. историч. интерпретации археол. и этногр. источников Зап. Сибири. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1990. 81-83.
11. О датировке топонимов // Пробл. хронологии и периодизации археол. памятников Южн. Сибири. Тезисы докл. к Всес. научной конф. (3-5 апреля 1991 г.). Барнаул. 1991. С. 176-178.
12. Палеотопонимика. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1992. 264 с.
13. Тюркско-кетские контакты в бассейне Иртыша // Культурно-генетические процессы в Зап. Сибири. Томск. 1993. С. 156-157.
14. Древнее население Шории по данным топонимии // Там же. С. 157-160.

15. Этнический состав древнего населения Шории по данным топонимики // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово: Кузбасвузиздат, 1992. С. 12-28.
16. Топонимы как исторические памятники // Охр. и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул. 1993. С. 43-46.
17. Древнейшие элементы в языке и топонимии уральцев // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. С. 79-91.
18. О языке и самоназвании андроновцев – федоровцев // Палсодемография и миграционные процессы в Зап. Сибири в древности и средневековье. Барнаул. 1994. С. 59-60.
19. Древнее население низовой Томи по данным топонимии // Северск. История и современность. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1994. С. 42-44.
20. Топонимия Приенисейского края // Там же. С. 100-119.
21. Семитские элементы в языке кетов: реальность или совпадение? // Языки народов Сибири. Сб., посвященный 95-летию профессора А.П. Дульзона. Томск. 1995. С. 122-123.
22. Введение в географическую ономастику (учебное пособие). Томск: Изд-во Том. ун-та. 1995. 123 с.
23. Кетоязычные группы Сибири и их прародина по данным топонимии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тез. Междунар. Конф. Новосибирск. 1995. С. 204-207.
24. Топонимика и археология: опыт сотрудничества // Интеграция археол. и этногр. исслед. Мат-лы 3-го Всеросс. научн. семинара, посвященн. 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. Ч. 2. 1995. С. 66-69.
25. Археологические и топонимические аномалии Васюганья // Актуальные пробл. Сибирской археологии. Тез. докл. к конф. Барнаул. 1996. С. 94-97.
26. Малолетко А. М., Кирюшин Ю. Ф. Этноархеология Васюганья // Интегр. археол. и этногр. иссл. Мат-лы 4-го Всеросс. научного семинара, посв. 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. Новосибирск-Омск. 1996. С. 7-13.
27. Отражение хозяйственной деятельности коренного населения Сибири и Русского Севера в географической терминологии и топонимии // Социально-экономич. Структуры древних обществ Западной Сибири. Мат-лы Всеросс. конф. Барнаул, 1997. С. 205-209.
28. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Том 1. Предыстория человека и языка. Уральцы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 281 с.
29. Имя кетов на ранней карте Сибири // Проблемы документации исчезающих языков и культур. Мат-лы Междунар. конф. "21-е Дульзоновские чтения" (Ч. 1). Уфа-Томск, 1999. С. 147-150.
30. Археологические культуры кетского происхождения // Там же. С. 150-155.
31. Забытые географические термины (вслед за А. Гумбольдтом) // Александр Гумбольдт и российская география. Мат-лы Междунар. конф. Барнаул. 23-25 мая 1999 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 30-33.
32. Географическая ономастика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 168 с.
33. Древние народы Сибири. Т. 2. Кеты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 312 с.

34. Границы древнекетской территории по данным топонимии // Пространство и культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 168-171.

35. Этническая карта Алтайского региона в I тыс. до н. э. (по археолого-топонимическим данным) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. университета, 2001. С. 4—5.

36. Кавказские истоки древнего населения Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. IX Междунар. научн. семинар. Нальчик-Омск, 2001. С.164-169.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Как рождалась идея (вместо предисловия).....	3
Глава 1. Кеты ныне и в недалёком прошлом	10
Расселение кетов по историческим данным.....	10
Имена кетов на картах Сибири.....	26
Этнонимы.....	32
Родовые имена.....	39
Личные имена	41
Антропология.....	44
Языки	49
Кетские словари.....	56
Языковые схождения.....	61
Глава 2. Кетская топонимия	77
Кетские географические термины.....	77
Топонимы.....	97
Структура топонимов.....	144
Семантика топонимов.....	149
Топонимические арсалы (микрорайоны).....	155
Возраст топонимов.....	158
Адаптация топонимов.....	161
Глава 3. Поиски родства	163
Переднеазиатские предки кетов.....	163
Кавказ как промежуточная родина кетов (археологические данные).....	167
Глава 4. Андроновцы как предки кетов	176
Андроновская культура.....	176
Дочерние культуры.....	191
Внучатые культуры.....	205
Языки носителей культуры андроновской семьи.....	217
Глава 5. Кеты в Сибири	221
Крайние рубежи ойкумены.....	221
Этническая карта в эпоху бронзы.....	225
Поздние этнические контакты.....	228
Этнические группы.....	229
Миграции.....	230
Рефугиумы.....	243
Следы кетов у народов Сибири.....	249
Взаимоотношения кетоязычных племён.....	257
Кто вы, кеты? (вместо заключения)	259
Сокращения названий языков	262
Литература	263
Список работ А.М.Малолетко по кетской тематике	282

Научное издание

Алексей Михайлович Малолетко

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ
Этнический состав по данным топонимики
Том II
Кеты

Редактор *Е.В. Лукина*
Компьютерная верстка *Г.П. Орлова*

Лицензия ЛР 040749 Подписано к печати 19.02 2002.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Печать плоская. Печ. л. 18; усл.печ. л 17,5; уч.-изд. 16,74.
Тираж 300. Заказ № 164

Издательство ТГУ, 634029.Томск, ул. Никитина, 4
Типография «Иван Федоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз 1